

ПОДЪ ЗВОНЪ МЕЧЕЙ.



238
21

801-11
431

~~Одъ звѣвъ мечей~~

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ
СѢВЕРА и ЗАПАДА ЕВРОПЫ

КЕЛЬТІЙСКІЯ, СКАНДИНАВСКІЯ, ГЕРМАНСКІЯ и ФИНСКІЯ.

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ

П. Н. Полевого.

Съ рисунками Г. Доре, Н. Каразина, Шноррь фонъ Карольсфельда, Гарнака и друг.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. ф. Девріена.

Дозволено цензурою 16 Ноября 1898 г. С.-Петербургъ.



Типографія А. Бенке,  Новый переулочъ № 2.



2007085921

Предисловіе.

Мы собрали въ этой книгѣ древнѣйшія сказанія Европейскаго Сѣвера и Запада: — скандинавскія, средне-германскія, англо-саксонскія, кельтійскія и финскія. Мы начали съ пѣсенъ Сэмундовой Эдды, наивно повѣствующей намъ о странствованіяхъ и приключеніяхъ боговъ, изъ своего небеснаго чертога спустившихся на землю, о борьбѣ ихъ съ волшебниками и чародѣями, съ чудовищными драконами и змѣями-хранителями безцѣнныхъ кладовъ, наполненныхъ несмѣтными сокровищами. Мы перешли потомъ къ сказаніямъ Германцевъ, въ которыхъ сумрачная основа скандинавскихъ пѣсенъ о Нифлунгахъ перешла въ болѣе близкую и понятную намъ форму рыцарской эпопеи, миѣческіе герои обратились въ храбрыхъ рыцарей, ловко владѣющихъ конемъ и копьемъ, а вѣщія дѣвы-валкиріи — въ гордыхъ королевъ и графинь, окруженныхъ покорными вассалами. Вслѣдъ за кровавой и полной трагизма «пѣсней о Нибелунгахъ», мы помѣстили превосходное сказаніе о Беовульфѣ, многими чертами своими напоминающее дивныя, никогда не прискучающія пѣсни Гомера.

Оригинальное по замыслу и любопытное по приёмамъ изложенія, по подробностямъ быта, по силѣ и яркости образовъ, это сказаніе о Беовульфѣ, сколько намъ извѣстно, еще впервые является въ русской литературѣ изложеннымъ въ формѣ, доступной для юныхъ читателей... Вслѣдъ за этимъ сказаніемъ, которое, очевидно, родилось среди народа, всю жизнь проводившаго на волнахъ «много-шумящаго» моря, въ вѣчной борьбѣ съ бурями и опасностями туманной морской дали, мы помѣстили цѣлый рядъ игривыхъ и замысловатыхъ рыцарскихъ повѣстей, въ которыхъ героями являются смѣлые и неустрашимые вассалы короля Артура, вѣчно пирующие за его «круглымъ столомъ» или странствующие въ поискахъ за приключеніями. Эти Передуры, Овенны и Гераны — прототипы тѣхъ рыцарей «безъ страха и упрека», которыми въ изобиліи переполнены средне-вѣковые рыцарскіе романы. Но рыцарскія странствованія, приключенія и подвиги мужества, въ концѣ-концовъ, при-скучаютъ; воображенію читателя, естественно, хочется отдохнуть, отвлечься въ иную сторону, позабыться въ мірѣ фантастическихъ грезъ и мечтаній; и вотъ, тотчасъ послѣ сказаній о рыцаряхъ «Круглаго стола», мы даемъ игривыя и простодушныя сказанія Калевалы о баснословныхъ герояхъ — вдохновенномъ пѣвцѣ Вейнемейненѣ, грубоватомъ Ильмариненѣ и веселомъ Леминкайненѣ, — и заключаемъ нашу книгу граціозными легендами о феяхъ и эльфахъ, которыя такъ часто вдохновляли поэтовъ, и воспоминаніями о первыхъ поэтахъ — о кельтійскихъ бардахъ, уже въ началѣ новой эры составлявшихъ сословіе, съ особыми правами, обязанностями и обычаями...

Мы дали нашей книгѣ заглавіе — «Подъ звонъ мечей» — потому, что всѣ приведенныя здѣсь сказанія, заим-

ствованныя изъ давнихъ временъ европейской исторической жизни, представляютъ собою не болѣе, какъ одинъ нескончаемый отголосокъ тѣхъ битвъ и борьбы за существованіе, которыя вынесены были человѣчествомъ въ періодъ варварства и въ первые вѣка христіанства, еще не успѣвшаго укорениться, не успѣвшаго просвѣтитъ народы, и смягчить ихъ нравы...

Въ поэтическихъ сказаніяхъ, дошедшихъ до насъ въ болѣе поздней, значительно сглаженной формѣ, все еще чувствуются нами тѣ страшныя усилія, тѣ ужасы и опасности, которыя переживало и выносило человѣчество въ различные періоды его возрастанія и развитія — въ періоды борьбы съ природой и ея стихіями, и съ тѣми новыми и постоянно возобновлявшимися нашествіями на Европу дикихъ кочевниковъ, въ которыхъ тоже было нѣчто стихійное, сокрушительное, неодолимое.

Въ сказаніяхъ, собранныхъ и переданныхъ нами здѣсь, всюду еще слышится тотъ «звонъ мечей», который представлялся нѣкогда единственнымъ способомъ въ рѣшеніи насущныхъ вопросовъ исторической жизни... Способомъ, — увы! — и теперь еще не забытымъ, но все же болѣе и болѣе утрачивающимъ свое значеніе въ нашъ вѣкъ преобладанія духовныхъ и нравственныхъ стремленій надъ проявленіями грубой физической силы...

И можетъ быть тѣ, которые будутъ читать въ нашей книгѣ о древнихъ богатыряхъ и герояхъ, о ихъ кровавыхъ расправахъ и мужествѣ, безумно-растраченномъ на борьбу съ препятствіями и опасностями, еще разъ подумаютъ:

— «Какъ это хорошо, что мы живемъ не въ то отдаленное, сумрачное и туманное время битвъ и борьбы!..

Какъ хорошо, что мы принадлежимъ къ вѣку, въ кото-
рый звонъ мечей становится все болѣе и болѣе отдален-
нымъ, а подвиги труда, — это торжество человѣческой
мысли и воли — все болѣе и болѣе отодвигаютъ на задній
планъ подвиги личнаго мужества и проявленія силы».

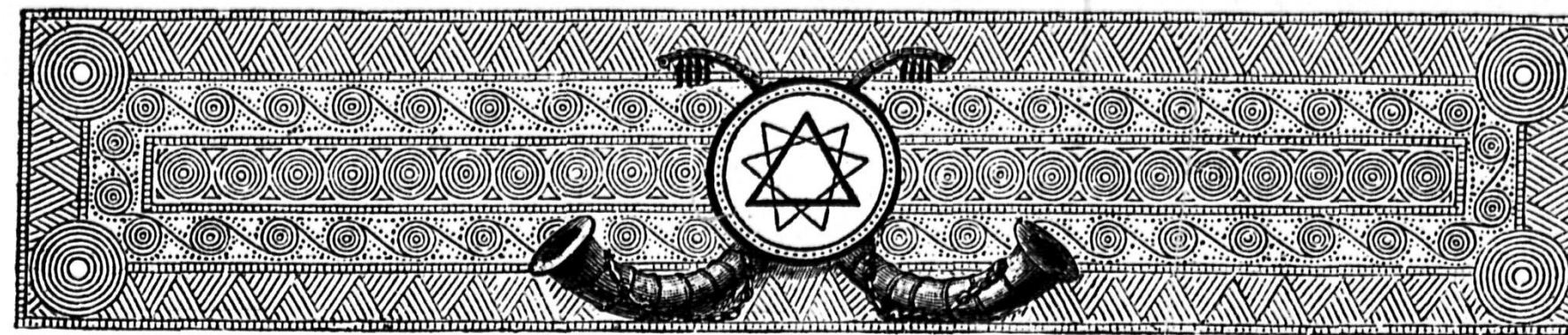
Но отдадимъ честь и прошлому, и скажемъ вмѣстѣ съ
нашими народными пѣвцами:

«То старина, то и дѣяніе»...

П. Полевой.

31 октября 1898 г.





Въ Копенгагенѣ, въ королевской библіотекѣ, богатой всякими книжными и рукописными сокровищами, хранится одна драгоцѣнная, древняя рукопись... Она четко и красиво написана, на толстомъ пергаментѣ; всѣ страницы этой объемистой рукописи, потертая и обветшалая, испещрены въ два столбца писанными короткими стихотворными строками и разукрашены хитросплетенными заглавными буквами, размалеванными красною киноварью... На ея заглавномъ листѣ стоитъ краткая, но весьма краснорѣчивая надпись: «Эдда Сэмунда многознающаго».

«Эдда»—название обширнаго сборника древнихъ скандинавскихъ народныхъ пѣсень о языческихъ богахъ, которымъ, до введенія христіанства, поклонялись Норманны, жившіе въ Скандинавіи (нынѣшней Швеціи), и о тѣхъ древнихъ герояхъ, которые представлялись Норманнамъ образцами доблести и мужества. Но какъ же могли сохраниться эти остатки сѣдой древности? Какъ могли они дойти до насъ сквозь тьму вѣковъ и пережить десятки поколѣній? Какъ могли они уцѣлѣть отъ ревности монаховъ—проповѣдниковъ, съ такою яростью уничтожавшихъ даже и малѣйшіе слѣды языческихъ вѣрованій, обрядовъ и памятниковъ?

На эти вопросы мы можемъ отвѣтить, что древняя «Эдда» уцѣлѣла и сохранилась до нашего времени, благо—

даря случайно-сложившимся, благопріятнымъ историческимъ обстоятельствамъ и условіямъ древне-сѣверной жизни. Дѣло въ томъ, что съ конца IX вѣка весьма значительная часть населенія Норвегіи и Швеции переселилась мало по малу изъ родной страны на берега далекой и него-степримной Исландіи, незадолго до того времени открытой скандинавскими мореходами. Поводомъ къ этому переселенію послужило то, что смѣлый Гаральдъ Гарфагеръ, окончательно завоевавъ и покоривъ Норвегію, сталъ вводить въ ней новые феодальные порядки, которымъ мѣстное населеніе не желало подчиняться... И вотъ, эти недовольные стали покидать родину и селиться въ Исландіи, гдѣ, мало-по-малу, ихъ отдѣльныя общины слились въ одно свободное государство, устроенное по древнему норвежскому уставу и обычаю.

Такимъ образомъ древній скандинавскій духъ, со всѣми свойственными ему проявленіями—религіей, поэзіей и бытомъ—пріютился въ Исландіи и продержался здѣсь еще около 200 лѣтъ, недоступный никакимъ постороннимъ вліяніямъ. Вотъ почему въ Исландіи, еще свободнѣе и пышнѣе, чѣмъ на родной скандинавской почвѣ, могла разцвѣсть и народная поэзія, поддерживаемая особымъ сословіемъ скальдовъ, или пѣвцовъ, собиравшихъ древнія сказанія и излагавшихъ эти сказанія въ формѣ стройныхъ пѣснопѣній. Всѣ относились къ скальдамъ съ уваженіемъ, а къ ихъ пѣснямъ съ любовью, и эти пѣсни признавались лучшею услудою пировъ и празднествъ.

Христіанство проникло въ Исландію въ XI вѣкѣ; но и оно никому въ Исландіи не внушило отвращенія къ языческой старинѣ:—никто не спѣшилъ уничтожать память о ней, оживляемую вдохновенными пѣснями скальдовъ... Поэтому не удивительно, что и очень рано, среди населенія Исландіи, уже просвѣщаемого христіанствомъ, явились страстные собиратели древнихъ пѣсенъ о богахъ и герояхъ. Особенно любопытно то, что однимъ изъ старѣйшихъ собирателей и составителей древней Эдды явилось лицо

духовное—нѣкто Сэмундъ Сигфуссонъ, жившій въ концѣ XI вѣка и скончавшійся около 1133 года. Онъ принадлежалъ къ одному изъ почетнѣйшихъ родовъ Исландіи, получилъ образованіе въ Парижѣ и, вернувшись на родину въ 1106 г., вступилъ въ духовное сословіе. Какъ человѣкъ не только образованный, но даже ученый, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ средѣ современниковъ своихъ и тѣ не даромъ дали ему прозвище «многознающаго» (hinn fröðhi). Подлинникъ Сэмундова сборника пѣсенъ древней Эдды не дошелъ до насъ; но епископу Бриніольфу Свейнсону, ревностному собирателю скандинавскихъ рукописей, удалось отыскать въ Исландіи (въ 1643 г.) одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Сэмундова сборника, на которомъ онъ и выставилъ вышеприведенную нами надпись: «Эдда Сэмунда многознающаго».

Сэмундова Эдда состоитъ изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, сложенныхъ на древнемъ сѣверо-германскомъ (скандинавскомъ) нарѣчій; всѣ эти пѣсни изложены въ весьма краткой и сжатой стихотворной формѣ. По содержанію, эти пѣсни распадаются на сказанія о богахъ и сказанія о герояхъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, которымъ приданъ характеръ словеснаго состязанія или спора, излагаются понятія древнихъ Скандинавовъ о мірозданіи и о всѣхъ девяти мірахъ, составныхъ частяхъ вселенной. Въ одной изъ пѣсенъ Эдды рассказывается подробно, какъ богъ Фрей сватался за дочь великана, Герду; въ другой, какъ богъ Хеймдалъ сходилъ на землю для учрежденія отдѣльныхъ сословій и установленія взаимныхъ отношеній между людьми. Въ другихъ излагаются отдѣльные эпизоды изъ странствованій по землѣ высшаго бога, мудраго Одина, который, въ одеждѣ странника, въ темномъ широкомъ плащѣ и въ пуховой шляпѣ, нахлобученной на глаза, опираясь на свое копье, обходитъ всю землю и слѣдитъ за дѣяніями смертныхъ; рассказываются также и приключенія родственныхъ ему азовъ (высшихъ, свѣтлыхъ боговъ) и различные эпизоды изъ ихъ вѣчной, нескончаемой борьбы съ мрачными іотунами (вели-

канами), а въ одной изъ такихъ пѣсенъ предсказывается даже грядущая гибель азовъ и всего созданнаго ими міра. Рядомъ съ высшими божествами, съ всеильными азами, въ пѣсняхъ Эдды упоминаются и низшія божества — мощные іотуны (гиганты) и хитрые, искусные карлики, и вѣщія воин-

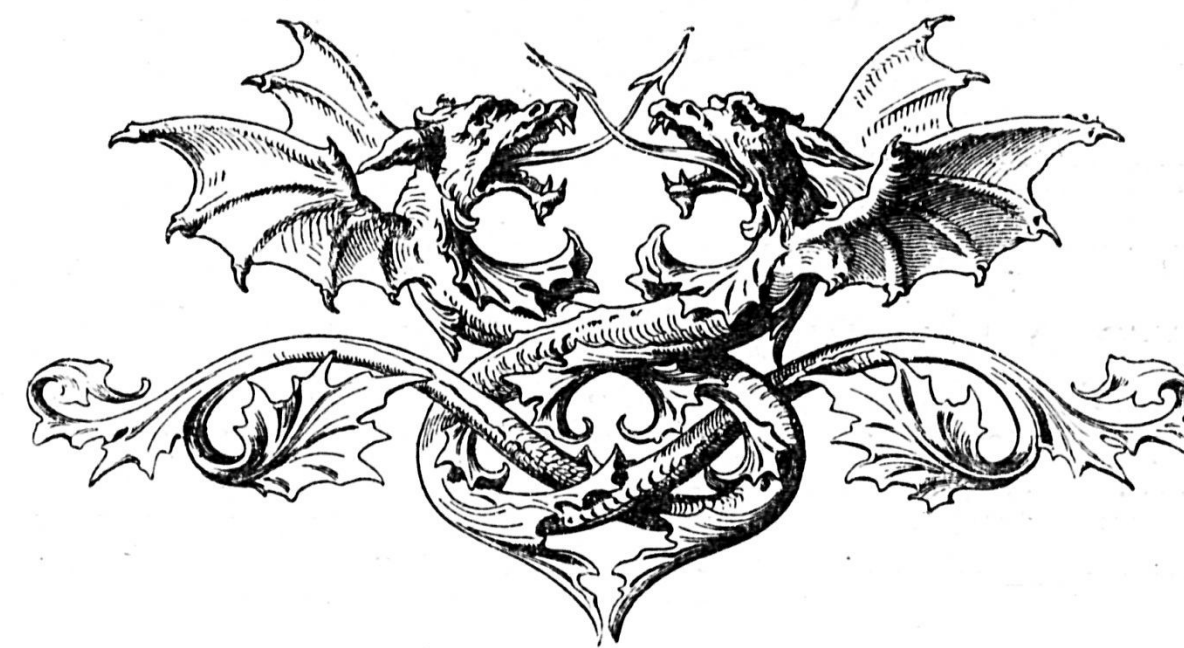


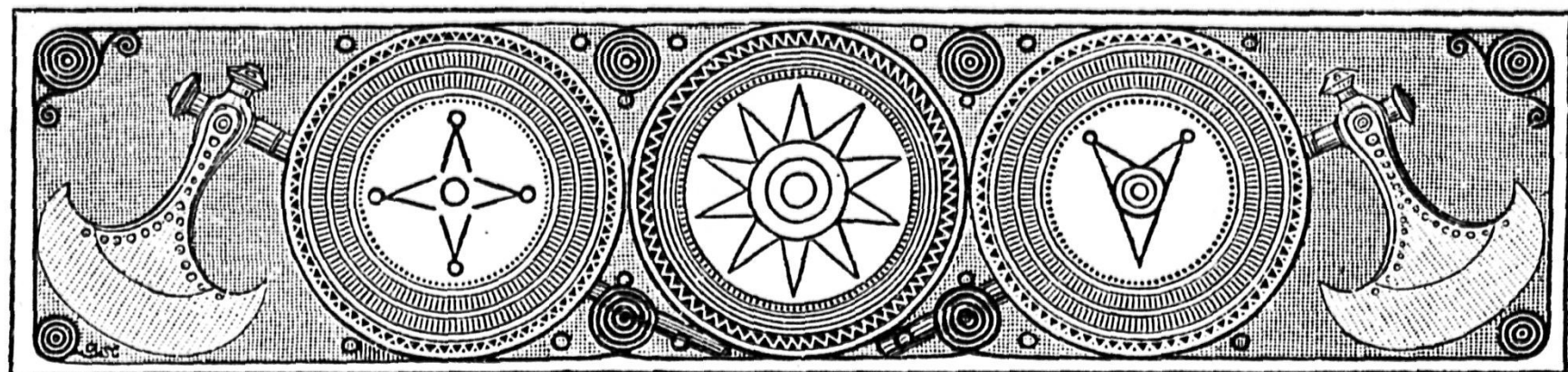
Одинъ, высшее божество Скандинавовъ.

ственные дѣвы (валкирии) и вѣщія звѣри и птицы, предсказывающіе людямъ ближайшее будущее, предостерегающіе избранныхъ между ними отъ угрожающихъ опасностей.

Пѣсни Эдды о герояхъ рассказываютъ намъ о жизни и подвигахъ двухъ родовъ, прославленныхъ въ сказаніяхъ

Сѣвера: о родѣ Вѣльзунговъ и родѣ Нифлунговъ. Въ родѣ Вѣльзунговъ сѣверная поэзія выбираетъ двухъ своихъ любимыхъ богатырей: Гельги и Сигурда; перваго она воспѣваетъ въ двухъ пѣсняхъ — второму посвящаетъ цѣлый кругъ ихъ, который еще болѣе разрастается отъ позднѣйшихъ добавленій и сліянія съ средне-нѣмецкими сказаніями. Оба эти сказанія, и о Гельги, и о Сигурдѣ передадимъ безъ всякихъ прикрасъ, такъ, какъ они изложены въ пѣсняхъ древней Эдды.





Сказаніе о Гельги.

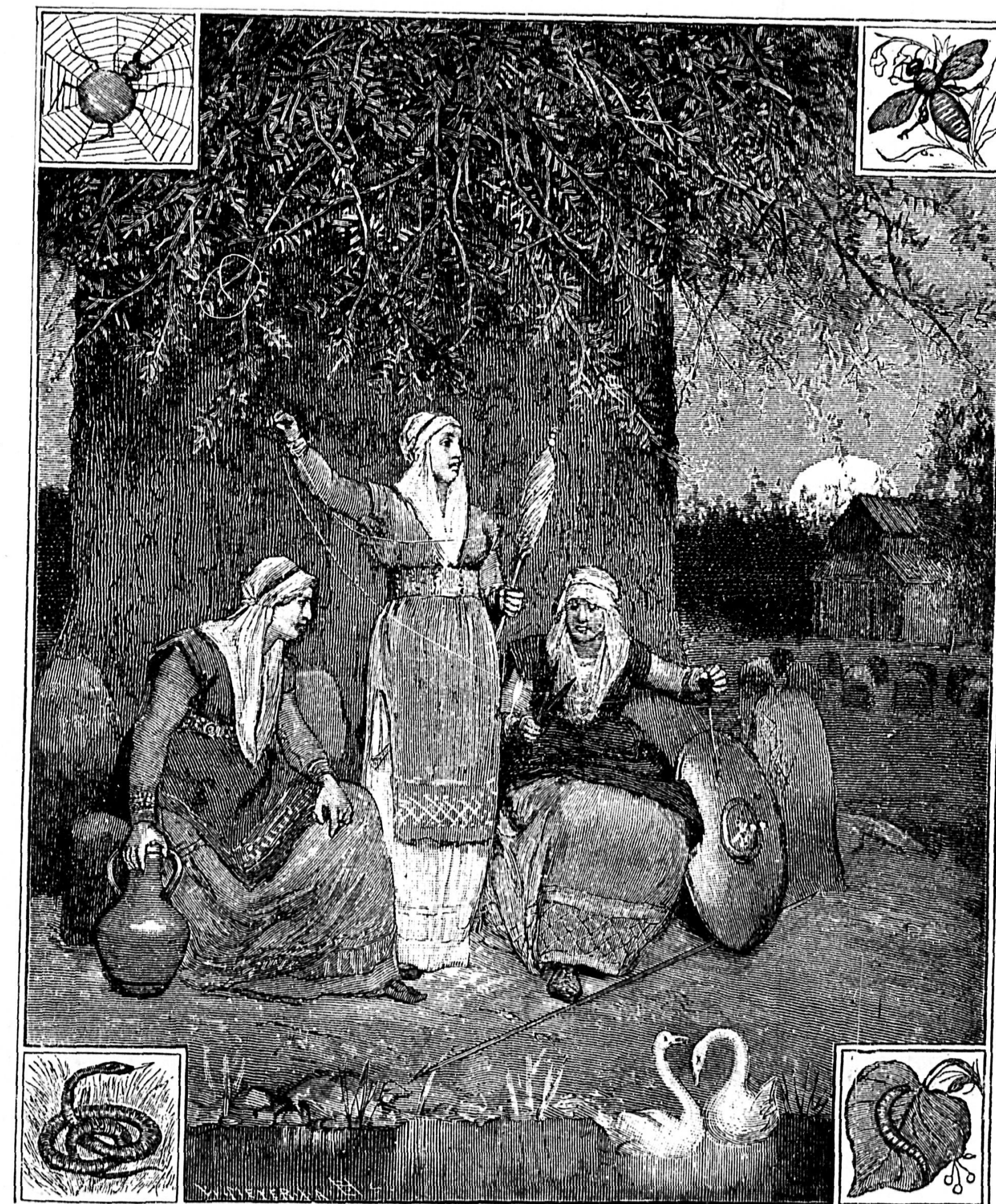
Къ знаменитому роду Вѣльзунговъ, прославленныхъ воинскими подвигами, принадлежалъ и Сигмундъ, любимецъ Одина. У этого Сигмунда было три сына: Гельги, Сигурдъ и Синфіѣтли. Мужественный Сигмундъ палъ отъ руки своего врага, могучаго богатыря, Хундинга, завѣщавъ своимъ дѣтямъ—отмстить за него убійцѣ, по скандинавскому обычаю. Эту волю отца исполнилъ старшій изъ его сыновей, Гельги.

По словамъ пѣсни, Гельги, уже отъ самаго рожденія своего, былъ свыше предназначенъ на совершеніе цѣлаго ряда подвиговъ—его ожидала воинская слава. Тотчасъ послѣ его рожденія, вѣщія жены (норны) пришли къ его матери и предсказали ей славную участь, ожидавшую ея сына въ будущемъ, а «черные вороны стали радостно перекликаться на вѣтвяхъ деревьевъ, чуя нескончаемая будущія битвы».

Когда Гельги выросъ и возмужалъ, то первою его заботою было выполненіе отцовскаго завѣта: мести его убійцѣ, Хундингу. Борьба завязалась долгая и тягостная и закончилась полнымъ торжествомъ Гельги, который своими руками убилъ могучаго Хундинга и былъ воспѣтъ скальдами за этотъ подвигъ...

Но подвигъ этотъ не однихъ скальдовъ привелъ въ восторгъ:—воинственная дѣва Валкирія Сигруна, дочь Хёгни,

явилась къ Гельги и отдала ему свое сердце... Поздравляя Гельги съ побѣдою, она, въ тоже время, просила, чтобы онъ защитилъ ее отъ притѣсненій и оскорбленій со стороны Хёдброда, Гранмарова сына, который добивался ея



Норны, вѣщія жены, предсказывающія будущее.

руки и силою хотѣлъ ее вынудить къ брачному союзу. Гельги, ни мало не задумываясь, тотчасъ-же обѣщалъ Сигрунѣ свою помощь и защиту, и кликнулъ кличъ, собирая своихъ родныхъ и близкихъ въ ряды воинской дру-

жины, съ которою онъ задумалъ плыть за море въ область Хёдброда. И чуть только воинственный призывъ раздался по пустынному побережью вѣчно-шумящаго непривѣтнаго море, какъ уже вострепнулись сердца въ груди бойцовъ, давно не слышавшихъ звона мечей — и всѣ они ринулись къ оружію, къ тяжелымъ шлемамъ и доспѣхамъ. Быстро собрались воины въ походъ, изготовили и оснастили суда, сдвинули ихъ съ берега въ море — и пустились въ путь по невѣрнымъ волнамъ. На пути застала ихъ жестокая буря и разметала ихъ корабли въ разныя стороны; но Сигруна, которая парила въ облакахъ надъ кораблями своихъ защитниковъ, утишила бурю и благополучно довела корабль Гельги до одной изъ гаваней въ область Хёдброда. Завидѣвъ приближавшихся съ моря враговъ, сыновья Гранмара, съ Хёдбродомъ во главѣ, приготовились къ отчаянной оборонѣ, но не могли воспрепятствовать высадкѣ воиновъ Гельги. Завязалась долгая и ожесточенная битва и продолжалась много часовъ подъ рядъ; съ той и съ другой стороны

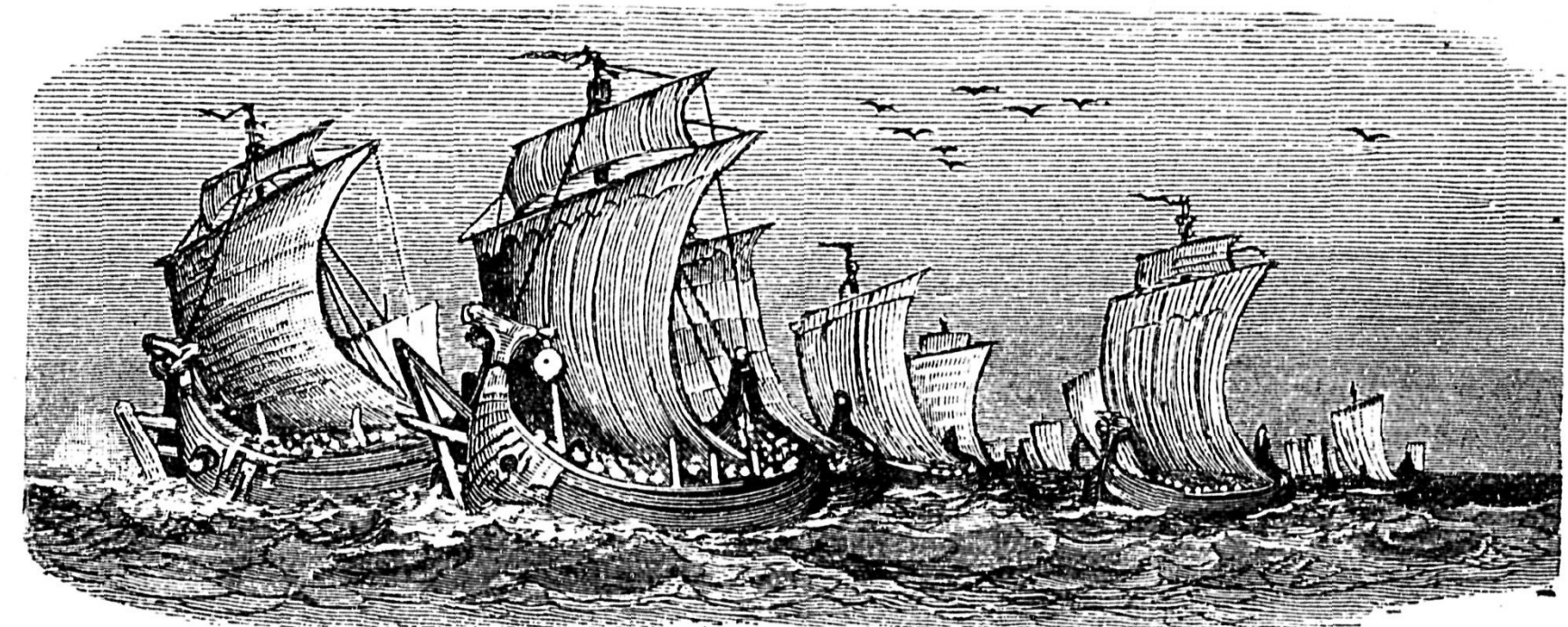
многіе храбрые пали въ этой битвѣ прежде, чѣмъ побѣда осталась на сторонѣ Гельги, оказавшаго изумительныя чудеса храбрости... Однакоже побѣда была куплена дорогою цѣною: отецъ Сигруны и многіе изъ ея близкихъ родственниковъ заплатили жизнью за побѣду... Эту печальную вѣсть Гельги вынужденъ былъ сообщить Сигрунѣ, когда та явилась поздравить своего суженаго съ торжествомъ надъ врагами.



Скальды воспѣваютъ подвиги Гельги.

Вскорѣ послѣ того онъ женился на ней и прижилъ съ нею сына. Они горячо любили другъ друга и были очень счастливы въ супружествѣ; но счастье это, увы! — было не продолжительно...

Одинъ изъ братьевъ Сигруны, Дагъ злобствовалъ на Гельги за то, что Хёгни погибъ въ битвѣ съ сыновьями Гранмара; онъ искалъ случая отомстить Гельги, и, убивъ его измѣнически, нагло заявилъ объ этомъ злодѣйствѣ сестрѣ своей Сигрунѣ, предлагая ей уплатить денежную пеню за убійство, по скандинавскимъ законамъ. Но Сигруна



Гельги спѣшитъ на войну съ Хёдбродомъ.

съ презрѣніемъ отвергла его предложеніе, осыпала его проклятіями, и, предавшись отчаянію, ломала руки и проливала неизсякаемая слезы надъ свѣжею могилою мужа. Эти слезы не давали ему покоя въ могилѣ и вынудили его еще разъ явиться на землю и свидѣться съ неутѣшною женою. Вотъ какъ рассказываетъ намъ пѣсня Эдды объ этомъ послѣднемъ свиданьи Гельги съ Сигруною:

«Служанка Сигруны была подъ вечеръ невадалекъ отъ могильнаго холма Гельги и вдругъ видитъ, что Гельги ѣдетъ къ холму со многими людьми».

— «Что же это? Пустой-ли обманъ мнѣ видится, или уже наступилъ дѣйствительно конецъ свѣту? Вотъ ѣдутъ къ холму мертвые люди! Вижу даже, какъ они понукаютъ коней своихъ шпорами... Или уже дозволено павшимъ въ битвѣ бойцамъ возвращаться домой съ того свѣта?»

И Гельги отвѣчалъ ей на эти слова:

— «То, что передъ тобою,—не пустой обманъ и не конецъ свѣту. И хотя ты насъ во-очію видишь, хотя мы точно погоняемъ коней нашихъ шпорами — павшимъ бойцамъ все-же еще не дозволено возвращаться домой».

Тогда служанка поспѣшила домой и сказала Сигрунѣ:

— «Выходи, Сигруна изъ Сефафіёлля, если ты хочешь видѣть того, кто правилъ народомъ... Могильный холмъ открылся, Гельги пришелъ съ того свѣта, и кровь течетъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ битвою на его тѣлѣ. Король проситъ, чтобы ты пришла исцѣлить его раны».

Сигруна тотчасъ пришла на могильный холмъ Гельги и сказала:

— «Радуюсь нашей встрѣчѣ также усердно, какъ радуются хищные коршуны Одина, когда они по запаху чуютъ трупы — свое любимое кушанье, или когда видятъ наступленіе росистаго утра. Прежде всего я поцѣлую бездыханнаго короля, ранѣе, чѣмъ онъ сброситъ съ себя окровавленную броню... Твои волосы влажны, и самъ ты весь обрызганъ боевою росой (т. е. кровью), и руки твои также влажны и холодны... Скажи мнѣ, какое возмездіе должна я истребовать за тебя, король».

Отвѣчалъ Гельги своей супругѣ:

— «Ты одна только въ томъ виновна Сигруна изъ Сефафіёлля, что Гельги обрызганъ гибельною росой: ты, золотомъ украшенная, лучезарная, горячая, ты плачешь обо мнѣ горькими слезами передъ тѣмъ, какъ ложишься спать... И каждая слеза твоя кровавою росой упадетъ мнѣ на грудь, на влажно-холодную, погребенную, напитанную горемъ. Мы-же въ Валгаллѣ *) должны только пить дорогія вина, хотя мы и утратили жизнь и наши владѣнія на землѣ; и никто не долженъ обо мнѣ сокру-

*) Валгалла — сѣверный рай, по понятіямъ Скандинавовъ; туда валкирии провозжаютъ души павшихъ богатырей — и тамъ они вѣчно пируютъ и охотятся, вмѣстѣ съ главнымъ богомъ битвъ Одиномъ.

шаться, ни пѣть въ честь мою печальныя пѣсни, хотя бы и видѣлъ раны на моей груди».

Сигруна, между тѣмъ, постлала постель въ холмѣ и сказала:

— «Я приготовила здѣсь тебѣ, Гельги, безпечальное ложе — тебѣ, сынъ Вельзунга! Хочу заснуть у тебя на груди, король, какъ засыпала, когда ты былъ живъ».

И Гельги отвѣчалъ ей на это:

— «Теперь я увѣренъ, что мнѣ ни въ чемъ не откажутъ, ни рано, ни поздно, въ Сефафіёллѣ, послѣ того, какъ ты, свѣтлая дочь Хёгни, можешь здѣсь, въ холмѣ, живая, покоиться въ объятіяхъ мертваго. Но мнѣ пора уже ѣхать по румянымъ путямъ (т. е. по зарѣ) и коню моему пора уже топтать ихъ своими копытами: я долженъ проѣхать на Западъ отъ небеснаго моста, прежде чѣмъ Сальгофниръ *) разбудитъ воинственную толпу моихъ сотоварищей».

Сказавъ это, Гельги со своими спутниками отправились своимъ путемъ, а женщины возвратились домой.

На другой вечеръ Сигруна заставила служанку сторожить у холма. Но когда на закатѣ солнца Сигруна пришла къ холму, служанка сказала ей:

— «Если бы вздумалъ прійти сюда еще разъ Сигмундовъ сынъ, изъ среды витязей Одиновыхъ, то давно бы уже былъ здѣсь... Мнѣ сдается, что уже нѣтъ надежды на приходъ короля, потому что вонъ уже орлы разсѣлись по вѣтвямъ дубовъ, и всѣ спѣшатъ на покой. Не будь же столь безразсудна, дочь славнаго Хёгни, и не ходи одна къ домамъ тѣней (т. е. къ могильнымъ холмамъ): вѣдь всѣ мертвые витязи ночью опаснѣе, чѣмъ среди бѣла дня».

Недолго послѣ того прожила Сигруна и скончалась отъ печали и сокрушеній.

*) Сальгофниръ — мифическій пѣтухъ, поющій на зарѣ въ Валгаллѣ. По его крику души богатырей пробуждаются отъ сна и принимаются за свое пиршество.



Сказаніе о Сигурдѣ.

Сигурдъ былъ братомъ Гельги. Родился онъ вскорѣ послѣ того, какъ страшный Хундингъ пошелъ войной на Сигмунда и вторгся въ его владѣнія.

Въ то время, когда велась ожесточенная борьба между Сигмундомъ и Хундингомъ, до рожденія Сигурда оставалось еще 2 или 3 мѣсяца, и его матери не малыхъ трудовъ стоило спастись отъ позорнаго плѣна, который угрожало ей, и всей ея семьѣ. Въ то время, какъ воины Сигмунда уже осадили его въ собственномъ домѣ, Хіёрдисъ (такъ звали мать Сигурда), въ самый разгаръ битвы, успѣла бѣжать изъ дому и, вмѣстѣ съ своею любимою служанкою, укрылась въ ближайшемъ лѣсу.

Долго бродили несчастныя женщины по лѣсу и вышли наконецъ на берегъ моря въ то самое время, какъ на этотъ берегъ высадился далекій король Альфы, сынъ Хіальпрека. Онъ предложилъ свое покровительство бездомнымъ скиталицамъ и увезъ ихъ съ собою въ Данію. Тамъ онъ относился къ обѣмъ женщинамъ почтительно и ласково и когда Хіёрдисъ родила Сигурда, онъ избралъ ее себѣ въ жены и замѣнилъ Сигурду отца.

Мальчикъ сталъ быстро подростать въ домѣ добраго вотчима и уже очень рано сталъ выказывать необычайную силу тѣлесную:—никто изъ сверстниковъ и думать не смѣлъ

съ нимъ бороться. Воспитаніемъ Сигурда особенно охотно занимался Регинъ, сынъ Хрейдмара, карликъ ростомъ, но при этомъ изумительно-искусный кузнецъ и опытный, хитрый волшебникъ. Онъ очень полюбилъ Сигурда, постоянно развлекалъ и потѣшалъ его своими рассказами, и научилъ его превосходно владѣть и конемъ, и оружіемъ.

По указаніямъ Регина, Сигурдъ, когда уже достигъ цвѣтущихъ лѣтъ юности, выбралъ изъ табуновъ своего вотчима чуднаго коня, съ которымъ потомъ не разставался во всю жизнь. Коня этого онъ называлъ Грамъ и на немъ совершилъ всѣ свои геройскіе подвиги. Конь этотъ былъ такъ ему преданъ, что, во время походовъ, какъ самый вѣрный стражъ охранялъ, своего господина, когда тотъ, утомленный переѣздомъ, ложился на голой землѣ и предавался беззаботному сну.

Одною изъ первыхъ дальнихъ поѣздокъ на этомъ славномъ конѣ была поѣздка Сигурда къ его дядѣ Грипиру, который славился на всемъ Сѣверѣ своимъ необычайнымъ даромъ угадывать и предсказывать будущее. Юноша обратился къ дядѣ съ просьбою:—открыть ему, что ждетъ его въ грядущемъ?

Грипиръ долго не соглашался, но наконецъ предсказалъ Сигурду, что онъ побѣдитъ сыновей Хундинга, убитаго братомъ его Гельги, что, вслѣдъ затѣмъ—убьетъ страшнаго змѣя Фафнира и овладѣетъ его сокровищами, а затѣмъ будетъ вынужденъ убить и Регина...

— «Какъ? Регина, котораго я такъ люблю!?»

— «Да, Регина», утвердительно отвѣтилъ Грипиръ. «Затѣмъ ты пробудишь вѣщую дѣву Брингильду отъ ея волшебнаго сна, научишься отъ нея рунамъ*) и мудрости и вступишь съ нею въ союзъ»...

Тутъ Грипиръ вдругъ замолчалъ и не хотѣлъ предсказывать далѣе, отзываясь на просьбы Сигурда тѣмъ, что ему, будто-бы, извѣстна только ранняя молодость Сигурда.

*) Рунами назывались древнія скандинавскія письмена.

Но Сигурдъ не отставалъ отъ него и продолжалъ упрашивать. Грипиръ склонился на его просьбы и продолжалъ такъ:

— «Ты всѣмъ сердцемъ полюбишь Брингильду, а все же, отуманенный чарами, забудешь всѣ данныя ей клятвы и женишься на Гудрунѣ, дочери Гьюки. Мало того, подъ вліяніемъ тѣхъ же чаръ, ты обманомъ добудешь Брингильду для Гуннара. Въ отмщеніе за это, обманутая тобою Брингильда побудитъ Гуннара и Хёгни тебя убить. Да! Ранняя смерть, но за то и громкая, громкая слава, предназначены судьбою въ удѣлъ Сигурду!»

Такъ закончилъ свои предсказанія мудрый Грипиръ. Сигурдъ не смутился ими и съ веселой улыбкой сказалъ вѣщему старцу:

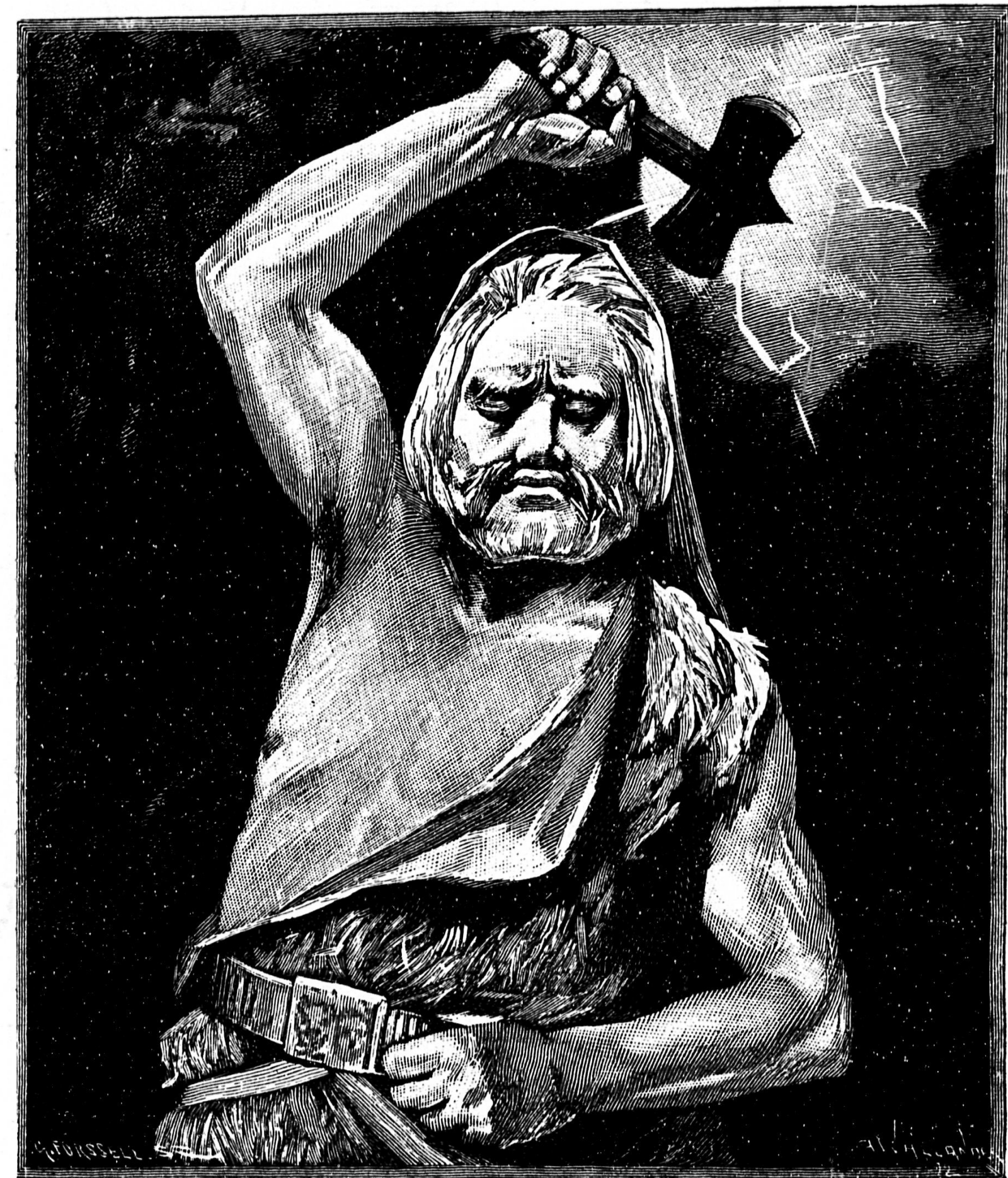
— «Благодарю тебя. Разстанемся друзьями! Я знаю, что никому не избѣжать судьбы своей. Ты исполнилъ мое желаніе, Грипиръ, и я знаю, что ты охотно предсказалъ-бы мнѣ болѣе завидную долю, еслибы то было въ твоей власти».

Вернувшись домой отъ Грипира, Сигурдъ никому не обмолвился ни единымъ словомъ о его предсказаніяхъ, и по-прежнему былъ друженъ и близокъ съ Региномъ, который продолжалъ, отъ времени до времени, потѣшать его своими дивными разсказами.

Однажды, въ минуту откровенности, хитрый Регинъ разсказалъ Сигурду и такую сказку, къ которой тотъ по-неволѣ сталъ жадно прислушиваться:

— «Насъ было трое сыновей у отца:—я, братъ Отуръ и братъ Фафниръ. Мы всѣ трое были одинаково смышлены и опытны въ чарахъ. Недалеко отъ нашего дома былъ водопадъ карлика Андвари, въ которомъ водилось множество рыбы. Самъ карликъ Андвари постоянно плавалъ въ этомъ водопадѣ въ видѣ громадной шуки и зорко сторожилъ свои сокровища, которыхъ много было у него накоплено и зарыто подъ скалою. Братъ мой Отуръ былъ друженъ съ тѣмъ карликомъ и любилъ плавать въ его водопадѣ, принимая на себя образъ выдры, при чемъ тѣ-

шился ловлею рыбы. Однажды, когда онъ, обернувшись выдрою, сидѣлъ на берегу и дождавъ пойманнаго имъ лоха, къ водопаду Андвари подошли трое Азовъ *) —



Злобный Локи—одинъ изъ Скандинавскихъ боговъ.

Одинъ, Хёниръ и Локи **), коварный и злой, и, какъ всегда, вооруженный своимъ дивнымъ молотомъ, отъ ударовъ

*) Подъ именемъ Азовъ извѣстны были всѣ свѣтлыя божества скандинавской мифологіи, въ противоположность Турсамъ, древнему и мрачному поколѣнію великановъ, съ которыми Азы находились въ постоянной борьбѣ.

**) Эти три божества постоянно дѣйствуютъ за-одно въ скандинавской мифологіи. Только изъ ихъ взаимодействія создается все прекрасное, хотя ни одно изъ нихъ, въ отдѣльности, не можетъ ничего создать.

котораго громъ раскатывался по небу и молніи огненными змѣями сыпались изъ облаковъ. Злой Локи, увидя выдру на берегу, ловко швырнулъ въ нее камнемъ и убилъ ее на мѣстѣ. Азы обрадовались такой удачѣ и тотчасъ-же содрали шкуру со своей добычи. Въ тотъ же вечеръ они зашли въ домъ къ отцу нашему Хрейдмару и показали намъ добытую ими шкуру выдры. Мы тотчасъ поняли, откуда она взялась, и объявили имъ, что налагаемъ на нихъ пеню за убійство нашего брата. Пеня, наложенная нами, заключалась въ томъ, что они должны были насыпать шкуру выдры до краевъ золотомъ, да золотомъ-же прикрыть ее и снаружи... Тогда Азы, послѣ долгаго совѣщанія, послали хитраго Локи—добывать золото во-что-бы то ни стало.

Локи отлично зналъ, куда ему за этимъ золотомъ обратиться?.. Онъ взялъ сѣти у богини Ранъ, супруги Эгира, бога моря, высмотрѣлъ карлика Андвари, который плавалъ въ своемъ водопадѣ щукою, и такъ ловко окинулъ весь водопадъ тонкою сѣтью, что щука была мигомъ выловлена. Овладевъ карликомъ и грозя ему гибелью, Локи потребовалъ, чтобы онъ выдалъ ему все золото изъ своего клада, и отнялъ у него даже то волшебное кольцо, которое карлику было дороже всего клада. Андвари вынужденъ былъ на все согласиться, но, озлобленный этимъ насиліемъ, наложилъ на свой кладъ страшное заклинаніе:

— «Никто не насладится этимъ золотомъ: два брата и восемь эделинговъ (благородныхъ) изъ-за него погибнутъ!»

Но Азамъ не было дѣла до этого проклятія... Они наполнили золотомъ всю шкуру выдры, и имъ-же засыпали ее сверху. Отецъ нашъ Хрейдмаръ сталъ внимательно осматривать шкуру со всѣхъ сторонъ и указалъ Азамъ еще на одинъ волосокъ, торчавшій изъ-подъ золота:— онъ требовалъ, чтобы и этотъ волосокъ былъ прикрытъ... Тогда Одинъ вынулъ изъ-за пазухи волшебное кольцо карлика Андвари и имъ прикрылъ волосокъ.

Уплативъ такимъ образомъ пеню, Азы удалились изъ дома моего отца. Локи пріостановился на порогѣ и сказалъ на прощанье Хрейдмару:

— «Не жди добра ни отъ кольца, ни отъ клада! Твои сыновья поплатятся за обладаніе имъ!»

Увы! Предсказаніе злого Локи сбылось прежде, нежели мы того могли ожидать! Когда Азы удалились, мы съ братомъ Фафниромъ стали требовать отъ отца, чтобы онъ отдѣлилъ намъ наши доли изъ пени, полученной за убитаго брата; но отецъ отказалъ намъ на-отрѣзъ. Тогда братъ Фафниръ вступилъ съ отцомъ въ горячій споръ и, въ раздраженіи, нанесъ ему смертельный ударъ... Когда отецъ палъ мертвый, Фафниръ, въ свою очередь завладевъ всѣмъ кладомъ и не удѣлилъ мнѣ изъ него ни крупницы. Я хотѣлъ настаивать, хотѣлъ требовать; но вспомнилъ о проклятій карлика, и сдержалъ себя... Къ тому же и сестры умоляли меня не враждовать съ братомъ... Пришлось на все махнуть рукою. А Фафниръ, чтобы лучше охранить кладъ, принялъ на себя образъ страшнаго змѣя и залегъ на холмахъ Гнитахейда, гдѣ и устроилъ себѣ жилье».

Сигурдъ слушалъ Регина съ большимъ любопытствомъ и при этомъ припоминалъ предсказанія вѣщаго Грипира. Регинъ ничего объ этихъ предсказаніяхъ не зналъ, и, пылая затаенною злобою противъ Фафнира, старался много разъ заговаривать съ Сигурдомъ о сокровищахъ клада, говорилъ не разъ, что ихъ не трудно добыть, что онъ знаетъ очень легкій способъ справиться съ страшнымъ Фафниромъ и что онъ не отказался-бы помочь Сигурду, если бы тотъ задумалъ отнять кладъ у змѣя и подѣлиться съ нимъ, Региномъ. Чтобы еще болѣе раззадорить Сигурда, Регинъ даже выковалъ ему въ даръ дивный мечъ Грамъ, которому не бывало подобныхъ, ни прежде, ни послѣ.

Однако же Сигурдъ не склонялся на всѣ его уговоры и не соблазнялся его обѣщаніями и посулами. Онъ отвѣчалъ Регину, что прежде всего считаетъ своимъ долгомъ послѣдовать примѣру брата Гельги и поразить сыновей

Хундинга, продолжая такимъ образомъ мстить за смерть своего отца, Сигмунда.

— «Если я, прежде отмщенія за отца, стану добывать кладъ отъ змѣя, то всѣ скажутъ, что золото мнѣ дороже, чѣмъ честь моего рода»,—сказалъ Регину Сигурдъ.

И дѣйствительно, пошелъ сначала походомъ противъ сыновей Хундинга, поразилъ ихъ, опустошилъ ихъ область и съ торжествомъ вернулся домой.

Тогда, настойчивый и мстительный Регинъ опять сталъ напѣвать ему ту-же старую пѣсню и вызывать его на борьбу съ Фафниромъ:—Сигурдъ не устоялъ противъ его увѣщаній и согласился, вмѣстѣ съ Региномъ, отнять кладъ у змѣя Фафнира.

Съ этою цѣлью Сигурдъ съ Региномъ вдвоемъ пустился въ путь къ тѣмъ холмамъ, гдѣ змѣй Фафниръ залегалъ на своемъ золотѣ, и, внимательно осмотрѣвъ всю окрестную мѣстность, прежде всего обратили вниманіе на тропинку, которая была имъ проложена къ водѣ. По совѣту Регина, Сигурдъ выкопалъ на этой тропинкѣ яму, и въ ней засѣлъ, держа наготовѣ свой славный, неотразимый мечъ, Грамъ.

— «Какъ только онъ поднимется со своего золота»,—такъ научалъ Сигурда Регинъ — «и станетъ переползать черезъ яму на пути къ водѣ, такъ ты и ухитрись всадить ему мечъ въ самое сердце».

Преподавъ Сигурду это наставленіе, самъ Регинъ поспѣшилъ укрыться подальше отъ всякой опасности; а Сигурдъ въ точности послѣдовалъ его совѣту... Фафниръ, переползая черезъ яму, накололся на мечъ Сигурда и получилъ смертельную рану. Издыхая отъ страшной раны, змѣй вступилъ въ разговоръ съ Сигурдомъ, упрекалъ его въ томъ, что онъ, подстрекаемый Региномъ, рѣшился на убійство, и затѣмъ добавилъ:

— «Регинъ точно также предастъ тебя другому, какъ и меня предалъ тебѣ: вѣрь мнѣ, что намъ обоимъ суждено быть добычею смерти»...

Сказавъ эти слова, змѣй издохъ; тогда и коварный Регинъ тотчасъ же вышелъ изъ своей засады. Между ними вскорѣ завязался споръ о томъ, кто изъ нихъ обоихъ можетъ назвать себя побѣдителемъ? Сигурдъ приписывалъ эту честь себѣ и своему мужеству, и упрекалъ Регина въ трусости; а Регинъ отвѣчалъ ему:

— «Если бы я не выковалъ тебѣ твой дивный мечъ, да не научилъ тебя, какъ слѣдуетъ справиться съ змѣемъ, такъ ты бы не много сдѣлалъ, при всей твоей храбрости! Ну, да что спорить? — Я вотъ поотдохну немного, а ты, тѣмъ временемъ, вырѣжь сердце Фафнира, изжарь его на огнѣ — и мы съѣдимъ его пополамъ».

Онъ и дѣйствительно прилегъ въ сторонѣ и вскорѣ заснулъ. А Сигурдъ сталъ жарить сердце Фафнира на огнѣ... Нѣсколько времени спустя онъ пожелалъ удостовѣриться — насколько оно изжарилось: коснулся его пальцемъ, обжегся, и сунулъ палецъ въ ротъ... И едва только капля крови изъ Фафнирова сердца попала на языкъ Сигурду, какъ произошло нѣчто необычайное: онъ сталъ понимать то, что говорили около него птицы!

Прислушавшись внимательно къ языку пернатыхъ, онъ разслышалъ, какъ орлицы, сидя на вѣтвяхъ деревьевъ, бесѣдовали между собою о коварствѣ Регина, о его злоумышленіяхъ противъ Сигурда и объ опасностяхъ, какимъ Сигурдъ подвергнется, оставивъ его въ живыхъ.

— «Убивши Фафнира», — такъ говорила одна орлица — «безразсудно было бы Сигурду щадить коварнаго Регина».

— «О, конечно!» — добавляла отъ себя другая орлица. «Онъ не долженъ забывать, что, покончивъ съ Региномъ, онъ одинъ будетъ владѣть всѣмъ кладомъ Фафнира».

Выслушавъ эти рѣчи орлицъ и припомнивъ предсказанія вѣщаго Грипира, Сигурдъ убилъ Регина и съѣлъ изжарившееся на огнѣ сердце Фафнира. Тогда ему открылся широкій путь къ жилищу змѣя — къ тому мѣсту,

гдѣ онъ, весь свой вѣкъ, залегалъ на грудяхъ золота и сокровищъ; онъ направился туда по тропинкѣ и увидѣлъ, что всѣ желѣзные двери змѣева жилища отворены настежь и что все въ немъ сдѣлано изъ желѣза: и столбы, и своды, и стѣны, а кладъ посрединѣ жилья зарытъ въ землю. Сигурдъ отрылъ этотъ кладъ, насыпалъ два ящика золотомъ до верха, и кромѣ того добылъ въ кладѣ драгоцѣнное оружіе и знаменитый шлемъ Эгира, который могъ служить ему шапкою-невидимкою. Всѣ эти богатства свезъ онъ въ домъ вотчима своего, а самъ поѣхалъ на югъ, къ франкской землѣ, искать новыхъ опасностей и новыхъ случаевъ для проявленія своей силы и мужества.

Однажды, ѣдучи по этому пути, онъ замѣтилъ въ сторонѣ отъ дороги яркій свѣтъ, и направилъ своего коня въ ту сторону. Подѣхавъ ближе, онъ увидѣлъ на высокой горѣ замокъ, а надъ нимъ развѣвающееся знамя; около стѣнъ этого замка горѣло яркое пламя, поднимаясь отъ земли и пылая до самаго неба. Смѣло направляя коня къ замку, онъ невредимо проѣхалъ черезъ пламя, и вѣхалъ внутрь замка, гдѣ ему тотчасъ бросился въ глаза воинъ, спавшій непробуднымъ сномъ, въ полномъ вооруженіи. Сигурдъ подошелъ къ спящему, снялъ съ него богато-изукрашенный шлемъ — и вдругъ чудные, густые волосы золотистой волной рассыпались по его плечамъ... Юный богатырь понялъ, что передъ нимъ была воинственная дѣва, погруженная въ волшебный сонъ, и что ему предназначено пробудить ее отъ этого сна. Онъ попытался снять съ нея броню, но увидѣлъ, что броня сидѣла на ней такъ плотно, какъ бы приросла къ ея тѣлу... Тогда онъ рѣшился разсѣчь эту броню своимъ мечемъ Грамомъ, и вѣщая дѣва разомъ проснулась отъ своего долгаго и тяжкаго сна... Открывъ прекрасныя очи, она спросила:

— «Кто разсѣкъ мою броню? Какъ я проснулась? Кто избавилъ меня отъ оковъ?»

— «Я, Сигурдъ, сынъ Сигмундовъ, разсѣкъ твою броню моимъ мечемъ!» — отвѣчалъ ей юный богатырь.

И тотчасъ же сѣлъ съ ней рядомъ, и сталъ спрашивать, и захотѣлъ узнать ея имя.

— «Когда я была валкиріей», — отвѣчала вѣщая дѣва, «то звали меня Сигурдрифой; тогда на коняхъ, темныхъ,



Валкиріа Сигурдрифа надъ полемъ битвы.

какъ ночь, и быстрыхъ, какъ вѣтеръ, я носилась по воздуху, въ кольчужной бронѣ, со щитомъ и копьемъ, надъ полями битвъ, ободряя храбрыхъ витязей и вселяя въ нихъ мужество, пока смерть не смежитъ имъ очи, и затѣмъ

проводила ихъ души въ мѣсто вѣчнаго успокоенія героевъ. Но вскорѣ все измѣнилось; Одинъ на меня прогнѣвался и наказалъ меня долгимъ сномъ за ослушаніе его волѣ. Сверхъ того, онъ мнѣ предсказалъ, что я уже никогда не буду болѣе участвовать въ битвахъ и провожать души храбрыхъ въ Валгаллу. Мнѣ суждено выйти замужъ за смертнаго, и отнынѣ я буду называться Брингильдой». Такъ говорила она, и, немного спустя, вышла къ Сигурду, въ простой женской одеждѣ, окруженная своими прислужницами, и подала ему полный рогъ стараго меда, который они распили пополамъ, въ знакъ дружбы и единенія.

— «О дѣва премудрая!» — взмолился къ ней Сигурдъ. «Тебѣ должно быть извѣстно все то, что совершается въ девяти мірахъ *). Научи же и меня твоей премудрости».

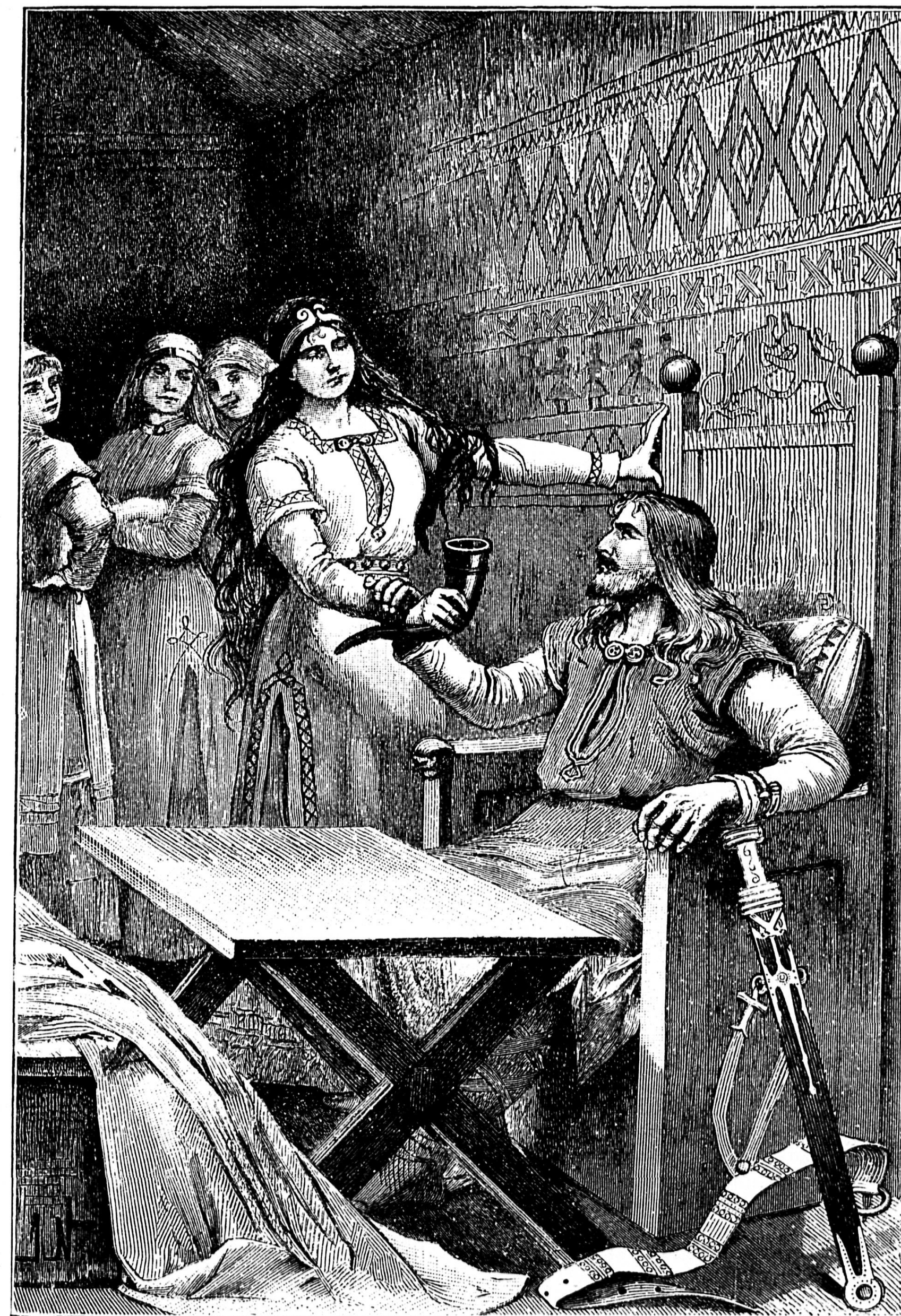
Такъ говорилъ онъ, припоминая предсказанія дяди своего Грипира. И дѣва дѣйствительно исполнила его просьбу: сначала она научила его тѣмъ таинственнымъ руническимъ знакамъ, которыми человѣкъ выражаетъ свою мысль, затѣмъ рассказала все, что сама знала объ устройствѣ вселенной, и къ этому ученью добавила рядъ нравственныхъ правилъ, полезныхъ для каждаго витязя. Въ этихъ правилахъ она учила быть неизмѣнно вѣрнымъ въ дружбѣ, относиться почтительно къ дѣвушкамъ и къ женщинамъ, не затѣвать ссоры на пирахъ и воздавать послѣдній долгъ покойнику, гдѣ бы ни пришлось найти мертвое тѣло...

Когда Брингильда умолкла, Сигурдъ подалъ ей руку: они поклялись въ вѣчной вѣрности другъ-другу и разстались на время.

Вскорѣ послѣ того случилось Сигурду завернуть по пути въ домъ Гьюки. Принятый въ домѣ радушно, онъ сначала побратался съ двоими Гьокунгами, Гуннаромъ и Хёгни, а затѣмъ поддался вполнѣ вліянію ихъ матери,

*) По понятіямъ Скандинавовъ, различныя существа, обитающія на землѣ, подъ землей и надъ землей, живутъ особыми мірами, и даже говорятъ на особыхъ языкахъ.

злой волшебницы, которая своими чарами заставила Сигурда забыть о Брингильдѣ, и женила его на своей дочери, Гудрунѣ, сестрѣ Гуннара и Хёгни.



Сигурдъ въ гостяхъ у Брингильды.

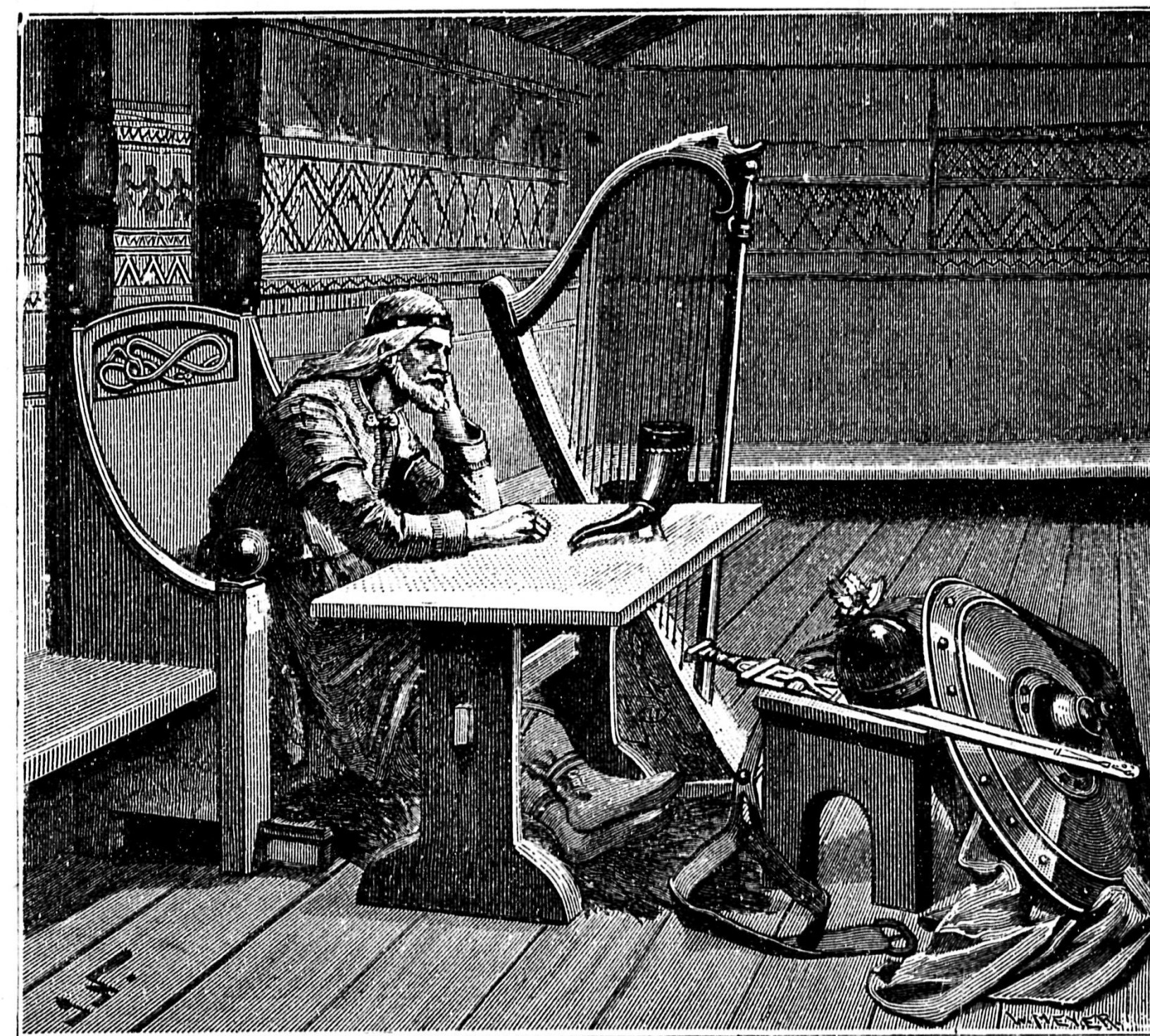
Гьюкунги не удовольствовались этимъ:—они воспользовались добродушіемъ Сигурда и упросили его ѣхать съ ними и высватать Брингильду за Гуннара. И Сигурдъ поѣхалъ, проникъ въ замокъ Брингильды сквозь окружавшее его пламя и обманомъ высваталъ ее за Гуннара, принявъ на себя его образъ. Отуманенная чарами Брингильда полагала, что она отдаетъ свою руку Сигурду, а между тѣмъ сочеталась бракомъ съ Гуннаромъ.

Когда, послѣ свадьбы, обманъ обнаружился, Брингильда запалила страшнымъ гнѣвомъ противъ Сигурда. «Отмщу, отмщу ему во-что бы то ни стало!»—это было отнынѣ ея единственнымъ помысломъ, и она стала постепенно готовить страшную месть...

Угрозами и мольбами ей удалось на столько возстановить Гуннара противъ Сигурда, что она уже рѣшилась требовать умерщвленія храброго витязя. Мнительный и слабохарактерный Гуннаръ долго не зналъ, на что ему рѣшиться. Онъ боялся и жену прогнѣвить, боялся и на своего названнаго брата поднять руку... Но въ тоже время его очень соблазняла мысль о возможности завладѣть Сигурдовымъ кладомъ... Долго совѣщался онъ съ братомъ Хёгни, такимъ же нерѣшительнымъ человѣкомъ, какъ и онъ самъ. Наконецъ она рѣшилась свалить это темное дѣло на руки своему родственнику — безразсудному Гутторму. Его подговорила она убить Сигурда во время сна, на его супружескомъ ложѣ... Гуттормъ прокрался въ опочивальню Сигурда и мечемъ пронзилъ сердце храброго витязя. Но смертельно раненный Сигурдъ еще успѣлъ приподняться на постели и мощною рукою бросилъ свой мечъ вслѣдъ убѣгавшему убійцѣ: мечъ поразилъ его на порогѣ и разсѣкъ его тѣло пополамъ, такъ что одна часть упала впередъ, а другая рухнула назадъ.

Гудруна, покоившаяся рядомъ съ Сигурдомъ, пробудилась отъ шума и тяжкаго паденія меча и съ ужасомъ увидѣла около себя окровавленнаго, умирающаго Сигурда. Онъ очнулся на мгновенье отъ воплей несчастной супруги, ста-

рался утѣшить ее, позаботился о томъ, чтобы спасти своего сына отъ рукъ убійцъ, и указалъ Гудрунѣ на Брингильду, какъ на главную виновницу несчастія. Вскорѣ послѣ того, онъ испустилъ духъ. Гудруна, въ отчаяніи, ломала себѣ руки надъ хладѣющимъ трупомъ мужа и такъ громко стонала, что кони отзывались на ея стоны въ стойлѣ и гуси вторили ей криками во дворѣ...



Гуннаръ въ тяжеломъ раздумьи.

Сначала Брингильда, узнавъ о смерти Сигурда, стала злобно радоваться; но радость ея длилась недолго. Сокрушенія Гудруны, осыпавшей Брингильду и братьевъ проклятіями, и мрачное настроеніе Гуннара, мучимаго совѣстью — все это подѣйствовало удручающимъ образомъ на мстительную Брингильду.

Она не могла видѣть равнодушно, какъ ея супругъ, мучимый угрызеніями совѣсти, терзаемый раскаяніемъ, по-

цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ своей палатѣ одинъ, погруженный въ скорбную думу, и тщетно пытался заглушить старымъ медомъ тѣ душевныя муки, которыя не давали ему ни сна, ни покоя. На нее напала жестокая тоска; она не находила себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, горько упрекала Гуннара въ томъ, что онъ рѣшился взять ее обманомъ себѣ въ жены, и наконецъ объявила ему, что жизнь ей стала невыносима, и она рѣшилась покончить съ собою. Напрасно умолялъ ее Гуннаръ — отложить свое пагубное намѣреніе; напрасно пытался и Хёгни отклонить ее отъ мысли о самоубійствѣ... Брингильда настояла на своемъ: она торжественно облеклась въ свой лучшій воинскій доспѣхъ и пронзила себя мечемъ.

Умирая, она просила братьевъ Гьюкунговъ только объ одной милости: чтобы они сожгли ея останки на кострѣ, рядомъ съ останками Сигурда. При этомъ она подробно и спокойно распорядилась всѣми мельчайшими подробностями погребенія, указала, какъ и чѣмъ слѣдуетъ костеръ разукрасить — и всѣ ея распоряженія были приведены въ исполненіе въ точности.

И въ то время, когда смертныя останки Брингильды, на погребальной колесницѣ, медленно подвигались къ кострамъ, разложеннымъ на берегу моря, Гудруна, неутѣшная вдова Сигурда, провожала ихъ злобными взглядами и изступленными проклятіями и клялась отмстить за смерть супруга жестоко и безпощадно...

Тотчасъ послѣ погребенія Сигурда, Гьюкунги овладѣли всѣмъ кладомъ Фафнира, а затѣмъ поспѣшили примириться съ сестрою своею Гудруною, которая дала имъ слово забыть все прошлое. И когда, нѣсколько времени спустя, братъ Брингильды, Атли, явился къ Гьюкунгамъ и сталъ обвинять ихъ въ убійствѣ своей сестры, требуя удовлетворенія за это. Гьюкунги поладили съ нимъ на томъ, что отдали за него замужъ свою сестру Гудруну.

Но Атли былъ завистливъ: ему не давали ни сна, ни покоя богатства Гьюкунговъ, которыми онъ рѣшился

овладѣть во что бы то ни стало. Съ этою цѣлью онъ задумалъ пригласить къ себѣ Гьюкунговъ въ гости и измѣннически ихъ умертвить. Тщетно пыталась Гудруна предостеречь своихъ братьевъ и избавить ихъ отъ угрожавшей имъ гибели; тщетно упрашивали ихъ и жены — не ѣздить въ гости къ коварному Атли. Гьюкунги не вѣрили ни дурнымъ предзнаменованіямъ, ни даже вѣщему предсказанію орла и ворона, которые прокричали имъ съ вѣтвей дуба:

— «Атли омочить въ крови вашей свои мечи... Онъ погубить братьевъ-клятвопреступниковъ!»

Слѣпо вѣруя въ свою счастливую звѣзду, Гуннаръ и Хёгни поѣхали въ гости къ Атли съ большою свитою своихъ приближенныхъ и заплатились жестоко за свою неосмотрительность: они оба были умерщвлены...

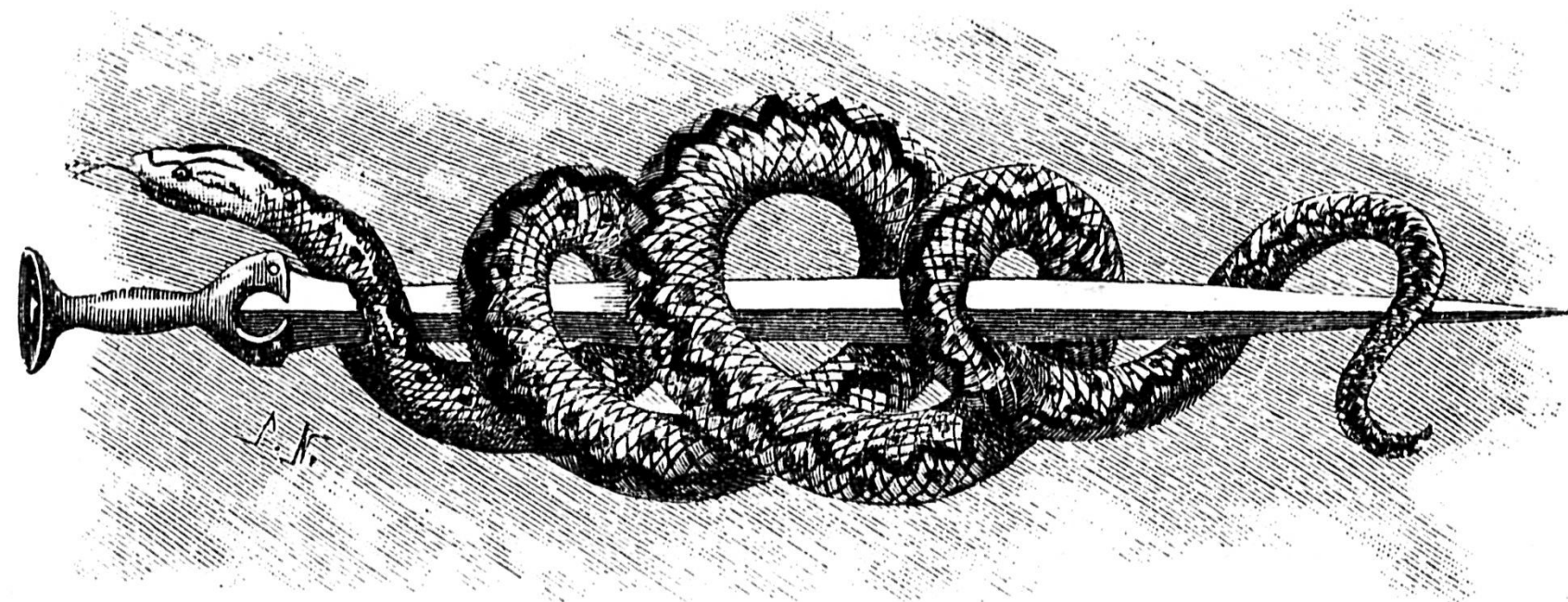
Совершая это злодѣяніе, Атли однакоже забылъ, что на скандинавскомъ Сѣверѣ узы братства цѣнились выше всѣхъ другихъ родственныхъ узъ, а потому и месть за брата была самымъ священнымъ долгомъ сестеръ и братьевъ. Вотъ почему, когда Гудруна отомстила своимъ братьямъ за убіеніе супруга, когда ея чувство злобы было утолено, она выступила противъ Атли мстительницею за братьевъ Гьюкунговъ. Местъ ея была жестока и безпощадна. Сначала она убила обоихъ сыновей Атли, потомъ умертвила его самого, а послѣ того сожгла его замокъ, со всѣми его слугами.

Пѣсня Эдды ничего не сообщаетъ намъ о дальнѣйшей судьбѣ Гудруны. Мы не знаемъ, удовольствовалась-ли она своимъ страшнымъ мщеніемъ — и осталась-ли горестною вдовою доживать свой вѣкъ среди своихъ скорбныхъ воспоминаній?

Но мы знаемъ, что молва народная овладѣла сѣвернымъ преданіемъ о неустрашимомъ и могучемъ Сигурдѣ, и распространила его далеко, далеко — по всѣмъ странамъ, куда шумныя волны заносили скандинавскія ладьи съ неустрашимыми бойцами, всюду, гдѣ блистали скандинавскіе мечи, прорубая себѣ дорогу къ славѣ и побѣдѣ.

Имя Сигурда, передаваемое изъ устъ въ уста, отъ поколѣнїя къ поколѣнїю, дошло и до нашего времени и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ, и въ легендѣ, записанной случайно монахомъ-лѣтописцемъ.

И долго еще будетъ оно жить въ памяти народовъ — и долго еще люди будутъ прислушиваться къ разсказу о его похожденияхъ и подвигахъ.



ПѢСНЬ О НИБЕЛУНГАХЪ





Древнія, скандинавскія сказанія Эдды о Нифлунгахъ и ихъ кладѣ, о Сигурдѣ и его борьбѣ со змѣемъ Фафниромъ, о Гудрунѣ и воинственной дѣвѣ Брингильдѣ — не были исключительно сѣверными, скандинавскими сказаніями: они принадлежали всему германскому племени, и, нѣсколько вѣковъ спустя послѣ того, какъ сложилась Эдда, тѣ же сказанія послужили основою для новой, большіе поэмы, на средне-нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ «пѣсни о Нибелунгахъ» или еще проще: «Гибели Нибелунговъ».

Эта поэма, весьма обширная, пересказываетъ, въ сущности, тѣ же сказанія, которыя уже извѣстны намъ изъ пѣсенъ древней Эдды о Нифлунгахъ; но пересказываетъ ихъ по-своему, съ новыми подробностями и добавленіями, вводитъ въ нихъ много новыхъ дѣйствующихъ лицъ, и при этомъ все дѣйствіе переноситъ съ дальняго Сѣвера на почву Германіи, во времена средневѣковаго рыцарства, въ періодъ борьбы германскаго племени съ различными пришлыми племенами, заявлявшими свои притязанія на средне-европейскія земли.

Всѣ лица, участвующія въ дѣйствіи средне-нѣмецкой поэмы, являются въ ней не грозными скандинавскими викингами, неистовыми и необузданными въ проявленіяхъ

своей громадной физической силы, а вѣжливыми и благовоспитанными рыцарями, которые соблюдаютъ всѣ обычаи, требуемые общежитіемъ, относятся съ уваженіемъ къ женщинамъ, и даже въ битвахъ, даже въ одиночныхъ состязаніяхъ съ оружіемъ въ рукахъ, дѣйствуютъ на основаніи твердо установившихся правилъ рыцарскаго этикета. Въ противоположность пѣснямъ Эдды, въ которой передъ нами еще выступаютъ боги — Одинъ, Хёниръ и Локи — и разныя сказочныя существа, въ родѣ вѣщихъ Грипировъ и хитраго карлика Андвари или кузнеца-волшебника Регина, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ и ихъ гибели дѣйствуютъ обыкновенные смертные, ничего общаго не имѣющіе съ языческимъ прошлымъ и языческими богами. Всѣ они вѣруютъ въ Бога и соблюдаютъ церковные обряды.

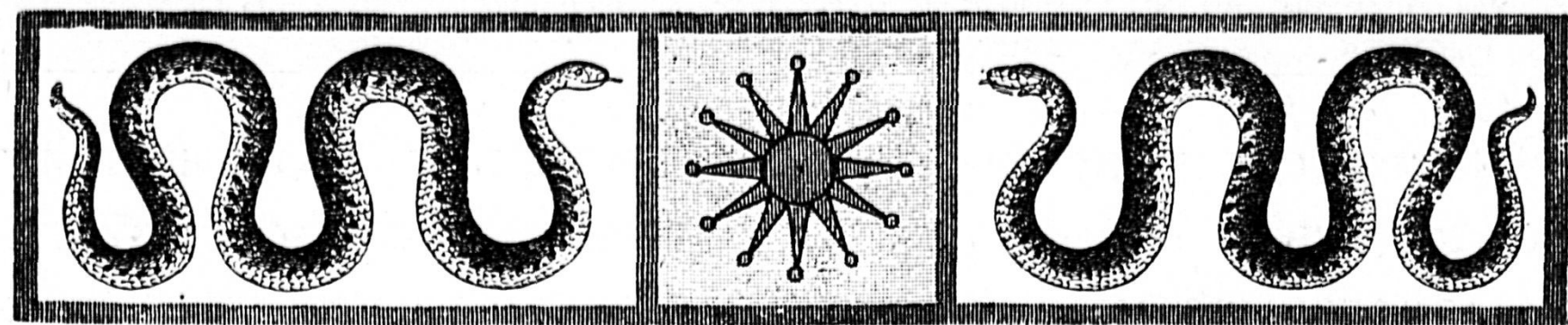
Одна изъ двухъ женщинъ, выведенныхъ въ этой поэмѣ, Брунгильда, и по имени своему напоминающая Брингильду скандинавской Эдды, — уже нисколько не походитъ на валкирію, на окрыленную воинственную дѣву, призванную исполнять порученія бога Одина и помогать смертнымъ въ битвахъ. Брунгильда, въ средне-нѣмецкой поэмѣ — просто дѣвушка, одаренная дивною красотою и прославленная своимъ необычайнымъ искусствомъ въ рыцарскихъ воинскихъ упражненіяхъ; ея физическая сила и умѣнье дѣйствовать оружіемъ настолько велики, что только одинъ богатырь-Сигфридъ можетъ съ нею справиться, да и тотъ одолеваетъ ее при помощи «шапки-невидимки», — и на этомъ простомъ преобладаніи его силы и умѣнья надъ ея силою и ловкостью основывается и завязка, и важнѣйшія дѣйствія поэмы.

«Пѣснь о Нибелунгахъ» сохранилась во множествѣ списковъ, которые заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе полный текстъ поэмы, раздѣленной на нѣсколько отдѣльных главъ или пѣсенъ. Это множество списковъ указываетъ на то, что поэма была долгое время любимымъ произведеніемъ среди того рыцарскаго кружка, въ которомъ она возникла: — ее читали и переписывали, а пѣвцы пѣли

отдѣльные отрывки изъ нея на пирахъ и празднествахъ, на сѣздахъ и собраніяхъ. Содержаніе пѣсни о Нибелунгахъ, доступное и красиво изложенное въ короткихъ, но звучныхъ стихахъ, должно было всѣмъ нравиться; оно и до настоящаго времени не утратило своей нѣкоторой поэтической прелести и привлекательности, и въ современной нѣмецкой литературѣ и въ современномъ нѣмецкомъ искусствѣ послужило основою цѣлаго ряда прекрасныхъ, высокохудожественныхъ произведеній.

Отмѣтимъ еще одну любопытную черту въ изложеніи средне-нѣмецкой поэмы. Въ противоположность сказаніямъ Эдды, которыя не опредѣляютъ мѣста дѣйствія своихъ витязей или указываютъ на него очень туманно — пѣснь о Нибелунгахъ весьма подробно излагаетъ, гдѣ именно происходитъ дѣйствіе ея отдѣльных главъ и откуда являются ея важнѣйшіе герои. Такъ Сигфридъ представляется въ поэмѣ сыномъ короля нидерландскаго; братья Кримгильды — короли Бургундіи и прирейнскихъ земель; ссора королевъ происходитъ въ Вормсѣ; король Этцель, предлагающій руку овдовѣвшей Кримгильдѣ, правитъ Гуннами. Только относительно Брунгильды средне-нѣмецкая поэма выражается неясно, указывая на какой-то дальній островъ на сѣверномъ морѣ, какъ на ея родину.





Пѣснь о Нибелунгахъ начинается вѣщимъ сномъ Кримгильды, сестры Бургундскихъ королей—Гунтера, Гизелера и Гернота.

Красавицѣ-Кримгильдѣ снится, будто два орла налетаютъ на нее, въ то время, когда она на охотѣ ѣдетъ по полю со своимъ любимымъ соколомъ на рукавицѣ. Соколъ этотъ вскормленъ ею, ею прирученъ и приученъ къ охотѣ; она никогда съ нимъ не разстанется... А орлы налетѣли, сорвали его съ ея рукавицы, и на глазахъ ея растерзали, разметавъ его перья. «Страшный сонъ! Горестный сонъ!.. Онъ не пророчитъ ей ничего добраго!»

И она, поднявшись съ постели, спѣшитъ къ своей матери и проситъ ее пояснить значеніе загадочнаго сна.

Мать печально покачала головою и сказала дочери:

— «Любимый соколъ твой означаетъ собою благороднаго рыцаря, котораго ты полюбишь всѣмъ сердцемъ... И да хранить его Господь, такъ какъ тебѣ придется потерять его...»

Предсказанія матери вскорѣ начинаютъ отчасти сбываться. Является рыцарь, къ которому Кримгильда должна въ послѣдствіе привязаться всѣмъ сердцемъ...

Слава объ умной и прекрасной Кримгильдѣ разносится вширь и вдаль по всѣмъ окрестнымъ странамъ, и



вотъ узнаетъ объ этой красавицѣ удалой сынъ Сигмунда, короля нидерландскаго, прекрасный и мощный витязь, Сигфридъ. Уже съ молодую этотъ витязь прославился многими дивными подвигами, и теперь, задумавъ жениться, рѣшился добыть себѣ въ жены красавицу Кримгильду, сестру могущественныхъ королей Бургундскихъ. Напрасно отговариваютъ его родные и близкіе, напрасно указываютъ ему на другихъ невѣстъ-красавицъ: Сигфридъ, съ небольшою избранною свитою, ѣдетъ ко двору Бургундскихъ королей.

— «Кто эти рыцари, что вѣхали во дворъ нашего замка?»—спрашиваютъ другъ друга король-братья, Гунтеръ, Гизелеръ и Гер-

Мать толкуетъ Кримгильдѣ ея сонъ.

ноть, пристально вглядываясь въ прїѣзжихъ гостей изъ окна замковой залы.

Никто не можетъ имъ на это дать отвѣта, потому что никто не видалъ еще въ Бургундіи рыцарей въ такихъ богатыхъ блестящихъ доспѣхахъ, на такихъ чудныхъ могучихъ коняхъ. Тогда короли-братья рѣшаются спросить о прїѣзжихъ у суроваго Хагена, одного изъ своихъ приближенныхъ рыцарей; а этотъ рыцарь славится тѣмъ, что ему близко извѣстны всѣ сосѣднія страны и гербы всѣхъ знаменитыхъ рыцарскихъ родовъ.

Когда Хагену заданъ былъ на рѣшеніе этотъ трудный вопросъ, онъ долго и внимательно всматривался въ прїѣзжихъ витязей и наконецъ сказалъ:

— «Это, должно быть, не кто иной, какъ доблестный Сигфридъ Нидерландскій — тотъ самый, что прославился битвою со змѣемъ и съ лукавымъ карликомъ Альберихомъ, старымъ кудесникомъ... Бился онъ съ ними за обладаніе богатѣйшимъ ихъ кладомъ и побѣдой этой пріобрѣлъ несмѣтныя богатства, да кстати и еще одну диковинку — «шапку-невидимку», при помощи которой онъ всюду можетъ проникнуть незримо. Одно могу вамъ посовѣтовать: примите храбраго витязя какъ можно лучше, ибо онъ вполнѣ достоинъ такого пріема».

Братья короля послѣдовали разумному совѣту Хагена, приняли Сигфрида съ великимъ почетомъ и щедро угощали и его, и свиту. Но сколько они ни пытались добиться отъ него, что именно побудило его предпринять столь далекое путешествіе, сдержанный Сигфридъ ни единымъ словомъ не обмолвился о главной цѣли своего прїѣзда къ Бургундскому двору.

Впрочемъ, королямъ-братьямъ и не пришлось слишкомъ долго бесѣдовать съ своимъ именитымъ гостемъ; — на Бургундію неожиданно надвинулась военная гроза. Король Саксонскій внезапно объявилъ войну бургундскимъ королямъ и вторгся съ войскомъ въ ихъ владѣнія. Тогда короли-братья поспѣшно собрались на войну, и Сигфридъ по



Прїѣздъ Сигфрида въ замокъ королей Бургундскихъ.

доброй волѣ вызвался имъ помогать. Только заручившись помощью такого беззавѣтно-храбраго витязя, короли-братья могли одержать побѣду надъ мужественными Саксами, и вернулись домой съ плѣнными и трофеями, отбитыми у непріятеля. За побѣдою послѣдовалъ цѣлый рядъ блестящихъ празднествъ и шумныхъ пиршествъ при бургундскомъ дворѣ, и вотъ на одномъ изъ этихъ празднествъ удалось наконецъ Сигфриду увидѣть красавицу Кримгильду.

Дивная красота Кримгильды поразила юнаго витязя—и Кримгильду также поразилъ мужественный видъ молодого и прекраснаго рыцаря, передъ которымъ всѣ остальные витязи казались ничтожными и незамѣтными. И вотъ между Сигфридомъ и Кримгильдой зародилось то чувство, которое должно было ихъ привести подъ вѣнецъ...

Въ то время, когда Сигфридъ уже готовился свататься за Кримгильду и просить ея руки—одинъ изъ братьевъ-королей, Гунтеръ, прослышалъ, что гдѣ-то далеко на Сѣверѣ живетъ царевна, по имени Брунгильда, знаменитая своею красотою и недоступностью. Всякаго витязя, дерзающаго ей предложить свою руку и сердце, эта царевна подвергаетъ тремъ испытаніямъ, и если онъ не выдержитъ хоть одного изъ нихъ, то долженъ поплатиться за это жизнью. Эти испытанія состоятъ въ обычныхъ воинскихъ упражненіяхъ, которыя извѣстны каждому витязю; но дѣло въ томъ, что царевна въ нихъ такъ искусна и ловка, что лишь немногіе рыцари могутъ съ нею тягаться.

Прослышавъ объ этой царевнѣ и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыми былъ обставленъ доступъ къ ней, Гунтеръ возгорѣлся желаніемъ во что-бы то ни стало добыть себѣ Брунгильду въ жены и съ этою цѣлью рѣшился пуститься въ дальній путь къ ея царству.

Добродушный Сигфридъ и тутъ вызвался помочь Гунтеру, который, конечно, былъ очень доволенъ возможностью заручиться такимъ мужественнымъ и мощнымъ спутникомъ;

при этомъ они даже вступили въ такое соглашеніе: Гунтеръ далъ слово Сигфриду, что если тотъ поможетъ ему жениться на Брунгильдѣ, то въ благодарность получитъ руку красавицы Кримгильды.

Сборы въ путь были недолги. Гунтеръ великолѣпно снарядился съ немногими избранными спутниками въ дальнее странствованіе. Сѣли въ ладью, богато изукрашенную, подняли парусъ и отплыли отъ берега среди всеобщихъ пожеланій.

Самъ Сигфридъ сталъ на руль и правилъ ладьею, которая поплыла сначала внизъ по Рейну, а затѣмъ вышла въ море, и бурныя волны быстро помчали ладью бургундскихъ витязей къ скалистымъ берегамъ Брунгильдина острова.

Высадившись на островѣ, Гунтеръ выдалъ Сигфрида за своего вассала, скрывъ его имя и его именитое происхожденіе. И Сигфридъ самъ старался поддержать это показаніе Гунтера и всѣхъ ввелъ въ заблужденіе тѣмъ, что выказывалъ Гунтеру подобострастное уваженіе, держалъ ему стремя, когда тотъ садился на коня, и одѣвался очень скромно, въ простыя одежды, какъ самый обыкновенный смертный.

Брунгильда приняла дальнихъ заѣзжихъ гостей ласково и съ большимъ почетомъ, и вскорѣ послѣ того, узнавъ о цѣли ихъ пріѣзда, назначила Гунтеру время для предстоявшихъ ему испытаній. Она и не подозрѣвала, что ей при этомъ придется вступать въ состязаніе не съ Гунтеромъ, а съ первымъ въ мірѣ рыцаремъ и бойцомъ, Сигфридомъ Нидерландскимъ.

А Сигфридъ, между тѣмъ, успѣлъ приготовиться на помощь Гунтеру; онъ добылъ изъ ладьи свою дивную шапку-невидимку, надѣлъ ее, и, скрытый отъ глазъ Брунгильды, сталъ усердно помогать Гунтеру во всѣхъ назначенныхъ ему испытаніяхъ: въ стрѣльбѣ изъ лука, въ метаніи копья и огромныхъ камней, въ умѣнны владѣть ме-



чемъ и боевымъ топоромъ. Оказалось, что во всѣхъ этихъ упражненіяхъ воинственная дѣва Брунгильда была необычайно искусна, да и силу выказывала такую, что Гунтеръ, безъ помощи Сигфрида, никакъ бы не могъ съ нею справиться. Но, благодаря скрытой помощи Сигфрида, Гунтеръ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ состязаній, и побѣжденная имъ Брунгильда согласилась выйти за него замужъ.

Вскорѣ послѣ того, Гунтеръ торжественно возвратился со своею невѣстою въ Бургундію, а нѣсколько дней спустя онъ исполнилъ обѣщаніе, данное наканунѣ отъѣзда Сигфриду: двѣ свадьбы были отпразднованы въ одинъ день — Гунтеръ вѣнчался въ соборѣ съ Брунгильдою, а Сигфридъ съ Кримгильдою. За свадебной церемоніей послѣдовалъ роскошный пиръ въ замкѣ братьевъ-королей, и за тѣмъ пиромъ конца не было радостнымъ кликамъ и здравицамъ за молодыхъ; но свадебный пиръ закончился далеко неодинаково для обоихъ витязей, повѣнчанныхъ въ тотъ день въ соборѣ... Когда Гунтеръ остался наединѣ со своею супругою, и хотѣлъ ее приласкать, она вдругъ вздумала показать ему свое превосходство въ силѣ и ловкости: схватила его за плечи, связала по рукамъ и ногамъ — и повѣсила на стѣну за поясъ. Какъ онъ ни бился, какъ ни старался освободиться отъ узъ, онъ ничего не могъ сдѣлать и долженъ былъ сознать свое ничтожество передъ могучею дѣвою, которая, наконецъ, надъ нимъ сжалилась и сняла его со стѣны, но отвернулась отъ него съ пренебреженіемъ и не удостоила его даже взглядомъ. Бѣдный Гунтеръ всю ночь не смыкалъ глазъ, мучимый оскорбленнымъ самолюбіемъ и сознаніемъ своего безсилія.

На другой день, когда оба молодыхъ супружества сошлись вмѣстѣ за общею трапезою, Гунтеръ отвелъ своего друга Сигфрида въ сторону и рассказалъ ему съ грустью обо всемъ, что случилось. Добродушный Сигфридъ отъ

души пожалѣлъ друга, и тотчасъ же вызвался ему помочь, не предвидя того, что онъ тѣмъ самымъ долженъ будетъ погубить себя...

Въ тотъ же вечеръ, надѣвъ свою шапку-невидимку, онъ проскользнулъ незамѣтно въ опочивальню Брунгильды вслѣдъ за Гунтеромъ, и когда Брунгильда хотѣла опять поглумиться надъ своимъ мужемъ, Сигфридъ помогъ Гунтеру въ борьбѣ съ нею, одолѣлъ ее и передалъ въ руки друга, а самъ, въ знакъ побѣды надъ могучею воинственною дѣвою, унесъ съ собою ея поясъ. Послѣ того, пропировавъ еще нѣсколько дней при бургундскомъ дворѣ, Сигфридъ со своею молодою супругою и богатою свитою отправился въ обратный путь въ Нидерланды.

Затѣмъ минуло нѣсколько лѣтъ, втеченіе которыхъ Сигфридъ мирно и счастливо жилъ со своею супругою и успѣлъ почти позабыть объ услугахъ, оказанныхъ имъ Гунтеру. Но гордая и заносчивая Брунгильда, которая почитала Сигфрида вассаломъ своего мужа Гунтера, нѣсколько разъ справлялась у него, почему Сигфридъ не является къ нему на поклонъ, какъ другіе, а живетъ въ своей землѣ, какъ полновластный владыка ея, и не присылаетъ Гунтеру ни даровъ, ни дани? Гунтеръ каждый разъ отвѣчалъ женѣ уклончиво, опасаясь того, что она можетъ угадать его настоящія отношенія къ Сигфриду и, конечно, не смѣя пояснить, что онъ самъ гораздо болѣе обязанъ оказывать почтенія Сигфриду, чѣмъ Сигфридъ — ему. Но Брунгильда не давала ему покоя, продолжая его упрекать въ слабости и слишкомъ снисходительномъ отношеніи къ вассаламъ, и вотъ, наконецъ, Гунтеръ рѣшился пригласить къ себѣ Сигфрида въ гости, не сказавъ о томъ ни слова женѣ своей, которая должна была подумать, что Сигфридъ, по собственному побужденію, явился отдать долгъ почтенія своему господину, королю Бургундскому.

По этому поводу отправлены были нарочные гонцы въ Нидерланды и вернулись оттуда съ извѣстіемъ, что Сигфридъ съ супругою и приближенными своими вскорѣ явится ко двору бургундскихъ королей-братьевъ.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, Сигфридъ съ женою и отцомъ Сигмундомъ, окруженный многочисленною и богатою свитою, явился въ Вормсъ, откликаясь на дружеское и родственное приглашеніе братьевъ-королей.

Но радость свиданія вскорѣ была омрачена тѣми перекорами и даже ссорами, которыя, съ первыхъ же дней, начались между обѣими красавицами-королевами. Гордая Брунгильда, принимая Сигфрида за вассала, обязаннаго почтеніемъ и повиновеніемъ волѣ ея мужа, требовала и отъ Кримгильды приниженнаго и подобострастнаго отношенія къ себѣ. Кримгильда же, напротивъ того, проникнута была восторженнымъ почтеніемъ къ своему супругу и ставила его выше всѣхъ витязей на свѣтѣ; по ея мнѣнію, съ Сигфридомъ никто не дерзалъ думать равняться, и потому, когда Брунгильда заговаривала о достоинствахъ и дѣяніяхъ своего супруга, короля Гунтера, Кримгильда рѣзко возражала ей, что эти достоинства ничтожны по сравненію съ доблестями Сигфрида. Этотъ споръ породилъ въ Брунгильдѣ желаніе проучить Кримгильду при всѣхъ и доказать ей вполнѣ очевидно, что ея мужъ не болѣе какъ вассалъ и подчиненный короля Гунтеръ. Для этой цѣли она рѣшилась воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, который и представился ей, когда въ ближайшій воскресный день обѣ королевы — Брунгильда и Кримгильда, со своими свитами, — сошлись у входа въ соборъ.

Брунгильда, даже не удостоивъ Кримгильду вниманіемъ или поклона, хотѣла прежде ея войти въ соборъ. Но Кримгильда загородила ей дорогу и сказала во всеуслышаніе:

— «Ты не смѣешь войти въ соборъ прежде меня, потому что мой мужъ знаменитѣе твоего мужа и болѣе его славенъ силою и мужествомъ своимъ. Если бы мой мужъ не помогъ твоему мужу въ борьбѣ и состязаніяхъ съ тобою,



Сигфридъ клятвою опровергаетъ показанія Кримгильды.

то Гунтеру никогда не удалось бы одолѣть тебя... Вотъ взгляни, въ знакъ побѣды надъ тобою, мой Сигфридъ снялъ съ тебя тотъ поясъ, которымъ теперь я опоясана».

Брунгильда бросила быстрый взглядъ на поясъ Кримгильды, и узнала въ немъ тотъ самый, который, дѣйствительно, пропалъ у нея въ свадебную ночь... Злоба, стыдъ и жажда мести разомъ овладѣли ея гордымъ сердцемъ. Она измѣнилась въ лицѣ, и не знала, что сказать, что отвѣтить... А Кримгильда, между тѣмъ, быстро прошла мимо нея въ соборъ со всею своею свитою.

Слухъ объ обидѣ, нанесенной Кримгильдою Брунгильдѣ, быстро распространился по всему городу Вормсу и вызвалъ самые разнообразные и шумные толки. Брунгильда стала жаловаться мужу и требовала удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное ей. Сверхъ того, она потребовала у мужа объясненія: какимъ образомъ ея поясъ могъ попасть въ руки Кримгильды? Гунтеръ при этомъ вопросѣ такъ смутился, что даже и не зналъ, что отвѣтить на вопросъ жены. Кое-какъ отдѣлавшись отъ жены, онъ, ради своего оправданія, рѣшился на отчаянное средство: — онъ откровенно разсказалъ Сигфриду о ссорѣ ихъ женъ, и умолялъ какъ-нибудь уладить дѣло...

Тогда добродушный и благородный Сигфридъ, чтобы выручить своего друга-шурина изъ бѣды, заявилъ во всеуслышаніе, что его жена, Кримгильда, оклеветала Брунгильду безъ всякаго основанія и на Гунтера, брата своего, тоже взвела напраслину...

Такимъ образомъ, миръ былъ внѣшнимъ образомъ, восстановленъ, и всякія несогласія должны были бы этимъ закончиться. Но Брунгильда не умѣла прощать: въ ея душѣ затаилась страшная ненависть къ Сигфриду и всему его роду. Къ тому же и Гунтеръ сталъ опасаться Сигфрида, который всегда могъ выдать его тайну; а при этихъ опасеніяхъ Брунгильдѣ не трудно было возбудить и поддержать въ Гунтерѣ озлобленіе противъ благороднаго Сиг-

фрида; къ Брунгильдѣ и Гунтеру, уже озлобленнымъ противъ Сигфрида, присоединился вскорѣ еще и Хагенъ, — приближенный вассалъ и правая рука Бургундскихъ королей. Этотъ свирѣпый, неукротимый воинъ, которому милѣе всего на свѣтѣ была честь его господина, не могъ простить оскорбленія, нанесеннаго Кримгильдою Брунгильдѣ, ни примириться съ мыслью, что Сигфридъ былъ богаче, сильнѣе и мужественнѣе короля Гунтера. Онъ полагалъ, что, по смерти Сигфрида, не останется никого, кто бы могъ защитить и оградить богатства Сигфрида отъ притязаній со стороны родныхъ его жены. Притомъ и въ личныхъ сношеніяхъ съ Брунгильдой, Хагенъ успѣлъ набраться такой злобы и ненависти противъ Сигфрида что онъ вскорѣ и Гунтера сталъ убѣждать въ необходимости убить Сигфрида.

— «Но какъ его убьешь?!» — сказалъ однажды Гунтеръ Хагену. «Не говоря уже о томъ, что справиться съ такимъ богатыремъ намъ и обоимъ будетъ не подъ силу; но развѣ же ты не знаешь, какая на немъ кожа?»

— «Какая кожа?» — съ удивленіемъ переспросилъ Хагенъ.

— «Его кожа неуязвима для оружія... Она, какъ рогъ дикаго тура! И на тѣлѣ его есть только одно мѣсто, въ которое онъ можетъ быть раненъ... Но никто не знаетъ, гдѣ это мѣсто...»

— «Но почему же онъ покрытъ такою кожей? Откуда у него взялась такая дивная природная броня?» — спросилъ изумленный и раздосадованный этимъ обстоятельствомъ Хагенъ.

— «Въ то время, какъ онъ убилъ змѣя Фафнира, онъ догадался искупаться въ его крови, и эта то кровь придала такую непроницаемость его кожѣ... Только въ одномъ мѣстѣ листокъ, упавшій съ дерева, прильнулъ къ его тѣлу, и только въ этомъ мѣстѣ кровь змѣя его не омочила».

— «Такъ надо бы у него самого или у близкихъ его, хоть какънибудь, похитрѣе и поискуснѣе разузнать, — гдѣ именно это мѣсто?» — сказалъ королю Хагенъ.

— «Подумаемъ... Посмотримъ — попытаемъ!» — отвѣчалъ ему Гунтеръ.

И точно: — придумалъ лукавую и хитрую затѣю! Прежде всего онъ распустилъ при дворѣ своемъ слухъ, будто одинъ изъ сосѣднихъ королей ѣдетъ на него войною, и обратился къ Сигфриду съ просьбою помочь ему въ войнѣ; и тотъ, конечно, на это согласился. Кримгильда, нѣжно любившая Сигфрида, сильно встревожилась, узнавъ объ этой



предстоящей войнѣ, тѣмъ болѣе, что ее, около этого времени, мучили какія-то странныя, мрачныя предчувствія. Воспользовавшись этимъ настроеніемъ сестры, Гунтеръ сталъ къ ней очень нѣженъ, лукаво выхвалялъ передъ нею Сигфрида, называя его своимъ лучшимъ закадычнымъ другомъ, и въ то же время выпрашивалъ у Кримгильды, гдѣ находится на тѣлѣ Сигфрида мѣсто, уязвимое для оружія?

— «Ты знаешь, какъ я люблю его, какъ онъ мнѣ дорогъ!... Такъ вотъ и пойми, что я хотѣлъ бы знать это мѣсто лишь для того, чтобы защищать его отъ опасныхъ ударовъ... И если бы я зналъ, я сѣумѣлъ бы укрыть это мѣсто моимъ щитомъ!»

Кримгильда-же, въ простотѣ душевной отвѣчала ему:

— «Это мѣсто у мужа моего на спинѣ, между лопатками, такъ какъ листокъ съ дерева, подъ которымъ онъ купался въ крови Фафнира, упалъ на это мѣсто и крѣпко-крѣпко къ нему прильнулъ»...

— «Такъ надо бы его хоть чѣмъ нибудъ обозначить на одеждѣ—чтобы я могъ его наглядно знать и постоянно имѣть въ виду»,—продолжалъ настаивать лукавый Гунтеръ.

— «О! я это сдѣлаю... Я обозначу тебѣ это мѣсто, любезный братъ мой! Я нашью шелкомъ кружекъ на

одеждѣ Сигфрида какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прильнулъ листокъ... И молю тебя—защити, защити его отъ ударовъ.

На другой день Гунтеръ подговорилъ Сигфрида ѣхать съ нимъ и со всѣми придворными на охоту. Сигфридъ, страстно любившій охоту, тотчасъ согласился на предложеніе своего шурина, не предполагая даже того коварнаго умысла, который крылся въ этомъ предложеніи. И тщетно старалась его отклонить отъ этой поѣздки Кримгильда, которая въ послѣднее время постоянно терзалась самыми мрачными, самыми тягостными предчувствіями...

— «Не ѣзди ты на эту охоту»,—говорила она со слезами своему дорогому мужу. «Мнѣ такъ и кажется, что съ тобою должно случиться что-то недоброе... Послушай, какіе страшные сны мнѣ снятся! То я вижу въ прошлую ночь, что на тебя упали двѣ горы, и скрыли милаго отъ моихъ глазъ... То вдругъ представилось мнѣ, что за тобою по пятамъ гонятся два вепря, что они терзаютъ тебя, и кругомъ вся трава обагрена твоею кровью... О, не ѣзди сегодня на охоту—останься со мною!»

Но добродушный и благородный Сигфридъ постарался успокоить свою жену... Совѣсть его была чиста и свободна отъ всякихъ укоровъ; а потому онъ и въ сердцѣ окружавшихъ его людей не способенъ былъ видѣть ихъ черные замыслы. Ласково уговаривалъ онъ Кримгильду не тревожиться, обѣщалъ вернуться съ охоты пораньше; а затѣмъ надѣлъ свое легкое охотничье платье, привѣсилъ мечъ къ поясу, взялъ копье и шитъ въ руки, простился съ женою — и направился съ Гунтеромъ и Хагеномъ на охоту въ дремучій Отенскій лѣсъ. Большая свита королей бургундскихъ, псары и загонщики, и стая гончихъ и другихъ собакъ, а также и обозъ съ запасами, все это двинулось вслѣдъ за королями и ихъ мрачнымъ спутникомъ, Хагеномъ.

Охота оказалась очень удачною. Звѣрь такъ и шелъ на ловца, и много всякой лѣсной дичи и звѣря досталось въ тотъ день въ добычу. Смѣлый и ловкій на охотѣ Сигфридъ всѣхъ удивлялъ проявленіями своей силы и умѣнья. Начатая на разсвѣтѣ охота затянулась почти до полудня, и когда солнце стало къ нему близиться, Сигфридъ почувствовалъ непреодолимый голодъ и потребность въ отдыхѣ, и направился къ тому сборному мѣсту, къ которому давно уже сзывали охотниковъ громкіе звуки роговъ...

А между тѣмъ Гунтеръ съ Хагеномъ, тщательно обдумавъ свой черный умыселъ, все предусмотрѣли и приготовили такъ, чтобы онъ могъ закончиться удачно. Въ этихъ видахъ они распорядились устроить сборное мѣсто и раскинуть шатры для отдыха охотниковъ въ мѣстности безводной — далеко отъ ключа. При этомъ повару данъ былъ приказъ — какъ можно болѣе пересолить всѣ кушанья, предназначенныя для королевскаго стола, а напитки никакихъ на столъ не подавать... Расчетъ ихъ былъ вѣренъ: жажда должна была вынудить Сигфрида къ отысканію студенаго ключа — онъ долженъ былъ туда направиться, а за нимъ слѣдомъ пошли бы туда и убійцы его, которые не дерзали совершить свое богомерзкое дѣло на глазахъ у всей своей свиты...

Все случилось, какъ по писанному. Сигфридъ явился на сборное мѣсто голодный, жадно принялся за предложенныя ему кушанья, ѣлъ много и съ удовольствіемъ, и, почувствовавъ сильную жажду, захотѣлъ утолить ее виномъ. Тогда Гунтеръ съ нѣкоторымъ смущеніемъ сталъ передъ нимъ извиняться въ томъ, что его люди, по непростительной оплошности, не захватили съ собою никакого вина на охоту...

— «На нынѣшній день», — такъ добавилъ король Гунтеръ — «намъ придется довольствоваться водою изъ лѣснаго ключа».

— «Кстати, я знаю, въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда, свѣтлый и прекрасный ключъ, въ лѣсной глуши», — сказалъ

Хагенъ. «Тамъ хватить воды на всѣхъ насъ — и притомъ еще чудной, студеной... Предлагаю благородному Сигфриду бѣжать отсюда къ тому ключу взапуски со мною! Кто обгонитъ, тотъ первый напьется изъ ключа и выиграстъ закладъ»...

— «Я бѣгаю настолько быстро», сказалъ Сигфридъ, «что мнѣ немного найдется въ бѣгѣ соперниковъ... И я не хочу выиграть отъ тебя закладъ безъ всякаго труда»!

— «О, нѣтъ! Ты ошибаешься: — въ бѣгѣ я могу съ тобою смѣло тягаться!» — настаивалъ Хагенъ.

— «Пожалуй, ужъ если ты такъ думаешь, я готовъ бѣжать съ тобою взапуски», — сказалъ Сигфридъ — «однакоже съ тѣмъ, что ты побѣдишь налегкѣ, безъ всякаго оружія, а я съ мечемъ на бедрѣ и съ копьемъ и щитомъ въ рукѣ».

Поспорили, согласились и побились объ закладъ. Когда же бѣгъ начался, то всѣ дѣйствительно увидѣли, что Сигфридъ былъ правъ: онъ далеко оставилъ за собою Хагена и мчался къ ключу съ быстротою оленя.

Добѣжавъ первый до ключа, Сигфридъ отстегнулъ мечъ отъ пояса, отбросилъ въ сторону копье и щитъ, и, расположившись на травѣ, жадно припалъ разгоряченными устами къ струѣ холодной оживляющей влаги. Хагенъ, прибѣжавъ къ ключу вслѣдъ за Сигфридомъ, тотчасъ рѣшился воспользоваться удобной минутой для выполнения своего чернаго замысла... Осторожно подкравшись, онъ поднялъ страшный Сигфридовъ мечъ съ травы и отнесъ его далеко въ сторону; потомъ схватилъ его острое копье, и, высмотрѣвъ внимательно кружокъ нашитый шелками на его платѣ, вдругъ изо всей силы ударилъ копьемъ въ этотъ кружокъ и прокололъ насквозь грудь Сигфрида, такъ что копье проникло до самаго сердца.

Сигфридъ сразу почувствовалъ, что рана была смертельна; собравшись съ послѣдними силами, онъ вскочилъ еще на ноги, какъ разъяренный левъ, и увидѣлъ Хагена,

который убѣгалъ отъ него, какъ заяцъ... Онъ хотѣлъ устремиться вслѣдъ за нимъ, съ оружіемъ въ рукахъ — искалъ оружіе... Но оружія не было подъ руками. Тогда схватилъ онъ лежавшій на травѣ щитъ свой и мощною рукою метнулъ его вслѣдъ убійцѣ. Щитъ со свистомъ разсѣкъ воздухъ и, еслибъ Хагенъ не успѣлъ отскочить въ сторону, то былъ бы убитъ наповаль... Но это послѣднее усиліе окончательно сломило Сигфрида, и онъ палъ на траву, истекая кровью.

Когда страшная вѣсть объ убіеніи Сигфрида распространилась между бывшими на охотѣ, всѣ поспѣшили къ ключу, у котораго знаменитый витязь лежалъ, готовый встрѣтить смерть безъ робости и унынія. Послѣднія минуты его были торжественны. Увидѣвъ въ окружавшей его толпѣ и Гунтера, и Хагена — своихъ коварныхъ убійцъ, не постыдившихся прійти вмѣстѣ съ другими къ ключу, Сигфридъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ съ укоризною:

— «Вѣрьте мнѣ, вы на себя самихъ наложили руки!»

Когда же онъ закрылъ очи на вѣки, Гунтеръ и Хагенъ приказали охотникамъ взвалить его тѣло на телѣгу и отвезти въ Вормсъ; и тамъ они имѣли жестокость покинуть тѣло Сигфрида на порогѣ опочивальни его дорогой и любимой супруги, Кримгильды...

Можно себѣ представить отчаянье Кримгильды, горестъ стараго Сигмунда и ужасъ, овладѣвшій всѣми Нидерландцами, когда на другой день разнеслась по Вормсу вѣсть о страшномъ злодѣяніи, которое нарушало всѣ права гостепріимства, и порывало всѣ дружескія и родственныя связи между двумя королевскими домами. Всѣ Нидерландцы вооружились и собрались во-едино около своего стараго короля; грозно и злобно смотрѣли они на Бургундцевъ, но численность ихъ была въ такой степени незначительна, что они не посмѣли и думать о мщеніи за своего господина.



Хагенъ предательски убиваетъ Сигфрида.

Похороны храброго изъ храбрыхъ были очень трогательны, и картина ихъ, въ «пѣснѣ о Нибелунгахъ», принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ этой замѣчательной нѣмецкой поэмы:

«Отслуживши въ соборѣ, понесли тѣло Сигфрида къ могилѣ — и весь народъ кругомъ сокрушался и плакалъ, жалѣя о почившемъ. Прежде, чѣмъ гробъ опустили въ могилу, надъ нимъ еще долго читали и пѣли духовные, которыхъ множество собралось отовсюду на похороны Сигфрида. Несчастная Кримгильда такъ убивалась у тѣла его, что ее много разъ должны были отливать водою: — безмѣрна была ея печаль, и нельзя не дивиться тому, что она перенесла ее и осталась въ живыхъ... Воплямъ Кримгильды вторили многія женщины. Когда, наконецъ, уже слѣдовало опустить гробъ въ могилу, королева сказала:

— «Дайте мнѣ еще разъ его обнять, еще разъ взглянуть ему въ лицо!»

И она просила такъ упорно, такъ настойчиво, что ей не могли отказать, и взломали для нея богатый гробъ Сигфрида. Тогда она приподняла его прекрасную голову и принесла послѣднее лобзанье благородному рыцарю... И изъ свѣтлыхъ ея очей закапали кровавыя слезы! Она не могла болѣе устоять на ногахъ, и безъ чувствъ упала на руки окружавшихъ ее женщинъ».

По окончаніи всѣхъ печальныхъ церемоній, Кримгильда впала въ то тяжелое оупѣніе, которое слѣдуетъ за каждымъ истиннымъ горемъ. Она не вникала ни во что, кругомъ ея происходившее, и ко всему относилась безучастно. Въ Нидерланды она не захотѣла уѣхать, не пожелала покинуть Вормсъ, гдѣ погребенъ былъ ея милый, дорогой, незабвенный Сигфридъ; а когда ея мать, Ута, основала близъ Вормса монастырь и въ немъ заняла одну изъ келій — къ ней переселилась на житье и Кримгильда, и велѣла туда перенести останки Сигфрида.

Между тѣмъ, безсовѣстные Сигфридовы убійцы, Гунтеръ и Хагенъ, пользуясь угнетеннымъ и нравственно-по-

давленнымъ состояніемъ несчастной женщины, потребовали у нея ключей отъ Сигфридовой казны — и она безпрекословно отдала имъ эти ключи. Тогда они завладѣли всѣмъ кладомъ Нибелунговъ, оставивъ Кримгильдѣ лишь самую ничтожную часть сокровищъ, составлявшихъ этотъ древній и богатѣйшій кладъ. Мало того, желая обезпечить себя и на будущее время отъ всякихъ притязаній со стороны Кримгильды, они предложили ей съ ними помириться... Она и на это изъявила согласіе; но въ сердцѣ затаилось у нея иное чувство!..

Прошло нѣкоторое время. Кримгильда немного очнулась отъ своего тяжелаго оупѣнія, и, мало-по-малу, стала сознавать всю громадность злодѣянія, совершеннаго Гунтеромъ и Хагеномъ, всю горечь своего одиночества и безпомощности. Затаивъ въ груди своей неистощимую и непримиримую злобу противъ злодѣевъ, она стала съ наслажденіемъ думать о мести, стала искать кругомъ себя твердой руки, на которую ей можно было-бы опереться. Вскорѣ она нашла себѣ эту опору...

Могущественный король Гунновъ, Этцель, какъ разъ около этого времени, овдовѣлъ и прислалъ пословъ къ братьямъ-королямъ, предлагая Кримгильдѣ руку и сердце. Братья посовѣщались между собою и пришли къ тому убѣжденію, что если-бы Кримгильда вышла замужъ за Этцеля и удалилась въ далекую страну Гунновъ, то они бы тѣмъ самымъ избавились отъ всякихъ опасеній и отъ укоровъ совѣсти. Поэтому они и стали усиленно уговаривать Кримгильду, чтобы она приняла предложеніе Этцеля.

Кримгильда думала недолго; — она сообразила, что при помощи своего будущаго могущественнаго супруга она въ состояніи будетъ страшно отмстить своимъ братьямъ и Хагену — и приняла предложеніе короля Гунновъ. Братья очень обрадовались такому рѣшенію Кримгильды, вовсе не

вникая въ тѣ внутреннія побужденія, которыя вынудили ее согласиться на второй бракъ; одинъ только Хагенъ понималъ душевное настроеніе Кримгильды и не совѣтовалъ Гунтеру отдавать ее замужъ за Этцеля. Но его не послушали и на совѣты его не обратили вниманія.

И вотъ, простившись съ родными, получивъ богатые дары, но не получивъ обратно клада Нибелунговъ, Кримгильда, черезъ многія страны и множество городовъ, пустилась въ путь къ предѣламъ земли могущественнаго Этцеля, лежавшей далеко за Дунаемъ. На всемъ протяженіи этого далекаго пути ее всюду встрѣчали съ почетомъ и принимали съ полнымъ радушіемъ. Въ поэмѣ особенно яркими красками описанъ пріемъ, оказанный Кримгильдѣ ея дядею, епископомъ Пассаускимъ, и маркграфомъ Рюдигеромъ.

И такъ семь лѣтъ сряду Кримгильда, будучи замужемъ, тщательно таила отъ всѣхъ и даже отъ своего мужа свою непримиримую ненависть къ братьямъ. Только тогда, когда она уже твердо была увѣрена въ возможности отмстить, и отмстить жестоко — она стала упрашивать Этцеля, чтобы онъ пригласилъ къ себѣ бургундскихъ королей въ гости.

— «Я вѣдь ужъ такъ давно не видала своихъ братьевъ, что даже соскучилась», — притворно увѣряла она Этцеля.

Этцель не могъ отказать любимой женѣ въ ея просьбѣ и отправилъ пословъ съ поклонами и приглашеніями въ Вормсъ, къ королямъ-братьямъ. Кримгильда же, съ своей стороны, призвала къ себѣ пословъ передъ отъѣздомъ и наказывала имъ, чтобы братья ея непременно взяли себѣ въ проводники опытнаго витязя Хагена: — тому, по ея словамъ, было отлично извѣстны всѣ окрестныя страны и всѣ сосѣдніе народы.

Это приглашеніе пріѣхать въ гости въ далекую страну Гунновъ было сразу понято такъ, какъ и слѣдовало его понять. Мучимый укорами совѣсти, Гунтеръ совершенно

ясно представлялъ себѣ, что его сестра не могла, конечно, простить ему его злодѣяніе и потому предположилъ, что она готовитъ ему месть. Хагенъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, что всѣмъ имъ готовится западня и гибель, и потому отговаривалъ братьевъ-королей отъ этой дальней поѣздки. Но отговорить Гунтера оказалось невозможно: на всѣ доводы Хагена онъ отвѣчалъ одно:

— «Чему быть, того не миновать! Будемъ смѣло глядѣть въ лицо смерти: — вѣдь отъ своей судьбы не уйдешь»!

Видя такую рѣшимость короля, Хагенъ сказалъ, что и онъ съ нимъ вмѣстѣ готовъ ѣхать, но при этомъ добавилъ:

— «Если ужъ намъ дѣйствительно прійдется погибнуть, то все же примемъ мѣры къ тому, чтобы продать жизнь свою какъ можно дороже»!

Напрасно отговаривала королей и ихъ мать, Ута: они рѣшились ѣхать и быстро собрались въ путь.

Съ небольшимъ, но избраннымъ войскомъ Гунтеръ съ братьями и Хагеномъ выѣхалъ изъ Вормса. И почти всѣ эти храбрые витязи были увѣрены въ томъ, что имъ уже не суждено вернуться домой изъ дальняго похода. Но это нисколько ихъ не смущало, и они бодро подвигались впередъ по своему пути, и, пройдя уже большую половину его, подошли къ берегамъ Дуная. Надо было черезъ эту широкую рѣку переправиться, а между тѣмъ нигдѣ не видно было перевозчика; тогда Хагенъ вызвался его отыскать и пошелъ по берегу рѣки, внимательно его осматривая. И вдругъ, въ одной изъ укромныхъ заводей, за густыми порослями камышей, услышалъ плескъ волнъ, веселый смѣхъ и говоръ. Осторожно подкравшись, Хагенъ изъ за кустовъ увидѣлъ, что въ Дунаѣ купаются вѣщія морскія дѣвы и безопасно между собою переговариваются, побросавъ свои лебединыя сорочки на берегу. А Хагенъ зналъ, что, если онъ захватитъ эти лебединыя сорочки и морскія дѣвы это замѣтятъ — онѣ готовы будутъ на всякую услугу ему, лишь бы выручить свои сорочки... Такъ онъ и поступилъ: выскочилъ изъ-за кустовъ, схватилъ

ихъ сорочки въ охапку и показалъ видъ, какъ будто собирается ихъ унести.

Морскія дѣвы взмолились къ нему тотчасъ-же: «не уноси, не уноси! Мы все исполнимъ, чего ты потребуешь!»

— «Такъ вотъ-же: если хотите выручить отъ меня ваши сорочки, то откройте мнѣ, что ждетъ меня и моихъ спутниковъ въ близкомъ будущемъ? Да смотрите: предсказывайте такъ, чтобы я былъ доволенъ вашимъ предсказаніемъ!»

И лукавыя дѣвы, дѣйствительно, чтобы угодить Хагену, предсказали ему благополучный исходъ предпринятаго Бургундцами похода.

Но едва только успѣлъ Хагенъ возвратить имъ лебединыя сорочки, какъ онѣ тотчасъ бросились всѣ вразсыпную, и одна изъ нихъ, удаляясь, прокричала Хагену:

— «Мы обманули тебя: предсказали не то, что съ вами должно случиться!.. Гибель грозитъ вамъ всѣмъ до единого! Одинъ только изъ васъ спасется—тотъ капелланъ, что съ вами ѣдетъ въ дальній путь»...

И морская дѣва исчезла вмѣстѣ со всѣми своими подругами, къ великой досадѣ Хагена, раздраженного обманомъ, который былъ почти вынужденъ... Взволнованный этою встрѣчею съ морскими дѣвами, Хагенъ однако-же продолжалъ свои поиски и, наконецъ, успѣлъ таки привлечь съ той стороны Дуная какого-то перевозчика, насуливъ ему всевозможныя награды, если онъ переправитъ его съ товарищами за рѣку. При этомъ онъ назвался чужимъ именемъ. Но перевозчикъ, много выдавшій людей на своемъ вѣку, сразу понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и, въ то время, когда Хагенъ готовъ былъ уже вступить въ его судно, онъ вдругъ отказался его переправить за Дунай. Хагенъ вскочилъ на бортъ его ладьи, а дюжій перевозчикъ, рассчитывая на свою силу, задумалъ его тотчасъ-же столкнуть въ воду... Съ весломъ въ рукахъ, онъ устремился на Хагена. Завязалась борьба отчаянная, но длилась недолго: Хагенъ нанесъ перевозчику смертельный ударъ, выбросилъ его въ воду, и, овладѣвъ его судномъ, самъ переправилъ всѣхъ

Бургундцевъ на ту сторону Дуная. При этомъ еще разъ Хагену пришлось въ голову испытать судьбу...

Во время одного изъ переѣздовъ черезъ широкій Дунай, на серединѣ рѣки и на самой ея быстринѣ, Хагенъ вдругъ схватилъ капеллана, и, несмотря на его вопли, мольбы и сопротивленіе, бросилъ несчастнаго въ воду. Капелланъ, послѣ долгой и трудной борьбы съ волнами, все же кое-какъ успѣлъ достигнуть желаннаго берега и кое-какъ на него выкарабкаться...

— «О, теперь я вѣрю въ то, что намъ всѣмъ суждено погибнуть!» — воскликнулъ Хагенъ и тотчасъ-же разсказалъ своимъ спутникамъ о зловѣщемъ предсказаніи морской дѣвы.

Затѣмъ, совершивъ послѣдній переѣздъ, Хагенъ мощнымъ ударомъ ноги оттолкнулъ отъ берега то судно, на которомъ переправлялись Бургундцы, и долго смотрѣлъ, какъ волны рѣки уносили его вдаль...

Вскорѣ послѣ переправы Бургундцамъ пришлось выдержать нападеніе братьевъ-бароновъ, Эльзы и Гельфрата; тѣ ожидали ихъ съ войскомъ на пути, такъ какъ до нихъ дошелъ уже слухъ объ убіеніи ихъ вассала-перевозчика. Произошла кровавая схватка, во время которой грозный Гельфратъ все рвался впередъ, ободряя своихъ воиновъ личнымъ мужествомъ и восклицалъ: — «Впередъ, впередъ! Не щадите этихъ Нибелунговъ»!

(Такъ стали всѣ называть братьевъ-королей и самого Хагена, съ тѣхъ поръ, какъ они умертвили Сигфрида и завладѣли принадлежавшимъ ему кладомъ Нибелунговъ).

Но грозный Гельфратъ палъ отъ руки Хагена, и все войско бароновъ было разсѣяно дружнымъ натискомъ Бургундцевъ.

Дальнѣйшее странствованіе ихъ, однакоже, совершалось безпрепятственно, и, повидимому, было обставлено такими благопріятными условіями, которыя способны были

разсѣять всякія мрачныя мысли о будущемъ... Такъ, въ Пассау, братья-короли были чрезвычайно радушно приняты своимъ родственникомъ, епископомъ Пассаусскимъ, который угощалъ ихъ и чествовалъ не менѣе, нежели сестру ихъ Кримгильду, когда она проѣзжала въ землю Гунновъ. Еще привѣтливѣе и ласковѣе были они приняты маркграфомъ Рюдигеромъ, который устроилъ цѣлый рядъ пиршествъ и празднествъ, по поводу прибытія королей-братьевъ, и празднества эти заключились тѣмъ, что юный Гизелеръ былъ обрученъ съ дочерью маркграфа Рюдигера. Когда же Бургундцы изготовились въ путь и собирались уже покинуть гостепріимный кровъ маркграфа, пріютившаго ихъ на нѣсколько дней, — онъ всѣмъ имъ поднесъ подарки на память.

Не много спустя, Нибелунги прибыли ко двору Этцеля. Ихъ встрѣтилъ знаменитый богатырь Дитрихъ Бернскій съ товарищами и предупреждалъ ихъ объ угрожающей имъ опасности и гибели, которая имъ готовится.

— «Берегитесь!» — говорилъ онъ братьямъ-королямъ. «Вы сюда пріѣхали не на радость. И хотя самъ могучій владыка Гунновъ ничего дурного не замышляетъ, но за то его супруга таитъ въ груди своей непримиримую злобу противъ васъ.

Но Кримгильда, — какъ-бы въ явное опроверженіе этихъ предостереженій дружественнаго Нибелунгомъ богатыря, — приняла братьевъ-королей дружелюбно и съ подобающимъ почетомъ. Этотъ пріемъ, однако-же, не могъ скрыть отъ Нибелунговъ той ненависти, которою дышало каждое слово Кримгильды, и они замѣтили, что она, уже съ перваго дня ихъ пребыванія при дворѣ Этцеля, начала строить козни противъ нихъ, — особливо противъ Хагена. Но Хагенъ говорилъ имъ прямо:

— «Я знаю, что мнѣ не избѣжать судьбы моей — а потому и презираю всякія предосторожности».

И, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, онъ, дѣйствительно, смѣло идетъ навстрѣчу своей судьбѣ, выка-

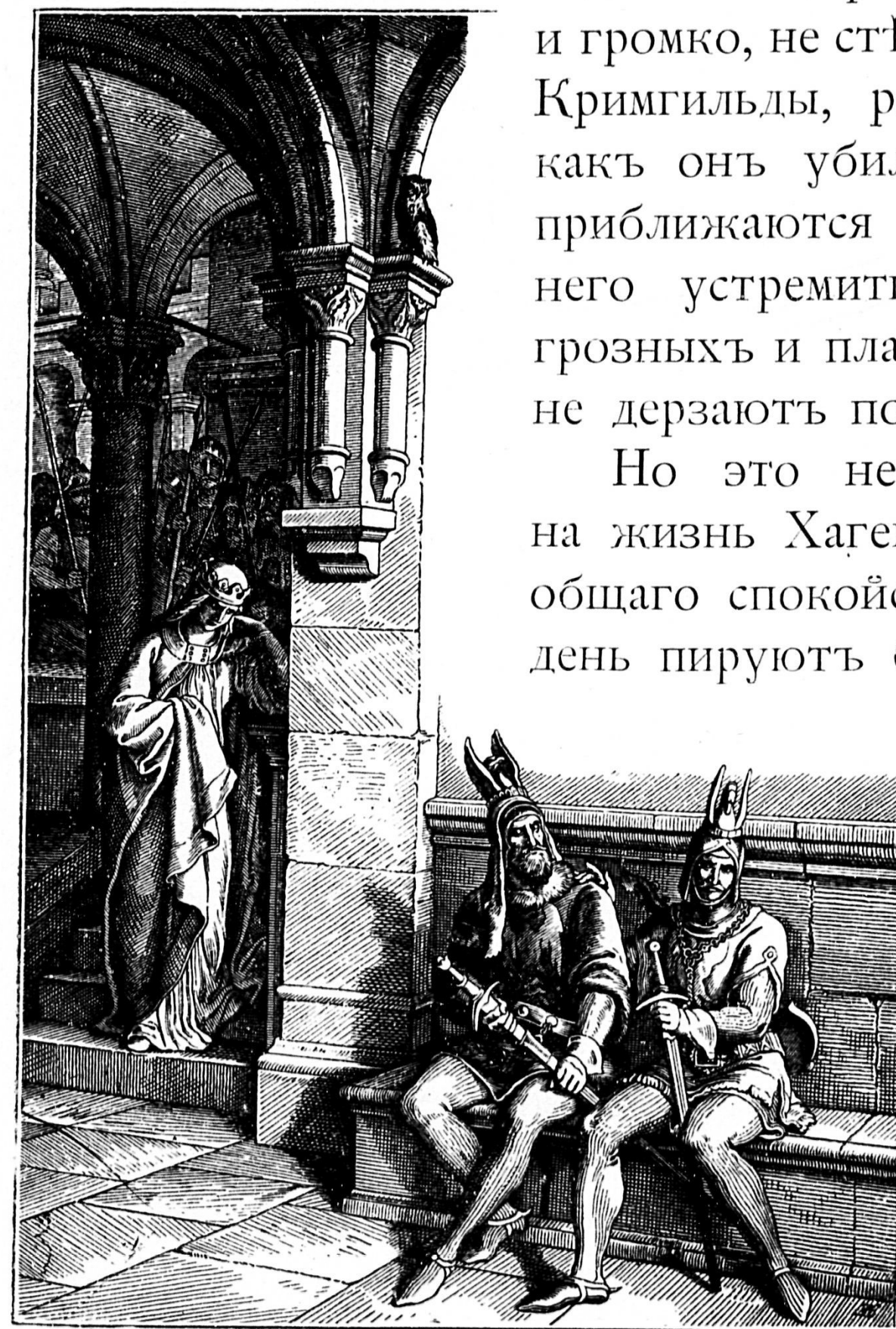
зывая явное пренебреженіе и ко всѣмъ придворнымъ обычаямъ Гунновъ, и ко всѣмъ кознямъ и замысламъ Кримгильды.

Начинается съ того, что она подговариваетъ 400 преданныхъ ей Гунновъ — убить Хагена. Гунны приступаютъ къ нему въ то время, когда онъ, съ пѣвцомъ Фолькеромъ,

сидитъ на стражѣ, въ сѣняхъ замка, и громко, не стѣсняясь приближеніемъ Кримгильды, рассказываетъ о томъ, какъ онъ убилъ Сигфрида. Гунны приближаются къ нему, готовые на него устремиться, но пугаются его грозныхъ и пламенныхъ взглядовъ и не дерзаютъ подступиться къ нему.

Но это неудавшееся покушеніе на жизнь Хагена еще не нарушаетъ общаго спокойствія: Бургундцы весь день пируютъ беззаботно во дворцѣ

Этцеля. Первый день пребыванія Нибелунговъ при дворѣ короля Гунновъ проходитъ безъ кровопролитія... Ночью, однако-же, Кримгильда вновь подсылаетъ къ залѣ, гдѣ ночуютъ Бургундцы, новыхъ убійцъ съ приказаніемъ тайно умерт-



Хагенъ и Фолькеръ на стражѣ.

вить Хагена... Но и на этотъ разъ ея замысль оканчивается неудачей: Хагенъ и Фолькеръ не спятъ, а стоятъ на стражѣ у входа въ залъ, и Гунны, подсланные Кримгильдой, опять таки не рѣшаются даже и приблизиться къ обоимъ богатырямъ.

Видя все это, Хагенъ на другое утро убѣждаетъ королей не снимать съ себя оружія... Въ боевыхъ доспѣхахъ короли-братья со свитой отправляются въ церковь, и, послѣ службы, между ихъ служилыми людьми и Гуннами завязалось было ссора, которая не обошлась безъ кровопролитія. Но самъ Этцель принялъ мѣры къ тому, чтобы возстановить спокойствіе между враждующими сторонами, и какъ-нибудь замять непріятное столкновеніе, поспѣшивъ пригласить Бургундскихъ королей со свитою къ себѣ на пиръ.

Но Кримгильда не оставляетъ своихъ замысловъ: она подстрекаетъ брата своего мужа, чтобы онъ, во время пира, перебилъ всю прислугу бургундскихъ рыцарей. Братъ Этцеля съ 9.000 Гунновъ отправляется, чтобы исполнить его порученіе въ ту часть города, гдѣ размѣстились Бургундцы. Онъ нападаетъ на нихъ, начинаетъ ихъ избивать, и самъ убить одинъ изъ первыхъ, на сторонѣ Гунновъ; озлобленные этимъ Гунны съ яростью нападаютъ на Бургундцевъ, одолевая ихъ своею численностью и они гибнутъ всѣ, кромѣ одного... Братъ Хагена, Данквартъ, успѣваетъ пробиться сквозь ряды Гунновъ; весь въ крови, онъ прибѣгаетъ въ залу пиршества и приноситъ братьямъ-королямъ вѣсть о томъ, что вся ихъ прислуга предательски перебита. Тогда уже бѣшенство Хагена не знаетъ границъ! Онъ выхватываетъ мечъ, вызываетъ къ братьямъ-королямъ о мщеніи и начинаетъ рубить Гунновъ направо и налево... Фолькеръ, пѣвецъ-воинъ, слѣдуетъ его примѣру. Благородному Дитриху Бернскому съ большимъ трудомъ удается уговорить Гунтера, чтобы онъ дозволилъ выйти изъ залы Кримгильдѣ, Этцелю и всѣмъ спутникамъ Дитриха. Между тѣмъ всѣ Бургундцы слѣдуютъ примѣру Гунтера и Фолькера и съ неистовымъ крикомъ: «смерть Гуннамъ!» — набрасываются на своихъ недавнихъ собесѣдниковъ. Кровь льется рѣкою; Гунны гибнутъ сотнями подъ мечами своихъ грозныхъ противниковъ, которые тащатъ трупы убитыхъ

изъ залы и сбрасываютъ ихъ съ лѣстницы, чтобы очистить себѣ мѣсто въ залѣ. При видѣ этого зрѣлища, ужасъ нападаетъ на Гунновъ, толпами окружающихъ залу пиршества — и никто изъ нихъ не рѣшается подать помощь своимъ избиваемымъ собратьямъ: — тщетно пытается Кримгильда возбудить въ нихъ мужество, тщетно предлагаетъ она и золота, и земли, и замки тому, кто принесетъ ей голову Хагена... Никто не трогается съ мѣста и не дерзаетъ вступить въ неравный бой съ свирѣпыми Бургундцами, которыхъ руки и мечи обагрены еще неостывшею гуннскою кровью.

Наконецъ, Ирингъ, маркграфъ датскій, вступаетъ со своею воинскою дружиною въ залу и завязываетъ битву съ Нибелунгами. Первый натискъ его удаченъ — Бургундцы поколебались; но Ирингъ, ободренный успѣхомъ, рвется впередъ и падаетъ отъ руки Хагена... Тогда Бургундцы, въ свою очередь, съ яростью набрасываются на его дружину и всю ее безпощадно избиваютъ.

Слѣдомъ за Ирингомъ являются въ залу, съ воинами, его друзья, — готовые мстить за него — Хавартъ, король датскій, и Ирнфридъ, ландграфъ Тюрингенскій. Во главѣ своихъ воиновъ, они устремляются въ залу, быются насмерть съ Нибелунгами, — но никто изъ нихъ не уходитъ живой изъ залы, въ которой вновь водворяется мертвое молчаніе, нарушаемое только воплями толпы, окружающей залу.

Но Кримгильда, неутомимая въ своемъ мщеніи, посылаетъ на своихъ братьевъ новыя и новыя толпы Гунновъ, которыхъ тѣ, однакоже, еще успѣваютъ отразить съ успѣхомъ. Но ихъ уже начинаетъ одолевать утомленіе; ихъ мучить страшная жажда — и короли-братья рѣшаются предложить Кримгильдѣ миръ.

— «Миръ только на одномъ условіи: если вы мнѣ выложите Хагена головою!»

— «Никогда!» отвѣчаютъ ей короли-братья и готовятся къ новымъ битвамъ.

Тогда Кримгильда приказываетъ зажечь залу съ четырехъ концовъ. Пламя охватываетъ ее стѣны, врывается

красными языками внутрь полопавшихся оконъ, наполняетъ ѣдкимъ дымомъ всю залу — но стѣны ея толсты, своды прочны, и зала выдерживаетъ натискъ пламени... Однакоже Бургундцы выносятъ тяжкую муку: задыхаются отъ дыма, пьютъ кровь, чтобы утолить снѣдающую ихъ жажду; многіе изъ нихъ падаютъ отъ изнеможенія: только 600 человекъ еще способны владѣть оружіемъ и биться съ врагомъ; но приступы Гунновъ все же отбиты съ большимъ урономъ...

Тогда ужъ Кримгильда и Этцель обращаются съ мольбами къ маркграфу Рюдигеру, убѣждая его вступить въ борьбу съ Нибелунгами и сломить ихъ упорное сопротивление. Благородный и великодушный Рюдигеръ всѣми силами старается отклонить отъ себя эту тяжкую необходимость борьбы съ королями-братьями; но онъ — вассаль Этцеля и связанъ съ нимъ клятвою вѣрности. Затаивъ въ сердцѣ грусть и досаду, онъ весьма неохотно выступаетъ со своими воинами противъ Нибелунговъ... Слѣдя за его движеніемъ, Нибелунги даже начинаютъ думать, что Рюдигеръ идетъ къ нимъ на помощь.

Когда Рюдигеръ съ воинами своими вступаетъ въ залу, между обѣими сторонами происходятъ весьма трогательныя сцены. Такъ наприимѣръ Гизелеръ, помолвленный съ дочерью Рюдигера, заключаетъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго они другъ другу даютъ слово — избѣгать встрѣчи во время предстоящаго боя. Затѣмъ, когда Рюдигеръ, вступивъ въ битву съ Хагеномъ, расколѣлъ его щитъ ударомъ своего меча, и уступаетъ ему свой щитъ, — Хагенъ, тронутый его великодушіемъ, даетъ ему слово не касаться его даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ перебилъ всѣхъ Бургундцевъ. Но Гернотъ не можетъ равнодушно видѣть, какъ Рюдигеръ побиваетъ его дружину; онъ устремляется на встрѣчу маркграфу, они бьются долго и упорно — и оба падаютъ мертвые. Вскорѣ послѣ того и всѣ воины Рюдигера падаютъ, одинъ за другимъ, въ



Рюдигеръ умираетъ на рукахъ Гильдебранда.

битвѣ, и побѣда вновь остается на сторонѣ грозныхъ Нибелунговъ.

Слухъ о гибели Рюдигера разносится всюду и вынуждаетъ Дитриха Бернского выйти изъ бездѣйствія. Онъ высылаетъ стараго богатыря Гильдебранда и своихъ родичей — разузнать, справедливъ-ли слухъ о гибели Рюди-

гера? Старый Гильдебрандъ и Амелунги все разузнаютъ въ подробности и рѣшаются мстить за Рюдигера, тѣмъ болѣе, что и насмѣшки Фолькера возбуждаютъ ихъ къ мести.

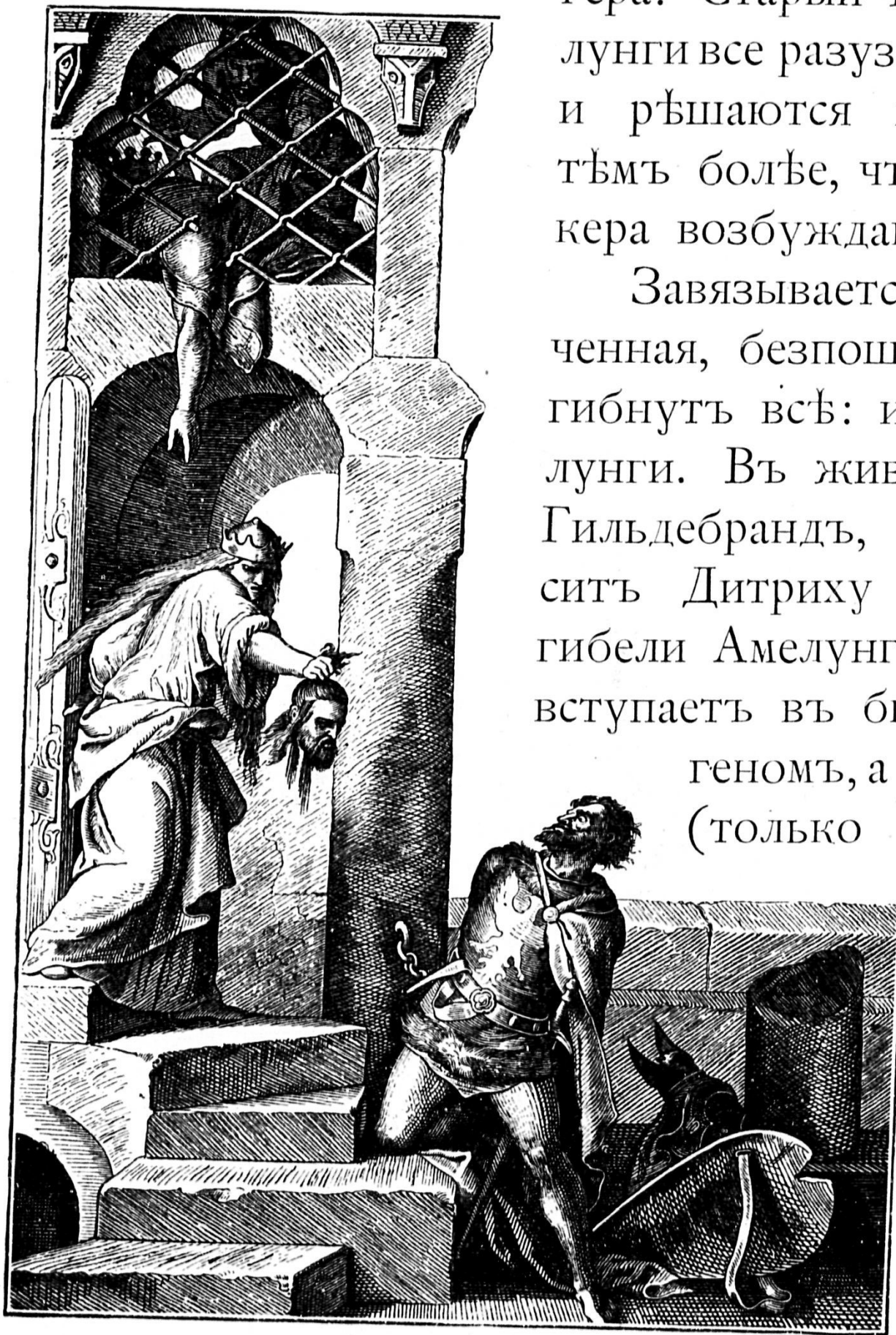
Завязывается послѣдняя, ожесточенная, безпощадная битва. Въ ней гибнутъ всѣ: и Нибелунги, и Амелунги. Въ живыхъ остается только Гильдебрандъ, который и приноситъ Дитриху печальную вѣсть о гибели Амелунговъ. Тогда Дитрихъ вступаетъ въ битву сначала съ Ха-

геномъ, а потомъ съ Гунтеромъ (только они одни и уцѣлѣли изъ всѣхъ бургундцевъ) — побѣждаетъ ихъ обоихъ и связанныхъ передаетъ Кримгильдѣ.

Кримгильда сажаетъ всѣхъ враговъ въ отдѣльныя темницы и

начинаетъ настаивать на томъ, чтобы Хагенъ возвратилъ ей кладъ Нибелунговъ, нѣкогда принадлежавшій Сигфриду. Но тотъ отвѣчаетъ ей:

— «Пока живъ хоть одинъ изъ господъ моихъ, никто никогда не узнаетъ, гдѣ этотъ кладъ хранится».



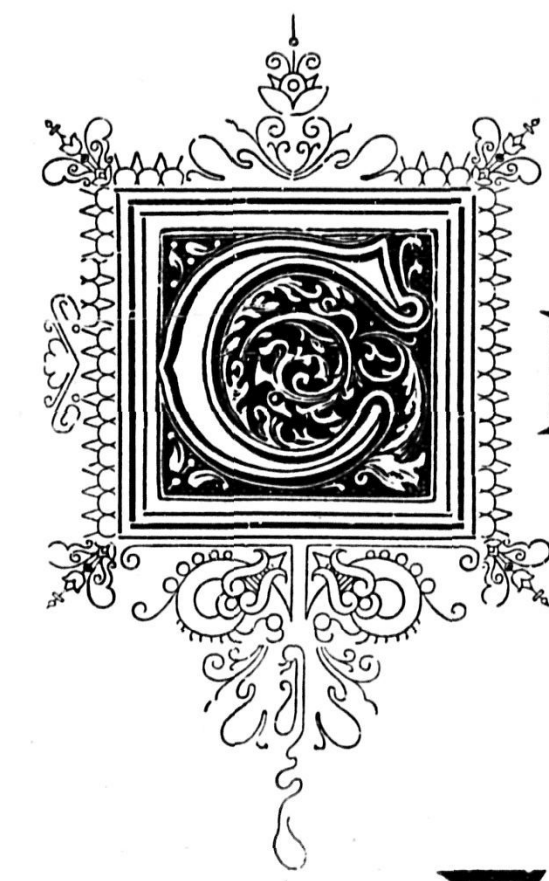
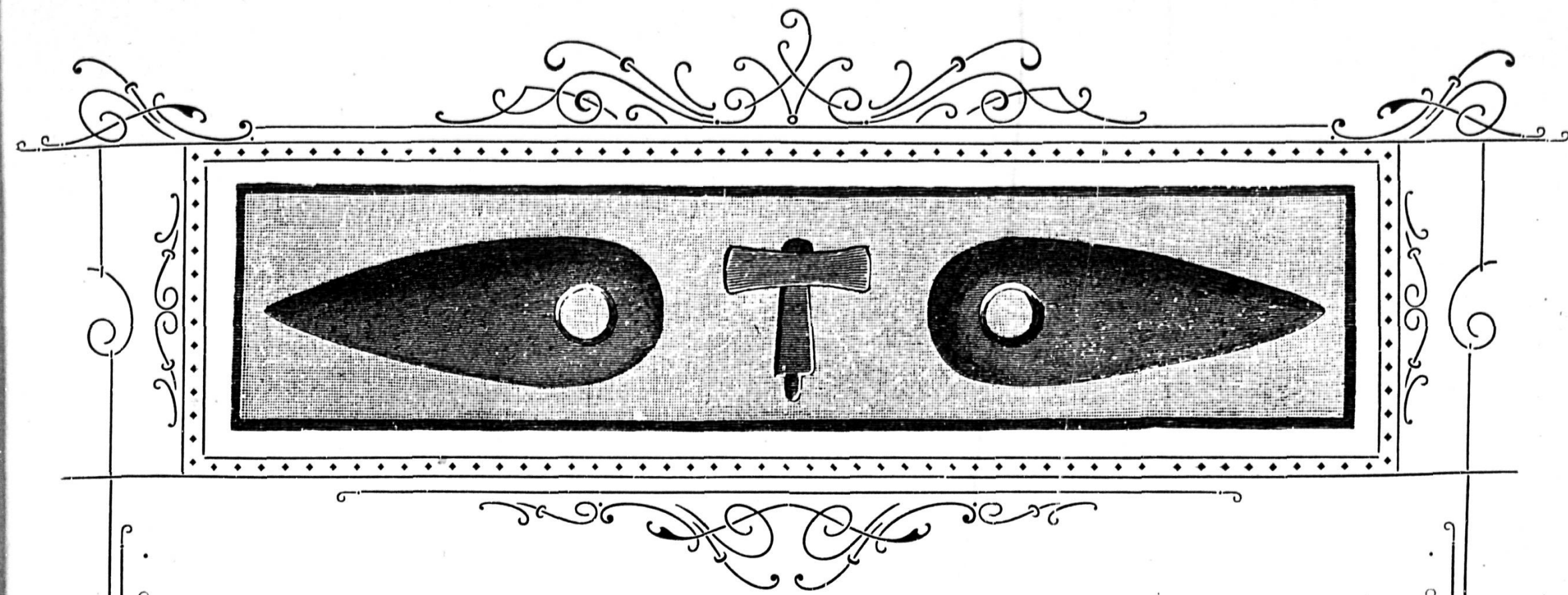
Кримгильда приноситъ Хагену голову Гунтера.

Тогда, по приказанію Кримгильды, къ нему приносятъ голову Гунтера и бросаютъ къ его ногамъ... Но это побуждаетъ его еще болѣе упорствовать въ сохраненіи тайны.

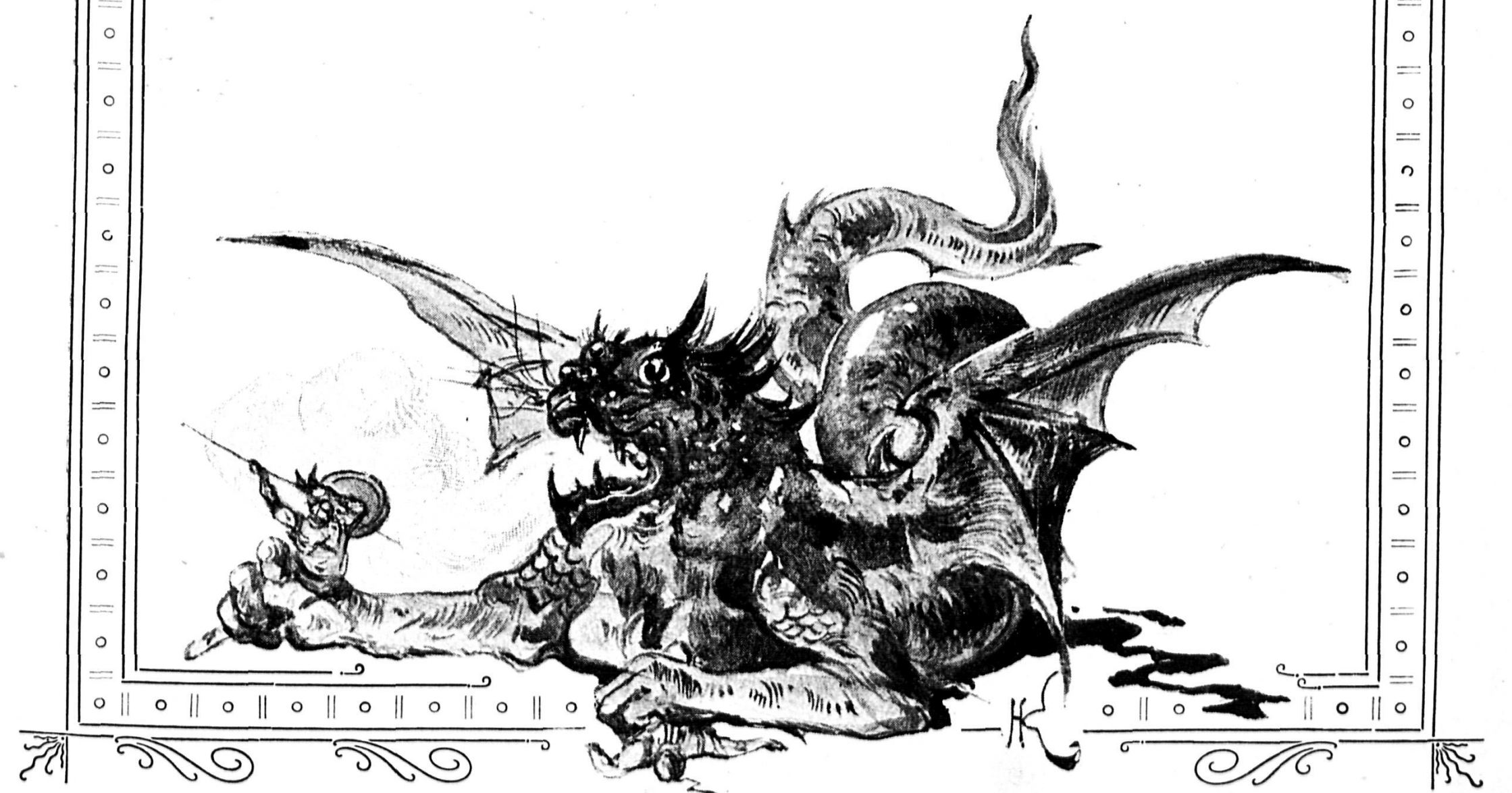
Видя бесплодность дальнѣйшихъ разспросовъ, Кримгильда въ изступленіи отрубаетъ Хагену голову мечомъ Сигфрида; а вспыльчивый Гильдебрандъ, возмущенный ея злодѣйствами, не можетъ терпѣть ихъ долѣе — выхватываетъ мечъ и поражаетъ имъ Кримгильду.

Этцель и Дитрихъ горько оплакиваютъ гибель столькихъ храбрыхъ витязей и восхваляютъ ихъ доблести. Этимъ «плачемъ» и заканчивается поэма о Нибелунгахъ.





КАЗАНІЕ
О
БЕОВУЛЬФѢ.





ы ознакомились съ содержаніемъ древней Эдды, пѣсни которой зародились на суровомъ скандинавскомъ Сѣверѣ и сохранились среди населенія Исландіи; мы передали въ краткомъ изложеніи любопытное содержаніе этихъ пѣсенъ, сложенныхъ на древне-сѣверномъ (скандинавскомъ) нарѣчій. Заглянемъ теперь въ другой уголокъ древне-германскаго міра, заселенный пришлымъ племенемъ Англо-Саксовъ, — въ Британію — и ознакомимся съ другимъ чуднымъ сказаніемъ, о дивномъ богатырѣ Беовульфѣ, которое сохранилось намъ въ древнемъ пересказѣ, на англо-саксонскомъ нарѣчій.

Въ Даніи нѣкогда правилъ — такъ разсказывается въ началѣ этого древняго сказанія — славный родъ Скильдин-

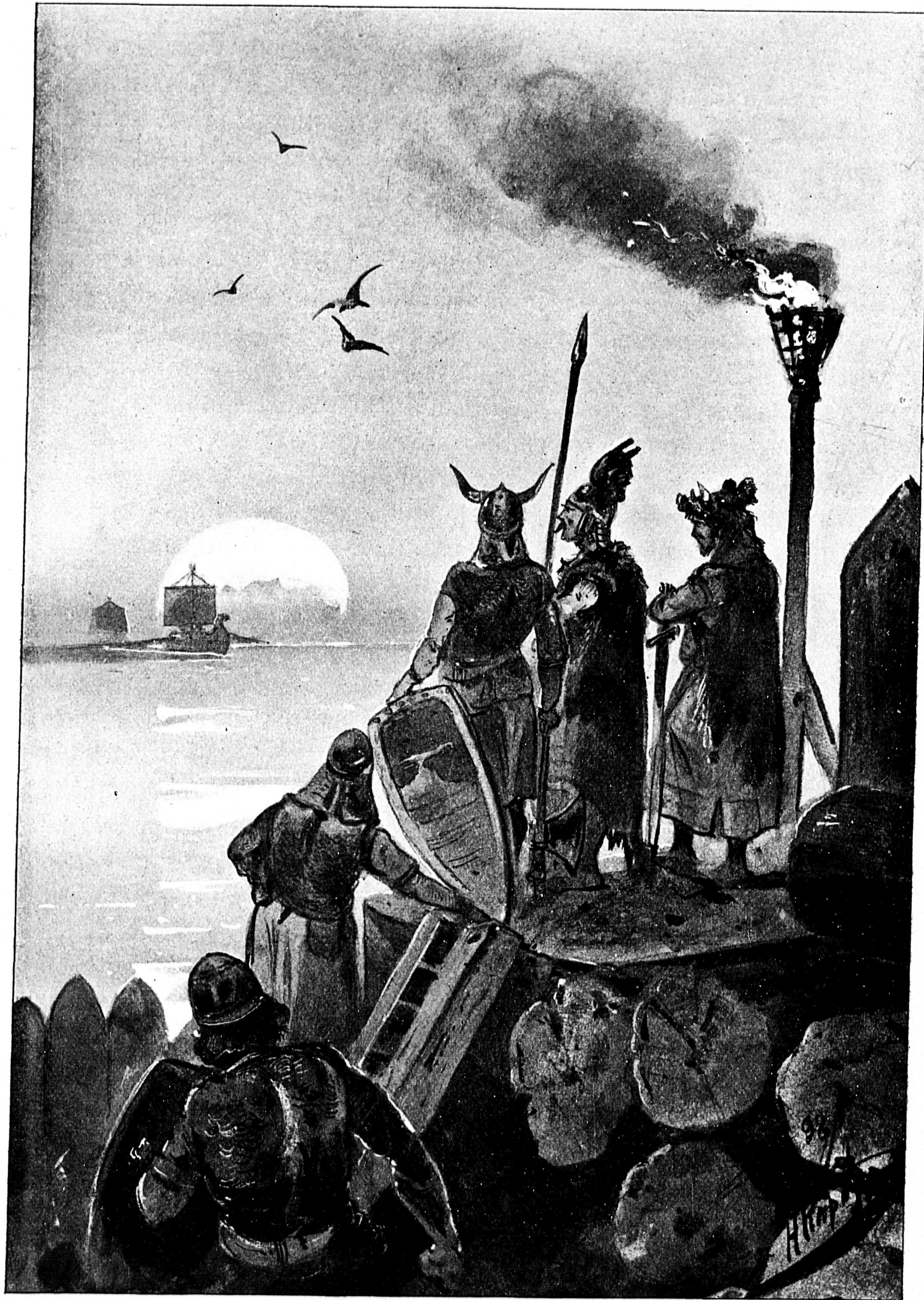
говъ. Одинъ изъ королей этого славнаго рода, по имени Хродгаръ, особенно счастливый въ войнахъ съ сосѣдями и накопившій отъ этихъ войнъ большія богатства, задумалъ ознаменовать свое царствованіе достойнымъ памятникомъ. Онъ рѣшился выстроить для пиршествъ своей дружины такую залу, которой бы не было и не могло быть подобной во всемъ свѣтѣ. Задумано — и сдѣлано. Собравъ отовсюду искусныхъ строителей, Хродгаръ не пожалѣлъ ни труда, ни издержекъ на дорогую и громадную постройку, и зданіе это, какъ по внѣшней своей красотѣ, такъ и по внутреннему убранству, оказалось въ самомъ дѣлѣ безподобнымъ. И чуть только эта дивная, богато-изукрашенная зала была закончена, Хродгаръ перешелъ въ нее со своими витязями, и вся окрестность огласилась шумными кликами его пиршества, звономъ дорогихъ чаръ, ковшей и кубковъ, и громкими пѣснями королевскихъ пѣвцовъ, которые услаждали пирующихъ, щедро награждаемые изъ королевской казны. Но—увы!—это шумное веселье длилось недолго:—недолго звучали въ той дивной залѣ чары и кубки, недолго раздавались веселыя пѣсни и клики, недолго рѣкою лилось пѣнистое пиво и золотисто-прозрачный медъ... Шумъ пиршествъ короля Хродгара каждый вечеръ доносился по вѣтру въ мрачное жилище страшнаго и громаднаго чудовища Гренделя, которое, невдалекѣ отъ дивной залы Хродгара, укрывалось въ обширныхъ прибрежныхъ болотахъ. Людское веселье тревожило Гренделя и возбуждало въ немъ непримиримую злобу... И вотъ, однажды ночью, это чудовище неслышно подкралось къ залѣ Хродгара. Тамъ, послѣ долгаго и веселаго пиршества, расположились на ночлегъ безпечные сподвижники Хродгара... Грендель набросился на нихъ среди сна, выхватилъ разомъ изъ ихъ среды тридцать витязей и быстро повлекъ ихъ съ собою, въ свое мрачное жилище, жадно терзая и пожирая ихъ на пути.

Вопли ужаса смѣнили на утро клики веселья—и никто не зналъ, и не могъ объяснить, откуда стряслось такое

страшное бѣдствіе? Куда дѣвались Хродгаровы витязи, и кто ихъ похитилъ изъ дивной залы пиршествъ? Послѣ многихъ сокрушеній и догадокъ, безпечность взяла верхъ надъ опасеніями и страхомъ. Хродгаръ и его витязи снова стали собираться для пиршествъ въ той же залѣ, стали въ ней оставаться и на ночь—и то же страшное бѣдствіе постигло ихъ снова: чудовище Грендель стало являться каждую ночь, и каждую ночь уносить съ собою по нѣскольку Хродгаровыхъ витязей и приближенныхъ. Скоро всѣ уже догадались и даже убѣдились въ томъ, что въ залу пиршествъ вторгается чудовищный Грендель, что именно это страшное чудовище похищаетъ и пожираетъ королевскихъ витязей; но никто изъ приближенныхъ Хродгара не дерзалъ и подумать о борьбѣ съ грознымъ Гренделемъ. И напрасно сокрушался добрый король Хродгаръ, напрасно молилъ онъ боговъ объ избавленіи его страны отъ неожиданнаго и тяжкаго бѣдствія... Пришлось покинуть дивную залу: пиры въ ней прекратились, смолкло веселье, и только Грендель изрѣдка все еще посѣщалъ ее по ночамъ, отыскивая добычу и распространяя кругомъ себя ужасъ и тишину смерти...

Слухъ объ этомъ страшномъ бѣдствіи распространился широко и далеко. Онъ донесся и въ землю Геатовъ, гдѣ жилъ въ то время славный витязь Беовульфъ, знаменитѣйшій изъ богатырей короля Хигелака. Онъ заявилъ королю своему о желаніи подать помощь престарѣлому королю Хродгару, вступивъ въ борьбу съ чудовищнымъ Гренделемъ. Какъ ни старались старые и опытные люди отговорить его отъ такого благого намѣренія, онъ снарядилъ свой корабль къ плаванію и отплылъ къ берегамъ Даніи. Съ нимъ вмѣстѣ поплыли на томъ кораблѣ четырнадцать храбрѣйшихъ воиновъ, избранныхъ имъ изъ всей его дружины.

Ободряемый счастливыми предзнаменованіями, Беовульфъ благополучно переплылъ за море, къ берегамъ Даніи. Едва успѣли они причалить и выйти на сушу, какъ



Береговая стража завидѣла корабль Беовульфа.

къ нимъ уже выѣхалъ на встрѣчу береговой сторожъ, распросилъ ихъ о цѣли прибытія и поѣхалъ оповѣстить короля Хродгара о пріѣздѣ гостей. Беовульфъ и его товарищи, тѣмъ временемъ, вооружились и по дорогѣ, вымощенной пестрыми камнями, направились къ залѣ пиршествъ короля Хродгара. И всѣ любовались крѣпкимъ сложеніемъ и мужественнымъ видомъ этихъ иноземныхъ воиновъ, у которыхъ головы были прикрыты блестящими шлемами съ изображеніемъ вепрей, крѣпко закаленныхъ въ огнѣ, для защиты головы отъ ударовъ въ бою; любовались и ихъ свѣтлыми, крѣпкими бронями, надѣтыми поверхъ кольчугъ, звонко бряцавшихъ при каждомъ ихъ шагѣ; дивились и тѣмъ широкимъ мечамъ, которые были у нихъ привѣшены сбоку, и тѣмъ тяжелымъ копьямъ, которыя они легко, безъ малѣйшаго усилія, несли въ своихъ могучихъ рукахъ, облеченныхъ въ желѣзныя рукавицы. На встрѣчу пріѣзжимъ гостямъ вышелъ изъ залы Вульфгаръ — одинъ изъ приближенныхъ короля Хродгара. Распросивъ Геатовъ, онъ вернулся въ залу къ Хродгару и сказалъ:

— «Сюда прибыли по морю богатыри изъ далекой страны Геатовъ. Я слышалъ, какъ они называли своего предводителя Беовульфомъ. Они просятъ о дозволеніи повидаться съ тобою, король, и вступить съ тобою въ бесѣду. Не откажи имъ въ этомъ, ибо они, судя по ихъ внѣшнему виду и по доспѣхамъ, достойны вести съ тобою рѣчь и заслуживаютъ уваженія благородныхъ».

— «Знаю я этого Беовульфа», — отвѣчалъ Хродгаръ. «Не разъ слыхалъ я о немъ отъ гостей-корабельщиковъ, привозившихъ намъ дары и товары изъ земли Геатовъ: — они говорили мнѣ, что въ мощныхъ рукахъ Беовульфа заключается сила тридцати витязей. Чуетъ мое сердце, что эти заѣзжіе богатыри пришли сюда биться съ Гренделемъ. Зови ихъ скорѣе!»

Вульфгаръ передалъ привѣтствіе короля пріѣзжимъ гостямъ и его желаніе видѣть ихъ у себя на пиру. Тогда они тотчасъ, отстегнувъ отъ пояса мечи, отложивъ щиты

и составивъ копья въ уголъ, въ однихъ шлемахъ и броняхъ послѣдовали за Вульфгаромъ, оставивъ двоихъ воиновъ стеречь ихъ оружіе.

— «Здравствуй, Хродгарь!» — сказалъ Беовульфъ подойдя къ королю. «Я — родной племянникъ короля Геатовъ Хигенака. Отъ заѣзжихъ гостей-корабельщиковъ прослышалъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія вы терпите здѣсь отъ Гренделя; мнѣ рассказывали, будто зала твоя, лучшая въ свѣтѣ, стоитъ безъ всякой пользы для твоихъ богатырей. И вотъ я пришелъ сюда — избавить тебя отъ чудовища, по совѣту людей, которымъ извѣстна моя сила, и которымъ часто случалось видѣть, какъ я, весь въ крови возвращаясь съ сраженія, разомъ вязалъ по пяти враговъ. Но, рѣшаясь на этотъ новый подвигъ, прошу тебя объ одномъ: чтобы только мнѣ и моимъ товарищамъ дозволено было очистить твою залу отъ чудовища; въ случаѣ-же, если паду въ битвѣ съ Гренделемъ — перешли королю Хигенаку мою броню, лучшую изъ всѣхъ броней въ свѣтѣ, выкованную нѣкогда вѣщимъ кузнецомъ Виландомъ».

Хродгаръ благодарилъ Беовульфа за его готовность помочь ему и рассказалъ ему подробно о томъ, какъ Грендель вторгся въ его залу, и сколько его витязей загубилъ. Затѣмъ король пригласилъ Беовульфа и его спутниковъ къ участию въ общей пирушкѣ и предложилъ имъ подкрѣпиться медомъ.

По велѣнію короля, тотчасъ была очищена для Геатовъ скамья за столомъ, и слуги стали ихъ подчивать пивомъ и медомъ, поднося напитки въ кружкахъ съ прекрасной рѣзьбою. И въ то время, какъ они пили, весело пѣлъ пѣвецъ въ залѣ пиршества, услаждая слухъ пирующихъ витязей.

Видя, съ какою честью король Хродгаръ принимаетъ пріѣзжихъ изъ за моря Геатовъ и ихъ вождя, многіе изъ датчанъ стали смотрѣть на нихъ съ завистью и недовольствомъ. Одинъ изъ нихъ, Гунфредъ, любимецъ короля Хродгара, постоянно сидѣвшій на пирахъ у его ногъ,

дерзнулъ даже обратиться къ Беовульфѣ съ задорными и заносчивыми словами: ему непріятно было видѣть у себя на родинѣ, и даже за столомъ короля, этого заѣзжаго богатыря, который долженъ былъ вскорѣ затмить славою всѣхъ его земляковъ:

— «Не тотъ-ли ты Беовульфъ», — такъ началъ задорный Гунфредъ, — «который нѣкогда плавалъ съ Брекою взапуски по обширному морю? Помнится, слышалъ я, что тогда родные и близкіе тщетно пытались васъ обоихъ отклонить отъ выполненія вашего безразсуднаго намѣренія — измѣрить глубины и мели грознаго, многошумящаго моря! Никому не внимая, вы уже устремились въ море съ высокаго берега, и разводя руками, разсѣкая ими поверхность моря, уже пробивались впередъ сквозь бурный и пѣнистый прибой. Достоверные люди мнѣ сказывали, что Бреки тогда одолѣлъ тебя въ искусномъ умѣнii плавать... И сколько бы ты ни рассказывалъ о своей опытности и неустрашимости въ бояхъ, я все-же за тебя стану опасаться, когда ты здѣсь останешься на ночь и станешь выжидать прихода Гренделя».

— «Я думаю, любезный другъ Гунфредъ», — такъ отвѣчалъ ему Беовульфъ — «что выпитое тобою за нынѣшнимъ пиршествомъ туманитъ тебѣ голову... Иначе ты, конечно, не говорилъ бы такъ о моемъ состязаніи съ Бреки... Дѣйствительно, былъ съ нами такой случай въ ранней юности: — другъ мой Бреки и я, мы оба задумали однажды вплавь, пуститься за море, съ обнаженными мечами въ рукахъ, ради защиты отъ морскихъ чудовищъ. Задумано, и сдѣлано: — пять ночей сряду плыли мы такъ вмѣстѣ по морю, пока буря съ туманомъ не разлучила насъ — не разогнала въ разныя стороны. Тогда ободрились морскія чудовища: стали онѣ на меня нападать и старались лишить меня бодрости духа; но крѣпкая кольчуга и броня защищали мое тѣло отъ ихъ когтей и зубовъ, а я неустанно и смѣло работалъ мечемъ моимъ, беспощадно ихъ поражая, нанося имъ направо и налѣво удары... И вотъ на разсвѣтѣ,

увидѣлъ я, какъ волны морскія носили ихъ множество окровавленныхъ и бездыханныхъ: съ той поры они, дерзновенные, не преграждали уже путь морякамъ по пѣнистымъ волнамъ. Какъ видишь, наше состязаніе съ Бреки совсѣмъ не могло состояться, но мнѣ при этомъ пришлось выдержать на морѣ такую борьбу съ морскими чудовищами, о какой я еще и не слыхивалъ... А ты между тѣмъ ни единымъ словомъ и не вспомнилъ о ней! Я-же, въ отвѣтъ на твои задорныя рѣчи, только одно и скажу тебѣ: не себя-ли считаешь ты храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ? Если такъ, то скажи, отчего же допускаешь ты, чтобы въ этой залѣ могло такъ сильно злодѣйствовать алчное чудовище? И зачѣмъ же ты позволяешь, чтобы Геатъ для борьбы съ нимъ пріѣхалъ изъ-за моря?»

Такими и тому подобными словами Беовульфъ заставилъ Гунфреда умолкнуть, и изумилъ своею мудростью самого короля Хродгара, который еще болѣе проникся довѣріемъ къ славному гостю. И снова смѣхъ и веселье наполнили залу пиршества, а затѣмъ королева, супруга Хродгара, по обычаю Датчанъ, обошла всѣхъ гостей съ кубкомъ меда въ рукахъ и съ привѣтливымъ словомъ...

Долго-бы еще продолжался шумный и веселый пиръ и вѣрно затянулся-бы далеко за полночь, если-бы король Хродгаръ не вспомнилъ во-время, что страшный бой ожидаетъ храбрыхъ въ этой же залѣ, въ тотъ часъ, когда скроется солнце, и темная ночь опустится на землю и прикроетъ ее своими тѣнями. Вспомнивъ о предстоящей битвѣ съ Гренделемъ, король Хродгаръ поднялся въ тревогѣ, а за нимъ и всѣ стали прощаться съ гостями.

На прощаньѣ, Хродгаръ, обратясь къ Беовульфу, сказалъ:

— «Тебѣ, первому изъ богатырей, поручаю я охрану моей залы. Знай, что если ты точно избавишь насъ отъ бѣдствія, то можешь потребовать изъ моего имѣнья то, что тебѣ прійдется по вкусу».

Оставшись наединѣ со своими товарищами, Беовульфъ приказалъ затворить двери залы и запереть ихъ крѣпкимъ

засовомъ. Потомъ онъ снялъ съ себя броню и кольчугу, отцѣпилъ и мечъ съ бедра, и сказалъ:

— «Отлагаю оружіе въ сторону, ибо знаю, что въ борьбѣ съ Гренделемъ никакое оружіе не поможетъ. Надѣюсь только на силу свою, и пусть судьба рѣшитъ между нами битву, къ которой я готовъ».

Сказавъ это, онъ спокойно заснулъ со всѣми своими, и только одинъ изъ Геатовъ остался на сторожѣ.

Между тѣмъ темная ночь опустилась на землю; все кругомъ залила она своимъ мракомъ, подъ покровомъ котораго тишина и сонъ водворились всюду. Только жалобные крики совъ и филиновъ на высокихъ, старыхъ деревьяхъ вокругъ зала нарушали ночное безмолвіе...

Такъ насталъ и полуночный часъ... И вотъ, ровно въ полночь, вышелъ изъ своего болота чудовищный Грендель и тихо подкрался къ дверямъ залы, изъ-за которыхъ слышался громкій храпъ крѣпко заснувшихъ Геатовъ. Мигомъ отбилъ Грендель запоръ у дверей, и вотъ онъ ужъ въ залѣ, и жадно обводитъ огнистыми, сверкающими глазами всѣхъ спящихъ воиновъ, заранѣе избирая и какъ-бы намѣчая себѣ жертву... Вотъ, наконецъ, жертва избрана! Грендель, подкравшись къ Геатамъ, хватаетъ одного изъ нихъ, разрываетъ по-поламъ, раздробляетъ его кости, высасываетъ кровь изъ жилъ его, и тутъ же глотаетъ свою добычу огромными кусками! Потомъ ненасытное чудовище тянется за другимъ, ближайшимъ воиномъ, и вдругъ чувствуетъ, что чья-то мощная рука хватается его за лапищу, и стискиваетъ ее такъ, что всѣ кости трещатъ въ ней, всѣ хрящи ноютъ... Ужасъ овладѣваетъ Гренделемъ: онъ рвется, онъ хочетъ бѣжать — но ужъ поздно! Безстрашный Беовульфъ вскакиваетъ съ лавки и, не выпуская толстую лапу Гренделя, устремляется на него...

Тутъ началась неслыханная борьба, одинъ-на-одинъ, борьба на жизнь и на смерть, борьба двухъ силъ громадныхъ и страшныхъ какъ волны во время грозно бушующей бури. Затрещалъ толстый дубовый полъ, задрожали стѣны

залы, срубленные изъ вѣковыхъ дубовъ, зашаталось и ходуномъ заходило все несокрушимо-прочное зданіе... Попадали на полъ тяжелыя скамьи, которыхъ никогда и никто не могъ даже сдвинуть съ мѣста... Всѣ Датчане, издали слышавъ гулъ и трескъ въ залѣ, пришли въ ужасъ: они съ трепетомъ ждали, что вотъ-вотъ обрушится зала и раздавить могучихъ!

Но борьба уже явно клонилась на сторону Беовульфа:— онъ одолѣвалъ уже Гренделя, и тотъ помышлялъ только о бѣгствѣ, о томъ, чтобы поскорѣ вырваться изъ рукъ могучаго богатыря и ускользнуть въ свое мрачное болото... Но помыслы эти были напрасны: лапа Гренделя, по прежнему, оставалась въ рукахъ Беовульфа, словно въ желѣзныхъ тискахъ. Наконецъ чудовище, собравшись съ послѣдними силами, рванулось, что есть мочи, — и вотъ жилы, тяжи и мускулы порвались въ плечѣ, лопнули кожа и мясо, кости выскочили изъ суставовъ, и вся лапа Гренделя, до самага плеча, осталась въ рукахъ Беовульфа; а чудовище, искалѣченное, пораненное на смерть, повлеклось издыхать въ свое болото.

Когда прослышали Датчане, что битва окончилась побѣдою Беовульфа, то одни устремились къ залѣ, а другіе пошли по кровавымъ слѣдамъ Гренделя до самага болота, и тамъ, на водѣ, замѣтили кровавыя струи. Въ залѣ, толпа собѣжавшихся любопытныхъ съ ужасомъ смотрѣла на слѣды грознаго ночного боя—на поваленныя скамьи и столы, на стѣны, обрызганныя кровью чудовища и на могучую лапу Гренделя, оторванную у чудовища Беовульфомъ... И всѣ славные богатыри, и самъ Гунфредъ должны были передъ нимъ смолкнуть, когда онъ спокойно и просто сталъ рассказывать всѣмъ о своей ночной битвѣ съ чудовищемъ. Самъ Хродгаръ, этотъ мудрый король Датскій, хорошо знакомый съ древними сказаніями, сложилъ пѣсню въ честь Беовульфова подвига.

Затѣмъ король приказалъ очистить залу, поправить въ ней все, что расшаталось и попададо во время битвы

Беовульфа съ Гренделемъ, и когда все было исправлено, Хродгаръ вновь велѣлъ изготавить въ залѣ богатое пиршество. За этимъ то пиромъ, Хродгаръ, обратившись къ Беовульфу, сказалъ:

— «Часто случалось мнѣ награждать и гораздо болѣе слабаго бойца за меньшіе подвиги. Тебя же, Беовульфъ, я стану отнынѣ считать своимъ сыномъ. Знай, что тебѣ не будетъ и не можетъ быть отказа ни въ чемъ изъ всего мнѣ принадлежащаго, и прошу тебя принять отъ меня дары, достойные тебя и твоего подвига».

И онъ поднесъ Беовульфу броню, шлемъ и копье изъ чистаго золота, да сверхъ того драгоцѣнный мечъ и восемь коней, а при нихъ дорогое сѣдло, на которомъ онъ самъ въ былое время сиживалъ, когда кругомъ его раздавался звонъ мечей.

Беовульфъ принялъ всѣ эти дары съ полнымъ кубкомъ въ рукахъ; а затѣмъ, въ свою очередь, подошла къ нему королева и подала ему другой кубокъ съ привѣтствіемъ и въ то же время на обѣ руки надѣла ему изъ крученаго золота обручи, кольца на пальцы, накинула на плеча богатый плащъ, а на шею драгоцѣнное золотое ожерелье, самое тяжелое изъ всѣхъ ожерелій на свѣтѣ.

Пиръ, и послѣ поднесенія этихъ даровъ, продолжался, полный шума и веселья, и звона круговыхъ чашъ, при громкихъ пѣсняхъ пѣвцовъ, прославлявшихъ подвиги древнихъ героевъ. Король и королева съ дѣтьми поздно удалились изъ залы; а гости, изрядно отяжелѣвшіе отъ меда, разостлали на скамьяхъ постели и, сложивъ въ головахъ все свое оружіе, расположилось на ночь тамъ-же, гдѣ пировали. Только Беовульфу и его спутникамъ, въ видѣ особаго почета, отведенъ былъ особый покой на эту ночь, для ночлега. И вскорѣ всѣ преспокойно заснули въ залѣ, нимаго не заботясь о томъ, что ихъ ожидаетъ въ близкомъ будущемъ.

Но вотъ, въ глухой полуночный часъ, опять затрещали двери залы, и распахнулись настежъ и въ нихъ ввалилось

захвативши только одного изъ ближайшихъ къ ней Датчанъ. И чудовище, и товарищъ исчезли въ мигъ изъ глазъ у перепуганныхъ витязей, которые громко завопили отъ ужаса... Побѣжали рассказать о случившемся къ королю, и тотъ немедленно послалъ за Беовульфомъ. Когда же Беовульфъ явился въ залу, Хродгаръ сказалъ ему:

— «Прежнее бѣдствіе постигло насъ, Беовульфъ! Эскеръ, мой лучшій собесѣдникъ и совѣтникъ, мой подручникъ въ битвахъ, погибъ отъ новаго чудовища, вѣроятно приходившаго сюда мстить за Гренделя. По слухамъ извѣстно намъ, что какіе то два мрачныхъ чудовища обитаютъ въ ближнемъ приморскомъ болотѣ. Надъ тѣмъ болотомъ, угрюмо и непривѣтно склонясь, нависли густыми вѣтвями старыя деревья, и каждую ночь тамъ чудится страшное чудо: яркимъ свѣтомъ озаряются мрачныя воды болота. И никто никогда не рѣшался въ то болото ногою ступить... Даже олень, изнуренный преслѣдованіемъ собакъ, скорѣе рѣшается погибнуть, нежели укрыться въ той трущобѣ... Лишь вѣтеръ, завывая, колышетъ тамъ обросшія мохомъ деревья, о корни которыхъ плещутся мрачныя волны. Ты одинъ можешь рѣшиться проникнуть въ мрачную бездну — одинъ ты можешь насъ избавить отъ бѣдствій! И если избавишь, то вновь обѣщаю тебя наградить изъ моей золотой казны».

Склонясь на слезныя мольбы престарѣлаго короля, Беовульфъ обѣщалъ ему, что будетъ преслѣдовать чудовище и проникнетъ даже въ самое убѣжище его — въ мрачный омутъ болота.

Когда же Беовульфъ рѣшился привести свое намѣреніе въ исполненіе, Хродгаръ вызвался проводить его со всѣми своими приближенными. Вскорѣ всѣ они направились къ болоту, верхами, по неизвѣданнымъ дорогамъ и тропинкамъ. Всюду, по тому пути, виденъ былъ слѣдъ бѣжавшаго чудовища и, въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ слѣдъ терялся въ болотѣ, вся вода подъ топкимъ берегомъ была окрашена кровью... Здѣсь же, на берегу, нашли они голову несчаст-

другое чудовище, подобное Гренделю: — то была мать Гренделя, явившаяся мстить за сына.

Шумъ ея появленія разбудилъ всѣхъ Датчанъ. Они поднялись разомъ; но ужасъ ихъ при видѣ новаго чудовища былъ такъ великъ, что имъ и въ голову не приходило — взяться за оружіе или прикрыть полунагое тѣло доспѣхами, которые были свалены кучей у ихъ изголовій. Всѣ бросились въ разсыпную. А мать Гренделя, явно напуганная общимъ пробужденіемъ, тоже рѣшилась бѣжать обратно въ свое болото, въ попыткахъ



наго Эскера, котораго горько оплакивалъ старый король Хродгаръ.

Спѣшившись съ коней, Беовульфъ, съ немногими избранными воинами, подошелъ къ окраинѣ болота, и всѣ они ясно увидѣли въ водѣ страшныхъ змѣй и морскихъ драконовъ; увидѣли и водяныхъ никсовъ, которые сидѣли на подводныхъ скалахъ. Заслышавъ шумъ по побережью, быстро заметались въ водѣ морскія чудовища и водяныя змѣи. Одно изъ этихъ чудовищъ Беовульфъ подстрѣлилъ въ водѣ, а когда оно всплыло на поверхность, его спутники доби́ли это чудовище копьями.

Потомъ Беовульфъ обратился къ Хродгару съ слѣдующею рѣчью:

— «Высокочитимый король! Готовый спуститься на дно болота, ради избавленія твоей страны отъ страшнаго чудовища, я иду на встрѣчу вѣрной смерти; а потому и прошу тебя, въ случаѣ, если-бы я точно погибъ отъ чудовища, то не оставь твоею милостью моихъ добрыхъ земляковъ-Геатовъ, и перешли дядѣ моему, королю Хигелаку, всѣ дары, полученные мною вчера».

Окончивъ эту рѣчь, онъ взялъ изъ рукъ Гунфреда мечъ Хрунтингъ, древнее, въ ядѣ омоченное и въ крови закаленное оружіе, опоясалъ на себя покрѣпче кольчугу—и ринулся съ берега въ омутъ страшнаго болота. Король Хродгаръ не успѣлъ и вскрикнуть, какъ уже мрачныя волны бездоннаго омуты поглотили храбраго витязя.

Цѣлый день, съ утра и до вечера опускался Беовульфъ на дно страшной бездны, среди чудовищъ, которыя яростно бросались на него и хватили зубами, то за плечи, то за руки, но ихъ злобныя нападенія оказывались тщетными—всюду встрѣчали они либо непроницаемо-твердую броню, либо частую сѣть крѣпкой желѣзной кольчуги. Когда же онъ наконецъ коснулся ногами дна этого страшнаго омуты—на него тотчасъ же яростно набросилась мать Гренделя, самаго страшнаго изъ всѣхъ водяныхъ чудовищъ. Охваченный могучими лапами чудовища,



Беовульфъ не могъ двинуть въ водѣ ни рукою, ни ногою, не могъ даже обнажить меча своего—а мать Гренделя, между тѣмъ, быстро увлекала его куда-то въ сторону изъ мрачнаго оута. И вдругъ онъ увидѣлъ, что они очутились въ какомъ-то невѣдомомъ углу бездны. Беовульфъ убѣдился, что вода туда не проникала, что эта мрачная подводная пещера была освѣщена какимъ-то блѣднымъ свѣтомъ, и тутъ только разглядѣлъ вполнѣ ясно то чудовище, которое держало его въ своихъ мощныхъ когтяхъ. Быстро оправившись, Беовульфъ встряхнулъ плечами, вырвался изъ лапъ чудовища и, выхвативъ мечъ Хрунтингъ, яростно напалъ на своего грознаго противника. Но увы!—крѣпкая, благородная сталь не могла нанести чудовищу никакого вреда и только скользила по его чешуямъ... Тогда Беовульфъ, отбросивъ оружіе, вступилъ въ борьбу съ матерью Гренделя, сбиль ее съ ногъ, но потомъ, поскользнувшись, самъ упалъ, и чудовище навалилось на него всею своею тяжестью, пытаясь его раздавить или задушить. Но Беовульфъ былъ опытный борецъ:—улучивши минуту, онъ выбился изъ подъ чудовища, вскочилъ на ноги, сорвалъ со стѣны громадный мечъ, нѣкогда выкованный древними великанами и, собравши всѣ силы, съ размаху ударилъ имъ мать Гренделя по шеѣ... Затрещали хрящи и кости:—все раздробилъ страшный мечъ, и бой окончился однимъ ударомъ. Обливаясь кровью, чудовище пало мертвое къ ногамъ Беовульфа.

Тогда, торжествуя побѣду, славный богатырь тѣмъ же мечемъ отрубилъ громадную головищу отъ трупa Гренделя, лежавшаго въ углу, и, взявъ ее въ одну руку, хотѣлъ другою унести изъ подводной пещеры древнее орудіе великановъ. Но каково-же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что этотъ громадный мечъ сталъ таять какъ ледъ въ его рукахъ и въ нѣсколько мгновений растаялъ до самой рукояти, такъ что только эту рукоять онъ и могъ унести съ собою на землю, въ память о страшной битвѣ.

Между тѣмъ, спутники Беовульфа, сопровождавшіе его до болота давно уже отчаялись увидѣть его въ живыхъ. Они ждали его цѣлый день, отъ ранняго утра и до наступленія вечера, и уже собрались уходить домой, когда ихъ вниманіе было привлечено страннымъ, необыкновеннымъ явленіемъ. Вода въ мрачномъ омутѣ болота стала краснѣть, окрашиваясь струями свѣжей крови. Всѣ такъ и подумали, что это кровь Беовульфа, что онъ погибъ въ борьбѣ съ чудовищемъ, и уже собирались горько оплакать славнаго богатыря—красу и честь земли Геатовъ—какъ вдругъ Беовульфъ показался изъ воды и подплылъ къ берегу. Всѣ радостно бросились къ нему и пособили ему выйти на сушу и самому обсушиться, такъ какъ красноватая влага ручьями сбѣгала съ его доспѣховъ и одежды. Товарищи помогли ему освободиться отъ доспѣховъ, усадили его на коня; а четверо изъ нихъ торжественно понесли за нимъ на носилкахъ чудовищную головищу Гренделя, такъ какъ никому не подъ силу было снести ее одному.

Шумно и весело сѣли въ тотъ вечеръ всѣ гости за столъ короля Хродгара, пировали далеко за полночь и легли спать спокойно, твердо увѣренные въ томъ, что, благодаря подвигу Беовульфа, никто уже теперь не нарушитъ ихъ покоя.

На другой день Геаты стали собираться домой. Щедро одаривши и Беовульфа, и всѣхъ его спутниковъ, Хродгаръ распростился съ ними и весьма сердечно, весьма искренно пожелалъ имъ счастливаго пути.

Счастливо переплылъ Беовульфъ многошумное море и прибылъ къ берегамъ своей родины, гдѣ король Хигелакъ и всѣ его родные встрѣтили Беовульфа радушно и весело. Тутъ Беовульфъ рассказалъ имъ подробно о своемъ пребываніи въ землѣ Датчанъ, о грозной битвѣ съ чудовищами, о тѣхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергалъ свою жизнь, сражаясь для общаго блага. И громко славили его подвигъ пѣвцы, подъ звонъ заздравныхъ

кубковъ. Въ концѣ пиршества онъ щедро надѣлилъ короля Хигелака и все его семейство изъ сокровищъ, поднесенныхъ ему въ даръ Хродгаромъ. Хигелакъ тоже не остался у него въ долгу: онъ отдалъ Беовульфу лучшимъ изъ своихъ родовыхъ мечей, да сверхъ того далъ еще ему землю и замокъ въ пожизненное владѣніе...

Затѣмъ прошло много лѣтъ. Хигелакъ палъ въ битвѣ; и сынъ его тоже палъ подъ мечами враговъ. Королемъ надъ Геатами пришлось быть Беовульфу, и онъ мудро и счастливо правилъ ими около полулѣтка, какъ вдругъ прослышали о новомъ и тяжкомъ народномъ бѣдствіи... Въ его владѣніяхъ появился крылатый змѣй, который всюду леталъ по ночамъ—людей умерщвлялъ и дома ихъ зажигалъ. Этотъ змѣй былъ хранителемъ клада, зарытаго въ пещерѣ неприступной скалы. Никому невѣдомая тропинка вела внутрь той скалы, и по этой тропинкѣ человѣкъ проникъ случайно въ жилище змѣя. Не по доброй волѣ, не для того, чтобы разыскать богатый кладъ змѣя, зашелъ этотъ случайный гость въ мрачную пещеру горнаго чудовища:—онъ зашелъ туда убѣгая отъ жестокихъ преслѣдованій своего неумолимаго владыки и господина. И вдругъ, зайдя въ пещеру, заглянувъ подъ ея мрачно-нависшіе своды, онъ увидѣлъ предъ собою груды блиставшихъ въ пещерѣ змѣевыхъ сокровищъ! Сокровища эти скрылъ здѣсь нѣкогда послѣдній потомокъ одного стариннаго рода, у котораго смерть отняла всѣхъ близкихъ, такъ что ему выпало на долю только одно: оплакивать своихъ близкихъ и сѣтовать на свою горькую участь. Онъ снесъ всѣ сокровища своего рода въ ту неприступную пещеру, сложилъ тамъ въ кучи ярко-блестѣвшее золото и сосуды.

— «Пусть земля приметъ въ свои нѣдра тѣ сокровища, которыми уже не можетъ владѣть никто изъ моихъ близкихъ! Всѣ они погибли жертвою мечей и копій! Никого изъ нихъ не осталось, кто-бы могъ теперь владѣть этими завѣтными мечами, пить изъ этихъ драгоцѣнныхъ кубковъ, носить эти блестящіе доспѣхи! Смолкли въ нашихъ зам-

кахъ звонко бряцавшія арфы—не слышно болѣе пѣнья пѣвцовъ, не видно перелетающихъ по заламъ соколовъ и кречетовъ, и дворы ихъ не оглашаются топотомъ быстрыхъ коней. Безпощадная смерть рано похитила у меня всѣхъ близкихъ и родныхъ».

Такъ горько сѣтовалъ на свою судьбу одинокій, проводя дни и ночи въ тоскѣ и печали, пока и его не коснулась холодная рука смерти...

Кладъ, оставленный этимъ горемычнымъ и одинокимъ скитальцемъ, былъ въ послѣдствіи розысканъ змѣемъ, который поселился въ той пещерѣ и триста лѣтъ лежалъ въ ней спокойно на своемъ золотѣ, пока не потревожилъ его своимъ посѣщеніемъ бѣдный изгнанникъ, который изъ всего клада взялъ только кубокъ, и тотъ принесъ къ ногамъ своего неумолимаго господина, чтобы вымолить у него себѣ пощаду.

И вотъ, замѣтивъ похищеніе, змѣй поднялся со своего золотого логовища и устремился вслѣдъ похитителю... Но нигдѣ не нашелъ его; и съ той поры, мстя за обиду, нанесенную ему человѣкомъ, онъ сталъ летать по ночамъ по всей землѣ Беовульфа, пыша огнемъ, все пожиря на пути, не щадя ничего живаго...

Прослышалъ о томъ Беовульфъ; узналъ также, чѣмъ вызваны были эти страшныя опустошенія. Какъ добрый король—отецъ своего народа—онъ тотчасъ же рѣшился избавить свою страну отъ нежданнаго бѣдствія. При этомъ онъ, какъ опытный воинъ, приготовился къ битвѣ надлежащимъ образомъ: онъ зналъ, что ему придется вступить въ борьбу со змѣемъ, который пышетъ огнемъ, и потому приказалъ выковать для себя большой желѣзный щитъ. Вооружившись съ головы до ногъ и взявъ этотъ щитъ на руку, онъ направился, въ сопровожденіи двѣнадцати опытныхъ витязей, къ пещерѣ, гдѣ залегалъ змѣй на своихъ сокровищахъ.

Предводителемъ Беовульфу и его спутникамъ служилъ тотъ, кто былъ невольнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій...



Только ему одному и была известна тропинка, по которой легко можно было проникнуть въ жилище змѣя...

Но этого проводника не легко было заставить, чтобы онъ всѣмъ указалъ роковой путь:—онъ не хотѣлъ идти добровольно, упирался и испускалъ жалобные вопли. Витязи должны были связать малодушному руки за спину и насильно гнать его передъ собою.

Беовульфъ, состарѣвшійся въ бурныхъ битвахъ, готовый и еще разъ, на закатѣ дней своихъ, совершить новый подвигъ, вступить въ послѣдній бой—на этотъ разъ былъ грустно настроенъ. Напрасно старался онъ ободрить себя, перебирая въ памяти всѣ тѣ опасности, какимъ подвергался въ жизни:—не смотря ни на что, прежняя бодрость духа не возвращалась. Онъ предчувствовалъ, что уже близокъ былъ назначенный судьбою часъ, въ который душѣ его предстояло разстаться съ тѣломъ...

Но вотъ уже и достигли они цѣли своего долгаго и труднаго похода... Преодолевъ себя, Беовульфъ сходитъ

по тропинкѣ къ убѣжищу страшнаго змѣя, вмѣстѣ со своими спутниками—и видитъ передъ собою каменный сводъ глубокой пещеры, изъ подъ котораго, пылая огнемъ, бѣжитъ бурный, могучій потокъ. Никому нельзя было даже и помыслить приблизиться къ тому мѣсту, и Беовульфъ, видя передъ собою такое неожиданное и неодолимое препятствіе, сталъ громко и гнѣвно вызывать змѣя на бой и выкликать его изъ пещеры. Заслышавъ человѣческій голосъ, змѣй пзъ пещеры вышелъ, увидѣлъ передъ ея входомъ готоваго къ бою Беовульфа, который ожидалъ его, прикрывшись щитомъ—увидѣлъ. и пріостановился. Долго, долго и очень внимательно высматривали другъ друга противники, видимо опасаясь другъ друга, и вдругъ устремились въ битву. Змѣй такъ грозно выбрасывалъ изъ своей пасти пламя, обдавалъ всѣхъ такимъ страшнымъ жаромъ, что ужасъ напалъ на всѣхъ спутниковъ Беовульфа и они, отчаявшись въ исходѣ битвы, безъ оглядки бросились бѣжать къ сосновому лѣсу, предоставляя своего короля и владыку на волю судьбы и помышляя только о своемъ спасеніи. Одинъ Виглафъ, неизмѣнно-преданный Беовулфу, остался при немъ; и напрасно пытался онъ мольбами и упреками остановить бѣглецовъ. Видя, что всѣ его усилія напрасны, онъ рѣшился умереть со своимъ господиномъ, и сталъ мужественно помогать Беовулфу въ борьбѣ со змѣемъ, то осыпая змѣя ударами своего меча, то прикрывая короля щитомъ.

Но могучая рука Беовульфа, даже и въ старости, все еще была слишкомъ тяжела для меча, даже и самого твердаго, самого лучшаго... Въ разгарѣ битвы, знаменитый мечъ, который уже много лѣтъ сряду служилъ ему въ битвахъ, разлетѣлся въ дребезги отъ удара о голову чудовища, и пока онъ успѣлъ его отбросить въ сторону и выхватить другой запасный мечъ—змѣй сумѣлъ нанести Беовулфу смертельную рану. Чувствуя это, могучій боецъ собрался съ послѣдними силами, вновь устремился на змѣя, и поразилъ его.

Когда змѣй палъ, наконецъ, подъ ударами Беовульфа и Виглафа, и, свернувшись въ кольцо, издохъ — самъ Беовульфъ сталъ изнемогать отъ раны и почувствовалъ, что его уже не держатъ рѣзвыя ноги... Онъ опустился на-земь, оперся спиною о скалу и обратился съ рѣчью къ своему вѣрному Виглафу, который снималъ съ него доспѣхи и подавалъ ему свѣжую воду:

— «Пятьдесятъ лѣтъ сряду правилъ я своей страною!» — такъ сказалъ онъ. Полвѣка охранялъ я ее мечемъ отъ враговъ, не коварствуя, не произнося клятвы, которую бы я не исполнилъ. И вотъ теперь, въ послѣднія мгновенія жизни, могу себя успокоить тѣмъ, что никто не упрекнетъ меня въ убійствѣ родныхъ или друзей. Но чтобы я могъ умереть спокойно и твердо, ты, вѣрный Виглафъ, ступай въ пещеру, и вынеси мнѣ на показъ всѣ тѣ сокровища, которыя я, въ этой послѣдней битвѣ, отнял у грознаго змѣя...

Виглафъ поспѣшилъ исполнить послѣднюю волю умирающаго короля. Войдя въ пещеру и быстро оглядѣвъ жилище змѣя, онъ захватилъ оттуда лучшія изъ множества тамъ собранныхъ сокровищъ и вынесъ ихъ, и положилъ къ ногамъ Беовульфа, который уже впадалъ въ забытѣе. Желая пробудить его къ сознанію, Виглафъ сталъ обливать его холодною водою и еще успѣлъ привести его въ чувство. Умирающій бросилъ взглядъ на сокровища и сказалъ:

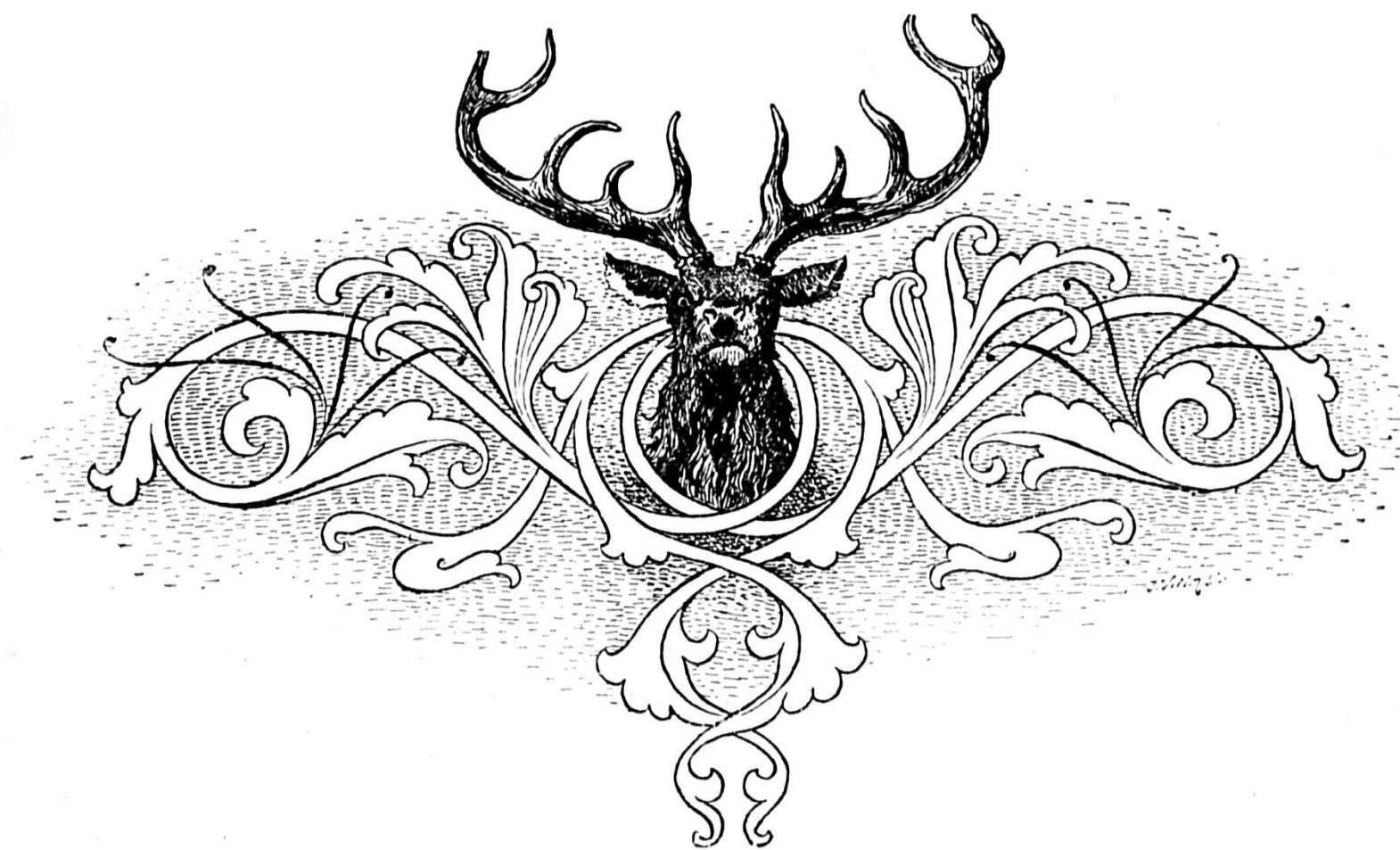
— «Я умираю; вели-же схоронить меня на берегу — и пусть высоко надъ прибоемъ будетъ виденъ мой могильный холмъ, чтобы всѣ моряки и заморскіе гости-корабельщики завидѣвъ его издали, знали, что это Беовульфова могила... А ты, послѣдній въ моемъ родѣ, неизмѣнно вѣрный мнѣ, возьми всѣ мои доспѣхи и носи ихъ со славою!»

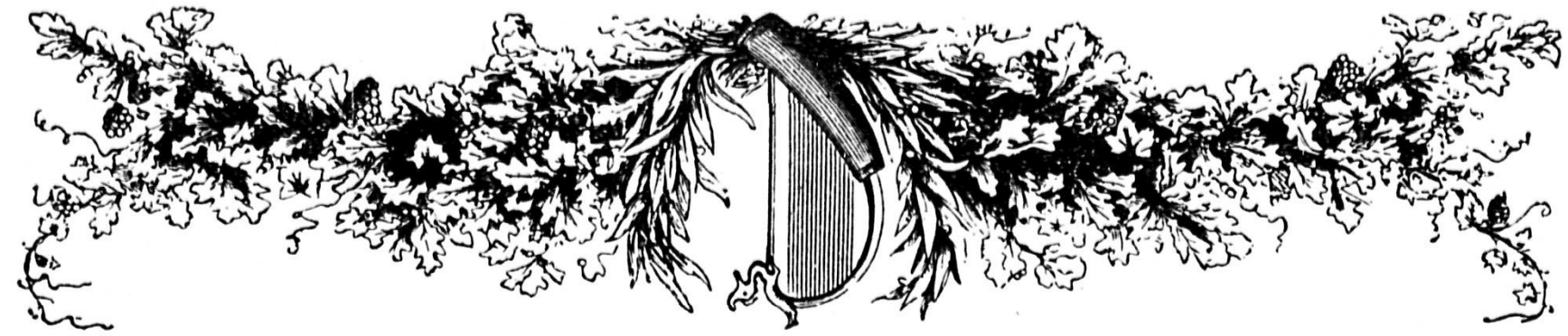
Съ этими словами онъ заснулъ навѣки. Видя это, Виглафъ тотчасъ поспѣшилъ воротить бѣглецовъ изъ лѣса, усовѣщивалъ ихъ, упрекалъ въ низкомъ поступкѣ, потомъ, при ихъ помощи, вынесъ всѣ сокровища изъ

пещеры змѣя, а для Беовульфа соорудилъ великолѣпно-украшенный громадный костеръ на берегу многошумящаго моря...

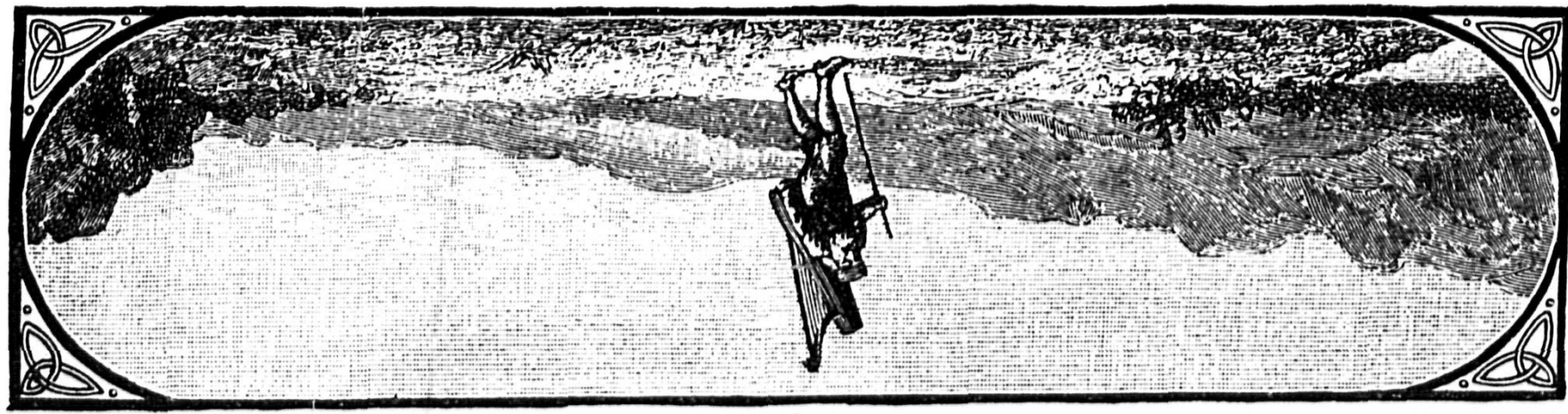
Совершивъ, съ соблюденіемъ всѣхъ древнихъ обычаевъ, обрядъ сожженія надъ Беовульфовымъ тѣломъ, Виглафъ, по завѣщанію героя, насыпалъ высокій холмъ надъ его славнымъ прахомъ. И моряки, издали направляя свои корабли на этотъ холмъ, дѣйствительно говорили другъ другу:

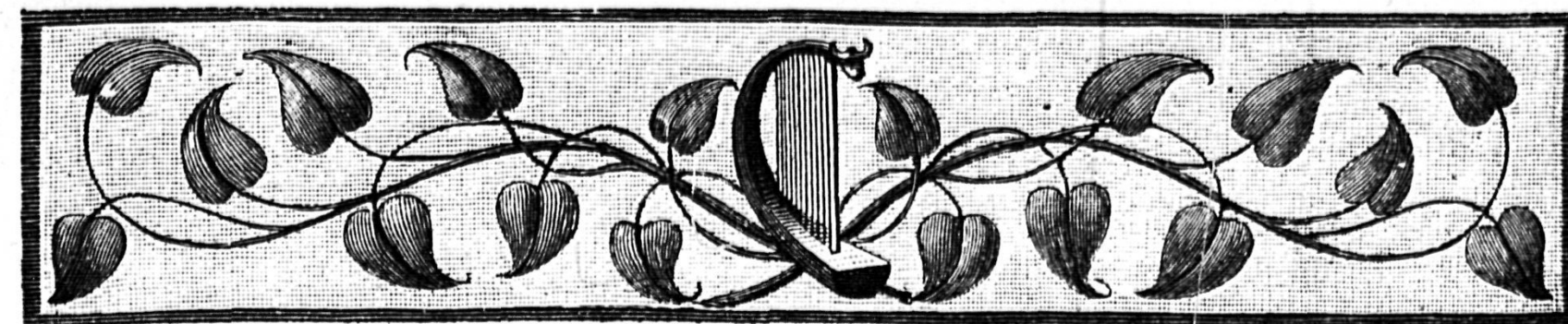
— «Вонъ, высоко надъ прибоемъ, виднѣется могила Беовульфа. Честь и слава ему!»





ОМАНЬИ
КРЫТЯТО
СТОЛА.





Романы Круглаго Стола.

Средніе вѣка—вѣка рыцарства съ его вѣчными раздорами, войнами и замкнутою жизнью, которая протекала однообразно и скучно за зубчатыми стѣнами замковъ—эти средніе вѣка, отличавшіеся сильно-развитымъ уваженіемъ къ грубой физической силѣ и кулачной расправѣ—оставили намъ весьма обширную литературу рыцарскихъ романовъ, которые живо знакомятъ насъ съ нравами, обычаями, вѣрованіями, понятіями и предразсудками рыцарской среды. Основною подобныхъ романовъ являются обыкновенно приключенія какого-нибудь рыцаря, который ищетъ всякой возможности проявить свое мужество, свою силу, свое умѣнье владѣть оружіемъ; борется съ чудовищами и великанами, избавляетъ любимую имъ женщину изъ рукъ злодѣевъ или разбойниковъ, и, послѣ многихъ, совершенныхъ имъ подвиговъ, пріобрѣтаетъ неувядаемую славу и общее уваженіе. Въ очень многихъ романахъ повторяются почти дословно тѣ же приключенія и даже являются тѣ же дѣйствующія лица; и самое изложеніе романовъ почти одинаково: это плавный и спокойный рассказъ, пространный и подробный, излагающій событія изо-дня въ день,

рисующій внѣшнюю сторону лицъ и ихъ приключенія и ни единымъ словомъ не упоминающій о внутренней жизни своихъ героевъ, о ихъ думахъ, чувствахъ и состояніи души въ тѣ или другіе моменты ихъ дѣятельности...

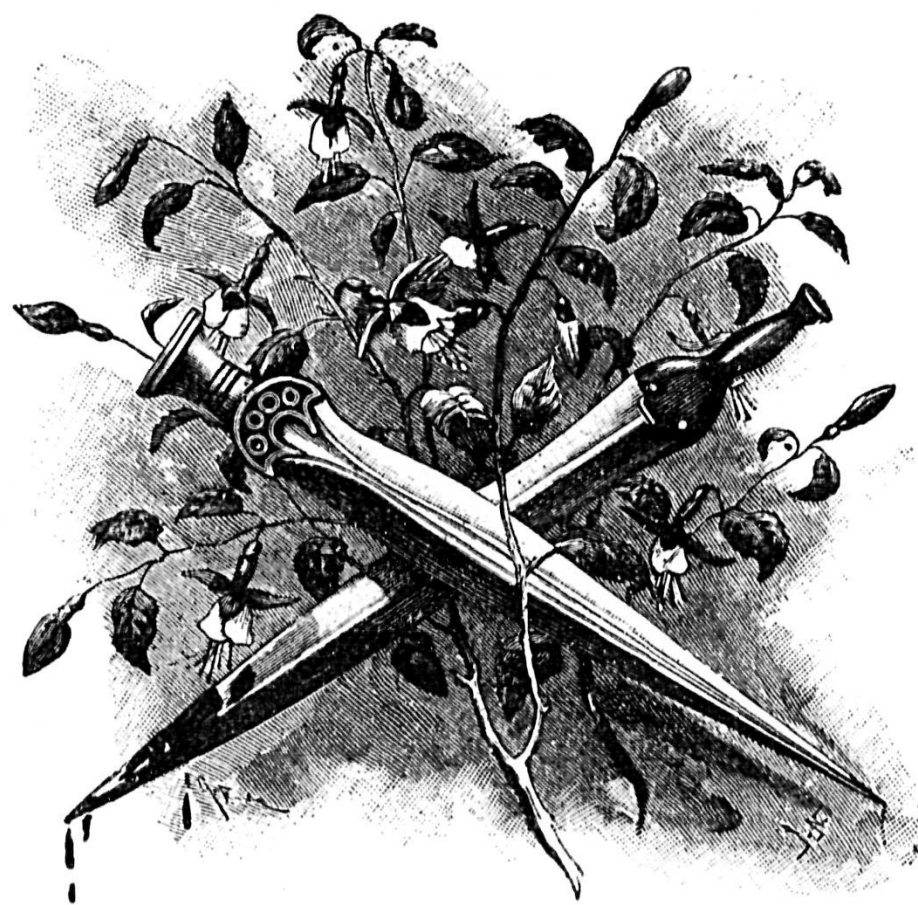
Большая часть средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ написана стихами, и эти стихотворныя изложенія романическихъ сюжетовъ, явившіяся въ періодъ процвѣтанія рыцарства (въ XII—XIV вѣкѣ), доставили громкую славу многимъ поэтамъ, преимущественно французскимъ и германскимъ. Но чрезвычайно-любопытною особенностью всѣхъ подобныхъ изложеній явилось то обстоятельство, что во всѣхъ рыцарскихъ романахъ оказалась одна общая основа. Герои рыцарскихъ романовъ представлялись тѣсно-связанными съ кружкомъ витязей, собиравшихся около какого-то «добраго и славнаго короля Артура», точно также, какъ наши русскіе богатыри около Владимира Краснаго Солнышка. Дворъ короля Артура представлялся центромъ, къ которому стремилось и около котораго собиралось все именитое и славное, все, что умѣло съ достоинствомъ и честью носить рыцарское званіе, все, что хотѣло блеснуть своими подвигами, своими заслугами или чрезвычайнымъ разнообразіемъ своихъ приключеній. Обычаи двора Артурова представляются въ рыцарскихъ романахъ образцомъ всего, что можно себѣ представить въ смыслѣ утонченной рыцарской вѣжливости, благородства и воспитанности: — это идеалъ, къ которому долженъ стремиться каждый истинный рыцарь. При той выдержкѣ и воспитанности, которая должна составлять отличительную черту каждого рыцаря, являющагося ко двору Артура — всѣ рыцари при дворѣ его равны: — между ними нѣтъ ни старшихъ, ни среднихъ, ни меньшихъ, ни болѣе именитыхъ, ни менѣе замѣтныхъ... Это общее равенство рыцарей при Артуровомъ дворѣ выражается наглядно тѣмъ, что всѣ за столомъ сидятъ «безъ мѣстъ», за общимъ

«круглымъ столомъ», который и есть главный сборный пунктъ рыцарской братіи, со всѣхъ концовъ образованнаго міра стекающей ко двору «добраго короля Артура». Отъ этого центра всѣ они получаютъ даже и свое общее названіе «Рыцарей Круглаго Стола», а романы, въ которыхъ разсказывается о ихъ подвигахъ и приключеніяхъ, — названіе «романовъ Круглаго Стола». Къ кругу этихъ сказаній относятся романы о королѣ Артурѣ и его сподвижникахъ, о волшебникѣ Мерлинѣ и Вивіенѣ, о Ланселотѣ и Женіеврѣ, о Тристанѣ и Изольдѣ, о Рыцарѣ со львомъ, о Парсивалѣ, и многіе другіе, извѣстные въ нѣсколькихъ различныхъ обработкахъ или редакціяхъ.

Ученые долгое время спорили о томъ, откуда были первоначально заимствованы средневѣковыми поэтами основные сюжеты всѣхъ этихъ романовъ «Круглаго Стола», и наконецъ пришли къ тому убѣжденію, что эти сюжеты были заимствованы изъ кельтійскихъ сказаній. Тщательныя розысканія привели къ тому, что въ библіотекѣ Оксфордскаго Университета отысканъ былъ и древне-кельтійскій рукописный сборникъ, въ которомъ нашли первоначальныя кельтійскія сказанія объ Артурѣ и его витязяхъ, въ той сжатой и краткой формѣ, въ которой они явились среди кельтійскаго населенія Бретани и Уэльса, и изъ которой впослѣдствіи выросли и развились объемистые средневѣковые рыцарскіе романы. Для того, чтобы ознакомить нашихъ юныхъ читателей съ этими любопытными сказаніями, мы приводимъ здѣсь три наиболѣе распространенныя изъ нихъ почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были однимъ изъ французскихъ ученыхъ внесены изъ Оксфордскаго сборника *) въ его книгу о

*) Этотъ Оксфордскій сборникъ извѣстенъ подъ названіемъ «Красной Книги» и, по весьма вѣскимъ даннымъ, относится учеными къ періоду конца XIII — начала XIV вѣка.

романахъ Круглаго Стола. Сказанія эти излагаютъ намъ похождения трехъ знаменитыхъ представителей Артурова двора: Овенна, Герана и Передура, и носятъ слѣдующія заглавія въ подлинникѣ: I. Овеннъ или дама Источника; II. Геранъ или рыцарь съ соколомъ, и III. Передуръ или таинственный сосудъ. Каждое изъ этихъ сказаній рисуетъ намъ рыцарскій бытъ съ какой нибудь особой стороны и въ рядѣ любопытныхъ очерковъ знакомитъ насъ съ средневѣковой жизнью въ ея различныхъ проявленіяхъ.



Овеннъ или Дама Источника.

I.

Однажды во дворцѣ короля Артура собрались всѣ лучшіе рыцари, постоянно составлявшіе его свиту. Тутъ былъ и Овеннъ, сынъ владѣтельнаго князя Уріена, и Кенанъ, сынъ Кледно, и Кай—сынъ Кенера. Самъ Артуръ возсѣдалъ среди залы на своемъ любимомъ креслѣ, плетеномъ изъ камыша и обитомъ лазоревымъ сукномъ. Онъ опирался локтемъ на пунцовую атласную подушку и оглядывалъ всѣхъ окружающихъ съ благодушной улыбкой. Супруга его, Гвенниваръ, въ сторонѣ, у окна, окруженная своей служней, занята была рукодѣльемъ, въ которомъ ей помогали ея дѣвушки.

— «Я полагаю, что недурно будетъ мнѣ немного соснуть передъ обѣдомъ, друзья мои!» — сказалъ Артуръ, привѣтливо обращаясь къ своимъ витязямъ. «А вы, тѣмъ временемъ, потѣшайте другъ-друга разсказами... Да и спросите себѣ по кружкѣ меда!..»

Сказалъ—и вскорѣ послѣ того погрузился въ дремоту. Тогда всѣ рыцари обратились къ Кенану, прося его разсказать одну изъ тѣхъ любопытнѣйшихъ исторій, которыхъ онъ такъ много зналъ на память. Сначала тотъ сталъ было отнѣкиваться; но когда Кай сбѣгалъ на погребъ и принесъ оттуда меду, то языкъ у Кенана развязался самъ собою, и онъ согласился потѣшить своихъ товарищей.

Всѣ приготовились слушать, а Кенанъ началъ такъ:

— «Смолоду я былъ очень смѣлъ и самонадѣянъ, и воображалъ себя, что не встрѣчу себѣ соперника по силѣ и мужеству. Такое убѣжденіе побуждало меня къ странствованіямъ и исканію приключеній, въ которыхъ я самъ весьма неразумно напрашивался на опасности...

Однажды, послѣ долгаго переѣзда по странѣ безлюдной и мнѣ неизвѣстной, я очутился въ прекраснѣйшей долинь. Тамъ, по берегу живописной рѣчки, извивалась тропинка, по которой я и пустилъ своего коня. До самого вечера слѣдовалъ я этой тропинкой и наконецъ завидѣлъ вдали большой и роскошный замокъ, съ трехъ сторонъ окруженный водою: — къ нему-то я и направился. Когда я подъѣхалъ къ замку, на встрѣчу мнѣ вышелъ самъ хозяинъ его со своими двумя сыновьями, взяли меня подъ руку и ввели въ главную залу этого обширнаго зданія. Въ той залѣ увидѣлъ я двадцать четыре дѣвицы, у окна, за работою: онѣ вышивали золотомъ по атласу. Всѣ онѣ были стройны и красивы, и могу васъ увѣрить, что самая некрасивая изъ нихъ была лучше многихъ нашихъ красавицъ, а красивыя могли бы соперничать красотой съ нашей знаменитой красавицей Гвенниваръ, супругой короля Артура!

И вотъ, шесть изъ числа этихъ дѣвицъ поднялись со своихъ мѣстъ, подошли ко мнѣ и сняли съ меня мои доспѣхи; а другія шесть тотчасъ же омыли ихъ въ тазу и вычистили такъ, что они горѣли какъ жаръ; шесть подругъ ихъ стали накрывать на столъ и подавать кушанья, а остальные шесть сняли съ меня грязное и пыльное платье и переодѣли меня съ головы до ногъ въ чистое бѣлье и платье. Потомъ усадили меня на подушки, подостлали мнѣ подъ ноги коверъ, и подали серебряный тазъ и рукомойникъ, въ которомъ я могъ умыться передъ обѣдомъ и омыть руки. Тѣ-же дѣвицы, которыя сняли съ меня доспѣхи, позаботились и о моемъ конѣ: расчлѣдали его, разнуздали, вычистили, поставили въ стойло и насыпали ему корму въ ясли.

Затѣмъ, мы сѣли за столъ; я сѣлъ рядомъ съ хозяиномъ и его сыновьями на одномъ концѣ стола, а всѣ женщины и слуги сѣли на другомъ концѣ. Въ началѣ обѣда, ни хозяинъ, ни сыновья его не заговаривали со мной; но когда они увидѣли, что я утолилъ свой голодъ, и что бесѣда была-бы мнѣ пріятна, то между нами разговоръ завязался самъ собою. Я объявилъ хозяину свое имя и сообщилъ ему, между прочимъ, что странствую по бѣлусвѣту, отыскивая себѣ супротивника, съ которымъ бы я могъ помѣряться силами и потягаться въ мужествѣ.

Хозяинъ, въ отвѣтъ на это, улыбнулся и сказалъ:

— «Мнѣ нетрудно будетъ указать тебѣ достойнаго соперника. Переночуй здѣсь, и встань на завтра пораньше. Выѣхавъ изъ замка поѣзжай прямо по долинь, пока не доѣдешь до лѣса; въ томъ лѣсу выѣзжай на прогалину, среди котораго сидитъ одноглазый, черный великанъ: онъ сторожитъ тамъ лѣсъ и пасетъ въ немъ стада дикихъ звѣрей. У него спросишь ты, какъ тебѣ проѣхать къ источнику, и онъ же укажетъ тебѣ, какъ найти того, кого ты ищешь».

Долга показалась мнѣ эта ночь!.. Едва только занялась заря на востокѣ, какъ я уже былъ на ногахъ и сѣдлалъ коня, готовясь въ дальній путь... И вотъ, я выѣхалъ изъ замка, доѣхалъ до лѣса, виднѣвшагося вдали; а въ томъ лѣсу, среди широкой прогалины, дѣйствительно увидѣлъ я чернаго, одноглазаго великана, который пасъ безчисленные стада дикихъ звѣрей. Я подъѣхалъ къ нему и объяснилъ, что, странствуя по свѣту, ищу себѣ супротивника, равнаго по силѣ и храбрости, и затѣмъ просилъ его указать мнѣ, какъ проѣхать къ источнику.

— «Вотъ тебѣ тропинка», сказалъ великанъ; — и ступай по ней въ гору до самой вершины; тамъ, среди долины подъ деревомъ, увидишь источникъ. Рядомъ съ источникомъ — камень. Зачерпни воды изъ источника и плесни на камень — тогда увидишь, что изъ этого выйдетъ. Предупреждаю однако-же, что, если ты изъ этого приклю-

ченія выйдешь цѣлъ и невредимъ, то ты можешь считать себя рѣшительно непобѣдимымъ и никого на свѣтѣ не опасаться».

По указаніямъ великана, я розыскалъ источникъ, зачерпнулъ изъ него воды, и плеснулъ на камень... И вдругъ загрохоталъ громъ, полился ливень съ градомъ, и разразилась такая гроза, что на деревѣ надъ источникомъ не уцѣлѣло ни одного листа. И только что гроза приутихла—вдали слышались жалобные стоны и въ долину появился рыцарь, на ворономъ конѣ, а самъ весь въ черномъ съ головы до ногъ, съ чернымъ копьемъ въ рукѣ. Онъ еще издали кричалъ мнѣ:

— «О рыцарь! Зачѣмъ явился ты сюда? Зачѣмъ вызвалъ и поднялъ ты бурю, плеснувъ воды изъ источника на камень? Или ты не знаешь, что эта гроза не оставила въ живыхъ никого изъ моихъ людей и изъ моихъ стадъ, кого только застигла въ открытомъ полѣ!»

Тутъ мы съ нимъ сшиблись, и между нами завязалась битва, которая, однакожъ, длилась очень недолго, потому что мой противникъ вскорѣ выбилъ меня изъ сѣдла, причемъ я ударился о-земь и лишился чувствъ; а онъ преспокойно повернулъ своего коня и ускакалъ, захвативъ кстаѣи и моего коня съ собою...

Нетерпѣливо и жадно прислушивался къ этому разсказу Овеннъ—лучшій изъ витязей Артура—и когда Кенанъ сталъ излагать подробности своей борьбы съ чернымъ рыцаремъ, Овеннъ не вытерпѣлъ и спросилъ его:

— «Что же случилось потомъ?»

— «Ничего!»—преспокойно отвѣчалъ Кенанъ. «Очнувшись отъ удара, я поднялся на ноги, и пѣшкомъ добрался до замка, въ которомъ ночевалъ наканунѣ; а затѣмъ я вернулся ко двору Артура на томъ прекрасномъ гнѣдомъ конѣ, который былъ мнѣ подаренъ любезнымъ владѣльцемъ замка... И, признаться, я дивлюсь только тому, что еще никто изъ храбрыхъ рыцарей Артурова двора не побывалъ у этого дивнаго источника и не помѣрялся силами съ могучимъ чернымъ рыцаремъ?»

Этихъ словъ было совершенно достаточно, чтобы задѣтъ за живое неустрашимаго Овенна. Онъ тотчасъ удалился въ свою комнату, заперся въ ней, сталъ чистить свои доспѣхи и оружіе и все изготовлять на завтра, чтобы пуститься спозаранокъ въ дальній путь...

И точно: съ разсвѣтомъ, на другой день, онъ уже выѣхалъ изъ Артурова дворца и направился, по указаніямъ Кенана, въ ту прекрасную долину, гдѣ находился замокъ гостепріимнаго владѣльца, его двухъ сыновей и двадцати четырехъ дочерей...

Все случилось съ нимъ точно также, какъ и съ Кенаномъ; а потому мы и не станемъ пересказывать его приключеній до той минуты, когда онъ, воспользовавшись указаніемъ одноглазаго чернаго великана, прибылъ наконецъ къ источнику, и, зачерпнувъ изъ него воды, плеснулъ на камень. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ раздался страшный ударъ грома и пролился сильный ливень. Но и гроза, и ливень скоро миновали, небо снова очистилось, и когда Овеннъ взглянулъ на дерево, которое росло надъ источникомъ, то увидѣлъ, что на немъ точно не осталось ни одного листочка. Пока онъ осматривалъ дерево, на вѣтви его опустилась стая птичекъ и всѣ онѣ стали пѣть такъ сладостно, что Овеннъ невольно ихъ заслушался.

И вдругъ, изъ глубины долины слышались стоны, и черный рыцарь, на ворономъ конѣ бурейю налетѣлъ на Овенна. Однакожъ Овеннъ не смутился, встрѣтилъ его мужественно, и они сшиблись съ такою силою, что копья ихъ сразу разлетѣлись въ дребезги. Тогда оба витязя одновременно схватились за мечи, и бой возобновился—но длился недолго: Овеннъ нанесъ мечомъ такой тяжкій ударъ черному рыцарю, что разсѣкъ гребень его шлема, а также и шапку подъ шлемомъ, и черепъ до самаго мозга.

Черный рыцарь почувалъ что онъ раненъ на смерть, повернулъ коня и помчался обратно; а Овеннъ пустился за нимъ вслѣдъ, но не могъ его настигнуть, чтобы нанести ему рѣшительный ударъ.

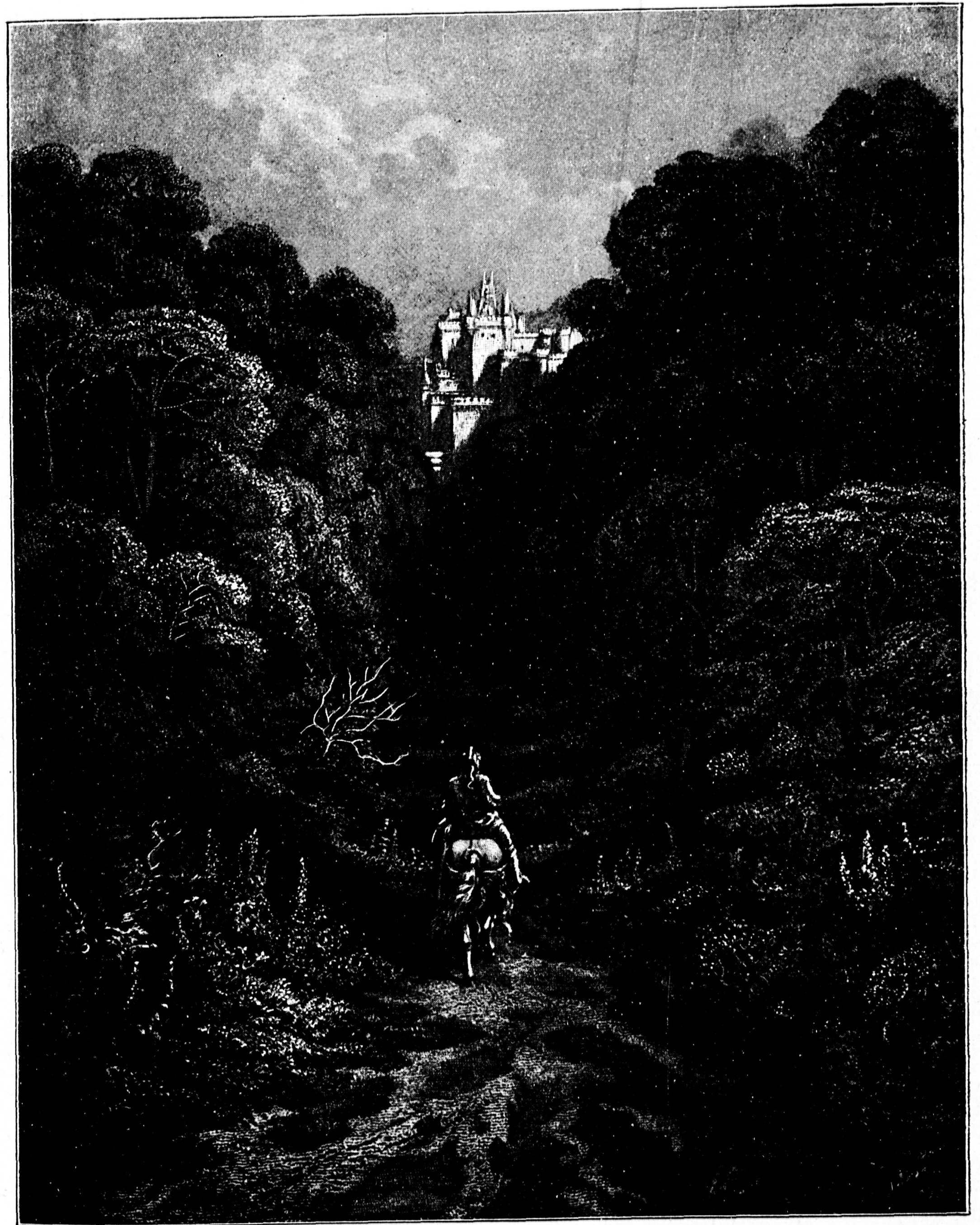
Преслѣдуя чернаго рыцаря, Овеннъ очутился въ виду обширнаго и богатаго замка, который возвышался стройною и величавою громадою на высокомъ холмѣ, выступая изъ темныхъ массъ густого, почти дремучаго лѣса. Пораженный громадностью и великолѣпіемъ этого замка, Овеннъ на мгновеніе даже сдержалъ коня; но затѣмъ вновь устремился въ погоню за рыцаремъ, и они одновременно подѣхали къ его воротамъ; но только одинъ черный рыцарь успѣлъ въ нихъ вскочить... Овенна чуть не придавила тяжелая желѣзная рѣшетка, которая такъ быстро была опущена въ воротахъ, что перебила заднія ноги его коня и даже обломила концы шпоръ у рыцаря! Въ довершеніе бѣдствія, внутреннія ворота замка также захлопнулись, и Овеннъ очутился какъ въ клѣткѣ, въ тѣсномъ пространствѣ между створами воротъ и рѣшеткой.

Въ то время, когда Овеннъ обдумывалъ свое положеніе и поглядывалъ сквозь щели воротъ внутрь замка, онъ увидѣлъ какъ къ нимъ съ той стороны подошла молодая дѣвушка съ распущенными по плечамъ бѣлокурыми кудрями и стала ему нашептывать:

— «Ничего не опасайся! Я много о тебѣ слышала хорошаго: и знаю, какъ ты бываешь вѣренъ въ любви и въ дружбѣ, а потому постараюсь сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы тебя спасти. Вотъ возьми этотъ перстень и надѣнь его на палецъ; стоить только тебѣ повернуть его камнемъ внутрь да зажать въ рукѣ — и ты станешь невидимъ...»

При этихъ словахъ она передала ему перстень черезъ щель воротъ, и продолжала:

— «Сейчасъ придутъ здѣшніе люди и отворятъ ворота, чтобы тебя схватить и убить, и очень будутъ удивлены, когда тебя не увидятъ... А ты воспользуйся ихъ приходомъ, чтобы выбраться изъ твоей клѣтки, и ступай прямо къ тому крыльцу, на которомъ я тебя буду ожидать. Когда подойдешь ко мнѣ, такъ положи мнѣ руку на плечо, чтобы я могла ощутить твое присутствіе около себя. Потомъ самъ увидишь, что будетъ...»



Овеннъ на пути къ замку Чернаго рыцаря.

Какъ она сказала, такъ и случилось. Немного спустя, пришли люди, чтобы схватить его и умертвить, но нигдѣ не нашли его, долго искали, и были этимъ крайне-удивлены. А Овеннъ этимъ воспользовался, чтобы войти во дворъ замка, направился къ тому крыльцу, на которомъ его ожидала молодая дѣвушка, положилъ ей руку на плечо и послѣдовалъ за нею. Она привела его въ большую, роскошно убранную комнату, помогла ему умыться и переодѣться, развела огонь въ каминѣ и такъ сытно, такъ вкусно его накормила и напоила, что онъ давно уже такъ и не пилъ, и не ѣлъ. Затѣмъ она уложила его спать на свѣжей роскошной постели... И въ то время онъ услышалъ шумъ и движеніе въ замкѣ.

— «Что это за шумъ?» — спросилъ Овеннъ.

— «Несутъ св. Дары къ умирающему владѣтелю замка», — отвѣчала дѣвушка.

Овеннъ заснулъ; но ровно въ полночь былъ вновь пробужденъ воплями въ замкѣ.

— «Что это за вопли?» спросилъ онъ.

— «Владѣтель замка скончался,» — пояснила ему дѣвушка.

На зарѣ вновь раздались жалобные стоны и крики, и шумъ толпы, наполнившей дворъ замка.

— «Что это за стоны и крики?» — спросилъ Овеннъ.

— «Несутъ тѣло покойнаго владѣтеля замка въ церковь», — сказала дѣвушка.

Овеннъ подошелъ къ окну, отворилъ его и былъ пораженъ тѣмъ множествомъ вооруженныхъ людей, которые наполняли собою весь замокъ; много было въ толпѣ и благородныхъ дамъ, верхомъ на коняхъ. Передъ гробомъ шествовало духовенство и пѣвчіе; громко раздавалось ихъ пѣніе, сливаясь со звономъ колоколовъ и рѣзкими звуками военной трубы. Гробъ несли на рукахъ разные бароны и рыцари въ богатыхъ одеждахъ, а за гробомъ, въ глубокомъ траурѣ, въ слезахъ, отчаянно ломая руки, шла дама дивной красоты...

И едва только Овеннъ увидѣлъ ее, сердце его исполнилось любви къ ней, и онъ спросилъ молодую дѣвушку: — кто эта дама?

— «Можно смѣло сказать, и даже призвать Бога въ свидѣтели», — сказала дѣвушка — «что это самая красивая, самая скромная и самая великодушная госпожа во всемъ свѣтѣ; притомъ она отличается и умомъ и благородствомъ... Это госпожа моя: ее зовутъ «Дама Источника» — она была женою убитаго тобою рыцаря».

— «Клянусь Богомъ, что она нравится мнѣ болѣе всѣхъ женщинъ, и что я люблю ее всѣмъ сердцемъ!» — сказалъ Овеннъ.

— «За нее, я ручаюсь, что она тебя не любитъ... Но я все же попытаюсь за тебя походатайствовать».

И она вновь послужила ему, умыла, одѣла его, гладко выбрила ему голову и бороду, напоила и накормила, и когда онъ прилегъ отдохнуть, заперла его на ключъ въ своей комнатѣ, а сама пошла въ замокъ и прямо направилась въ опочивальню своей госпожи. Та была погружена въ свою скорбь и никого не хотѣла ни видѣть, ни принимать, но Люнедъ (такъ звали эту молодую дѣвушку), любимѣйшая изъ приближенныхъ Дамы Источника, прямо подошла къ ней, опустилась около нея на колѣни и взяла ее за руку. Желая утѣшить свою госпожу, Люнедъ сказала ей:

— «Я думала, что ты разумнѣе отнесешься къ постигшему тебя горю? Развѣ же можно такъ безумно оплакивать твоего супруга или всякое иное благо, которымъ мы уже не можемъ пользоваться?»

— «О! Какъ мнѣ его не оплакивать! воскликнула Дама Источника. «Мнѣ никогда уже не суждено болѣе встрѣтить человѣка, который бы хотя сколько-нибудь походилъ на моего покойнаго супруга!»

— «Пустое! Найдется, еще и не одинъ, равный съ нимъ по достоинствамъ; а можетъ быть найдутся и такіе, которые будутъ и болѣе его достойны твоей руки».

Услышавъ это, Дама Источника съ гнѣвомъ прогнала Люнедъ и запретила ей показываться въ замкѣ.

— «Хорошо», — сказала Люнедъ. «Я уйду; но не знаю, много ли ты отъ этого выиграешь? Я желала тебѣ добра и хотѣла дать дружескій совѣтъ... Коли не хочешь меня слушать, я удалюсь».

И пошла изъ опочивальни... Однакожъ госпожа ея одумалась, поднялась со своего мѣста, и, подойдя къ порогу, кашлянула довольно громко. Люнедъ обернулась, и увидѣла, что госпожа манитъ ее къ себѣ.

— «Я вѣрю въ твое доброжелательство и отношеніе ко мнѣ — и желаю выслушать твой совѣтъ».

— «Изволь», сказала Люнедъ; — ты сама отлично понимаешь, что ты не въ силахъ будешь одна защищать свои владѣнія отъ внѣшнихъ враговъ. Значитъ надо тебѣ поискать кого-нибудь, кто-бы взялся ихъ защищать...»

— «Да! Но гдѣ же мнѣ найти такого человѣка?» — въ недоумѣніи проговорила госпожа.

— «Пожалуй, я готова даже и указать тебѣ, гдѣ найти его... Охрана твоего источника и твоихъ владѣній, на мой взглядъ, могутъ быть поручены только одному изъ рыцарей, короля Артура. И я предлагаю тебѣ привести въ твой замокъ такого витязя, который сумѣетъ защитить и твой источникъ, и твои владѣнія отъ всякаго посягательства на нихъ — защититъ еще лучше, нежели защищалъ твой покойный супругъ...

— «Мудрено этому повѣрить», — сказала госпожа. «Но... что же? Попытайся: — съѣзди за рыцаремъ».

Люнедъ удалилась къ себѣ — какъ будто уѣхала изъ замка — а, ровно мѣсяцъ спустя, доложила госпожѣ своей, что она привела ей одного изъ витязей Артурова двора.

— «Приведи его ко мнѣ завтра!» — сказала Дама Источника съ видимымъ удовольствіемъ. «Завтра я буду готова принять его».

На другое утро Люнедъ принарядила Овенна и привела его къ своей госпожѣ.

— «Люнедъ!» — сказала госпожа, внимательно оглядѣвъ Овенна; — «по внѣшности этого рыцаря не замѣтно, чтобы онъ совершилъ дальнее путешествіе».

— «Такъ что-же такое? Тѣмъ лучше», — сказала Люнедъ.

— «Я убѣждена», — продолжала ея госпожа, внимательно взглядываясь въ Овенна, «что это — тотъ самый рыцарь, который убилъ моего покойнаго мужа?»

— «А если бы даже и тотъ?» — сказала Люнедъ. «Если бы онъ не былъ сильнѣе и мужественнѣе твоего супруга, онъ, конечно, не одолѣлъ-бы его. Да притомъ — минувшаго не воротишь!»

— «Хорошо; — уведи пока этого витязя. Я соберу всѣхъ моихъ вассаловъ на совѣтъ — и рѣшу этотъ вопросъ».

Дѣйствительно, Дама Источника собрала на другой день всѣхъ своихъ бароновъ; изложила передъ ними откровенно свое безпомощное положеніе и въ заключеніе сказала:

— «Предлагаю вамъ на выборъ: — или пусть одинъ изъ васъ изберетъ меня въ супруги и приметъ на себя обязанность защищать мои владѣнія, или же я сама изберу себѣ мужа по склонности, и такого, который бы принялъ на себя тяжкую обязанность охраны моего источника и моихъ владѣній?»

Бароны подумали, потолковали между собою и разрѣшили Дамѣ Источника — избрать себѣ мужа, какого она пожелаетъ.

И вотъ, немного спустя, собрались отовсюду въ замокъ епископы и архіепископы, и обвѣнчали Овенна и Даму Источника; а всѣ бароны принесли ему клятву въ вѣрности.

И Овеннъ принялся охранять владѣнія своей супруги копьемъ и мечемъ. Онъ побѣждалъ каждаго рыцаря, который дерзалъ его вызвать на бой у источника, и взыскивалъ съ него выкупъ, болѣе или менѣе тяжкій, соотвѣтственно достоинству и положенію своего противника; а

этотъ выкупъ онъ, обыкновенно, раздѣлялъ между своими баронами и рыцарями, и подобною щедростью пріобрѣлъ общую любовь и преданность всѣхъ своихъ вассаловъ.

И такъ протекло три года.

II.

Въ концѣ третьяго года, король Артуръ сталъ жаловаться одному изъ витязей своихъ, Гвальмаю, на то, что онъ очень тоскуетъ по Овенну.

— «Неужели я его утратилъ навсегда?» — говорилъ онъ въ полномъ отчаяніи. — «Мнѣ жаль моего вѣрнаго рыцаря, и я бы хотѣлъ добиться возможности, во что-бы то ни стало, узнать — какая участь его постигла?»

— «Я знаю, кто виноватъ въ томъ, что мы утратили Овенна,» — сказалъ Гвальмай. — «Это все надѣлалъ Кенанъ своимъ заманчивымъ рассказомъ!»

— «Я готовъ собрать всѣхъ своихъ вассаловъ и двинуться на поиски моего дорогого витязя!» — сказалъ Артуръ.

— «Къ чему собирать вассаловъ?» — сказалъ Гвальмай. — «Ты одинъ со своими рыцарями можешь отмстить за Овенна, если онъ убитъ; или — избавить его изъ плѣна, если онъ въ плѣну; или, наконецъ — вернуть его къ намъ, если онъ цѣлъ и невредимъ.

Артуръ рѣшилъ послѣдовать совѣту своего витязя, и, немного спустя, двинулся на поиски Овенна со своими рыцарями. А этихъ рыцарей (не считая прислуги) было три тысячи копій; а Кенанъ, сынъ Кледно, взятъ былъ въ провожатые.

Долго-ли, коротко-ли они странствовали, но, наконецъ, миновавъ знакомый намъ замокъ гостепріимнаго владѣльца, миновавъ и долину, въ которой черный, одноглазый великанъ пасъ безчисленные стада дивныхъ звѣрей, Артуръ и его рыцари очутились у знакомаго намъ источника.

Тогда Кай сказалъ Артуру: — «Государь! Дозволь мнѣ первому вступить въ битву съ чернымъ рыцаремъ?»

И когда онъ получилъ разрѣшеніе Артура, то зачерпнулъ воды изъ источника и плеснулъ на камень... Грянулъ громъ и разразился ливень съ градомъ, и всѣ согласились съ тѣмъ, что имъ отродясь не приходилось слыживать такого грома и видывать такого града! И чуть только буря миновала и небо прояснилось, всѣ увидѣли скачущаго къ нимъ чернаго рыцаря на ворономъ конѣ. Кай встрѣтилъ его смѣло и они сразились; но битва длилась не долго: Кай былъ сразу выбитъ изъ сѣдла.

Затѣмъ, рыцарь раскинулъ шатеръ, и расположился въ немъ на отдыхъ; и Артуръ со своими рыцарями тоже раскинули лагерь.

Когда же они поднялись на другое утро, черный рыцарь уже былъ готовъ къ бою, и ждалъ себѣ противника; и Кай еще разъ вздумалъ попытать своего счастья, и вступилъ въ бой съ противникомъ, и былъ вновь выброшенъ изъ сѣдла и настолько тяжело раненъ, что не могъ болѣе продолжать битву...

Вслѣдъ за Каемъ всѣ приближенные короля Артура вступали поочередно въ единоборство съ чернымъ рыцаремъ, и всѣ были имъ выбиты изъ сѣделъ, одинъ за другимъ. Оставались только двое, не вступавшихъ съ нимъ въ битву — самъ Артуръ и рыцарь Гвальмай.

И вотъ Артуръ сталъ готовиться къ битвѣ, и опрашивать на себѣ вооруженіе; но Гвальмай предупредилъ его желаніе и просилъ у него разрѣшенія вступить въ битву съ грознымъ чернымъ рыцаремъ. Артуръ разрѣшилъ — и Гвальмай двинулся на конѣ къ своему сопротивнику. На немъ была надѣта, поверхъ доспѣховъ, желтая атласная одежда, даръ принцессы Анжуйской, въ которой его, при опущенномъ забралѣ, невозможно было узнать; и на конѣ его была попона того же цвѣта.

И вотъ они съѣхались, и сшиблись копьями, и бились цѣлый день вплоть до вечера, и ни одинъ изъ нихъ не

могъ одолѣть. На другой день они вооружились другими копьями крѣпче первыхъ, и ни одинъ изъ нихъ все же не могъ получить перевѣса; на третій день перемѣнили и эти копья на болѣе твердыя и болѣе длинныя, и, полные ярости, сшиблись и бились до полудня. Дошло до того, что наконецъ подпруги у сѣделъ не выдержали — лопнули, и оба рыцаря разомъ очутились на землѣ; но они тотчасъ вскочили, и выхватили мечи, и вновь продолжали битву.

И всѣ присутствовавшіе при этой безпримѣрной битвѣ утверждали, что никогда еще имъ не приходилось видѣть двухъ бойцовъ, равныхъ имъ по силѣ и мужеству.

Наконецъ Овенну удалось нанести мечемъ такой ударъ, который свернулъ Гвальмаю шлемъ на бокъ и открылъ его лицо. Овеннъ узналъ своего противника и сказалъ:

— «Гвальмай, я никакъ не могъ тебя узнать въ этой твоей одеждѣ: ты мнѣ братъ и другъ; возьми мой мечъ и все мое вооруженіе».

— «Овеннъ», — сказалъ Гвальмай: — «ты побѣдилъ — ты и возьми мой мечъ».

Артуръ видя, что бойцы вступили между собою въ бесѣду, приблизился къ нимъ.

— «Государь!» — сказалъ Гвальмай — «будь свидѣлемъ того, что Овеннъ меня побѣдилъ, а между тѣмъ не хочетъ принять отъ меня оружіе».

— «Государь» — сказалъ и Овеннъ въ свою очередь: — «не я его, а онъ меня побѣдилъ, и не хочетъ взять моего меча».

— «Давайте сюда ваши мечи!» — сказалъ Артуръ. — «Ни одного изъ васъ не могу признать побѣдителемъ!»

Тогда Овеннъ бросился обнимать Артура, и они расцѣловались; и вся свита Артура бросилась смотрѣть на Овенна, и всѣ наперерывъ спѣшили его обнять и цѣловать, и около него произошла преизрядная давка.

Затѣмъ они всю ночь провели подъ шатрами, въ полѣ; а на утро Артуръ сталъ собираться въ обратный путь.

— «Государь!» — сказалъ Овеннъ. — «Ты это неладно задумалъ... Вѣдь вотъ ужъ три года минуло съ той поры, какъ я тебя покинулъ, и все это время я готовился къ тому, чтобы встрѣтить тебя здѣсь достойнымъ пиршествомъ — ибо я зналъ навѣрно, что ты повелѣлъ искать меня всюду... И такъ: прійди же въ мой замокъ, омойся и отдохни отъ пути, и раздѣли со мною мою трапезу».

Артуръ согласился, и со всѣми своими рыцарями двинулся къ замку Дамы Источника.

И тотъ пиръ, къ которому въ замокъ готовились въ теченіе трехъ лѣтъ, былъ весь потребленъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ пребыванія Артуровыхъ рыцарей въ замкѣ, и всѣ признались, что имъ никогда не случалось ѣсть сытнѣе и пить вкуснѣе.

Наконецъ Артуръ собрался въ обратный путь, и сталъ просить у Дамы Источника, чтобы она разрѣшила Овенну только три мѣсяца провести при дворѣ Артура; она согласилась, но, правду сказать, очень неохотно.

И такъ, Овеннъ вернулся, вмѣстѣ съ Артуромъ, къ его двору; и когда очутился вновь въ кругу своихъ родственниковъ и старыхъ друзей, то у него на душѣ стало такъ свѣтло и весело, что онъ и не замѣтилъ, какъ вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, прожилъ при дворѣ Артура цѣлые три года.

III.

Однажды, когда Овеннъ сидѣлъ за столомъ Артура, вдругъ вѣхала въ залу дама на буланомъ конѣ, съ густою и волнистою гривой. Конь, осѣдланый златоконнымъ сѣдломъ, былъ весь взмыленъ. Дама подѣхала къ Овенну, сорвала съ его пальца вѣнчальное кольцо и сказала:

— «Такъ поступаю съ тобою, потому что ты поступилъ со мною, какъ низкій обманщикъ, какъ измѣнникъ, какъ бессмысленный юноша»!

Вслѣдъ за тѣмъ она быстро повернула коня, и удалилась изъ замка.

Тогда только память вернулась къ Овенну, и онъ впалъ въ тяжкую тоску.

И вотъ, по окончаніи пиршества, онъ удалился въ свой покой и сталъ готовиться къ отъѣзду; а на слѣдующее утро, ранѣшенько, покинулъ дворецъ Артура и направился къ той Пустынной Землѣ, среди которой расположены были владѣнія Дамы Источника. Но напрасно блуждалъ онъ по этой землѣ — онъ не могъ ни найти, ни припомнить пути къ цѣли своихъ стремленій... И блуждалъ онъ долго, долго; такъ долго, что и платье на немъ износилось, а самъ онъ похудѣлъ и почернѣлъ, и сталъ онъ на себя не похожъ; даже тѣло его покрылось и поросло длинною шерстью, какъ у дикаго звѣря, и даже съ дикими звѣрями въ пустынѣ онъ жилъ бокъ-о-бокъ, какъ равный съ равнымъ, питаясь травами и кореньями.

И вотъ, бродя въ такомъ жалкомъ видѣ по пустынѣ, онъ однажды, случайно спустившись съ какой то горы въ долину, попалъ въ чудный, роскошный садъ. Садъ этотъ, какъ оказалось, примыкалъ къ замку, принадлежавшему молодой и прекрасной вдовѣ.

Эта благородная дама пришла однажды со своими приближенными по берегу озера, занимавшаго середину сада, и вдругъ замѣтила на травѣ какое-то подобіе человѣка — и страшно всѣ перепугались. Оправившись отъ испуга, онѣ подошли къ этому чудищу, стали къ нему присматриваться и прикасаться, и убѣдились въ томъ, что Овеннъ еще былъ живъ, хотя и очень ослабѣлъ.

Дама возвратилась въ замокъ, взяла тамъ стеклянку съ очень дорогимъ бальзамомъ и передала одной изъ своихъ прислужницъ.

— «Возьми эту стеклянку», — сказала она, — «садись на этого коня и захвати съ собою запасъ одежды, для того человѣка, котораго мы сейчасъ видѣли въ саду. Потри ему

бальзамомъ около сердца, и онъ, конечно, оживѣтъ и придетъ въ сознаніе. Когда ты увидишь, что бальзамъ произведетъ свое дѣйствіе, удались и наблюдай его издалека».

Дѣвушка отправилась въ садъ, чтобы исполнить приказаніе своей госпожи, вылила всю стеклянку бальзама на тѣло Овенна, затѣмъ оставила около него коня и одежды; а сама спряталась въ кусты, чтобы посмотреть, что онъ будетъ дѣлать.

Нѣсколько минутъ спустя, Овеннъ сталъ двигаться, развелъ руками, приподнялся, оглядѣлъ себя и покраснѣлъ, увидя себя въ такомъ ужасномъ видѣ. Затѣмъ онъ замѣтилъ коня, стоявшаго около него и одежды, привязанныя къ сѣдлу. Кое-какъ дотащившись до коня, онъ съ большимъ трудомъ одѣлся и еле-еле могъ взобраться въ сѣдло.

Какъ разъ въ это время, дѣвушка вышла изъ за кустовъ и поклонилась ему; а онъ очень ей обрадовался, и спросилъ, гдѣ онъ теперь находится?

— «Этотъ замокъ», — сказала дѣвушка, — «принадлежитъ молодой вдовѣ. Покойный супругъ ея, умирая, оставилъ ей два большихъ владѣнія, а теперь у ней остался только одинъ этотъ замокъ, и то, пока онъ не отнять у нея молодымъ графомъ, ея сосѣдомъ, за котораго она отказалась выйти замужъ».

— «Это очень печально», — сказалъ Овеннъ.

Онъ отправился въ замокъ, куда его проводила эта молодая дѣвушка. Тамъ отвела она ему прекрасную комнату, зажгла огонь въ каминѣ и ушла отъ него.

Прійдя къ госпожѣ своей, она подала ей стеклянку.

— «А гдѣ же бальзамъ-то? — спросила госпожа».

— «Да я же его весь издержала...»

— «Какъ? Издержала на 140 ливровъ! бальзама на исцѣленіе человѣка, котораго я даже вовсе и не знаю!» — воскликнула дама. — «Это непростительно!.. Однако, все-же, ухаживай за нимъ, пока онъ не выздоровѣетъ...»

И молодая дѣвушка, исполнила приказаніе госпожи, кормила и поила Овенна и ухаживала за нимъ и лѣчила,

его, пока онъ совсѣмъ выздоровѣлъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ выздоравливалъ, шерсть, покрывавшая его тѣло, мало-по-малу, опала, и, три мѣсяца спустя, онъ былъ совершенно здоровъ, и вошелъ въ полную силу, и сталъ по прежнему красивъ и бѣлъ, и дороденъ.

IV.

Однажды, проснувшись утромъ, Овеннъ услышалъ шумъ въ замкѣ и бряцанье оружія, и спросилъ у дѣвушки, что это значитъ?

— «А это тотъ самый графъ, о которомъ я тебѣ уже говорила; онъ явился съ большимъ войскомъ, обложилъ весь замокъ и хочетъ подчинить мою госпожу своей волѣ».

Тогда Овеннъ спросилъ, есть-ли у ея госпожи добрый конь и хорошее оружіе?

— «Да, конечно»! — отвѣчала дѣвушка — «и чудные кони, и превосходное оружіе».

— «Такъ вотъ, ступай, принеси мнѣ доспѣхи и оружіе... Я поѣду, поразсмотрю поближе непріятеля».

— «Хорошо», — сказала дѣвушка.

Дама приказала выдать Овенну и коня, и оружіе; но при этомъ сказала:

— «Незнаю, на что ему можетъ надобиться рыцарскій конь и вооруженіе?»

И вотъ, къ Овенну привели отличнаго боеваго коня, осѣдланнаго и взнузданнаго; принесли и коню, и ему полное вооруженіе. Овеннъ вооружился, вскочилъ въ сѣдло и выѣхалъ изъ воротъ замка, въ сопровожденіи двухъ слугъ, верхами, тоже вооруженныхъ съ ногъ до головы.

Выѣхавъ изъ замка, они увидѣли передъ собою войско графа, которому ни конца, ни края не было видно. Тогда Овеннъ спросилъ у одного изъ слугъ, въ какой части войска могъ находиться самъ графъ?

— «А вотъ въ той части, гдѣ развиваются четыре желтыхъ знамени»!

— «Хорошо! Такъ возвратитесь же опять къ замку и обождите меня около воротъ».

Они повиновались; а Овеннъ направился къ указанному мѣсту, гдѣ находился графъ, бурею налетѣлъ на него, вышибъ изъ сѣдла, подхватилъ его въ охапку, и, мигомъ поворотивъ коня, примчалъ его къ воротамъ замка, гдѣ ожидали его слуги. Затѣмъ, приведя графа къ молодой вдовѣ, онъ передалъ ей своего плѣнника въ даръ и сказалъ:

— «Вотъ тебѣ даръ за тотъ бальзамъ, который ты издержала на мое исцѣленіе».

Войско графа, между тѣмъ, продолжало стоять около замка. И вотъ графъ, чтобы выкупиться изъ плѣна, долженъ былъ возвратитъ молодой вдовѣ захваченныя имъ владѣнія, прибавилъ къ нимъ и часть своихъ земель, отдалъ и все свое золото, серебро и драгоценныя камни, да сверхъ того представилъ еще и заложниковъ.

Молодая вдова не знала какъ ей и выразить свою признательность Овенну; она и всѣ ея приближенные умоляли его остаться въ замкѣ подольше; но Овеннъ распростился съ ними и опять отправился странствовать по Пустынной Землѣ.

V.

Однажды, въ то время, какъ онъ проѣзжалъ по густому лѣсу, Овеннъ услышалъ грозное рычаніе, которое повторилось и другой, и третій разъ.

Онъ направился къ тому мѣсту, откуда это рычаніе слышалось, и увидѣлъ среди лѣса обширную пещеру, заваленную у входа сѣроватою каменной глыбой. Въ этой глыбѣ была трещина, а изъ трещины выползала змѣя, и съ злобнымъ шипѣніемъ набрасывалась на чернаго, косматого льва, который пытался въ пещеру проникнуть.

Овеннъ обнажилъ мечъ, подошелъ къ глыбѣ, и въ то время, какъ змѣя выползала изъ своей норки, онъ разсѣкъ ее мечемъ на-двое; а затѣмъ преспокойно поѣхалъ своею дорогою. Проѣхавъ немного, онъ замѣтилъ, что левъ бѣжитъ вслѣдъ за нимъ, и прыгаетъ и ласкается къ нему, какъ ручная охотничья собака.

Такъ они и продолжали вдвоемъ свой путь до вечера; а когда наступило время отдыха, Овеннъ сошелъ съ коня, спустилъ его пастись на лугу, а самъ развелъ огонекъ. И вотъ левъ тотчасъ же натаскалъ ему столько хворосту и дровъ, что этого запаса хватило бы на поддержку огня въ теченіе трехъ лѣтъ; затѣмъ онъ скрылся и вскорѣ вернулся, таща въ зубахъ молодую дикую козочку, изъ мяса которой Овеннъ вырѣзалъ себѣ нѣсколько кусковъ на ужинъ и сталъ ихъ жарить на огнѣ, а остальное отдалъ льву въ добычу.

Въ то время, когда Овеннъ готовилъ себѣ ужинъ, онъ услышалъ чей-то глубокій вздохъ, потомъ и другой, и третій — и спросилъ:

— «Кто тутъ такъ вздыхаетъ? Человѣкъ — или духъ?»

— «Человѣкъ», отвѣчалъ ему чей-то голосъ.

— «Кто-же ты?»

— «Я — Люнедъ, служанка Дамы Источника».

— «Что-же ты тутъ дѣлаешь!»

«Я здѣсь нахожусь въ заточеніи изъ-за одного рыцаря Артурова двора, который женился на моей госпожѣ, оставался при ней нѣкоторое время, потомъ возвратился ко двору Артура, и съ тѣхъ поръ сюда не бывалъ; этотъ рыцарь былъ мнѣ другъ. И вотъ, двое враговъ моей госпожи обвинили его въ преднамѣренномъ обманѣ, а я его защищала и отстаивала отъ этого обвиненія, и сказала имъ, что они оба не стоятъ его мизинца. За эту правду они меня посадили въ темницу и поклялись, что казнятъ меня, если къ назначенному дню мой рыцарь не явится самъ, чтобы меня избавить отъ смерти. День этотъ наступаетъ послѣ-завтра, и у меня нѣтъ ни кого, кто бы могъ

извѣстить его о моемъ положеніи; а этотъ рыцарь никто иной, какъ Овеннъ, сынъ Уріена».

— «Но увѣрена-ли ты въ томъ, что онъ бы явился для твоего избавленія, если бы зналъ объ угрожающей тебѣ опасности?»

— «О! Вполнѣ увѣрена!» — отвѣчала Люнедъ.

Когда мясо изжарилось, Овеннъ подѣлился имъ съ несчастной заключенной, и затѣмъ они еще долго вели между собою бесѣду черезъ рѣшетчатое окошко ея тюрьмы.

Поутру, Овеннъ спросилъ у Люнедъ, гдѣ бы онъ могъ на время пріютиться, въ ближайшихъ окрестностяхъ, и найти себѣ столъ и кровъ для ночлега.

— «Ступай прямо, по этой дорогѣ, потомъ по берегу рѣки, и вскорѣ увидишь прекрасный замокъ съ высокими башнями. Владѣлецъ его — человѣкъ весьма радушный, и пріютитъ тебя на ночь».

Въ эту же ночь, которую приходилось провести подъ открытымъ небомъ, левъ охранялъ Овенна какъ самый лучший и вѣрный стражъ.

VI.

На утро Овеннъ осѣдлалъ своего коня, переѣхалъ рѣку въ бродъ и увидѣлъ передъ собою замокъ на холмѣ. Пріѣхавъ къ воротамъ его, онъ былъ принятъ съ почетомъ; а конь его былъ поставленъ въ конюшню къ яслямъ, которыя были до краевъ насыпаны кормомъ; а левъ Овенна тоже улегся въ конюшнѣ, такъ что никто не дерзалъ и приблизиться къ коню рыцаря.

Одно поразило Овенна: приняли его радушно, но на всѣхъ лицахъ была написана глубокая печаль. Сѣли за столъ; хозяинъ дома посадилъ Овенна между собою и своей дочерью, молодою красоткою. Тогда же и левъ пришелъ въ залу и легъ у ногъ Овенна и получилъ свою долю отъ всѣхъ кушаній, какія подавались за столъ. Когда

всѣ насытились, Овеннъ спросилъ у хозяина, почему онъ самъ и всѣ его домашніе такъ печальны?

— «Какъ намъ не печалиться»? — отвѣчалъ тотъ.

«У меня было два сына; оба отправились вонъ на ту гору охотиться; а на той горѣ живетъ чудовищный людоедъ. Онъ захватилъ моихъ обоихъ сыновей и, въ видѣ выкупа за нихъ, требуетъ, чтобы я ему пожертвовалъ мою дочь... Вотъ, почему мы такъ печальны».

— «Да, это дѣйствительно печально»! — сказалъ Овеннъ. «Что же ты думаешь предпринять?»

— «О, конечно, я рѣшусь скорѣе на то, чтобы онъ пожралъ моихъ сыновей, нежели добровольно предамъ ему мою дочь на позоръ и гибель».

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе предметы, и Овеннъ, оставшись въ замкѣ, провелъ всю ночь подъ его кровомъ.

На слѣдующее утро, всѣ слышали ужаснѣйшіе крики: — это людоедъ тащилъ къ замку сыновей владѣльца, который былъ въ отчаяніи и рѣшительно не зналъ, какъ ему защитить замокъ отъ чудовища и избавить своихъ сыновей отъ гибели... Тогда Овеннъ вооружился и вышелъ изъ замка на борьбу съ людоедомъ, который былъ ростомъ великанъ. Левъ послѣдовалъ за Овенномъ.

Великанъ-людоедъ первый напалъ на Овенна; но вмѣстѣ съ Овенномъ на него яростно накинулся и левъ.

— «Послушай»! — крикнулъ Овенну великанъ; — «я вышелъ на борьбу съ тобою, а не съ этимъ звѣремъ»!

Тогда Овеннъ отвелъ льва обратно въ замокъ и заперъ за нимъ наглухо ворота; а самъ возвратился продолжать борьбу.

Но левъ страшно рычалъ въ замкѣ, прислушиваясь къ ударамъ, которые дождемъ сыпались на Овенна; онъ не вытерпѣлъ, пробрался въ залу замка, а съ нея на крышу, а съ крыши спрыгнулъ на-земь и устремился на помощь Овенну. И въ одинъ мигъ, бросившись на людоеда, онъ нанесъ страшный ударъ своей мощной лапой, что вели-

канъ повалился на земь мертвый, и Овеннъ могъ возвратить отцу его милыхъ сыновей.

Признательный отецъ, послѣ этого, умолялъ Овенна остаться погостить у нихъ въ замкѣ; но Овеннъ отказался отъ угощенія и поспѣшилъ возвратиться туда, гдѣ Люнедъ была заточена въ тюрму.

Подъѣзжая къ тому мѣсту, онъ увидѣлъ, что на лужайкѣ, гдѣ онъ проводилъ ночь, былъ разведенъ большой костеръ, и двое молодыхъ людей, съ распущенными по плечамъ шелковыми волосами, тащатъ несчастную Люнедъ къ костру. Овеннъ остановилъ ихъ и спросилъ, за что они собираются казнить молодую дѣвушку?

— «Овеннъ не явился ея избавить въ назначенный срокъ — вотъ за это мы хотимъ ее сжечь на кострѣ»!

— «Я знаю Овенна за честнаго рыцаря, и готовъ заступить его мѣсто; а потому вызываю васъ обоихъ биться со мною»!

— «Будешь биться»! сказали молодые люди. И оба одновременно вступили въ борьбу съ Овенномъ. И онъ уже начиналъ слабѣть, когда левъ вступился въ битву и сталъ одолевать молодыхъ бойцовъ.

— «Рыцарь!» — сказали они, обращаясь къ Овенну, — мы взяли биться съ тобою однимъ, а не съ этимъ звѣремъ, съ которымъ намъ труднѣе справиться, нежели съ тобою».

Овеннъ отвелъ льва въ ту темницу, гдѣ заключена была Люнедъ, и входъ въ темницу заложилъ камнями. Затѣмъ вернулся и продолжалъ битву съ юношами, постепенно теряя силы и слабѣя...

А левъ между тѣмъ рычалъ и метался въ темницѣ, зная, что его господинъ подвергается большой опасности; и сталъ онъ лапами разметывать камни, заграждавшіе входъ, и вырвавшись изъ темницы, однимъ скачкомъ повергъ на землю одного изъ бойцовъ, а другимъ — другого.

Такимъ образомъ Люнедъ была спасена отъ смерти на кострѣ, и Овеннъ вернулся съ нею въ замокъ Дамы

Источника, а вскорѣ послѣ того онъ и ее отвезъ ко двору Артура, и она была его любимой и милою женою до самой смерти.

VII.

На пути ко двору Артура, когда Овеннъ отправлялся туда съ женою, съ нимъ было еще одно приключеніе. Онъ заѣхалъ, для ночлега, въ одинъ изъ замковъ на пути; ни кѣмъ не встрѣченный у воротъ, онъ вошелъ прямо въ залу замка и тутъ увидѣлъ двадцать четыре дамы, одна другой лучше, но одѣтыя почти въ лохмотья. На лицахъ ихъ была написана глубокая печаль. Когда Овеннъ спросилъ ихъ, почему онѣ такъ несчастны, онѣ отвѣчали ему:

— «О, рыцарь! Ты не знаешь, въ какой замокъ тебя завела твоя злая судьба! Мы всѣ, дочери графовъ, тоже ничего не зная, заѣхали сюда съ нашими мужьями и были приняты съ почетомъ и радушіемъ; потомъ насъ угостили ужиномъ и опоили въ винѣ соннымъ зельемъ... И когда мы всѣ заснули, явился Черный Разбойникъ, хозяинъ этого замка, перебилъ всѣхъ нашихъ рыцарей, отнялъ у насъ нашихъ коней и ограбилъ насъ и нашихъ несчастныхъ мужей до-чиста. И даже тѣла ихъ, вмѣстѣ со многими другими, брошены здѣсь же въ замокъ, безъ погребенія».

— «Очень жалѣю о васъ!»—сказалъ Овеннъ.

— «А мы жалѣемъ о тебѣ, потому что и тебя здѣсь должна постигнуть та же горестная участь».

И дѣйствительно, вскорѣ явился въ замокъ Черный Разбойникъ, и встрѣтилъ Овенна весьма привѣтливо и дружелюбно.

— «Клянусь Богомъ!»—сказалъ Овеннъ, «что я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы съ тобою дружбу водить»!

— «Такъ что-же? Давай биться»!

И вскорѣ послѣ того они вступили въ битву и бились съ ожесточеніемъ; но Овеннъ не долго длилъ битву —

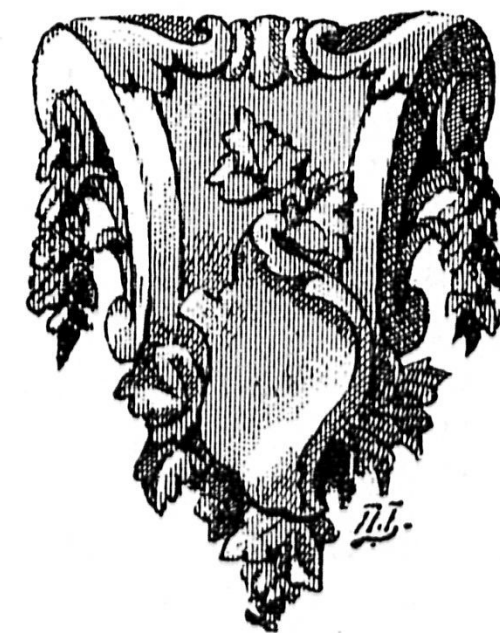
вышибъ своего противника изъ сѣдла, скрутилъ ему руки за спину, и вынудилъ его просить пощады.

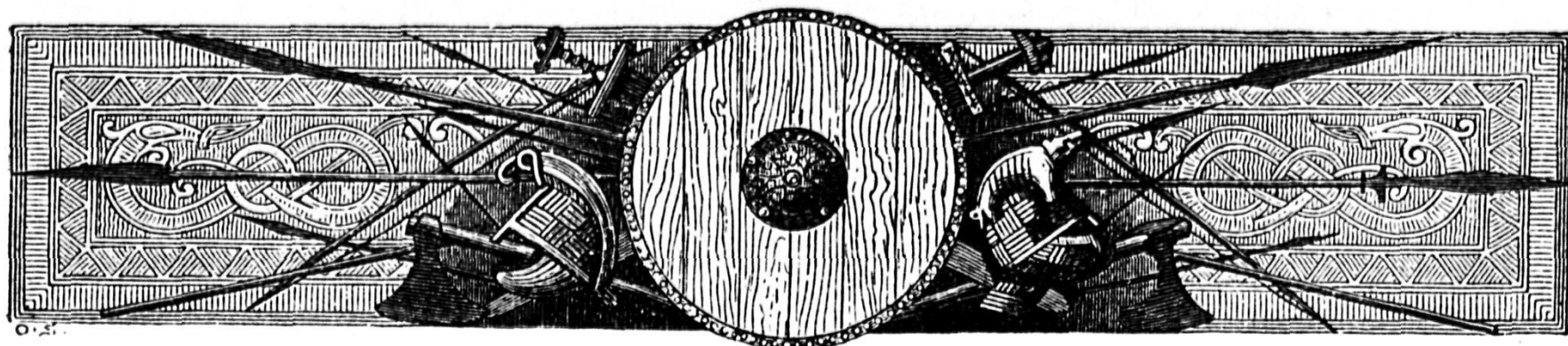
— «Побѣдитель мой!»—сказалъ Черный Разбойникъ — «мнѣ было предсказано, что ты придешь сюда и одолѣешь меня въ битвѣ; и ты дѣйствительно пришелъ и одолѣлъ меня. До сихъ поръ я жилъ разбоемъ и домъ мой былъ разбойничьимъ притономъ; но если ты пощадишь мнѣ жизнь, я обращу мой замокъ въ страннопріимный домъ, который будетъ равно открытъ для слабаго и для сильнаго, и я буду содержать тотъ домъ до конца моихъ дней, въ спасеніе души твоей»!

Овеннъ принялъ его предложеніе и ту ночь провелъ въ его замкѣ. А на утро, онъ взялъ съ собою изъ замка всѣ двадцать четыре дамы, которымъ Черный Разбойникъ возвратилъ ихъ коней и все, что ограбилъ у нихъ, и всѣ они вмѣстѣ отправились ко двору Артура.

Радъ былъ Артуръ, свидѣвшись съ Овенномъ послѣ первой его трехъ-лѣтней отлучки; и, кажется, еще болѣе былъ радъ свидѣвшись съ Овенномъ теперь. Тѣ изъ дамъ, которыя пріѣхали вмѣстѣ съ Овенномъ изъ замка Чернаго Разбойника, были приняты Артуромъ и его супругой привѣтливо и ласково; однѣ изъ нихъ остались на всегда при дворѣ Артура, а другія уѣхали къ себѣ. И пока Овеннъ съ женою жилъ у Артура, всѣ оказывали ему почетъ и дружбу, и всѣ вспоминали его съ любовью, когда онъ уѣхалъ въ замокъ къ женѣ.

Наша повѣсть окончена: она зовется повѣстью о Дамѣ Источника.





Геранъ или рыцарь Сокола.

I.

Вотъ какъ разсказываютъ повѣсть о Геранѣ, Эрбиновѣ сынѣ.

Король Артуръ сидѣлъ однажды—въ ясный весенній день—за столомъ среди своихъ рыцарей; и вотъ во дворецъ къ нему явился высокій темноволосый юноша, одѣтый въ атласное платье съ накинутымъ поверхъ его плащомъ; мечъ съ золотой рукоятью висѣлъ у него на боку, а ноги были обуты въ башмаки изъ тонкой кожи. Приблизясь къ Артуру, онъ сказалъ:

— «Привѣтъ тебѣ, государь»!

— «Да благословитъ тебя Господь»,—сказалъ Артуръ, «и твой приходъ въ мой домъ! Добрыя-ли вѣсти ты намъ приносишь?»

— «Добрыя, государь».

— «Но кто же ты? Я тебя не знаю».

— «Дивлюсь я, что ты меня не знаешь, государь:—я твой лѣсникъ изъ Дэнскаго лѣса; зовутъ меня Мадокъ, сынъ Тургадорна».

— «Ну, сказывай свои вѣсти».

— «Случилось мнѣ увидѣть въ лѣсу такого оленя, какого я еще отродясь не видывалъ».

— «Что же въ немъ было диковиннаго?»

— «Вся шерсть на немъ бѣлая, серебристая; и держитъ онъ себя такъ гордо, что съ явнымъ пренебреженіемъ относится къ остальнымъ лѣснымъ звѣрямъ. Такъ вотъ я и пришелъ къ тебѣ за приказаніями... Что ты повелѣтъ изволишь?»

— «Я приказываю»,—сказалъ Артуръ—«чтобы завтра на разсвѣтѣ, вся моя охота была на-готовѣ. Оповѣсти это сегодня же всему моему двору черезъ моего старшаго ловчаго».

Молодой лѣсникъ исполнилъ приказаніе Артура и старшій ловчій послалъ его впередъ развѣдчикомъ.

Гвенниваръ, супруга Артура, сказала при этомъ:

— «Государь! Не желаешь-ли ты, чтобы и я тоже присутствовала при охотѣ за тѣмъ оленемъ, о которомъ тебѣ докладывалъ молодой лѣсникъ?»

— «Что же? Очень буду радъ, если поѣдешь съ нами»,—сказалъ Артуръ.

— «Ну, такъ я и поѣду съ вами».

Тогда и Гвальмай, въ свою очередь, отъ себя, вставилъ словечко.

— «Государь? А не дозволишь-ли ты, чтобы тотъ охотникъ (будь онъ рыцарь или простой человѣкъ), который нагонитъ оленя первый, срѣзалъ бы ему голову и поднесъ бы ее въ даръ кому вздумается—своей-ли дамѣ, или дамѣ своего друга?»

— «И на это согласенъ», сказалъ Артуръ.

Затѣмъ, во весь остальной вечеръ, и король, и его приближенные забавлялись бесѣдою, слушали музыку, играли въ разныя игры; а когда пришло время спать—всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

На разсвѣтѣ, всѣ поднялись разомъ. Артуръ проснулся изъ первыхъ, позвалъ къ себѣ молодыхъ придворныхъ, постоянно охранявшихъ дверь его опочивальни ночью, и сталъ одѣваться при ихъ помощи.

Гвенниваръ не проснулась при этомъ, и молодые люди хотѣли ее разбудить; но Артуръ не велѣлъ ее тревожить.

— «Коли ей пріятнѣе спать, чѣмъ ѣхать съ нами на охоту — такъ и оставьте ее въ покоѣ», — сказалъ онъ.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ дворца, и тотчасъ раздался звукъ роговъ; одинъ трубилъ у дома главнаго ловчаго, а другой, у дома главнаго конюшаго; и вскорѣ вся охота была въ сборѣ и двинулась къ лѣсу.

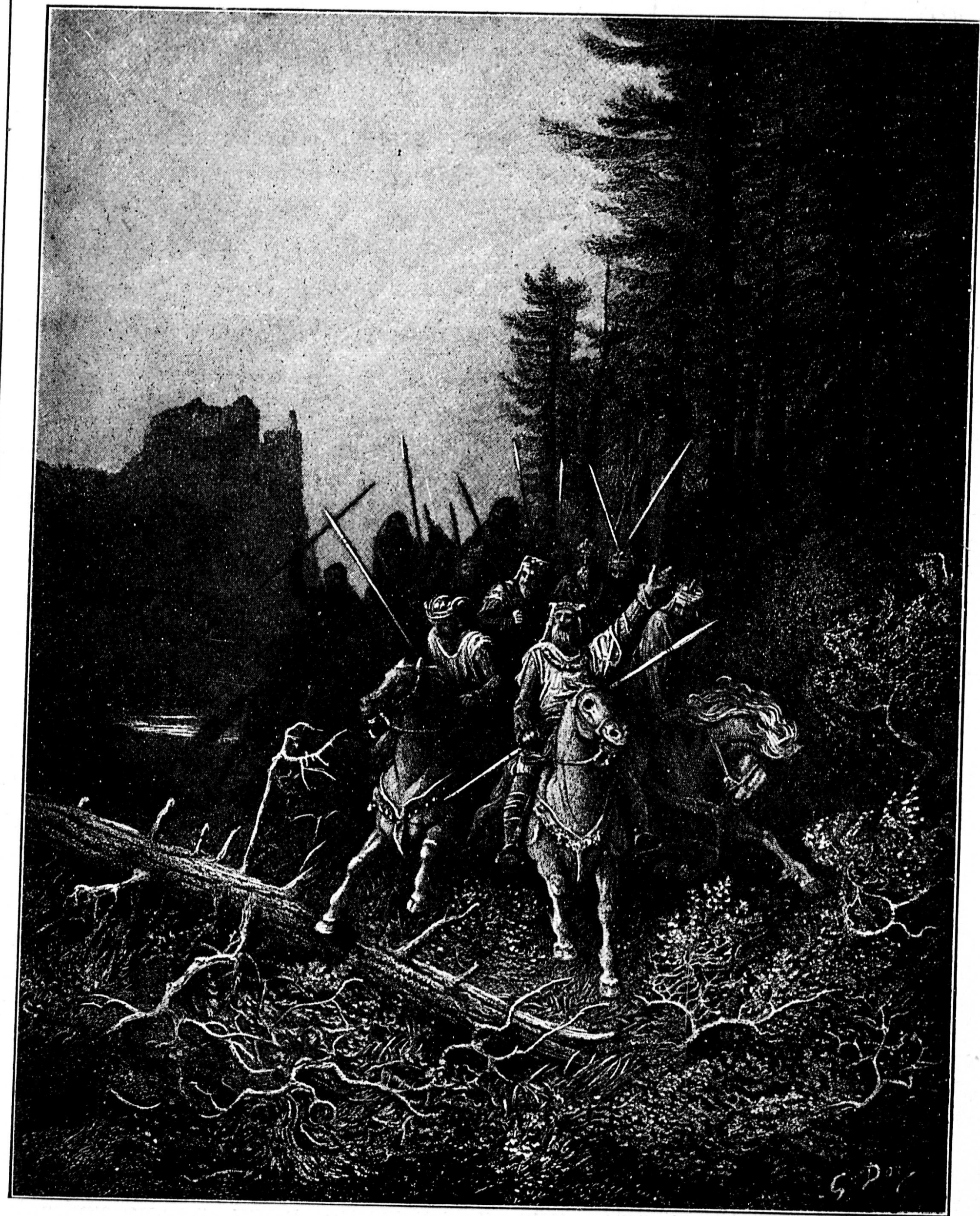
Она только что съѣхала со двора, какъ Гвенниваръ проснулась, позвала своихъ дѣвушекъ и стала поспѣшно одѣваться; затѣмъ она послала одну изъ дѣвушекъ въ конюшню и велѣла приготовить себѣ верховую лошадь. Немного спустя, Гвенниваръ и одна изъ ея дѣвушекъ уже сидѣли на коняхъ и пустились также къ лѣсу по слѣдамъ охоты.

Въ то время, когда онѣ ѣхали къ лѣсу, въ сторонѣ послышался конскій топотъ, и на встрѣчу имъ выѣхалъ рыцарь на молодомъ и статномъ конѣ. То былъ красивый молодой человѣкъ, благородной осанки; роскошные локоны его волосъ ниспадали ему на плечи; короткое атласное платье и такой же плащъ не покрывали его обнаженныхъ ногъ, обутыхъ въ тонкую кожаную обувь; мечъ съ золотою рукоятію болтался у него на перевязи, а съ другого плеча свѣшивался синій бархатный шарфъ, съ золотою бахромою на обоихъ концахъ. Конь подъ нимъ выступалъ игриво и весело... Поравнявшись съ Гвенниваръ, онъ поклонился ей и пожелалъ ей добраго утра.

— «День добрый», сказала ему Гвенниваръ. «Я узнала тебя, Геранъ, еще издали... Да хранить тебя Богъ! Но отчего же ты не на охотѣ съ моимъ супругомъ?»

— «Потому что я не зналъ, въ которомъ часу онъ на охоту выѣдетъ?» — отвѣчалъ Геранъ.

— «Ты не зналъ; а меня онъ нарочно не разбудилъ», — смѣясь замѣтила Гвенниваръ.



Выѣздъ короля Артура на охоту.

— «Это ужъ дѣйствительно странно съ его стороны, государыня».

— «Я спала такъ крѣпко, что и не слыхала, какъ онъ уѣхалъ! Но ты, милый юноша, будешь мнѣ весьма пріятнымъ спутникомъ, и я очень рада тому, что мы съ тобою будемъ стоять въ сторонѣ отъ остальной охоты. Мы услышимъ издали звукъ роговъ и лай собакъ, когда ихъ станутъ спускать со своръ».

Бесѣдуя такимъ образомъ, они прибыли къ опушкѣ лѣса и остановились около нея.

— «Вотъ», — сказала королева — «отсюда мы все и увидимъ, и услышимъ».

II.

Но прежде, чѣмъ до нихъ долетѣлъ звукъ охотничьихъ роговъ и лай собакъ, они слышали въ сторонѣ шумъ и топотъ коней, оглянулись и увидѣли прежде всего — карлика, верхомъ на высокомъ горячемъ и сильномъ конѣ, взмыленномъ до ушей; въ рукахъ у карлика была длинная плеть. Рядомъ съ карликомъ на прекрасномъ бѣломъ конѣ, ѣхала дама, въ платьи изъ золотой парчи; а рядомъ съ дамой, на высокомъ боевомъ скакунѣ, гарцовалъ рыцарь, съ головы до ногъ закованный въ желѣзо. Вооруженіе и на немъ, и на конѣ было массивное и блестящее. И самъ рыцарь, и конь его, и все ихъ вооруженіе поражали своею громадностью...

Вскорѣ они поровнялись съ Гераномъ и его дамами.

— «Геранъ», — сказала Гвенниваръ, — «знаешь-ли ты этого высокаго рыцаря?»

— «Нѣтъ, не знаю; да притомъ у него на головѣ такой странный уборъ, что я даже не могу разсмотрѣть его лица».

Тогда Гвенниваръ обратилась къ дѣвушкѣ и приказала ей спросить у карлика, какъ зовется тотъ рыцарь.

Дѣвушка направилась къ карлику, и тотъ, видя это, сдержалъ коня и выждалъ ее; когда же она спросила у него, какъ зовутъ рыцаря, онъ грубо отвѣтилъ ей:

— «Не скажу».

— «Ну, если ты такъ плохо воспитанъ, что не желаешь отвѣтить на мой вопросъ, такъ я спрошу о томъ же у самого рыцаря».

— «Клянусь, что ты не посмѣешь этого сдѣлать!» — воскликнулъ карликъ.

— «А почему бы такъ?» — спросила она.

— «Потому что ты слишкомъ низкаго происхожденія и не достойна чести говорить съ моимъ господиномъ».

Когда же дѣвушка не обращая вниманія на эти слова карлика, двинула коня къ рыцарю, карликъ съ размаху ударилъ ее плетью по лицу, такъ что кровь брызнула на платье бѣдняжки, которая, не стерпѣвъ такого оскорбленія, въ слезахъ вернулась къ королевѣ.

— «Негодный грубіянь!» — воскликнулъ Геранъ. — «Я самъ поѣду и узнаю, кто этотъ рыцарь?»

— «Поѣзжай!» — сказала Гвенниваръ.

— «Какъ зовутъ этого рыцаря?» — спросилъ Геранъ, подѣзжая къ карлику.

— «Не скажу и тебѣ».

— «Такъ я у него самого спрошу», — сказалъ Геранъ.

— «Не спросишь!» — сказалъ карликъ. — «Ты недостойнъ говорить съ моимъ господиномъ».

— «Случалось мнѣ говорить съ людьми и повыше твоего господина» — возразилъ Геранъ и далъ шпоры коню; но карликъ заградилъ ему дорогу и точно также, какъ дѣвушкѣ, нанесъ и ему такой сильный ударъ плетью по лицу, что кровь закапала на его шарфъ.

Геранъ схватился было за рукоять своего меча; но тотчасъ сообразилъ, что убивъ ничтожнаго карлика, онъ не смоетъ съ себя оскорбленія, а съ рыцаремъ, безъ доспѣховъ ему биться невозможно — и потому повернулъ коня и возвратился къ королевѣ.

— «Ты поступилъ и разумно, и осторожно», — сказала ему Гвенниваръ.

— «Государыня», — сказалъ Геранъ, — «если ты мнѣ дозволишь, я поѣду вслѣдъ за этимъ рыцаремъ, и въ первомъ же замкѣ, куда мы прибудемъ вмѣстѣ съ нимъ, я возьму на прокатъ или позаимствую у когонибудь вооруженіе, и буду съ нимъ биться».

— «Ступай вслѣдъ за нимъ», — сказала Гвенниваръ, — «и не нападай на него плохо вооруженный; помни, что я буду тревожиться, пока не получу отъ тебя извѣстій».

— «Если буду живъ, то ты получишь ихъ не позже, какъ завтра, послѣ полудня».

И, сказавъ это, онъ поѣхалъ вслѣдъ за рыцаремъ и карликомъ.

III.

Долго ѣхалъ Геранъ путемъ-дорогою, и наконецъ пріѣхалъ къ ближнему городу, въ которомъ, съ одной стороны, вѣздъ былъ защищенъ сильною крѣпостью, а съ другой — крѣпкимъ замкомъ.

При вѣздѣ рыцаря въ городъ, всѣ жители его пріѣтствовали и ему кланялись весьма почтительно. А Геранъ, слѣдуя за нимъ издали, проѣзжалъ по городу и внимательно осматривался на всѣ стороны, надѣясь гдѣнибудь увидѣть знакомаго человѣка; но ожиданія его оказались тщетны. Онъ не встрѣтилъ ни одного знакомаго, и не нашелъ ни одного человѣка, который бы ссудилъ его доспѣхами и оружіемъ. А между тѣмъ всѣ дома въ городѣ были биткомъ набиты военнымъ людомъ: всюду чистили доспѣхи, точили мечи, подковывали коней и подновляли щиты.

Онъ видѣлъ издали, какъ дама и карликъ, вмѣстѣ съ рыцаремъ, вѣехали въ замокъ и какъ радостно встрѣтила ихъ толпа тѣснившаяся у воротъ.

Убѣдившись въ томъ, что рыцарь и дама остановились въ замкѣ на ночлегъ, Геранъ сталъ и себѣ искать ночлега и рѣшился пріютиться на краю города, въ полуразрушенномъ дворцѣ, на порогѣ котораго былъ весьма привѣтливо встрѣченъ почтеннымъ старцемъ, украшеннымъ сѣдинами и одѣтымъ въ жалкія лохмотья.

— «Молодой человѣкъ!» — сказалъ Герану старецъ: — «скажи, чѣмъ ты озабоченъ?»

— «Да вотъ, не знаю, гдѣ мнѣ пріютиться на ночь...»

— «Я дамъ тебѣ пріютъ на ночь», — сказалъ старецъ, и, когда Геранъ спѣшилъ у входа во дворецъ, онъ провѣлъ его въ небольшую уютную комнатку, около залы. Тамъ онъ познакомилъ его со своею престарѣлою супругою и съ прелестною дочерью, и Геранъ увидѣлъ, что они, при всемъ благородствѣ осанки и внѣшности своей, были одѣты въ такія же жалкія лохмотья, какъ и самъ старецъ.

— «Пойди и озаботься о конѣ этого юноши», — сказалъ старикъ, обращаясь къ дѣвушкѣ: — «вѣдь ты знаешь, что у насъ нѣтъ слугъ для пріема гостей и услуженія имъ».

— «Будь спокоенъ», — сказала дѣвушка, — «я беру его коня на свое попеченіе и ему самому съумѣю услужить».

И дѣйствительно, она помогла Герану снять съ себя оружіе и верхній плащъ, а коню его принесла и корму и соломы на подстилку.

Когда она вернулась, старикъ сказалъ ей:

— «Ступай въ городъ и запасись съѣстнымъ, да не забудь добыть и хорошаго вина, чтобы было чѣмъ угостить гостя».

— «Будь спокоенъ, я все справлю» — сказала она, и ушла исполнять порученія отца.

Вскорѣ послѣ того она возвратилась изъ города, неся въ корзинкѣ бѣлые хлѣбы, а въ узлѣ пироги; сверхъ того, позади нея юноша несъ на одномъ плечѣ большую кружку лучшаго меда, а на другомъ большой кусокъ мяса.

— «Я ничего не могла найти лучше этого», — сказала молодая дѣвушка входя въ залу: — «никто не захотѣлъ мнѣ повѣрить въ долгъ ничего другого».

— «И этого довольно»!—сказалъ Геранъ.

Когда ужинъ былъ изготвленъ, они усѣлись за столъ, и Геранъ занялъ мѣсто между сѣдовласымъ старцемъ и его женою, а молодая дѣвушка прислуживала имъ за столомъ.

Когда всѣ достаточно насытились и утолили жажду, Геранъ спросилъ старика, кому принадлежалъ тотъ дворецъ, въ которомъ его приютили.

— «Этотъ дворецъ выстроенъ мною»,—отвѣчалъ ему старецъ;—и этотъ весь городъ тоже принадлежалъ когда-то мнѣ, и тотъ замокъ, который ты видѣлъ въ городѣ».

— «Какъ же могло случиться, что ты всего этого лишился?»

— «Не только этого... Я владѣлъ еще обширнымъ графствомъ, которое также утратилъ, и вотъ какимъ образомъ: у меня былъ племянникъ, братнинъ сынъ; въ его малолѣтство я завладѣлъ его имѣньями; когда онъ пришелъ въ возрастъ, то потребовалъ, чтобы я ему возвратилъ все, что ему принадлежало; а я отказался исполнить его требованье... Тогда онъ объявилъ мнѣ войну и отнялъ у меня все мое имущество и всѣ мои владѣнія».

— «А не можешь-ли ты объяснить мнѣ»,—продолжалъ спрашивать Геранъ—«по какому поводу рыцарь, дама и карликъ (за которыми я слѣдовалъ), прибыли теперь въ городъ? И что обозначаютъ всѣ эти военные приготовления, которыя я видѣлъ всюду въ городѣ?»

— «Это объяснить нетрудно»,—отвѣчалъ старецъ.—«Всѣ готовятся къ тѣмъ военнымъ играмъ, которыя на-завтра здѣсь даетъ молодой графъ. Среди той луговины, которую отсюда можешь видѣть, водрузятъ двѣ вилы, а на нихъ положить серебряную жердинку, на которую посадятъ сокола. Этотъ соколъ предназначенъ въ награду тому, кто будетъ побѣдителемъ на играхъ. Всѣ люди, всѣ кони, все оружіе, которое тебѣ мелькомъ удалось видѣть въ городѣ—все это завтра будетъ участвовать въ играхъ. И каждый рыцарь долженъ съ собою привести на игры даму своего сердца;—это непремѣнное условіе, безъ кото-

раго рыцарь не можетъ ни приступить къ играмъ, ни выиграть сокола. Тотъ рыцарь, котораго ты встрѣтилъ съ дамой на каремъ конѣ, въ послѣдніе два года оставался побѣдителемъ на этихъ играхъ, и если теперь еще разъ будетъ побѣдителемъ и выиграетъ сокола, то мѣстные жители обязаны будутъ ежегодно посылать ему сокола въ подарокъ; и онъ уже болѣе не явится сюда и, сверхъ того, получитъ навсегда право прозываться «Рыцаремъ Сокола».

Тогда Геранъ рассказалъ объ оскорбленіи, которое нанесъ ему карликъ и спросилъ старца:

— «Какъ, по твоему, долженъ я поступить, чтобы отмстить рыцарю за оскорбленіе, нанесенное его карликомъ мнѣ и дѣвушкѣ изъ свиты Гвенниваръ, супруги Артуровой?»

— «Трудно тебѣ дать совѣтъ въ этомъ случаѣ, потому что при тебѣ здѣсь нѣтъ ни дамы, ни дѣвицы въ честь которой ты могъ бы участвовать въ играхъ. А, впрочемъ, если-бъ ты вздумалъ участвовать, такъ знай, что у меня есть оружіе и доспѣхи, которыми бы я тебя могъ ссудить, и конь, которымъ бы ты могъ воспользо-ваться, если бы нашелъ, что онъ лучше твоего».

— «Благодарю тебя за предложеніе»,—сказалъ Геранъ.—«Я воспользуюсь твоимъ оружіемъ и доспѣхами, но не промѣняю своего коня на твоего, потому что къ нему привыкъ. Но дозволю мнѣ, достойный другъ, принять участіе въ играхъ въ честь твоей дочери—этой юной красавицы. Если выйду изъ битвы цѣлъ и невредимъ, то клянусь, что всю жизнь мою буду любить твою дочь! Въ противномъ случаѣ она останется также въ дѣвицахъ, какъ и теперь».

— «Съ удовольствіемъ соглашаюсь на это»,—сказалъ старецъ.—«И если ты окончательно рѣшился, то знай, что твой конь и твои доспѣхи должны быть готовы къ разсвѣту; на разсвѣтѣ рыцарь, извѣстный тебѣ, выступитъ на поле битвы и произнесетъ свой вызовъ; а за-

тѣмъ онъ попроситъ свою даму положить руку на сокола и обратится къ ней со слѣдующими словами:

— «Ты — красивѣйшая изъ женщинъ, и два года сряду ты уже выигрывала сокола на этихъ играхъ: если кто дерзнетъ нынѣ оспаривать у тебя этого сокола силою — я тому противникъ».

«Поэтому, какъ ты изволишь видѣть, необходимо, чтобы ты тамъ уже былъ на разсвѣтѣ», — сказалъ старецъ — «и мы втроемъ будемъ сопровождать тебя на игры».

Такъ они и уговорились, и, когда ночь наступила, легли спать.

IV.

Они поднялись еще до свѣта, и поспѣшили одѣться; а когда разсвѣло, они всѣ четверо, уже находились на лужайкѣ, предназначенной для игръ. Рыцарь, побѣдившій въ два послѣдніе года, уже произносилъ свой вызовъ, и призывалъ свою даму къ тому, чтобы она прикоснулась къ соколу.

— «Постой!» — сказалъ Геранъ, выступая впередъ: — «вотъ молодая дѣвушка, которая и красивѣе, и благороднѣе, и миловиднѣе твоей дамы, а потому и болѣе достойна предлагаемой тобою чести!»

— «Если ты предполагаешь, что она болѣе моей дамы имѣетъ правъ на сокола, — то выходи со мною на бой!»

И вотъ Геранъ вступилъ съ нимъ въ бой, и противники сшиблись и разъ, и другой, и третій, и каждый разъ поломали по копью; а потомъ еще много разъ на-скакивали другъ на друга, каждый разъ ломая всѣ тѣ копья, какія имъ подносили.

И когда рыцарь сталъ одолѣвать, молодой графъ и его свита рукоплескали и выражали свою радость громкими ликованиями, а старецъ, жена его и дочь опускали голову въ тревогѣ. И старецъ безпрестанно подносилъ

Герану все новыя и новыя копья, точно также какъ карликъ подносилъ ихъ рыцарю... Наконецъ старецъ понесъ Герану послѣднее копье и сказалъ:

— «Вижу, юный другъ мой, что плохое копье не выдерживаетъ крѣпости твоей руки! Возьми же вотъ это: — оно было при мнѣ въ тотъ день, когда я былъ посвященъ въ рыцари, и никогда я не могъ его изломать... Да и остріе этого копья, закалено на славу!»

Геранъ взялъ копье и поблагодарилъ старца.

Но и карликъ тотчасъ-же подалъ новое копье своему господину, говоря:

— «Вотъ тебѣ копье, которое ничуть не хуже того. Да кстати припомни, что никогда и ни одинъ рыцарь еще не могъ такъ долго тебѣ противиться, какъ этотъ твой противникъ!»

— «Клянусь небомъ!» — воскликнулъ Геранъ, — «что никакое копье не спасетъ твоего господина, если я останусь въ живыхъ!»

И они еще разъ сшиблись съ такою яростью и ожесточеніемъ, и Геранъ нанесъ своему противнику такой страшный, такой сокрушительный ударъ, что раскололъ его щитъ на двое, изломалъ его копье въ дребезги, и сбросилъ его, вмѣстѣ съ сѣдломъ на землю...

И самъ тотчасъ-же спѣшилъ, и, полный ярости, бросился на противника съ мечемъ въ рукахъ. Но и тотъ уже поднялся, и тоже ожидалъ его съ обнаженнымъ мечемъ; и стали они биться пѣшимъ боемъ такъ, что искры дождемъ сыпались отъ мощныхъ ударовъ ихъ мечей о доспѣхи... И они все бились и бились, хотя истома уже начинала туманить ихъ взоры... Когда одолѣвалъ Геранъ — старецъ, жена его и дочь радовались и ликовали; когда перевѣсъ склонялся на сторону его противника — ликовалъ графъ и его свита...

И вотъ, въ то самое мгновеніе, когда страшный ударъ обрушается на Герана, сѣдовласый старецъ подбѣгаетъ къ нему и говоритъ ему въ ободреніе:

— «Помни о нанесенномъ тебѣ оскорбленіи! Неужели ты не съумѣешь отмстить ни за себя, ни за Гвенниваръ, супругу Артура?»

Эти немногія слова удвоили силы Герана: онъ взмахнулъ мечемъ что-было мочи, и нанесъ такой ударъ рыцарю, что разсѣкъ ему и шлемъ, и кожу, и мясо, и черепъ до мозга.

Тогда рыцарь упалъ на колѣни, выпустилъ мечъ изъ рукъ, и сталъ молить о пощадѣ.

— «Я готовъ пощадить тебѣ жизнь», — сказалъ Геранъ, — «но подъ такимъ условіемъ, что ты отправишься отсюда къ Гвенниваръ, супругѣ Артура, и дашь ей удовлетвореніе, какого она потребуетъ, за оскорбленіе, нанесенное твоимъ карликомъ ея прислужницѣ; что касается меня, я вполнѣ вознагражденъ твоимъ униженіемъ за то оскорбленіе, которое вы оба, ты и карликъ твой, нанесли мнѣ. И такъ требую, чтобы ты не сходилъ съ коня до тѣхъ поръ, пока не явишься предъ королевой Гвенниваръ и не подчинишься тому наказанію, какое будетъ на тебя наложено при дворѣ Артура».

— «Я на все согласенъ», — покорно отвѣчалъ рыцарь. — «Но дозвожь узнать — кто ты?»

— «Я Геранъ, сынъ Эрбина. А ты кто?»

— «Я Эдэирнъ, сынъ Нуза».

И Эдэирнъ, несмотря на свою жестокую рану, сѣлъ верхомъ на коня, и отправился въ путь ко двору короля Артура, въ сопровожденіи своей дамы и своего карлика, которые такъ были поражены всѣмъ что произошло на глазахъ ихъ, что не смѣли и головы поднять, и ѣхали вслѣдъ за рыцаремъ потупившись.

V.

Молодой графъ, со всею своею свитой, подошелъ къ побѣдителю, поклонился ему и пригласилъ его въ замокъ.

— «Не могу», отвѣчалъ Геранъ: «я долженъ и эту ночь провести тамъ же, гдѣ провелъ прошлую».

— «Если такъ, то предупреждаю тебя, что и въ томъ домѣ ты въ изобиліи найдешь все, что я могъ бы тебѣ предложить въ моемъ. Сверхъ того, я прикажу тебѣ приготовить такой бальзамъ, который возвратитъ тебѣ силы, утраченныя тобою въ битвѣ».

— «Да благословитъ тебя Богъ!»! сказалъ Геранъ. «Я сейчасъ же возвращусь къ себѣ домой».

И Геранъ возвратился съ графомъ Эніуль и его женою и дочерью въ ихъ полуразвалившійся дворецъ. И когда они туда явились, весь дворецъ былъ уже полонъ слугъ и подручныхъ молодого графа: они усыпали соломою полы, и разводили огонь во всѣхъ каминахъ. Вскорѣ и бальзамъ былъ изготовленъ, и Геранъ приказалъ себѣ умаститъ имъ голову.

Немного спустя явился и графъ съ сорока благородными рыцарями, составлявшими его свиту, и всѣ, кто былъ имъ приглашенъ для присутствованія на пирѣ. Геранъ вышелъ къ нему, и графъ сталъ приглашать его въ столовую, чтобы участвовать въ общей трапезѣ. Но Геранъ выждалъ графа Эніуля, жену его и дочь, и за столомъ занялъ главное мѣсто; по правую руку отъ него сѣлъ молодой графъ и рядомъ съ нимъ графъ Эніуль; по лѣвую — графиня Эніуль съ дочерью; а затѣмъ уже и всѣ остальные гости по старшинству и достоинству.

Обѣдъ былъ сытный, разнообразный и превосходный по качеству блюдъ. Бесѣда завязалась и оживилась, и молодой графъ сталъ на завтра приглашать Герана къ себѣ въ замокъ.

— «Нога моя не будетъ въ твоемъ замкѣ», сказалъ Геранъ, «пока графъ Эніуль будетъ оставаться въ нищетѣ и невзгодѣ. Завтра я отправляюсь съ этою молодою дѣвушкою ко двору короля Артура, и, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, что хочу позаботиться объ улучшеніи участи престарѣлаго графа».

— «Но послушайте же, юный другъ мой, развѣ же я виноватъ, если графъ Эніуль лишился въ тяжбѣ со мною всего, что имѣлъ?!»

— «Клянусь, что онъ не долго останется въ этомъ положеніи, и, если Богъ поможетъ, я постараюсь вернуть ему отнятыя у него владѣнія!» сказалъ Геранъ.

— «Ну, такъ я выбираю тебя третейскимъ судьей въ моей тяжбѣ съ графомъ Эніулемъ; заранѣе говорю, что стану на сторону твоего мнѣнія — и подпишусь подъ твоимъ рѣшеніемъ».

— «Я требую только одного», сказалъ Геранъ: «чтобы ему возвращено было то, что составляетъ его собственность, и чтобы ты вознаградилъ его за все то время, въ теченіе котораго ты его имѣнными и имуществомъ владѣлъ».

— «Я на это соглашаюсь охотно, изъ желанія сдѣлать тебѣ пріятное», отвѣчалъ молодой графъ.

— «Такъ пусть же всѣ тѣ, которые нѣкогда были вассалами графа Эніуля, преклонятся передъ нимъ и принесутъ ему клятву въ вѣрности!»

И всѣ бывшіе вассалы графа Эніуля къ нему приблизились и преклонились передъ нимъ: и графу возвращенъ былъ его замокъ и всѣ его владѣнія, и все то, что было у него отнято, до мелочей. И престарѣлый графъ Эніуль, со слезами признательности, подошелъ къ Герану, подвелъ къ нему свою дочь и вложилъ ея руку въ его руку; и на другой же день они отбыли изъ этого города и направились ко двору Артура.

VI.

Въ то время, когда происходили всѣ эти событія, жизнь при дворѣ Артура шла своимъ чередомъ. Та охота, на которую Артуръ направился со всѣмъ своимъ дворомъ, закончилась такъ: когда собаки были спущены со своръ и направились за оленемъ, первою нагнала его любимая собака короля Артура, по прозванію «Каваль»; она далеко оставила позади себя всю остальную стаю, вынудила оленя еще разъ вернуться навстрѣчу охотникамъ, и Артуръ

нанесъ оленю смертельный ударъ, и прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ къ нему подоспѣть, онъ ловко срѣзалъ ему голову... И всѣ затрубили въ рога, возвѣщая о смерти оленя, и собрались около короля.

Когда же, по окончаніи охоты, всѣ, веселой гурьбою, направились домой, между охотниками завязался споръ о томъ — кому достанется голова оленя? Одинъ утверждалъ, что она должна быть по всей справедливости присуждена его дочкѣ, другой, напротивъ, отстаивалъ права своей подруги; итакъ, очень весело и шумно споря, всѣ прибыли во дворецъ Артура.

Узнавъ объ этомъ спорѣ, Гвенниваръ сказала Артуру:

— «Государь, вотъ мое мнѣніе: я полагаю, что голова оленя никому не должна быть присуждена до тѣхъ поръ, пока Геранъ, сынъ Эрбина, не вернется изъ своего странствованія».

И тутъ она сообщила Артуру, по какому поводу Геранъ покинулъ его дворъ и отправился вслѣдъ за своимъ оскорбителемъ.

— «Совершенно соглашаюсь съ твоимъ мнѣніемъ», сказалъ Артуръ, выслушавъ свою супругу.

На томъ и было порѣшено.

На другой день Гвенниваръ поставила особыхъ сторожей на башняхъ Артурова замка, чтобы они еще издали высмотрѣли приближеніе Герана и возвѣстили ей объ этомъ заранѣе.

И вотъ, вскорѣ послѣ полудня, сторожа извѣстили ее, что по дорогѣ къ замку приближаются, верхами, — какой-то безобразный карликъ и дама, а за ними высокій, раненый рыцарь. И Гвенниваръ тотчасъ догадалась, кто могли быть эти странники...

Немного спустя, явился и привратникъ, и доложилъ, что къ воротамъ замка подъѣхалъ рыцарь, окровавленный, израненный, въ помятыхъ и разбитыхъ доспѣхахъ.

— «Онъ такъ страдаетъ», добавилъ привратникъ, «что на него и смотрѣть жалко».

— «А какъ его зовутъ»? спросила королева.

— «Его зовутъ Эдэирнъ, сынъ Нуза — такъ онъ сказалъ мнѣ».

— «Я его не знаю», сказала Гвенниваръ.

Однакоже вышла къ входнымъ дверямъ, на встрѣчу ему, и онъ вошелъ; и какъ только она увидѣла его въ такомъ жалкомъ положеніи, въ ней пробудилось чувство состраданія къ нему, хотя слѣдомъ за нимъ вошелъ въ залу и его грубіянь-карликъ.

Эдэирнъ поклонился королевѣ.

— «Богъ да хранить тебя!»! отвѣчала она ему пріѣтствіемъ на поклонъ.

— «Государыня», сказалъ рыцарь, «Геранъ, сынъ Эрбина, лучший и храбрѣйшій изъ твоихъ рыцарей, шлетъ тебѣ поклонъ».

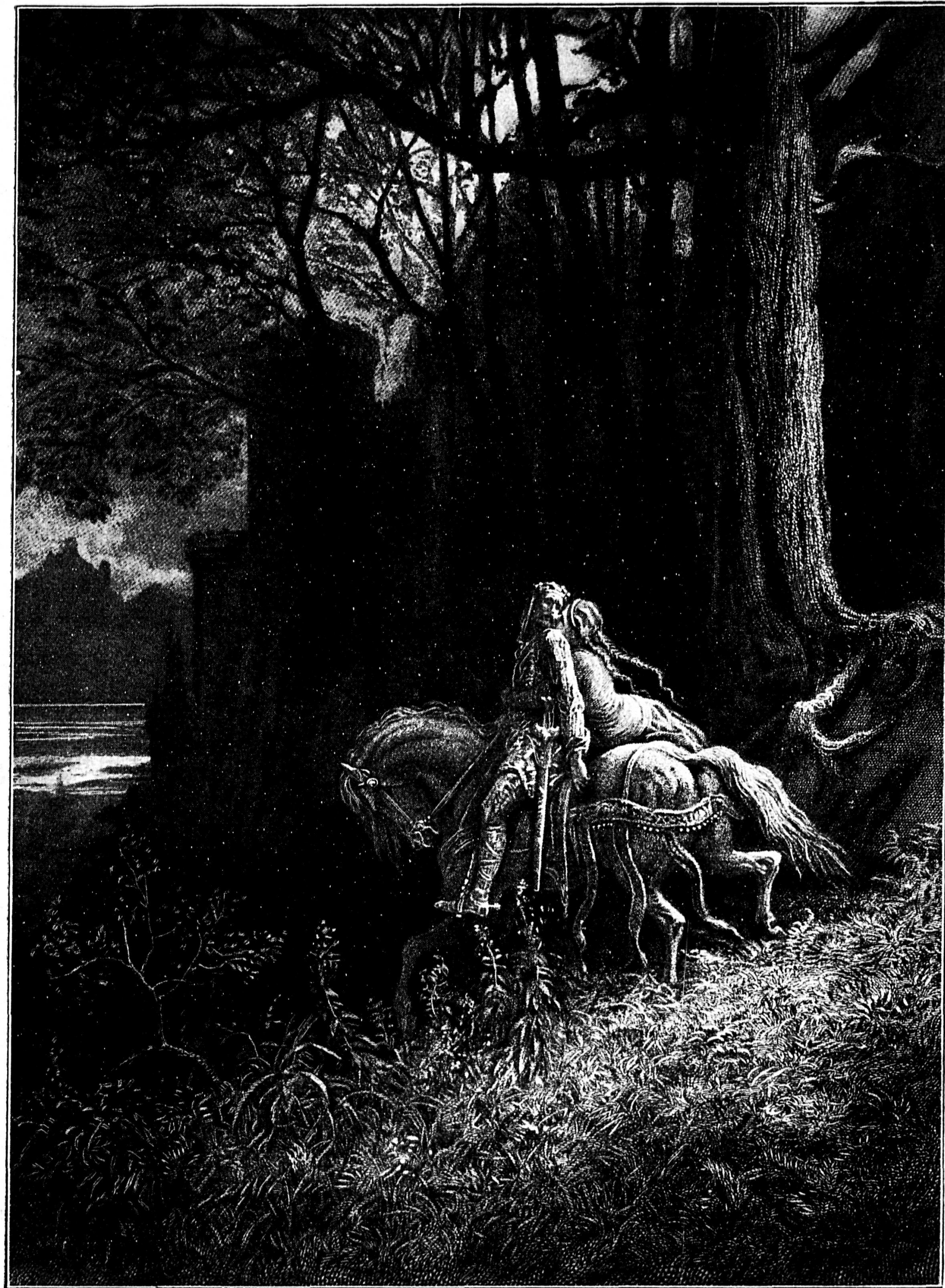
— «Развѣ тебѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться»? спросила она.

— «Да, государыня, и, какъ видишь, мнѣ не дешево обошлась эта встрѣча! Долженъ однакоже сознаться, что я самъ виноватъ въ своей невзгодѣ. Геранъ понудилъ меня сюда пріѣхать, чтобы дать тебѣ удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное моимъ карликомъ твоей прислужницѣ; свою обиду онъ считаетъ достаточно отмщенною, но мнѣ вмѣнилъ въ обязанность — явиться къ тебѣ и подчиниться твоей волѣ: какую кару ты на меня наложишь, такую я и долженъ буду понести».

— «А гдѣ онъ сражался съ тобою и побѣдилъ тебя»? спросила Гвенниваръ.

Рыцарь подробно и безъ утайки рассказалъ ей обо всемъ, что съ нимъ случилось, и обо всѣхъ подробностяхъ битвы, и о томъ, въ честь какой красавицы Геранъ сражался.

— «А какъ думаешь ты, когда именно можетъ Геранъ сюда возвратиться»? спросила королева.



Геранъ или рыцарь Сокола.

— «Думаю, что завтра, и предполагаю, что онъ вернется не одинъ, а со своею красавицей».

Во время этого разговора подошелъ и Артуръ, и рыцарь ему поклонился; а король, всмотрѣвшись пристально въ его лицо, сказалъ:

— «Должно быть ты Эдэирнъ, сынъ Нуза».

— «Да, государь», отвѣчалъ рыцарь, «и если ты видишь меня въ этомъ видѣ, то лишь потому, что я выдержалъ бой на смерть и получилъ весьма тяжелыя раны»...

И онъ подробно разсказалъ королю о своихъ приключеніяхъ.

— «По тому, что я отъ тебя слышу», сказалъ Артуръ, «я вижу, что Гвенниваръ должна тебѣ простить».

— «Я готова простить ему, если ты его прощаешь», сказала Гвенниваръ, «такъ какъ эта обида для тебя и меня общая».

— «Ну, и тѣмъ лучше!» сказалъ Артуръ. «Теперь пусть лѣкари окажутъ ему необходимую помощь; а когда онъ выздоровѣетъ, тогда онъ тебѣ дастъ такое удовлетвореніе, какое присудятъ мои рыцари».

И Артуръ позвалъ Морганъ-гуда, своего главного медика; и приказалъ ему озаботиться о лѣченіи Эдэирна; а королева Гвенниваръ приняла на свое попеченіе ту молодую дѣвушку, которая его сопровождала.

На другое утро сторожа, поставленные на башняхъ, оповѣстили королеву о томъ, что Геранъ показался вдали на дорогѣ.

— «Его сопровождаетъ дама», сказалъ одинъ изъ сторожей; «она одѣта очень просто, вся въ бѣломъ. Кажется, что платье на ней изъ холстины».

— «Соберите всѣхъ моихъ женщинъ», приказала Гвенниваръ; «выйдемъ всѣ на встрѣчу Герану и примемъ его торжественно».

Когда онъ поровнялся съ королевой и ей поклонился, она воскликнула:

— «Богъ да хранить тебя! Будь нашимъ желаннымъ гостемъ! Поздравляемъ тебя съ удачею и съ новою славою... Благодарю тебя за то, что ты такъ грозно отмстилъ за нанесенное мнѣ оскорбленіе!»

— «Я сдѣлалъ все, что могъ, государыня! Но только благодаря этой молодой дѣвушкѣ я могъ привести мое намѣреніе въ исполненіе».

— «Привѣтъ и ей!»—сказала королева.—«Она вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы мы ее приняли радушно».

Затѣмъ Геранъ явился на поклонъ къ королю Артуру, и тотъ принялъ его радостно и сказалъ ему:

— «Ты много пріобрѣлъ себѣ славы, одержавъ побѣду надъ Эдэирномъ, сыномъ Нуза».

— «Видитъ Богъ, что онъ страдаетъ не по моей винѣ: его наглость вывела меня изъ терпѣнья. Я долженъ былъ, во что бы то ни стало, узнать его имя и помѣриться съ нимъ силами».

— «Но гдѣ же та молодая дѣвушка, въ честь которой, какъ мнѣ сказывали, ты принималъ участіе въ играхъ?»

— «Королева Гвенниваръ увела ее въ свою комнату».

И король самъ пошелъ на поклонъ къ молодой дѣвушкѣ; и онъ самъ, и всѣ его приближенные, рыцари и придворные, приняли ее съ радостью и не могли на нее налюбоваться.

На другой день, при дворѣ Артура, торжественно была отпразднована свадьба Герана съ Энитой, дочерью графа Эніуля, и король Артуръ, по поводу этого торжества, роздалъ всѣмъ богатые подарки.

А на слѣдующій день послѣ свадьбы Гвенниваръ сказала своему супругу:

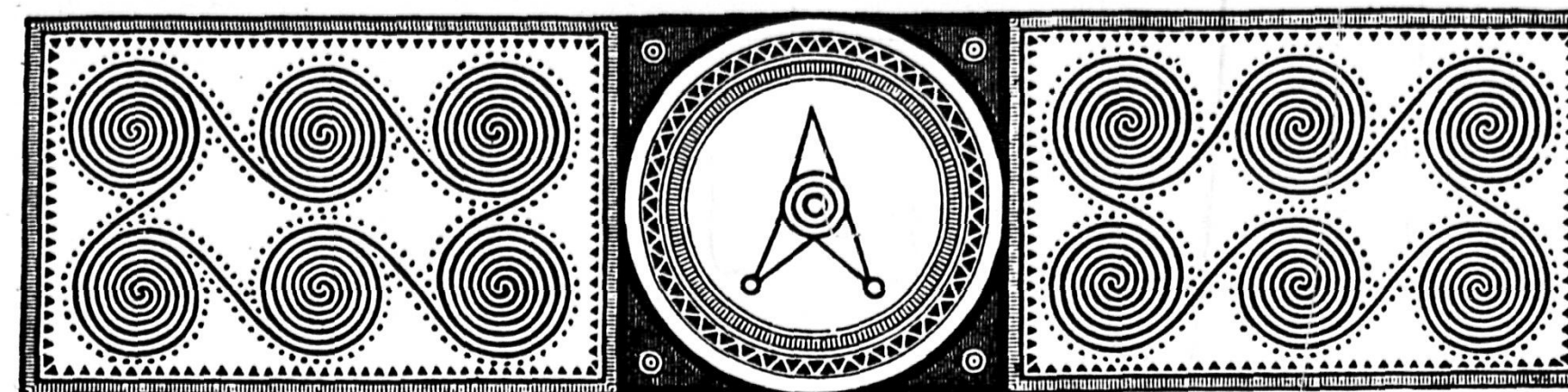
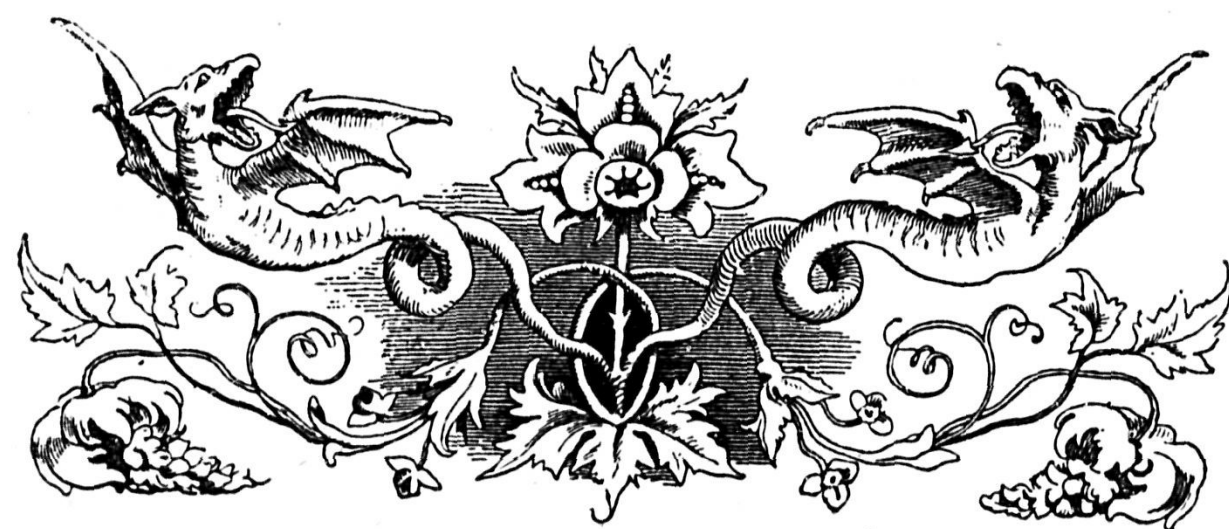
— «Вотъ видишь-ли, какъ я благоразумно рѣшила тогда — сохранить голову оленя до возвращенія Герана? Теперь именно и представляется возможность распорядиться этимъ почетнымъ даромъ по достоинству... Пусть будетъ она поднесена Энитѣ, дочери графа Эніуля — наиболѣе уважаемой изъ дамъ моего двора... Полагаю, что никто

не будетъ у ней оспаривать право на этотъ даръ, потому что всѣ здѣсь уже успѣли ее полюбить».

Всѣ одобрили эту рѣчь королевы, и Артуръ въ особенности:—голова оленя была поднесена въ даръ Энитѣ, которая приняла этотъ даръ съ благодарностью; и всѣ съ той поры стали ей оказывать почтеніе и уваженіе.

А Геранъ, годъ отъ года, болѣе и болѣе прославлялся своими подвигами на воинскихъ играхъ, гдѣ ему не встрѣчалось соперниковъ.

И такъ прошелъ годъ, и два, и три года послѣ его свадьбы, а слава его все возрастала и распространилась наконецъ до крайнихъ предѣловъ Артурова королевства.



Геранъ и Энита.

I.

Однажды, когда Артуръ пребывалъ среди своего блестящаго двора, въ своей достославной столицѣ, какъ разъ въ праздникъ Св. Троицы, явились ко двору его послы — люди бывалые и умудренные опытомъ, искусные въ краснорѣчіи и знающіе; и, прійдя къ королю Артуру, они ему низко поклонились.

— «Богъ вамъ въ помощь!»—сказалъ имъ Артуръ.— «Откуда васъ Богъ несетъ?»

— «Государь!»—отвѣчали послы,—«мы пришли къ тебѣ изъ Корнваллисса, въ послахъ отъ Эрбина, твоего дяди. Онъ шлетъ тебѣ поклонъ и приказываетъ передать, что старѣетъ, слабѣетъ и что не подъ силу ему защищать теперь свои владѣнія отъ дерзостныхъ враговъ... Вотъ почему онъ и молить тебя, государь, чтобы ты отпустилъ къ нему его сына Герана, на защиту родной земли и на отраженіе противниковъ, которые начинаютъ вторгаться въ ея предѣлы»...

— «Господа послы»,—сказалъ Артуръ,—«ступайте, переодѣньтесь съ дороги, подкрѣпите ваши силы пищею и отдохните отъ тягостей пути. Завтра, когда вы пуститесь въ обратный путь, я дамъ вамъ отвѣтъ».

И затѣмъ они сѣли за столъ.

И сталъ Артуръ раздумывать: не хотѣлось ему разлучаться съ Гераномъ, да нельзя было и удержать его при себѣ, когда онъ нуженъ былъ отцу на защиту его владѣній... Съ своей стороны и Гвенниваръ, и всѣ ея приближенные тоже горевали о томъ, что имъ придется разстаться съ Энitou, которую всѣ они полюбили.

Однако-же всю ночь Артуръ пропировалъ со своими рыцарями, а во время этого пира сообщилъ Герану о цѣли прїѣзда пословъ изъ Корнваллисса.

— «Какъ ты рѣшишь», — сказалъ Геранъ, — такъ я и поступлю».

— «Ну, такъ знай-же», — сказалъ Артуръ, — «что хотя мнѣ и больно съ тобою разстаться, однако-же я полагаю, что тебѣ слѣдуетъ теперь же вернуться на родину и принять на себя защиту твоихъ владѣній. Я же, со своей стороны, даю тебѣ полное право избрать изъ среды моихъ вѣрныхъ рыцарей тѣхъ, кто тебѣ болѣе любъ изъ твоихъ друзей и товарищей по оружію».

— «Благодарю; я поступлю сообразно твоимъ указаніямъ».

— «О чемъ вы такъ бесѣдуете?» — вступилась Гвенниваръ. — «Не о томъ-ли, кого именно долженъ избрать Геранъ въ свою свиту изъ числа твоихъ рыцарей?»

— «Да, — ты угадала».

— «Ну, такъ значитъ и я тоже должна подумать, кого изъ моихъ дамъ могу дать Эниту въ спутницы и какіе припасы должна ей заготовить на дорогу»...

— «И отлично, если ты обо всемъ этомъ озаботишься!» — сказалъ Артуръ.

II.

На другой день Артуръ распростился съ послами и сообщилъ имъ, что Геранъ послѣдуетъ за ними. И дѣйствительно, на третій день послѣ того Геранъ пустился въ путь, и многіе благородные рыцари Артурова двора за нимъ

послѣдовали: въ числѣ ихъ былъ и Гвальмай, сынъ Гвіара, и Передуръ, сынъ Эврока, и Кай, сынъ Кинера, и наконецъ Эдэирнъ, сынъ Нуза, которому королева Гвенниваръ простила его вину за всѣ вынесенныя имъ страданія.

На другой день, Геранъ со своею блестящей и многочисленной свитой приблизился къ берегамъ Саверны; и когда переправился на другой берегъ рѣки, ему на встрѣчу вышли благородные рыцари, составлявшіе дворъ его отца, и его мать, и многія дамы, чтобы оказать почетную встрѣчу супругѣ Герана, Энитѣ. И всѣ искренно радовались тому, что Геранъ, покрытый славою своихъ подвиговъ, возвращался теперь на защиту своей родины.

Когда же Геранъ со своими рыцарями прибылъ ко двору отца, то его и всѣхъ его спутниковъ встрѣтили тамъ съ полнымъ радушіемъ: — имъ приготовлено было роскошное угощеніе и богатые дары, и вина всѣхъ сортовъ, и внимательная прислуга слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ, а музыканты и всякаго рода игры были постоянно готовы къ ихъ услугамъ.

На другой день, Эрбинъ призвалъ къ себѣ Герана и всѣхъ его благородныхъ спутниковъ и сказалъ:

— «Я становлюсь старъ и хилъ: пока я могъ охранять твои и мои владѣнія — я охранялъ ихъ. Теперь ты въ полномъ цвѣтѣ и развитіи твоихъ силъ — прими-же на себя охрану своихъ владѣній».

— «Если ты пожелаешь уважить мою просьбу, то я бы просилъ тебя еще нѣкоторое время нести на себѣ бремя власти; а мнѣ дозволить еще нѣкоторое время остаться при дворѣ Артура».

— «Нѣтъ! Я передаю власть тебѣ», — отвѣчалъ рѣшительно Эрбинъ, — «и ты сегодня-же примешь присягу отъ своихъ подданныхъ».

Гвальмай замѣтилъ на это:

— «Не лучше-ли было-бы отложить принесеніе присяги до-завтра, а сегодня удовлетворить всѣхъ тѣхъ, кто бы вздумалъ ходатайствовать о какихъ-либо милостяхъ?»

И отецъ, и сынъ согласились съ Гвальмаемъ, и всѣ тѣ, у которыхъ было о чемъ просить—получили просимое. А затѣмъ, спутники Герана стали съ своей стороны дарить приближенныхъ Эрбина и отъ нихъ принимать подарки, и всѣ, весьма довольные другъ-другомъ, провели и день, и ночь въ пирахъ и веселіи.

Дня два спустя Артуровы рыцари, составлявшіе свиту Герана, собрались въ обратный путь, и Геранъ, вмѣстѣ съ Энитою, сопровождали ихъ до границы своихъ владѣній.

Проводивъ дорогихъ гостей, Геранъ объѣхалъ всѣ свои владѣнія, осмотрѣлъ и отдаленнѣйшія ихъ границы и затѣмъ, сталъ править Корнваллисомъ, какъ правилъ его отецъ.

III.

Здѣсь, съ прежней страстностью, онъ предался военнымъ упражненіямъ и турнирамъ, какъ и при дворѣ короля Артура, и его имя громко прославилось въ средѣ великихъ бойцовъ и воиновъ. Цѣлымъ рядомъ одержанныхъ имъ побѣдъ онъ сумѣлъ обогатить и дворъ свой, и всѣхъ своихъ приближенныхъ, и всѣхъ своихъ рыцарей; у всѣхъ явились и чудные кони, и богатые доспѣхи, и превосходное оружіе, и дорогіе наряды и украшенія... И слава Герана, не встрѣчавшаго себѣ соперниковъ на турнирахъ, пронеслась далеко-далеко, изъ конца въ конецъ свѣта блага...

И вотъ, добившись этой славы, Геранъ полюбилъ покой и удобства, сталъ искать удовольствій и предаваться со страстью музыкѣ и игрѣ въ кости... Кончилось тѣмъ, что онъ безвыѣздно сталъ жить у себя во дворцѣ, даже не выходилъ изъ спальни своей жены, и только въ ея обществѣ находилъ удовольствіе... Пропало у него всякое пристрастіе къ охотѣ и ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ—а вмѣстѣ съ такою переменною въ немъ произошла переменна по отношенію къ нему самому во всѣхъ его при-

ближенныхъ и придворныхъ, которые къ нему охладѣли и стали терять уваженіе... Мало-по-малу, всѣ стали издѣваться надъ тѣмъ, что онъ предпочитаетъ общество своей жены веселому кружку своихъ приближенныхъ и благородныхъ рыцарей. Когда же эти насмѣшки и ропотъ придворныхъ дошли до Эрбина, тотъ призвалъ къ себѣ Эниту и спросилъ, не отъ нея-ли произошла такая рѣзкая переменна въ Геранѣ, забывшемъ и о нуждахъ народа, и о своихъ рыцаряхъ...

— «Нѣтъ, нѣтъ!» — поспѣшила отвѣтить Энита. — «Вѣрьте, что я сама очень опечалена этою странною переменною въ моемъ мужѣ».

И она рѣшительно не знала, какъ ей быть:—говорить объ этомъ съ Гераномъ было не ловко, да и слушать ропотъ и насмѣшки придворныхъ тоже было не легко. И все это ее очень печалило.

Однажды, раннимъ лѣтнимъ утромъ, когда Геранъ еще спалъ, а Энита уже проснулась, она стала любоваться прекраснымъ лицомъ своего супруга и его обнаженной, мощною рукою, которую онъ закинулъ на изголовье.

И у ней невольно сорвались слова:

— «Горе мнѣ! Неужели же я виновата, что эта мощная рука и это львиное сердце не служатъ больше той славѣ, которой они такъ заслуженно удостоились!»

Произнося эти слова, Энита прослезилась и двѣ горячія слезы ея, упавъ на грудь супруга, заставили его очнуться отъ сна.

Онъ увидѣлъ ея слезы и печальное лицо ея и тотчасъ подумалъ, что онъ прискучилъ ей, что она увлечена другимъ рыцаремъ, котораго предпочитаетъ ему... Эта мысль смутила его и подняла бурю въ его сердцѣ. Онъ кликнулъ своего оруженосца и приказалъ сѣдлатъ коня и готовить ему доспѣхи и оружіе; а затѣмъ обратился къ Энитѣ:

— «Вставай, Энита, одѣвайся! Вели сѣдлатъ твоего коня и нарядись въ свое лучшее дорожное платье. По-

И отецъ, и сынъ согласились съ Гвальмаемъ, и всѣ тѣ, у которыхъ было о чемъ просить—получили просимое. А затѣмъ, спутники Герана стали съ своей стороны дарить приближенныхъ Эрбина и отъ нихъ принимать подарки, и всѣ, весьма довольные другъ-другомъ, провели и день, и ночь въ пиряхъ и веселіи.

Дня два спустя Артуровы рыцари, составлявшіе свиту Герана, собрались въ обратный путь, и Геранъ, вмѣстѣ съ Энитою, сопровождали ихъ до границы своихъ владѣній.

Проводивъ дорогихъ гостей, Геранъ объѣхалъ всѣ свои владѣнія, осмотрѣлъ и отдаленнѣйшія ихъ границы и затѣмъ, сталъ править Корнваллисомъ, какъ правилъ его отецъ.

III.

Здѣсь, съ прежней страстностью, онъ предался военнымъ упражненіямъ и турнирамъ, какъ и при дворѣ короля Артура, и его имя громко прославилось въ средѣ великихъ бойцовъ и воиновъ. Цѣлымъ рядомъ одержанныхъ имъ побѣдъ онъ сумѣлъ обогатить и дворъ свой, и всѣхъ своихъ приближенныхъ, и всѣхъ своихъ рыцарей; у всѣхъ явились и чудные кони, и богатые доспѣхи, и превосходное оружіе, и дорогіе наряды и украшенія... И слава Герана, не встрѣчавшаго себѣ соперниковъ на турнирахъ, пронеслась далеко-далеко, изъ конца въ конецъ свѣта бѣлаго...

И вотъ, добившись этой славы, Геранъ полюбилъ покой и удобства, сталъ искать удовольствій и предаваться со страстью музыкѣ и игрѣ въ кости... Кончилось тѣмъ, что онъ безвыѣздно сталъ жить у себя во дворцѣ, даже не выходилъ изъ спальни своей жены, и только въ ея обществѣ находилъ удовольствіе... Пропало у него всякое пристрастіе къ охотѣ и ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ—а вмѣстѣ съ такою переменною въ немъ произошла переменна по отношенію къ нему самому во всѣхъ его при-

ближенныхъ и придворныхъ, которые къ нему охладѣли и стали терять уваженіе... Мало-по-малу, всѣ стали издѣваться надъ тѣмъ, что онъ предпочитаетъ общество своей жены веселому кружку своихъ приближенныхъ и благородныхъ рыцарей. Когда же эти насмѣшки и ропотъ придворныхъ дошли до Эрбина, тотъ призвалъ къ себѣ Эниту и спросилъ, не отъ нея-ли произошла такая рѣзкая переменна въ Геранѣ, забывшемъ и о нуждахъ народа, и о своихъ рыцаряхъ...

— «Нѣтъ, нѣтъ!» — поспѣшила отвѣтить Энита. — «Вѣрьте, что я сама очень опечалена этою странною переменною въ моемъ мужѣ».

И она рѣшительно не знала, какъ ей быть:—говорить объ этомъ съ Гераномъ было не ловко, да и слушать ропотъ и насмѣшки придворныхъ тоже было не легко. И все это ее очень печалило.

Однажды, раннимъ лѣтнимъ утромъ, когда Геранъ еще спалъ, а Энита уже проснулась, она стала любоваться прекраснымъ лицомъ своего супруга и его обнаженной, мощною рукою, которую онъ закинулъ на изголовьѣ.

И у ней невольно сорвались слова:

— «Горе мнѣ! Неужели же я виновата, что эта мощная рука и это львиное сердце не служатъ больше той славы, которой они такъ заслуженно удостоились!»

Произнося эти слова, Энита прослезилась и двѣ горячія слезы ея, упавъ на грудь супруга, заставили его очнуться отъ сна.

Онъ увидѣлъ ея слезы и печальное лицо ея и тотчасъ подумалъ, что онъ прискучилъ ей, что она увлечена другимъ рыцаремъ, котораго предпочитаетъ ему... Эта мысль смутила его и подняла бурю въ его сердцѣ. Онъ кликнулъ своего оруженосца и приказалъ сѣдлатъ коня и готовить ему доспѣхи и оружіе; а затѣмъ обратился къ Энитѣ:

— «Вставай, Энита, одѣвайся! Вели сѣдлатъ твоего коня и нарядись въ свое лучшее дорожное платье. По-

ѣдемъ со мною, и да погибну я, если ты, вернувшись въ этотъ дворецъ, не убѣдишься въ томъ, что я не настолько еще утратилъ мои силы, насколько ты думаешь! Если же ты окажешься права, тогда ступай и живи съ тѣмъ, кто тебѣ милѣе меня!»

— «Я ничего не могу понять—не могу разобраться въ твоихъ дѣйствіяхъ»,—сказала Энита.

— «Не можешь, потому что не хочешь»,—отвѣчалъ ей Геранъ; и затѣмъ отправился къ отцу своему.

— «Государь!»—такъ сказалъ онъ—«я ѣду на развѣдки въ пограничныя области. Не знаю, когда я вернусь и потому прошу тебя принять бразды правленія до моего возвращенія домой».

— «Съ удовольствіемъ»,—отвѣчалъ Эрбинъ. — «Мнѣ только почему-то кажется страннымъ твой слишкомъ поспѣшный отъѣздъ. Да и кто же будетъ тебя сопровождать? Вѣдь тебѣ не подъ силу будетъ одному проѣхать черезъ страну враждебныхъ намъ Лосерійцевъ»...

— «Только одна особа будетъ сопровождать меня!»—сказалъ Геранъ.

— «Ну, какъ знаешь! И дай тебѣ Богъ счастливый путь!»

Послѣ этого Геранъ пошелъ вывести своего коня; на немъ самомъ былъ одѣтъ иноземный, тяжелый и блестящій доспѣхъ. Сѣвши въ сѣдло, онъ приказалъ и Энитѣ сѣсть на коня и ѣхать впередъ. При этомъ онъ строго-на-строго приказалъ ей:

— «Что-бы ты ни увидѣла, что-бы ты ни услышала угрожающее мнѣ, не смѣй ко мнѣ оборачиваться; и если я самъ не заговорю съ тобою, не смѣй со мною заговаривать».

IV.

Такъ Геранъ и поѣхалъ съ Энитою путемъ-дорогою; притомъ же онъ не избралъ пути ровнаго и пріятнаго, а напротивъ, избралъ самый пустынный и наиболѣе лѣсной,

потому что на немъ много водилось воровъ и разбойниковъ, да попадались и ядовитые гады.

Долго ѣхали они этою дорогою, которая наконецъ привела ихъ къ густому лѣсу; а изъ того лѣсу, на встрѣчу имъ выѣхали четыре вооруженные всадника и стали между собою такъ разговаривать:

— «Вотъ представляется намъ отличный случай добыть себѣ двоихъ коней и славный доспѣхъ, да пожалуй еще и даму въ придачу...

«Вѣдь ужъ, конечно, не мудрено будетъ намъ справиться съ этимъ рыцаремъ!... Ёдетъ онъ печальный, пасмурный, ниже плечъ опустилъ голову»...

Энита, помня строгій приказъ Герана, долго не рѣшалась передать ему эти разговоры; но наконецъ не вытерпѣла и сказала;

— «Супругъ и повелитель мой! Слышалъ-ли ты, что говорятъ эти недобрые люди?»

Геранъ насупилъ брови и бросилъ на нее гнѣвный взглядъ.

— «Помни только то»,—сказалъ онъ,—«что я тебѣ приказалъ: я требую отъ тебя молчанія, а не совѣтовъ... И хоть ты, видимо, желаешь, чтобы эти негодяи меня убили, я все же нисколько ихъ не пугаюсь».

Въ то время, какъ онъ заканчивалъ эту рѣчь, старшій изъ разбойниковъ взялъ копье на перевѣсъ и помчался къ Герану, который свободно принялъ его ударъ; а затѣмъ ринулся на него, пробилъ копьемъ его щитъ и латы, и прокололъ его насквозь, и вышибъ изъ сѣдла съ такою силою, что онъ далеко откатился по землѣ... Тогда, вслѣдъ за первымъ, на Герана напалъ и второй всадникъ, а затѣмъ третій и четвертый—и всѣхъ ихъ постигла таже участь: они всѣ полегли мертвые на мѣстѣ...

Энита все это видѣла, и была печальна и задумчива; а Геранъ, покончивъ битву, спѣшилъ, собралъ оружіе и доспѣхи убитыхъ имъ разбойниковъ, подвязалъ ихъ къ сѣдламъ, а ихъ коней скрѣпилъ уздечками, и снова сѣлъ на коня.

— «Этихъ коней ты должна гнать передъ собой», — сказалъ онъ Энитѣ, — «и все время должна ѣхать молча, какъ я тебѣ приказалъ... И берегись; словечко не пророни — не то худо будетъ!»

— «Постараюсь, по возможности, выполнить твои приказанія», — грустно отвѣчала Энита.

Такъ проѣхали они лѣсъ, выѣхали на небольшую поляну, которую пересѣкала рѣчка, поросшая чащею кустовъ. Изъ-за чащи вдругъ выѣхали навстрѣчу имъ еще три всадника, съ ногъ до головы покрытые боевыми доспѣхами, точно также, какъ и кони ихъ. И Энита услышала, какъ они говорили между собою:

— «Вотъ это для насъ удачная встрѣча! Четыре коня, нагруженные четырьмя доспѣхами и оружіемъ!.. Ихъ ужъ вѣрно не трудно будетъ отбить у этого вялаго рыцаря? Да кстати захватить ужъ и эту молодую его спутницу съ собою».

Энита сдержала своего коня, и когда Геранъ подъѣхалъ къ ней, — сказала ему:

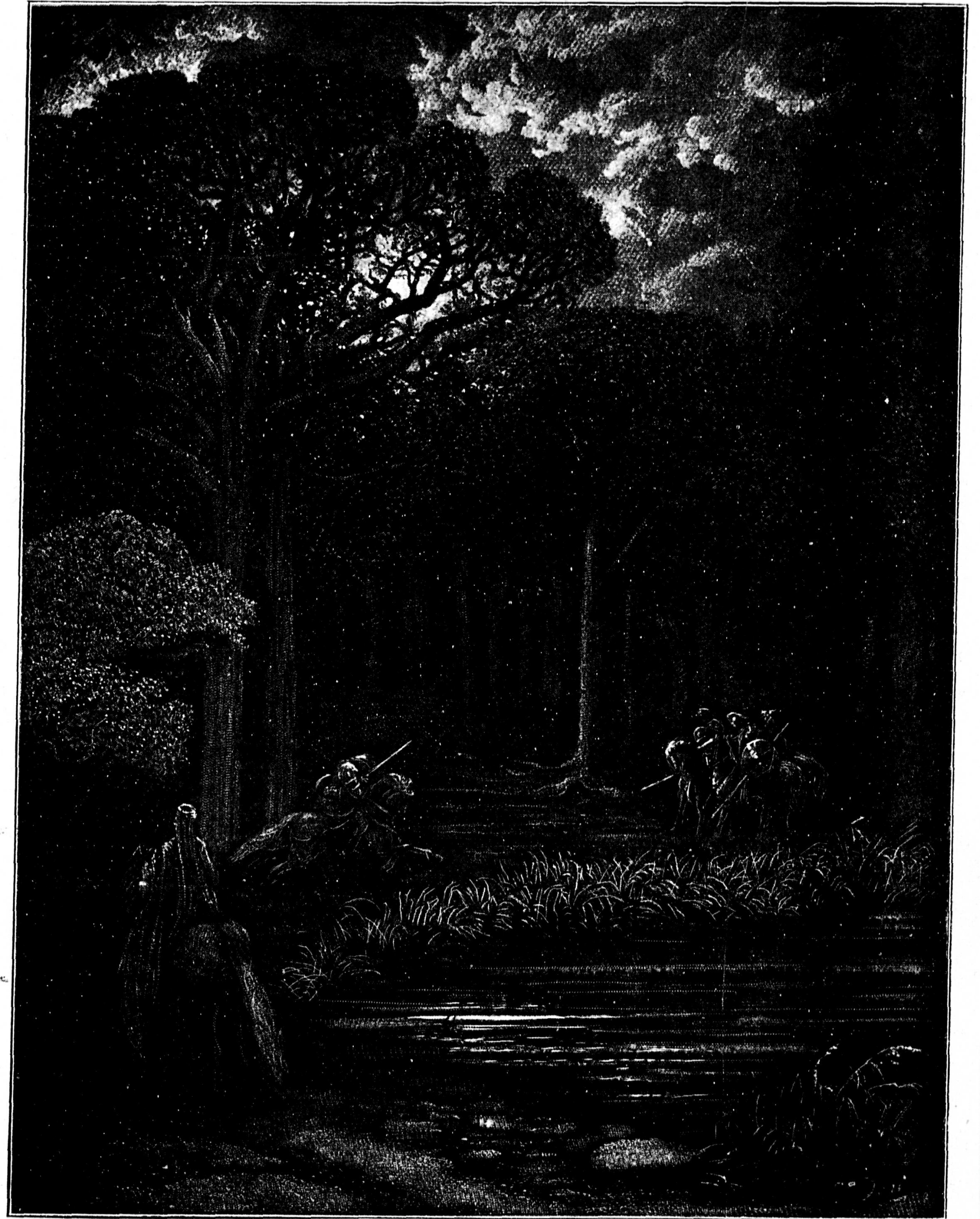
— «Слышишь-ли ты, что говорятъ о тебѣ эти недобрые люди?»

— «А чтобы такое?»

— «Да вотъ они говорятъ, что имъ не трудно будетъ отбить у тебя эту твою добычу...»

— «Клянусь небомъ!» — воскликнулъ Геранъ. — «Ихъ глупыя рѣчи не такъ мнѣ досаждаютъ, какъ твоя неумѣстная болтливость и твое упорное неповиновеніе моимъ приказаніямъ».

Какъ разъ въ это время одинъ изъ всадниковъ устремился на Герана, копьё на перевѣсъ; онъ налетѣлъ на Герана такъ свирѣпо и неистово, что думалъ покончить съ нимъ однимъ ударомъ... Но Геранъ увернулся — ударъ миновалъ его; а онъ далъ тотчасъ нападающему такой страшный отпоръ, что тотъ растянулся на землѣ мертвый. Точно также были побиты и слѣдующіе два всадника, когда рѣшились напасть на Герана.



Недобрая встрѣча Герана съ тремя всадниками.

А Энита смотрѣла на борьбу со стороны, то трепеща за жизнь и безопасность Герана, то изумлялась его неустрашимому мужеству.

И точно также, какъ послѣ первой битвы, Геранъ спѣшился, снялъ доспѣхи и оружіе съ убитыхъ имъ враговъ, связалъ коней ихъ уздечками и приказалъ Энитѣ гнать всѣ семь коней передъ собою. И снова двинулись они въ путь по прежнему: она впереди, а онъ позади ея.

Проѣхавъ чашу кустовъ, они вступили въ обширную и мрачную равнину, на краю которой чернѣлся густой, дремучій лѣсъ: — и тому лѣсу не видно было ни конца, ни края. Едва стали они подъѣзжать къ его опушкѣ, какъ оттуда, словно изъ земли выросли, явились пятеро новыхъ всадниковъ, отлично вооруженныхъ; и кони у нихъ были тоже бодрые, выхоленные и сильные, и далеко по равнинѣ разносилось ихъ ржаніе.

Когда они подѣхали на такое разстояніе, что можно было слышать ихъ слова, Энита услышала, какъ они говорили между собою:

— «Вотъ такъ добыча!.. Да и добыть то ее не мудрено! Какъ разъ отобьемъ ее у этого рыцаря, на видъ такого печальнаго и хмураго; отнимемъ у него все: и коней, и доспѣхи, и его милую подружку!»

Энита не вытерпѣла и предостерегла Герана отъ грозившаго ему нападенія. Геранъ отвѣчалъ ей на это съ горькою усмѣшкою:

— «Вижу, что ты твердо рѣшилась поступать на перекоръ всѣмъ моимъ приказаніямъ!»

И затѣмъ онъ сразился, поочередно, со всѣми этими пятью всадниками, и побилъ ихъ, одного за другимъ... Потомъ собралъ ихъ оружіе и доспѣхи подвязалъ къ сѣдламъ коней, и всѣхъ двѣнадцать коней связалъ уздечками и приказалъ Энитѣ гнать ихъ передъ собою. Энита повиновалась безпрекословно, и онъ, слѣдуя за нею, испытывалъ тяжелое страданіе отъ того, что видѣлъ жену свою въ такомъ униженномъ положеніи.

Когда они приблизились къ лѣсу, густому и обширному, ночь наступила. Геранъ рѣшился ночевать на равнинѣ, не въѣзжая въ лѣсъ. Сойдя съ коня, онъ сказалъ Энитѣ:

— «Сонъ клонитъ меня, и я чувствую страшное утомленіе... Такъ я прилягу — а ты — сторожи лошадей, и не спи...»

— «Хорошо», — отвѣчала Энита мужу.

И онъ растянулся на землѣ, въ полномъ вооруженіи; и такъ проспалъ ночь, которая, въ лѣтнюю пору, была не долгá.

V.

Когда заря занялась, Энита хотѣла разбудить Герана; но онъ проснулся самъ и даже не спросивъ ее — устала-ли она, проведя ночь безъ сна, сказалъ ей сухо:

— «Собери своихъ коней, и ступай прямой дорогой, по вчерашнему».

И вскорѣ они проѣхали лѣсъ, и выѣхали на открытую поляну, на которой, мѣстами, поселяне заняты были уборкою сѣна. Среди поляны протекала рѣчка, къ которой они спустились, чтобы напоить своихъ коней.

Перебравшись въ бродъ черезъ рѣчку, наши странники стали взбираться на ея противоположный, крутой берегъ и повстрѣчали юношу, который несъ корзину за плечами, а въ рукѣ держалъ небольшую кружку и сосудъ для питья.

Юноша поклонился Герану и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Разказавъ Герану, что онъ идетъ изъ города; юноша и его сталъ спрашивать, откуда онъ путь держитъ?

— «А вонъ изъ того лѣса», — сказалъ Геранъ въ отвѣтъ. — «Мы въ немъ и ночевали»...

— «Ну такъ я готовъ поручиться, что ты не очень спокойно ночь провелъ, да пожалуй еще и спать-то легъ безъ ужина?»

— «Совершенно вѣрно», — сказалъ Геранъ.

— «Такъ не пожелаешь-ли ты чего-нибудь покушать?»—сказалъ юноша.

— «А что у тебя есть съ собою?»—спросилъ Геранъ.

— «Хлѣбъ, мясо и вино; я несъ это на завтракъ косцамъ; но если ты пожелаешь, я могу предложить эти припасы тебѣ».

— «Спасибо!» — сказалъ Геранъ — «принимаю твоё предложеніе съ удовольствіемъ».

И вотъ Геранъ сошелъ съ коня, а юноша помогъ Эниту спѣшиться и они, вымывъ руки, принялись за предложенныя имъ хлѣбъ, мясо и вино. А юноша разрѣзалъ хлѣбъ, подавалъ имъ вино и прислуживалъ имъ во время ѣды.

Когда супруги насытились, юноша сказалъ Герану:

— «Теперь, съ твоего разрѣшенія, я пойду домой и принесу оттуда завтракъ косцамъ».

— Нѣтъ, прежде сходи въ городъ»,—сказалъ Геранъ,— «прикажи приготовить для меня помѣщеніе въ лучшемъ кварталѣ и чтобы тамъ же была удобная конюшня для помѣщенія моихъ коней. А въ награду за оказанную тобою услугу выбирай себѣ любого изъ этихъ коней и лучший изъ этихъ dospѣховъ».

— «Благодарю»,—сказалъ юноша,—«моя услуга совершенно ничтожна по сравненію съ такой щедрой наградой».

И вотъ онъ отправился въ городъ и нашелъ самую лучшую и самую веселую квартиру для Герана; а послѣ того пошелъ въ городской замокъ, показалъ тамъ полученные отъ Герана коня и dospѣхи, и явился къ самому графу и рассказалъ все, что съ нимъ случилось, а въ заключеніе рѣчи сказалъ:

— «Теперь я пойду и провожу молодого рыцаря на его квартиру».

— «Ступай, и скажи ему, что я бы весьма охотно пріютилъ его у себя въ замкѣ»,—сказалъ графъ.

Юноша передалъ объ этомъ Герану; но тотъ предпочелъ остановиться у себя на квартирѣ, которую нашелъ прекрасною, а конюшню при ней—весьма удобною и обильно

снабженною кормомъ, для его коней, о которыхъ позаботился тотъ же юноша.

Когда Геранъ и Энита переодѣлись и оправились отъ дороги, Геранъ сказалъ ей:

— «Ты помѣстишься въ смежной комнатѣ, и пусть тебѣ тамъ прислуживаютъ женщины; но не переступай порогъ моей комнаты безъ моего разрѣшенія».

— «Исполню твоё приказаніе»,—сказала она и удалилась въ свою комнату.

Затѣмъ, они легли отдохнуть отъ своего переѣзда, и юноша ушелъ отъ нихъ въ замокъ, пообѣщавъ вернуться вечеромъ, чтобы служить имъ за столомъ. Отъ юноши графъ узналъ, гдѣ именно помѣстился Геранъ со своею спутницей, и когда тотъ, подъ вечеръ, собрался уйти изъ замка, графъ сказалъ:

— «Кланяйся рыцарю и скажи ему, что я пріѣду его навѣстить сегодня вечеромъ».

И дѣйствительно явился въ гости къ Герану, въ сопровожденіи двѣнадцати главныхъ своихъ рыцарей, и Геранъ встрѣтилъ ихъ съ большимъ почетомъ; когда всѣ усѣлись, занявъ мѣста, сообразно своему достоинству, графъ вступилъ въ бесѣду съ Гераномъ и спросилъ его о цѣли его путешествія.

— «Я странствую безъ всякой цѣли»,—отвѣчалъ Геранъ,—«я ищу приключеній и слѣдную своей прихоти».

Во время этой бесѣды, графъ бросилъ взглядъ въ сторону Эниты, и долго, внимательно въ нее вглядывался—и онъ не могъ не сознаться себѣ самому, что никогда не случалось ему видѣть женщину, которая была бы красивѣе и привлекательнѣе Эниты. Крѣпко она ему понравилась и онъ просилъ у Герана позволенія—поговорить наединѣ съ его спутницей.

— «Сдѣлай одолженіе»,—сказалъ Геранъ.

И вотъ графъ обратился къ Эниту:

— «Красавица, не думаю, чтобы ты могла находить особенное удовольствіе въ странствованіяхъ съ этимъ рыцаремъ?»

— «Нѣтъ, я съ удовольствіемъ и по собственному желанію участвую въ его странствованіяхъ»,—отвѣчала Энита.

— «Но вѣдь у тебя нѣтъ для услугъ ни пажа, ни даже служанки!»

— «Такъ что-же?»—сказала Энита.—«Я предпочитаю сама служить этому рыцарю; а пажа и служанки мнѣ вовсе не нужны».

— «Послушай-же меня, красавица!»—сказалъ графъ—«я отдамъ тебѣ все мое графство—лишь бы ты осталась жить со мною!»

— «Ни за что на свѣтѣ! Этого человѣка я перваго полюбила и останусь ему вѣрна!»—воскликнула Энита.

— «Ты разсуждаешь весьма неблагоразумно»,—замѣтилъ Энитѣ графъ.—«Если я убью твоего рыцаря, и ты мнѣ достанешься въ добычу, ты будешь моею полною рабыней; а если ты перейдешь отъ него ко мнѣ по доброй волѣ, тогда я клянусь тебѣ, что ты будешь повелѣвать мною».

Энита сообразила по этимъ словамъ графа, что онъ затѣваетъ недоброе, и потому рѣшилась подать ему нѣкоторую надежду на возможность выполненія его замысла.

— «Я согласна»,—шепнула она графу—«но ты долженъ обещать мою честь... Пріѣзжай завтра утромъ со своими рыцарями и похити меня силою»...

— «Пусть будетъ такъ, какъ ты желаешь!»—сказалъ графъ; а затѣмъ распрощался и вышелъ со всею своею свитою.

Энита не сказала Герану ни слова о своей бесѣдѣ съ коварнымъ графомъ, опасаясь разгнѣвать и растревожить мужа.

Геранъ легъ спать въ обычное время и тотчасъ заснулъ; а Энита собрала и приготовила всѣ части его вооруженія, приготовила и оружіе мужа—чтобы все было подъ рукою; затѣмъ пошла въ его опочивальню уже послѣ полуночи, и стала будить его, тихонько нашептывая ему на ухо:

— «Вставай, господинъ и повелитель мой, и выслушай то, что говорилъ мнѣ графъ... Вотъ каковы намѣренія его по отношенію ко мнѣ»...

И все отъ слова до слова передала Герану. На этотъ разъ мужъ выслушалъ ее терпѣливо и, не прерывая, приказалъ засвѣтить огонь и сталъ одѣваться. Затѣмъ онъ позвалъ къ себѣ хозяина квартиры.

— «Сколько я тебѣ долженъ?»—спросилъ онъ его.

— «Самые пустяки».

— «Ну, такъ возьми себѣ всѣ одиннадцать лошадей и одиннадцать доспѣховъ».

— «Спасибо, сударь! Да только дозвожь тебѣ замѣтить, что твои издержки не равняются по цѣнности даже и цѣнѣ одного доспѣха»...

— «Тѣмъ лучше для тебя»,—сказалъ Геранъ.—«Но за то и попрошу тебя проводить меня до выѣзда изъ города».

— «Съ удовольствіемъ»,—сказалъ хозяинъ,—и проводилъ своихъ гостей на дорогу. Тамъ Геранъ приказалъ Энитѣ, по-прежнему, ѣхать впередъ, а самъ поѣхалъ на значительномъ разстояніи позади ея.

Когда же хозяинъ вернулся съ проводовъ домой, онъ услышалъ на улицѣ шумъ и топотъ многихъ коней; выглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ, что восемьдесятъ рыцарей, вооруженные съ головы до ногъ, окружили его домъ, охвативъ его словно желѣзнымъ кольцомъ. Самъ графъ, во главѣ ихъ, спѣшно дѣлалъ распоряженія и отдавалъ приказанія.

— «Гдѣ рыцарь, твой постоялецъ?»—спросилъ графъ у хозяина.

— «Уѣхалъ очень недавно».

— «Какъ же ты смѣлъ, негодяй, отпустить его, не извѣстивъ меня о его отъѣздѣ?»

— «Ты, государь, мнѣ объ этомъ ничего не наказывалъ—а то я, конечно, исполнилъ бы твою волю».

— «А по какой дорогѣ они поѣхали?»

— «По большой».

И вотъ графъ со своими рыцарями помчался на большую дорогу; тамъ увидѣли они слѣды двоихъ коней, и пустились за ними въ погоню.

На восходѣ солнца, Энита, оглянувшись назадъ, увидѣла громадное облако пыли, приближавшееся къ нимъ по дорогѣ. Это ее растревожило, и она была уже увѣрена въ томъ, что это, вѣроятно, къ нимъ приближается погоня:— и точно, вскорѣ, среди облака пыли, заблестѣли рыцарскіе шлемы и доспѣхи.

— «Нѣтъ! Ужъ чтобы тамъ со мною не случилось, а все же я должна предупредить мужа объ опасности», — подумала Энита, и сказала, обращаясь къ Герану:

— «Государь мой, видишь-ли ты этого рыцаря, который мчится вслѣдъ за тобою, съ толпою другихъ вооруженныхъ людей?»

— «Вижу», — отвѣчалъ Геранъ, — «но вижу тоже и то, что ты упорствуешь въ своемъ неповиновеніи моимъ приказаніямъ и не можешь удержать языка за зубами!»

И, произнеся эти слова, онъ быстро повернулъ коня и съ перваго же удара поразилъ на смерть того рыцаря, который на него налетѣлъ. И точно также, одного за другимъ, онъ поразилъ всѣхъ рыцарей графа, отъ самаго слабаго до самаго сильнаго. Графъ напалъ на него послѣдній — сломалъ о его щитъ одно копье, потомъ другое; а Геранъ, изловчившись, нанесъ ему такой страшный ударъ копьемъ, что разбилъ въ дребезги его щитъ и латы, и вышвырнулъ его замертво изъ сѣдла.

Графъ очнулся только тогда, когда Геранъ подѣхалъ къ нему, чтобы его прикончить; онъ открылъ глаза и запросилъ пощады.

Геранъ великодушно пощадилъ его и, отвернувшись отъ побитыхъ имъ и изуродованныхъ враговъ, спокойно продолжалъ свой путь, по-прежнему:— Энита ѣхала впереди, а мужъ ея сзади, на значительномъ разстояніи.

VI.

Вскорѣ они выѣхали на одну изъ прекраснѣйшихъ долинъ, какія имъ когда либо случалось видѣть. Рѣчка пробѣгала вдоль этой равнины, черезъ рѣчку былъ перекинутъ мостъ, а за мостомъ, на противоположномъ берегу, высился укрѣпленный городъ, обширный и красивый. Подѣзжая къ мосту, Геранъ повстрѣчалъ рыцаря на высокомъ и статномъ конѣ и, обмѣнявшись съ нимъ поклономъ, спросилъ:

— «Откуда ты ѣдешь, рыцарь?»

— «Ѣду изъ этой долины, которую ты видишь».

— «А не можешь-ли ты мнѣ сказать, кому принадлежитъ эта долина, и кто владѣетъ этимъ крѣпкимъ городомъ?»

— «Конечно, могу. Владѣетъ всѣмъ этимъ Гифферъ-Малый, иначе называемый Маленькимъ Королькомъ».

— «Могу ли я переѣхать черезъ этотъ мостъ», — спросилъ Геранъ, — «и миновать городъ, направившись по большой дорогѣ, которая проходитъ подъ его стѣнами?»

Рыцарь покачалъ головой и отвѣчалъ:

— «Если ты переѣдешь мостъ и вздумаешь проѣхать мимо той башни, которая ближе всего подходитъ къ мосту — ты долженъ будешь вступить въ битву съ Маленькимъ Королькомъ, который имѣетъ обыкновеніе нападать на каждаго рыцаря, проѣзжающаго черезъ его владѣнія».

— «Клянусь Богомъ!» — воскликнулъ Геранъ, — «онъ этимъ меня не напугаетъ, и я все же поѣду своею дорогой».

— «Смотри, не поплатись за твою излишнюю смѣлость и самонадѣянность».

Геранъ поѣхалъ своимъ путемъ, какъ и предполагалъ, и только миновалъ башню и сталъ взбираться на прибрежную кручу, какъ услышалъ позади себя топотъ коня. Обернувшись, онъ увидѣлъ высокаго, сильнаго, грудастаго

коня, въ полномъ вооруженіи, а на томъ конѣ — рыцаря очень маленькаго роста, въ полномъ рыцарскомъ доспѣхѣ.

Подѣхавъ къ Герану, онъ сказалъ ему:

— «По незнанію-ли, рыцарь, или по высокому брѣю своему ты нанесъ мнѣ оскорбленіе, нарушивъ установленный мною обычай?»

— «Я не слыхивалъ о томъ», — сказалъ Геранъ, — «чтобы проѣздить по этой дорогѣ былъ воспрещенъ путникамъ».

— «Ты это зналъ! И потому ты долженъ явиться ко мнѣ на судъ и дать мнѣ удовлетвореніе!»

— «Не только не явлюсь на твой судъ, но даже на судъ твоего сюзерена *)» — развѣ только въ томъ случаѣ еслибы сюзереномъ твоимъ былъ самъ король Артуръ».

— «Клянусь правою рукою Артура!» — воскликнулъ Маленькій Королекъ: — «ты или дашь мнѣ удовлетвореніе, или побьешь меня!»

И они тотчасъ же сразились... Оруженосецъ Королька подавалъ ему столько копій, сколько тотъ ломалъ о щитъ Герана, и бились они долго и упорно. Герану было особенно трудно наносить удары Корольку, который былъ такъ малъ ростомъ, что почти укрывался за своимъ щитомъ... Наконецъ, истомленные кони пали на колѣни, и Геранъ, привставъ на стременахъ, вышибъ Королька изъ сѣдла. Но тотъ и пѣшій продолжалъ биться и бился съ Гераномъ настолько жестоко, что ихъ латы были избиты и шлемы изрублены, и въ глазахъ у нихъ потемнѣло отъ пота и крови, которыя обильно текли по лицамъ ихъ... Наконецъ, Геранъ, собравшись со всею силою, нанесъ страшный ударъ Корольку — разрубилъ и шлемъ его, и кожу на щекѣ до кости, а мечъ его вышибъ у него изъ рукъ, такъ что онъ отлетѣлъ отъ него на нѣсколько десятковъ шаговъ... Только тогда Королекъ сталъ молить о пощадѣ.

*) Сюзереномъ назывался тотъ владѣтельный графъ, князь или король, который раздавалъ свои земли въ лѣнъ (во владѣніе) рыцарямъ и баронамъ. Эти лѣнные владѣльцы по отношенію къ нему, назывались вассалами.

— «Хотя ты былъ по отношенію ко мнѣ и грубъ, и несправедливъ, я тебѣ дамъ пощаду», — сказалъ Геранъ, — «но только съ тѣмъ уговоромъ, что ты отнынѣ будешь моимъ товарищемъ по оружію — поклянешься никогда болѣе со мною не биться, и, напротивъ того, поспѣшить ко мнѣ на помощь всякій разъ, когда ты узнаешь, что мнѣ угрожаетъ опасность».

— «Съ радостью соглашаюсь на это!» — воскликнулъ Королекъ, и поклялся ему въ исполненіи уговора. — «А теперь», добавилъ онъ, «поѣдемъ ко мнѣ въ замокъ, и ты тамъ отдохнешь отъ трудовъ и утомленія пути».

— «Нѣтъ, не могу къ тебѣ ѣхать» — отвѣчалъ Геранъ.

Только тутъ Королекъ замѣтилъ Эниту, стоявшую въ сторонѣ, и ему стало жаль этой молодой женщины, которая подвергалась столькимъ опасностямъ. И онъ еще разъ сказалъ Герану:

— «Государь мой, напрасно ты отказываешься отъ предлагаемаго тебѣ отдыха и покоя; вѣдь если ты теперь, въ томъ состояніи, въ какомъ находишься, встрѣтишь на пути своемъ какое нибудь препятствіе — тебѣ не легко будетъ его преодолѣть!»

Но Геранъ не захотѣлъ слушать его совѣтовъ, и рѣшился продолжать свой путь; истомленный битвою, окровавленный, онъ все же сѣлъ на коня и по-прежнему двинулся далѣе, тою-же дорогою: — Энита ѣхала далеко впереди его, а онъ слѣдовалъ за нею на нѣкоторомъ разстояніи, опустивъ голову и не обмѣниваясь съ нею ни единымъ словомъ.

VII.

Время приближалось къ полудню. Латы Герана, омоченныя его потомъ и кровью, льнули къ его тѣлу, и когда онъ въѣхалъ въ ближній лѣсъ, то вынужденъ былъ сойти съ коня, чтобы укрыться подъ деревомъ отъ паля-

шихъ лучей солнца: — раны его давали себя чувствовать и болѣли теперь гораздо болѣе, нежели въ то время, когда онѣ были ему нанесены. Энита также сошла съ коня и сѣла подъ другимъ деревомъ.

И вотъ вдругъ раздался звукъ роговъ, а затѣмъ послышался лязгъ оружія и доспѣховъ: то Артуръ со своею свитою рыцарей вступалъ въ лѣсъ. Одинъ изъ слугъ Артура замѣтилъ Герана и донесъ объ этомъ Каю, домоправителю короля.

Кай тотчасъ приказалъ осѣдлатъ себѣ коня, взялъ въ руки копье и щитъ и направился къ тому мѣсту, гдѣ Геранъ отдыхалъ.

— «Рыцарь!» — такъ обратился къ нему Кай — «что ты тутъ дѣлаешь?»

— «Укрываюсь отъ солнца подъ этимъ деревомъ».

— «Съ какою цѣлью ты странствуешь, и кто ты таковъ?»

— «Ищу приключеній, и ѣду куда глаза глядятъ».

— «Коли такъ», — сказалъ Кай, — «то пойдемъ къ Артуру, который отсюда не далеко»...

— «Не пойду!» — отвѣчалъ Геранъ.

— «Не пойдешь доброй волею, такъ вынудятъ тебя силою!» — крикнулъ Кай.

Тутъ Геранъ узналъ Кая; но Кай не узналъ Герана, и устремился на него съ оружіемъ въ рукахъ; и Геранъ тоже разсердился, и ударилъ Кая тупымъ концомъ копья такъ сильно, что тотъ полетѣлъ съ коня...

Кай поднялся съ земли, ошеломленный и ушибленный, вскочилъ въ сѣдло, и поспѣшилъ въ свою палатку; затѣмъ онъ поспѣшилъ въ палатку Гвальмая, и сказалъ:

— «Одинъ изъ слугъ моихъ донесъ мнѣ, что видѣлъ въ лѣсу раненаго рыцаря, въ разбитомъ доспѣхѣ. Съѣзди-бы ты, да посмотри-бы»...

— «Отчего же не съѣздить?» — отозвался Гвальмай.

— «Такъ не забудь надѣть доспѣхи и взять съ собою оружіе... Мнѣ сказывали, что онъ не слишкомъ вѣжливо встрѣчаетъ тѣхъ, кто къ нему приходитъ»...

Гвальмай вооружился, сѣлъ на коня, взялъ щитъ на руку, и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ Геранъ отдыхалъ.

— «Рыцарь», — сказалъ онъ, — «съ какою цѣлью ты странствуешь?»

— «По своимъ дѣламъ, и потому еще, что ищу приключеній».

— «Не желаешь-ли ты мнѣ сказать, кто ты таковъ, или же ты желаешь сходить на поклонъ къ королю Артуру, который близѣхонько отсюда раскинулъ свой станъ?»

— «Не желаю ни съ тобою дружбы водить, ни къ королю Артуру на поклонъ идти», — отвѣчалъ Геранъ.

И тутъ только узналъ Гвальмая, но Гвальмай не узналъ его.

— «Не отстану отъ тебя, пока не узнаю, кто ты таковъ!» — сказалъ Гвальмай.

И они вступили въ битву... И Гвальмай такъ сильно ударилъ копьемъ въ щитъ Герана, что щитъ разлетѣлся въ дребезги; а такъ какъ въ это время они съѣхались очень близко, Гвальмай, внимательно всматриваясь въ Герана, узналъ его.

— «Ахъ, Геранъ! Да неужели это ты?»

— «Я не Геранъ», — отвѣчалъ упрямый рыцарь.

— «Да Геранъ-же! Клянусь Богомъ!» — воскликнулъ Гвальмай — «и не стыдно-ли намъ, двоимъ безумцамъ, вступать въ ожесточенную битву!»...

Тутъ онъ замѣтилъ и Эниту въ сторонѣ, любезно ей поклонился, и опять сказалъ рыцарю:

— «Геранъ, пойдемъ къ Артуру! Вѣдь онъ и сюзерень твой и родственникъ».

— «Не могу», — отвѣчалъ Геранъ — «я не такъ одѣтъ, чтобы ходить по гостямъ».

Тутъ подошелъ къ Гвальмаю юноша, и сталъ съ нимъ говорить, а Гвальмай черезъ него передалъ Артуру вѣсть о Геранѣ — приказалъ сказать, что онъ тутъ лежитъ израненный и что на него жалко посмотреть. Все это онъ

успѣлъ передать черезъ юношу такъ, что Геранъ ничего не слышалъ и не замѣтилъ.

— «Попроси Артура», — сказалъ между прочимъ Гвальмай, — «чтобы онъ перенесъ свою палатку сюда поближе... Герана теперь не уговоришь пойти къ королю, такъ пусть король самъ его посѣтитъ».

Юноша передалъ все это Артуру, и тотъ велѣлъ перенести свою палатку какъ разъ къ самой дорогѣ; а Гвальмай, къ великой радости Эниту, успѣлъ такъ устроить, что Геранъ и Артуръ встрѣтились у дороги.

— «Государь!» — сказалъ Геранъ, — «кланяюсь тебѣ!»

— «Богъ тебѣ въ помочь! Но кто ты таковъ — я не знаю», — сказалъ Артуръ.

— «Да это Геранъ», — сказалъ Гвальмай, — «онъ не хотѣлъ къ тебѣ идти»...

— «Геранъ?» — переспросилъ Артуръ. — «Да что-же онъ — въ умѣ рехнулся что-ли?»

Въ это время подъѣхала и Энита, и Артуръ привѣтствовалъ ее ласково, и одному изъ своихъ приближенныхъ приказалъ помочь ей сойти съ коня.

— «Энита!» — сказалъ затѣмъ Артуръ — «что за странную поѣздку вы съ мужемъ предприняли?»

— «Не знаю», — отвѣчала Энита. — «Я только слѣдую за нимъ, всюду, куда ему вздумается идти...»

— «Государь!» — заговорилъ въ это время Геранъ, — «съ твоего разрѣшенія, мы сейчасъ пустимся въ дальнѣйшій путь».

— «Куда же ты поѣдешь?» — сказалъ Артуръ, — «теперь ты не можешь ѣхать далѣе, не подвергая жизнь свою опасности».

— «Да, вотъ онъ не хочетъ слушать моихъ совѣтовъ!» — сказалъ Гвальмай съ горечью.

— «Но долженъ будетъ послушать моихъ», — спокойно рѣшилъ Артуръ — «и не уѣдетъ отъ насъ, пока не вылѣчится».

— «Отпустите вы меня!» — настаивалъ по-прежнему Геранъ».

— «Нѣтъ! Ни за-что!» — воскликнулъ король. И тотчасъ же приказалъ одной изъ женщинъ отвести Эниту въ палатку Гвенниваръ; и Гвенниваръ ей обрадовалась, и всѣ ея приближенные встрѣтили Эниту съ распростертыми объятіями — и сняли съ нея ея дорожную одежду, и дали ей другое платье на смѣну.

Артуръ же велѣлъ немедленно раскинуть для Герана особую палатку и позвать къ нему своего придворнаго медика, Морганъ-Гуда, съ помощниками.

Такъ Артуръ со свитою около мѣсяца прожили въ этихъ мѣстахъ, выжидая того времени, когда Геранъ выздоровѣетъ; когда онъ почувствовалъ себя исцѣленнымъ, онъ явился къ Артуру и сталъ проситься въ отъѣздъ.

— «Да вполнѣ-ли ты излѣчился отъ ранъ?» — спросилъ его Артуръ.

— «Вполнѣ, государь!» — отвѣчалъ Геранъ.

— «Не тебѣ объ этомъ судить, а медикамъ!» — сказалъ Артуръ и спросилъ о здоровьѣ Герана у своего придворнаго врача.

— «Да! онъ теперь здоровъ», — сказалъ Морганъ-Гудъ, Тогда Артуръ разрѣшилъ Герану отправиться въ путь, и Геранъ тотчасъ уѣхалъ съ Энитой въ дальнѣйшія странствованія; и въ тотъ же день Артуръ приказалъ убрать палатки и отправился домой, въ свою столицу.

VIII.

Опять пустились супруги въ путь-дорогу, и ѣхали точно также, какъ и прежде: Энита впереди, а Геранъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, позади. И въ то время, когда они такимъ образомъ подвигались впередъ по дорогѣ, гдѣ-то въ сторонѣ слышались громкіе, пронзительные вопли.

— «Подожди меня здѣсь», — сказалъ Геранъ Энитѣ, — «я поѣду посмотрѣть, кто это такъ стонетъ?»

— «Изволь, я подожду тебя», — отвѣчала Энита. Геранъ направился въ сторону небольшой прогалины, расположенной близъ дороги; на той прогалинѣ онъ увидѣлъ двухъ коней, изъ которыхъ одинъ былъ осѣдланъ мужскимъ сѣдломъ, а другой — дамскимъ; около этихъ коней лежалъ на землѣ убитый рыцарь, въ полномъ вооруженіи, а надъ нимъ убивалась молодая женщина, и раздирающіе вопли ея разносились по всему лѣсу.

— «Сударыня», — спросилъ ее Геранъ, — «дозволь спросить, что съ тобою случилось?»

— «Я странствовала съ моимъ милымъ супругомъ, и вдругъ на насъ напали три великана и безъ всякой причины убили моего мужа».

— «А куда они направились отсюда?» — спросилъ Геранъ.

— «Они пошли въ ту сторону по большой дорогѣ». Тогда Геранъ вернулся къ Энитѣ и сказалъ ей:

— «Ступай къ той дамѣ, что тамъ плачетъ надъ своимъ убитымъ мужемъ и ожидай моего возвращенія».

Это приказаніе мужа очень опечалило Эниту; однако же она повиновалась ему и осталась при дамѣ, оплакивавшей супруга, и слушая ея вопли все думала, что ей никогда не прійдется увидѣть своего дорогого Герана.

А Геранъ между тѣмъ гнался за великанами и нагналъ ихъ, и увидѣлъ, что каждый изъ нихъ былъ втрое болѣе обыкновеннаго человѣка, и каждый несъ на плечѣ огромную дубину. Онъ напалъ на одного изъ нихъ и пронзилъ его копьемъ своимъ; тѣмъ же копьемъ, еще дымившимся кровью перваго великана, онъ пронзилъ и второго; но третій избѣгъ его удара и успѣлъ нанести ему страшный ударъ своею тяжелою палицею... Онъ разбилъ его щитъ и разшибъ ему плечо; а при этомъ и раны его открылись, и кровь хлынула изъ нихъ струей... Однакоже Геранъ не смутился: бросился на великана съ ме-

чемъ въ рукахъ, и страшнымъ, неотразимымъ ударомъ разрубилъ ему голову и шею по самыя плечи — и великанъ рухнулъ на землю безъ признаковъ жизни.

Покинувъ на томъ мѣстѣ трупы убитыхъ имъ великановъ, Геранъ вернулся къ Энитѣ; но, подѣхавъ къ ней, онъ лишился чувствъ и упалъ съ коня замертво. Энита страшно вскрикнула, бросилась къ нему и припала къ нему на грудь.

Около того времени, владѣтель Лимурскій проѣзжалъ мимо, по дорогѣ, со своею свитою, и, услышавъ вопли женщинъ, свернулъ съ дороги въ прогалину.

— «Какая бѣда тебя постигла?» — спросилъ онъ у Эниты.

— «О, дорогой господинъ мой», — отвѣчала она, — «единственный человѣкъ, котораго я любила въ жизни своей такъ, какъ никогда уже никого любить не буду — и тотъ умеръ, умеръ!»

— «А у тебя какая печаль?» — обратился онъ съ вопросомъ къ другой дамѣ.

— «Тѣ же великаны убили и моего мужа».

— «А кто же ихъ то убилъ?»

— «Должно быть этотъ рыцарь, который послѣ битвы съ ними вернулся сюда, истекая кровью».

Владѣтель Лимурскій приказалъ похоронить мертваго; предполагая однако же, что Геранъ еще не умеръ и что его можно будетъ возвратитъ къ жизни, онъ велѣлъ положить его на щитъ и на носилкахъ отнести въ замокъ.

Обѣ дамы туда же направились, и когда прибыли въ замокъ, Геранъ былъ положенъ на возвышенномъ ложѣ, какъ покойникъ, въ томъ же залѣ, гдѣ всѣ собирались садиться за столъ и обѣдать. Передъ обѣдомъ всѣ передѣлись, и владѣтель Лимурскій предложилъ и Энитѣ переменить ея дорожное платье.

— «Нѣтъ, я останусь въ томъ же платьѣ», — отвѣчала она.

— «Охота тебѣ, сударыня, такъ печалиться!»

— «Удивляюсь тому, что ты рѣшаешься мнѣ это сказать!» — отвѣчала Энита.

— «Я постараюсь заставить тебя забыть твоего рыцаря... У меня владѣніе богатое и обширное — и я тебѣ его предлагаю вмѣстѣ съ моею рукою... Будь же отнынѣ и счастлива, и весела!»

— «Призываю Бога въ свидѣтели того, что я не буду болѣе счастлива, никогда, никогда!» — съ отчаяньемъ проговорила Энита.

— «Ну, все же — присядь съ нами за столъ...»

— «Нѣтъ, клянусь небомъ, что не могу сѣсть съ вами за столъ...»

— «А я готовъ поклясться, что сядешь!»

И онъ силою посадилъ ее за столъ, и долго уговаривалъ приняться за кушанья.

— «Нѣтъ», — отвѣчала Энита, — «я только тогда приму пищу, когда ее раздѣлитъ со мною тотъ, кто теперь лежитъ передъ нами бездыханный!»

— «Тебѣ не сдержать будетъ этой клятвы», — сказалъ владѣтель Лимурскій. — «Вѣдь ты же видишь, что этотъ человѣкъ мертвъ!»

— «Я не отступлюсь отъ своей клятвы!» — сказала Энита.

Тогда онъ поднесъ ей кубокъ, полный вина.

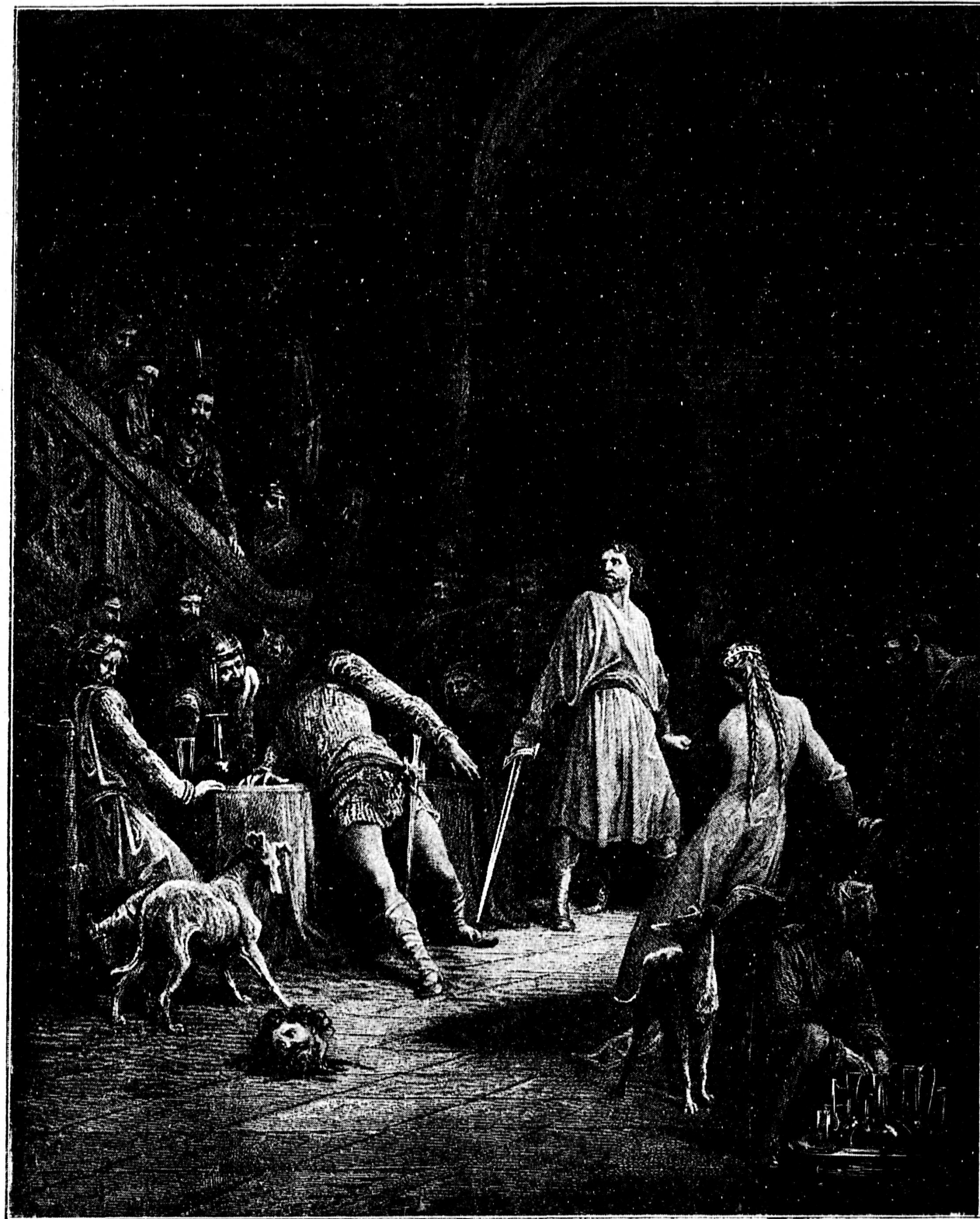
— «Испей этого вина», — сказалъ онъ, — «оно облегчитъ тебѣ сердце».

— «Да будетъ мнѣ стыдно, если я отвѣдаю этотъ кубокъ, котораго не могу раздѣлить съ моимъ господиномъ!»

— «Вижу, что ты не заслуживаешь ласковаго и снисходительнаго обращенія съ тобою», — гнѣвно проговорилъ владѣтель Лимурскій. — «Такъ я съумѣю обуздать тебя строгостью...»

И онъ ударилъ Эниту по лицу. Она громко и пронзительно вскрикнула, и проговорила:

— «О, горе мнѣ! Горе! Если бы живъ былъ мой дорогой супругъ, ты бы не посмѣлъ и подумать оскорбить меня!»



Геранъ очнулся и нанесъ страшный ударъ.

И вдругъ, при этомъ крикѣ Эниту, Геранъ, лежавшій въ глубокомъ обморокѣ, очнулся, поднялся и всталъ со своего ложа. Онъ нащупалъ рукою свой мечъ въ ногахъ щита, на который онъ былъ положенъ, бросился на владѣтеля Лимурскаго, и нанесъ ему по головѣ такой ужасный, такой сокрушительный ударъ, что разрубилъ ему и голову, и шею, и грудь на-двое... Мечъ даже врубился лезвиемъ въ край стола. Всѣ сидѣвшіе за столомъ, вообразивъ себѣ, что покойникъ поднялся со своего смертнаго одра, чтобы отмстить за оскорбленіе, нанесенное его женѣ—вскочили со своихъ мѣстъ и бросились бѣжать вразсыпную.

Тутъ Геранъ взглянулъ на Эниту, и почувствовалъ вдвойнѣ угрызеніе совѣсти: съ одной стороны, онъ замѣтилъ, что Энита и поблѣднѣла, и похудѣла за послѣднее время; а съ другой—убѣдился въ томъ, что его подозрѣніе было совершенно несправедливо.

— «Не знаешь-ли ты», — спросилъ онъ ее ласково, — «гдѣ поставлены наши кони?»

— «Знаю, что твой конь здѣсь, въ конюшнѣ; но рѣшительно не знаю, что случилось съ моимъ конемъ».

Онъ пошелъ въ конюшню, вывелъ оттуда своего коня, вскочилъ въ сѣдло; а затѣмъ, взявъ Эниту на руки, посадилъ ее къ себѣ на колѣни—и съѣхалъ съ нею со двора Лимурскаго замка.

IX.

Дорога, по которой Геранъ ѣхалъ съ Энитой, была окаймлена живою изгородью... Они ѣхали, а ночь между тѣмъ наступала... И вдругъ позади ихъ заблистали копья, и до слуха ихъ долетѣлъ топотъ коней и бряцанье оружія.

— «Я слышу приближеніе вооруженнаго отряда», — сказалъ Геранъ Энитѣ, — «я укрою тебя за этою изгородью».

Такъ онъ и сдѣлалъ. И тотчасъ послѣ того какой то всадникъ, держа копье на-перевѣсъ, помчался ему на встрѣчу. Когда Энита это увидѣла, то воскликнула:

— «О! Кто бы ты ни былъ, рыцарь, неужели ты не видишь, что нападаешь на человѣка полумертваго!.. Какая тебѣ будетъ слава, если ты его убьешь?»

— «Ахъ, Боже мой! Да это Геранъ!» — воскликнулъ рыцарь.

— «Ну, конечно!» — сказала Энита. — «А ты то кто же?»

— «Я Маленькій Королекъ и прихожу къ вамъ на помощь, потому что услыхалъ объ угрожающей вамъ опасности. Вотъ видишь-ли, Геранъ, что если бы ты послѣдовалъ моему совѣту, тебѣ не пришлось бы испытать всѣхъ этихъ неприятныхъ случайностей.

— «Совѣтъ совѣтомъ», — отвѣчалъ Геранъ — «однако же ничто не случается безъ попущенія Божія».

— «Ну, нѣтъ, теперь, по крайней мѣрѣ послушайся меня: поѣдемъ вмѣстѣ въ замокъ зятя моей сестры, неподалеку отсюда, и тамъ тебѣ подадутъ всякую необходимую тебѣ помощь, такъ какъ тамъ лучшіе медики во всемъ королевствѣ».

— «Охотно соглашаюсь», — сказалъ Геранъ.

И вотъ, для Эниту поданъ былъ конь одного изъ оруженосцевъ Королька, и всѣ вмѣстѣ отправились къ замку барона. И Геранъ съ женою были тамъ приняты весьма радушно, и имъ оказано было самое широкое гостепріимство. На утро послали за медиками, которые явились тотчасъ-же, и ухаживали за Гераномъ до тѣхъ поръ пока онъ вполне оправился. Между тѣмъ какъ они заботились о Геранѣ, Королекъ приказалъ исправить его вооруженіе, которое приведено было въ прежній видъ. Такъ Геранъ провелъ въ замкѣ около шести недѣль.

Тогда Королекъ сказалъ ему:

— «Ну, теперь поѣдемъ въ гости ко мнѣ, чтобы отдохнуть и развлечься».

— «Если ты ничего не будешь имѣть противъ того, я предложилъ бы тебѣ, сначала денекъ постранствовать,

а потомъ уже отправиться къ тебѣ въ гости?» — сказалъ Геранъ.

— «Отчего же? Согласенъ и на это», — отвѣчалъ Королекъ.

Х.

На другое утро, очень рано, они выѣхали изъ замка; въ тотъ день Энита испытала столько радости и удовольствія, сколько ей давно уже не приходилось на долю. Ёхали они, ёхали и добрались наконецъ до мѣста, гдѣ дорога раздѣлялась на-двое. Они обратились съ распросами къ пѣшеходу, который шелъ по одной изъ этихъ дорогъ, желая узнать, откуда онъ идетъ:

— «Я возвращаюсь домой; меня посылали съ извѣстіемъ въ ближайшую мѣстность».

— «Скажи мнѣ», — обратился къ нему Геранъ, — «которую изъ этихъ двухъ дорогъ я долженъ избрать?»

— «Конечно, вотъ эту», — отвѣчалъ прохожій; — «а если поѣдешь по той, то никогда не вернешься домой; по этой дорогѣ пріѣдешь къ пространству, окруженному непроницаемыми туманами, а среди тѣхъ тумановъ постоянно происходятъ какія-то волшебныя игры, и никто еще изъ тѣхъ, кто проникалъ внутрь этого тумана, не выходилъ оттуда живой... А по нижней дорогѣ пріѣдете вы во владѣнія графа Овенна, который разрѣшаетъ пребываніе въ своемъ городѣ только тѣмъ чужестранцамъ, которые сначала посѣтятъ его въ его замкѣ».

— «Ну, само собой разумѣется, что мы поѣдемъ по нижней дорогѣ», — проговорилъ Геранъ смѣясь.

И вотъ они, прибывъ въ городъ, избрали себѣ тамъ самую удобную и самую лучшую квартиру.

Едва успѣли они размѣститься въ новомъ помѣщеніи, какъ явился къ нимъ юноша, посланный изъ замка, и, учтиво раскланявшись, заявилъ, что владѣтель города, графъ Овеннъ, приглашаетъ ихъ къ себѣ въ замокъ.

— «Охотно соглашаемся», — отвѣчалъ Геранъ.

И послѣдовавъ за графскимъ посланнымъ, они всѣ явились въ замокъ и были приняты графомъ и графиней съ величайшимъ радушіемъ... Вскорѣ послѣ ихъ прибытія, столы были накрыты, гостямъ за столами отведены были почетнѣйшія мѣста, и началось пиршество.

Но Геранъ вспомнилъ о волшебныхъ играхъ, и ни пить, ни ѣсть не могъ, соображая, что онъ отъ нихъ уклонился... Онъ сознался Овенну въ своей затаенной думѣ и просилъ, чтобы ему указали дорогу, которою онъ могъ бы проникнуть внутрь туманнаго круга, среди котораго, какъ онъ слышалъ, эти игры происходили. Овеннъ со своею свитою самъ вызвался его проводить, по окончаніи пиршества.

Тогда Геранъ, поднявшись вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими изъ-за стола, приказалъ изготовить себѣ коня и доспѣхи, и, вооружившись, съ большою свитою и съ самимъ графомъ поѣхалъ къ туманной преградѣ... Тамъ среди тумана виденъ былъ высокій-превысокій тынъ, и на каждой тынинкѣ, кромѣ двухъ, вздѣто было по молодецкой головушкѣ...

— «Откуда же долженъ я войти внутрь ограды?» — спросилъ Геранъ.

— «Я и самъ не знаю», — отвѣчалъ Овеннъ, — «войди тамъ, гдѣ тебѣ покажется удобнѣе».

Тогда Геранъ, не пугаясь и не колеблясь, ринулся впередъ, сквозь массу тумана; промчавшись сквозь туманъ, онъ выѣхалъ въ обширный плодовый садъ и увидѣлъ среди сада полянку; а на полянкѣ—шатеръ изъ краснаго атласа. Входъ въ шатеръ былъ открытъ; надъ входомъ росла густая яблоня, и къ одной изъ ея вѣтокъ привѣшенъ былъ большой рогъ.

Геранъ спѣшилъ, вошелъ въ шатеръ и увидѣлъ тамъ молодую дѣвушку, сидѣвшую на золотомъ стулѣ. Другой такой же стулъ поставленъ былъ противъ нея. Геранъ тотчасъ и усѣлся на этотъ стулъ.

— «О рыцарь!»—сказала молодая дѣвушка—«не садись на этотъ стулъ».

— «Это почему?»—спросилъ Геранъ.

— «Тотъ, кому этотъ стулъ принадлежитъ, никогда не позволялъ никому на него садиться».

— «А мнѣ-то какое дѣло!»—отозвался Геранъ.

Тутъ послышался большой шумъ около шатра, и Геранъ вышелъ посмотреть, отчего именно шумъ происходилъ. Онъ увидѣлъ передъ шатромъ рыцаря въ полномъ вооруженіи на высокомъ и статномъ боевомъ конѣ.

— «Скажи мнѣ!»—спросилъ онъ у Герана—«кто позволилъ тебѣ сѣсть на мой стулъ?»

— «Я самъ себѣ позволилъ»,—отвѣчалъ Геранъ.

— «Ну, такъ ты спокаешься въ твоей дерзости! Садись на коня и бейся со мною!»

Они стали биться, и долго бились, ломая копья за копьями; но наконецъ Геранъ вскипѣлъ и, вонзивъ шпоры въ бока своего коня, устремился какъ буря на своего противника, пробилъ копьемъ его щитъ, порвалъ ремни его вооруженія и высадилъ его изъ сѣдла съ такою силою, что тотъ полетѣлъ навзничъ съ коня и растянулся на землѣ.

— «Пощади меня, рыцарь!»—воскликнулъ онъ, обращаясь къ Герану—«и я исполню все то, чего ты пожелаешь».

— «Желаю только одного: чтобы туманная пелена, окутывающая эту мѣстность, разсѣялась, чтобы здѣшнія волшебныя игры уничтожились, и ограда въ видѣ тына исчезла безслѣдно: — чтобы сюда всѣмъ былъ и открытый проѣздъ, и доступъ!»

— «Все будетъ исполнено!»

— «Коли такъ — то чтобы воля моя была исполнена немедленно!»

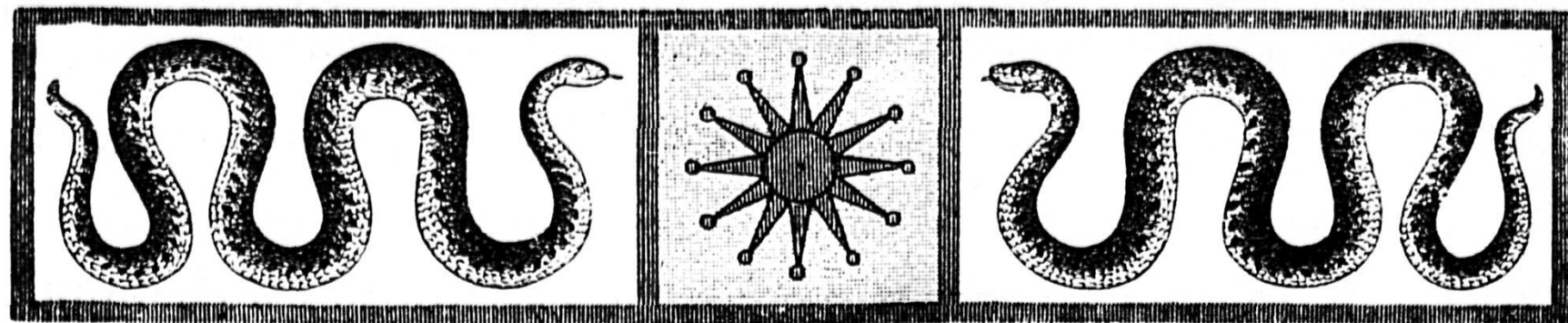
— «Возьми этотъ рогъ и протруби въ него: — все волшебство и очарованія исчезнутъ какъ только въ него затрубитъ мой побѣдитель».

И точно, при первомъ же звукѣ рога, и туманъ, и ограда, и весь плодовый садъ съ шатромъ на полянѣ — все исчезло, и пролегла тѣмъ мѣстомъ дорога прямоѣзжая, по которой взадъ и впередъ могли всѣ ходить и ѣздить, прославляя Герана.

Энита встрѣтила мужа своего со слезами радости; а графъ Овеннъ упросилъ и Герана, и Королька провести въ его замкѣ еще хоть одну ночь.

Затѣмъ они всѣ дружески распростились и разѣхались. Геранъ вернулся въ свои владѣнія, гдѣ и проживалъ съ той поры спокойно и счастливо; а его имя, какъ и имя его вѣрной жены, Эниты, прогремѣло со славою во всѣхъ странахъ свѣта бѣлаго и перешло въ роды и роды.





Передуръ или таинственный сосудъ.

I.

Графъ Еврокъ владѣлъ на дальнемъ Сѣверѣ пространствомъ небольшимъ и небогатымъ. У него было семь сыновей. Жилъ онъ не столько доходами со своихъ владѣній, сколько тѣмъ, что получалъ съ турнировъ, да добычею отъ войнъ и различныхъ набѣговъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Но, какъ это часто случается съ людьми, исключительно живущими военнымъ ремесломъ, онъ и былъ убитъ на войнѣ вмѣстѣ со своими шестью сыновьями.

Седьмой звался Передуромъ, и былъ младшій изъ всѣхъ; будь онъ постарше, онъ ушелъ бы, конечно, вмѣстѣ съ отцемъ и братьями, на войну, и тоже былъ-бы убитъ, какъ они. Его мать была женщина очень осторожная и очень заботилась о своемъ единственномъ сынѣ и его владѣніяхъ. И вотъ она рѣшилась покинуть свѣтъ и уйти въ уединеніе пустынной глуши, гдѣ могла бы окружить себя только женщинами, дѣтьми и людьми, ничего не смыслившими въ военномъ дѣлѣ.

И никто не смѣлъ владѣть ни конемъ, ни оружіемъ на глазахъ ея сына, чтобы онъ этого не увидѣлъ и самъ не вздумалъ сѣсть на коня и взяться за оружіе. Вся забава ребенка состояла только въ томъ, что онъ каждый

день ходилъ въ лѣсъ и тамъ занимался метаньемъ въ цѣль палокъ и кольевъ.

Однажды случилось ему увидѣть двухъ ланей, которыя подошли близѣхонько къ стадамъ его матери, и по простотѣ своей, онъ очень былъ удивленъ тѣмъ, что у ланей нѣтъ рогъ; онъ подумалъ даже, что это безрогія козы, случайно заблудившіяся въ лѣсу и тамъ потерявшія рога, сталъ загонять ихъ домой, и загналъ въ хлѣвъ.

Тотчасъ послѣ того онъ побѣжалъ къ матери и разсказалъ ей о своей удачѣ; и люди, отовсюду сбѣжавшіеся, чтобы посмотрѣть на двухъ дикихъ ланей, загнанныхъ Передуромъ въ хлѣвъ, дивились его догадкѣ и проворству, и предсказывали, что онъ, когда вырастетъ, будетъ славнымъ бойцомъ и смѣлымъ охотникомъ.

II.

И вотъ однажды, на дорогѣ, пролегавшей вдоль лѣса, показались три рыцаря; и эти три рыцаря были: Гвальмай, сынъ Гвіара, Гвестель и Овеннъ, сынъ Уріена. Они были посланы Артуромъ на поиски того волшебнаго рыцаря, который взялся дѣлить между красавицами Артурова двора заколдованные золотые яблоки волшебника Мерлина и, очаровавъ всѣхъ своими сладкими рѣчами, скрылся изъ глазъ у всѣхъ рыцарей, никѣмъ незамѣченный.

Передуръ, увидѣвъ рыцарей, спросилъ:

— «Матушка, что это за люди?»

— «Это — ангелы, сынъ мой!» — отвѣчала мать.

— «О! если такъ, то и я тоже хочу быть ангеломъ» — отвѣчалъ ей Передуръ.

И направился къ рыцарямъ, и нагналъ ихъ.

— «Скажи мнѣ, голубчикъ», — обратился къ нему Овеннъ — «не видалъ-ли ты, вчера или сегодня, рыцаря, который проѣзжалъ тутъ мимо?»

— «Рыцаря? Да я даже и не знаю, что такое рыцарь!» — простодушно отвѣчалъ Передуръ.

— «Да вотъ такой-же, какъ я», — сказалъ Овеннъ.

— «Если ты отвѣтишь мнѣ на мой вопросъ, то и я тебѣ отвѣчу на твой».

— «Изволь, голубчикъ».

— «Вотъ это что такое, и какъ называется?»

— «Это сѣдло», — сказалъ Овеннъ.

И вслѣдъ затѣмъ Передуръ разспросилъ его точно также о каждой отдѣльной части конской сбруи и о каждой части рыцарскаго доспѣха и вооруженія; разспросилъ и о томъ, какъ владѣютъ оружіемъ. И когда Овеннъ вполнѣ удовлетворилъ его любопытству, Передуръ сказалъ:

— «Поѣзжай все прямо этою же дорогою. По ней проѣзжалъ дѣйствительно нѣкто похожій на тебя... А я поѣду за тобою слѣдомъ».

И возвратясь къ своей матери и ко всѣмъ своимъ, Передуръ сказалъ:

— «Матушка! То были не ангелы, а честные рыцари».

При этихъ словахъ мать обомлѣла отъ страха и волненія. А Передуръ отправился въ конюшню выбрать тамъ изъ рабочихъ коней лучшаго, какой тамъ былъ, привязалъ ему на спину мѣшокъ вмѣсто сѣдла, и возвратился къ матери, которая тѣмъ временемъ успѣла оправиться.

— «Какъ, сынъ мой?» — спросила она. — «Неужели ты собираешься уходить?»

— «Да, съ твоего разрѣшенія».

— «Ну, такъ я должна тебѣ дать нѣкоторыя наставленія прежде, чѣмъ ты отсюда уѣдешь».

— «Охотно ихъ выслушаю; но только говори скорѣй».

— «Такъ вотъ тебѣ прежде всего мой совѣтъ. Поѣзжай прямо ко двору короля Артура, такъ какъ тамъ собираются лучшіе, великодушнѣйшіе и храбрѣйшіе изъ рыцарей. Если, на пути твоёмъ, поѣдешь мимо церкви — помолись; если проголодаешься или почувствуешь сильную жажду, и никто не потрудится тебѣ предложить ни ѣды, ни питья, — бери все самъ, не спрашиваясь. Если услышишь чьи-либо стоны, а въ особенности женскія,

то сейчасъ же поспѣши на помощь. Если найдешь какую-нибудь драгоценность, то не держи ее при себѣ, а подари, кому вздумается, и этимъ заслужишь ото всѣхъ вниманіе и вызовешь похвалы своей щедрости. Къ красивымъ женщинамъ относись почтительно и вѣжливо, и заслужишь ихъ любовь и уваженіе».

Когда она смолкла, Передуръ сѣлъ верхомъ на коня и, взявъ въ руки съ десятокъ дротиковъ съ острыми наконечьями, пустился въ путь.

III.

Проблуждавъ два дня и двѣ ночи по пустынямъ и лѣсамъ, не пивши и не ѣвши, Передуръ въѣхалъ въ большой дремучій лѣсъ, и въ томъ лѣсу издали завидѣлъ ровную поляну. По срединѣ той поляны онъ увидѣлъ раскинутый шатеръ, который и принялъ за церковь, и сталъ про себя творить молитву.

Подѣхавъ ближе, онъ направился къ шатру, у входа въ который, на золотомъ креслѣ, увидѣлъ молодую женщину, прекрасную собою; ея чудные каштановые волосы поддерживались золотою повязкою съ камнями, а на пальцѣ ея руки блистало золотое кольцо.

Передуръ сошелъ съ коня и вошелъ въ шатеръ, и молодая женщина, видимо, была ему рада и привѣтствовала его поклономъ. Въ шатрѣ онъ увидѣлъ на столѣ двѣ бутылки вина, два корова бѣлаго хлѣба и кусками нарезанную свинину.

— «Матушка моя», — сказалъ Передуръ, — «наказывала мнѣ, чтобы я ѣлъ и пилъ всюду, гдѣ будетъ возможно».

— «Кушай, сколько тебѣ вздумается», — сказала молодая женщина. — «Добро пожаловать!»

Передуръ сѣлъ ровно половину всего, что было поставлено на столѣ, а затѣмъ опустился на колѣни, передъ молодою женщиною и сказалъ ей:

— «Матушка моя сказывала мнѣ, что всюду, гдѣ мнѣ удастся найти какую нибудь драгоцѣнность, я могу ее взять».

— «Бери все, что тебѣ любо!» — сказала молодая женщина.

Тогда Передуръ снялъ съ ея руки кольцо, сѣлъ верхомъ и пустился въ путь.

Между тѣмъ, рыцарь, которому принадлежалъ шатеръ, незамедлилъ возвратиться. Онъ увидѣлъ около шатра слѣды конскихъ копытъ и спросилъ у молодой женщины:

— «Кто здѣсь побывалъ въ моемъ отсутствіи?»

— «Человѣкъ съ очень странными пріемами», — отвѣчала молодая женщина, и описала рыцарю внѣшность Передура, и рассказала подробно все, что произошло.

— «Скажи мнѣ, не позволилъ ли онъ себѣ оскорбить тебя чѣмъ-либо?»

— «О, нѣтъ! Онъ ничѣмъ меня не оскорбилъ».

— «Такъ-ли полно? Я тебѣ не вѣрю... И двухъ ночей не пройдетъ до того мгновенья, когда я съ нимъ встрѣчусь, отмщу за нанесенную мнѣ обиду и вымещу на немъ гнѣвъ мой!»

Сказавъ это, рыцарь поднялся съ мѣста и пустился за Передуромъ.

IV.

Между тѣмъ Передуръ направился ко двору короля Артура. Незадолго до его прибытія туда, произошло нѣчто весьма прискорбное для всѣхъ рыцарей Артурова двора. Ко двору пріѣхалъ какой то надменный и наглый рыцарь; вошелъ въ залу безъ доклада, давъ привратнику золотой перстень за то, что тотъ взялся поддержать его коня. Затѣмъ онъ вошелъ въ залу, гдѣ Артуръ и весь его дворъ сидѣли за столомъ; тутъ же присутствовала и Гвенниваръ со своими дамами. Молодой прислужникъ подавалъ королевѣ золотой кубокъ съ виномъ. Пріѣзжій

рыцарь подошелъ къ королевѣ, вырвалъ у ней кубокъ изъ рукъ, расплескавъ вино ей на платье, и сказалъ:

— «Если кто дерзнетъ отнять у меня этотъ кубокъ и вздумаетъ отмстить за обиду королевы, — тотъ пусть послѣдуетъ за мною въ поле: — тамъ буду я ждать себѣ супротивника».

Сказавъ это, онъ удалился, унося съ собою кубокъ, и сталъ въ полѣ ждать себѣ бойца. Всѣ были до такой степени поражены его наглостью, что совсѣмъ растерялись и голову повѣсили. Всѣ другъ за друга хоронились, опасаясь, что ихъ попросятъ вступить за честь королевы, а между тѣмъ заѣзжій рыцарь представлялся имъ неодолимымъ соперникомъ и бойцомъ, одареннымъ сверхъестественною силою.

Какъ разъ въ это время и явился Передуръ, верхомъ на своей клячѣ, въ своей странной одеждѣ и съ пучкомъ дротиковъ въ рукѣ.

Кай стоялъ среди залы, когда Передуръ вступилъ въ нее, и обратился къ нему съ вопросомъ:

— «Скажи мнѣ, именитый мужъ, гдѣ здѣсь находится король Артуръ?»

— «А тебѣ какая до него нужда», — спросилъ Кай.

— «Матушка приказала мнѣ ѣхать ко двору короля Артура съ тѣмъ, чтобы онъ посвятилъ меня въ рыцари».

— «Ого!» — замѣтилъ Кай, оглядѣвъ Передура — «для рыцаря ты и наряженъ, и вооруженъ ужъ черезъ-чуръ легко!»

И всѣ, вмѣстѣ къ Каемъ, стали трунить надъ Передуромъ. Но вдругъ явились въ залу Карликъ и Карлица, которые уже цѣлый годъ жили при дворѣ Артура, ходатайствуя о какой то милости и о томъ, чтобы Артуръ принялъ ихъ подъ свою защиту. Въ теченіе цѣлаго года ни Карликъ, ни Карлица не заговорили ни разу ни съ кѣмъ изъ придворныхъ Артура; а при видѣ Передура, Карликъ воскликнулъ:

— «Да хранить тебя Богъ, прекрасный Передуръ, сынъ Эврока, краса бойцовъ и цвѣтъ рыцарей!»

— «Какъ!» — воскликнулъ взбѣшенный Кай — «цѣлый годъ ты ни съ кѣмъ изъ насъ и слова не проронилъ; а теперь передъ лицомъ короля Артура и всѣхъ его приближенныхъ, дерзаешь величать этого заѣзжаго молодца красою бойцовъ и цвѣтомъ рыцарей!»

И онъ такъ ударилъ Карлика по уху кулакомъ, что тотъ упалъ на полъ безъ чувствъ. Но вслѣдъ за мужемъ и жена его, Карлица, также воскликнула:

— «О, Передуръ, сынъ Эврока! Да хранить тебя Богъ — краса бойцовъ и цвѣтъ рыцарей!»

— «Какъ и ты тоже!» — воскликнулъ Кай. — «Цѣлый годъ ты здѣсь жила и рта не разинула, чтобы похвалить кого-либо изъ рыцарей Артура; а тутъ вдругъ вздумала превозносить перваго встрѣчнаго и поперечнаго!»

И онъ, озлобившись, далъ ей такого пинка, что и она тоже упала безъ чувствъ.

— «Именитый мужъ!» — продолжалъ настаивать Передуръ — «да покажешь ли ты мнѣ, наконецъ Артура?»

— «Молчи!» — огрызнулся Кай. — «Коли хочешь быть представленъ Артуру, ступай немедленно вслѣдъ за рыцаремъ, который сейчасъ сюда наѣзжалъ, взялъ отсюда золотой кубокъ и ждетъ себѣ супротивника въ полѣ. Побей его, отними у него кубокъ, овладѣй его конемъ и вооруженіемъ — и тогда приходи сюда посвятиться въ рыцари!»

— «Ладно!» — сказалъ Передуръ; и тотчасъ же направился въ поле къ ожидавшему тамъ рыцарю.

Когда Передуръ выѣхалъ въ поле, то увидѣлъ тамъ рыцаря, надменно и гордо сидѣвшаго на конѣ, полного сознаніемъ своей мощи и мужества.

— «Не видѣлъ-ли ты», — спросилъ его рыцарь — «ѣдетъ-ли кто нибудь отъ двора Артурова, чтобы перевѣдаться со мною въ чистомъ полѣ?»

— Никого не видѣлъ; а вотъ тотъ именитый мужъ, котораго я тамъ встрѣтилъ, предложилъ мнѣ тебя побить, кубокъ у тебя отнять и овладѣть твоимъ конемъ и доспѣхомъ».

— «Молчать!» — крикнулъ рыцарь. — «Вернись ко двору Артура: самаго его высылай со мною на битву, или кого-нибудь изъ его рыцарей... Да скажи имъ, что если они не явятся тотчасъ, то я ихъ и ждать не намѣренъ долѣ!»

— «Ну, ужъ нѣтъ!» — сказалъ Передуръ. — «Любо-ли или не любо — а я все же добуду отъ тебя и коня, и оружіе твое, и кубокъ».

Взбѣшенный этими рѣчами, рыцарь устремился на него и нанесъ ему копьемъ жестокий ударъ между шеей и плечомъ.

— «Не дурно, молодчикъ!» — сказалъ Передуръ, — «слуги моей матери не играли со мною въ эту игру — но я готовъ съ тобою и такъ поиграть пожалуй...»

И онъ пустилъ въ него одинъ изъ своихъ дротиковъ, который попалъ ему въ глазъ и вышелъ въ затылокъ — и рыцарь палъ на-земь мертвый.

V.

А между тѣмъ Овеннъ, сынъ Уріена, выговаривалъ Каю:

— «Неразумно ты поступилъ, отправивъ этого дурака въ погоню за рыцаремъ... Вѣдь ужъ само собою разумѣется, что случится должно одно изъ двухъ: или онъ будетъ побить, или убить? Если побить, то рыцарь станетъ хвалиться, что побилъ одного изъ лучшихъ рыцарей Артурова двора, а это для Артура и для всѣхъ насъ будетъ вѣчнымъ позоромъ; а если онъ будетъ убить, то намъ тоже будетъ не велика честь, да притомъ и жаль, что этотъ юноша поплатится за свою неосторожность. Надо поѣхать посмотрѣть, чѣмъ тамъ дѣло кончилось?»

Овеннъ выѣхалъ въ поле и увидѣлъ, что Передуръ тащитъ доспѣхи съ убитаго рыцаря. Онъ спросилъ юношу съ изумленіемъ:

— «Что ты это дѣлаешь?»

— «Да вотъ никакъ не могу стянуть съ него эту желѣзную одежду!» — отвѣчалъ Передуръ. — «Напрасно я стараюсь изо всѣхъ силъ — ничего не могу сдѣлать».

Овеннъ помогъ ему снять доспѣхи съ рыцаря, и сказалъ:

— «Вотъ тебѣ, простая душа, достались теперь и доспѣхи, и конь, получше того, что у тебя были. Надѣнь эти доспѣхи и поѣдемъ къ королю Артуру, чтобы онъ посвятилъ тебя въ рыцари, ибо ты вполне того достоинъ».

— «Нѣтъ! И не подумаю туда показаться!» — сказалъ Передуръ. «Вотъ снеси отъ меня кубокъ королевѣ и скажи Артуру, что, гдѣ бы я ни былъ, я всегда останусь его вассаломъ и буду служить ему вѣрою и правдою. Но ко двору его не вернусь ранѣе, какъ сразившись съ тѣмъ именитымъ мужемъ, котораго я тамъ встрѣтилъ, и отомстивъ ему за оскорбленіе, нанесенное имъ Карлику и Карлицѣ».

Тогда Овеннъ возвратился ко двору и передалъ Артуру и королевѣ Гвенниваръ то, что поручилъ ему Передуръ. И Каю также онъ передалъ угрозу Передура.

А Передуръ тѣмъ временемъ пустился въ путь и, ѣдучи путемъ-дорогою, увидѣлъ, что на встрѣчу ему ѣдетъ рыцарь.

— «Откуда ты ѣдешь?» — спросилъ тотъ.

— «Отъ Артурова двора», — отвѣчалъ Передуръ.

— «Да ты ужъ не вассалъ-ли его?»

— «Да. Ты угадалъ».

— «Не велика честь быть вассаломъ Артура!»

— «Это почему?» — спросилъ Передуръ,

— «А вотъ я тебѣ сейчасъ поясню: — я всегда ненавидѣлъ Артура, всегда бился со всѣми его рыцарями, и всегда побивалъ ихъ».

Тутъ, не теряя времени, они сразились, и Передуръ вышвырнулъ своего противника изъ сѣдла, и заставилъ просить пощады.

— «Охотно пощажу тебя», — сказалъ Передуръ. — «Но ты долженъ мнѣ поклясться, что поѣдешь ко двору Артура и скажешь ему отъ меня, что я побѣдилъ тебя ему во славу и что я вернусь ко двору его не ранѣе, какъ отомстивъ за Карлика и Карлицу».

Рыцарь поклялся, что все это исполнить, и дѣйствительно поѣхалъ ко двору Артура, и сдержалъ свое слово, и передалъ угрозу Передура по отношенію къ Каю.

А Передуръ ѣхалъ да ѣхалъ, все впередъ да впередъ, и въ теченіе недѣли сразился съ шестнадцатью рыцарями, и всѣхъ ихъ побѣдилъ; и всѣхъ ихъ отправилъ ко двору Артура, съ тѣмъ же наказомъ къ королю и съ тою же угрозою къ Каю... И Артуръ крѣпко на-крѣпко Каю выговаривалъ за то, что тотъ такъ дурно обошелся съ Передуромъ: и Кай былъ этимъ очень опечаленъ.

VI.

Передуръ между тѣмъ продолжалъ свой путь, и въѣхалъ въ глубь глухого лѣса, въ чащѣ котораго увидѣлъ налѣво отъ себя озеро, а направо прекрасный замокъ. На берегу озера сѣдовласый старецъ почтенной наружности, въ темной атласной одеждѣ, сидѣлъ на шелковой подушкѣ и смотрѣлъ, какъ сопровождавшіе его лица ловили въ озерѣ рыбу.

Когда старецъ увидѣлъ Передура, онъ поднялся съ своего мѣста и направился къ замку, прихрамывая. Передуръ въѣхалъ въ открытые настежъ ворота замка, и вступилъ въ залу, гдѣ старецъ уже сидѣлъ передъ огнемъ разведеннымъ въ каминѣ. И всѣ лица окружавшія старца, а также и всѣ слуги поднялись на встрѣчу Передуру, чтобы его принять и снять съ него оружіе.

Старецъ предложилъ гостю сѣсть рядомъ съ нимъ у камина. Передуръ сѣлъ и вступилъ въ разговоръ со старцемъ. Когда же пришло время обѣда, слуги накрыли столы и всѣ усѣлись кушать. По окончаніи же обѣда, старецъ спросилъ у Передура, умѣетъ-ли онъ владѣть мечемъ?

— «Не знаю, умѣю-ли?» — отвѣчалъ Передуръ, — «но когда меня научатъ, то буду умѣть».

— «Кто умѣетъ биться на палкахъ, прикрываясь щитомъ, тотъ сумѣетъ владѣть и мечемъ!» — сказалъ старецъ, и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ обратился къ своимъ сыновьямъ — бѣлокурому и черноволосому.

— «Дѣтки», — сказалъ онъ, — «побейтесь на палкахъ, покажите гостю эту игру».

И оба юноши показали Передуру, какъ бьются на палкахъ.

— «Ну, вотъ теперь, скажи, милый другъ», — спросилъ старецъ, — «который изъ этихъ двоихъ юношей, по твоему мнѣнію, бьется лучше?»

— «Мнѣ сдается, что бѣлокурый бьется лучше черноволосаго».

— «Ну, такъ теперь твоя очередь! Возьми палку и щитъ изъ рукъ черноволосаго и, если сможешь, побей бѣлокураго».

Передуръ повиновался. Онъ сталъ биться на палкахъ съ бѣлокурымъ сыномъ и бился такъ ловко и сильно, что мигомъ подбилъ ему глазъ.

— «Хорошо, другъ мой!» — сказалъ старецъ. — «Ступай сюда и садись рядомъ со мною. Вижу, что ты будешь со временемъ однимъ изъ первыхъ бойцовъ на мечахъ во всей Британіи. Скажу тебѣ еще, что я тебѣ дядя — я братъ твоей матери. Я желаю, чтобы ты отстался у меня нѣкоторое время для изученія обычаевъ различныхъ странъ и правилъ вѣжливости, и свѣтскаго общежитія, и обхожденія съ людьми. Позабудь-же все то, что тебѣ наказывала мать, научись и дѣйствовать, и говорить не такъ, какъ она говоритъ и дѣйствуетъ. Я самъ займусь твоимъ перевоспитаніемъ и посвящу тебя въ рыцари. Помни, что отнынѣ ты долженъ будешь вести себя такъ: если тебѣ случится увидѣть что-нибудь такое, что вызоветъ въ тебѣ удивленіе, ни у кого не спрашивай объясненій; а если никто не потрудится тебѣ эти объясненія дать, то вини въ этомъ меня а не себя, потому что вѣдь я — твой наставникъ».

И такъ долго бесѣдовалъ съ нимъ дядя и давалъ ему цѣлый рядъ совѣтовъ и наставленій, которые должны были ему пригодиться въ жизни; и они разстались только тогда, когда наступила ночь.

VII.

Поднявшись на зарѣ, Передуръ простился съ дядей, сѣлъ на коня и пустился въ дальнѣйшій путь.

Проѣхавъ еще одинъ лѣсъ, онъ выѣхалъ на поляну, и на той полянѣ увидѣлъ въ сторонѣ большой замокъ. Направившись къ замку, онъ выѣхалъ въ открытыя ворота его и вступилъ въ залу, гдѣ сѣдой и почтенный старецъ сидѣлъ въ углу, окруженный молодежью, которая вся поднялась, чтобы съ почетомъ принять пріѣзжаго гостя. Ему отвели мѣсто рядомъ съ хозяиномъ дома; рядомъ посадили ихъ и за столомъ. И когда всѣ помѣстились, старецъ спросилъ Передуру, умѣетъ ли онъ владѣть мечемъ?

— «Если меня поучишь, такъ я думаю, что сумѣю», — сказалъ Передуръ.

А надо замѣтить, что среди залы, въ каменный полъ ея, вбитъ былъ огромный и толстый желѣзный крюкъ. Указывая на него, старецъ сказалъ Передуру:

— «Вотъ тебѣ мечъ... Ударь мечемъ по этому крюку!»

Передуръ ударилъ мечемъ по крюку съ такою силою, что и крюкъ и мечъ разлетѣлись на двѣ части.

— «Возьми и крюкъ, и мечъ», — сказалъ старецъ, — «и сложи ихъ край съ краемъ».

Передуръ сложилъ и крюкъ и мечъ, край съ краемъ, и они опять спаялись вмѣстѣ.

Ударилъ онъ и еще разъ мечемъ по крюку съ такою силою, что еще разъ разбился и мечъ, и крюкъ на два куска. И также, какъ въ первый разъ, по приказанію старца, составилъ ихъ край съ краемъ, и они спаялись сами собою.

Ударилъ онъ и третій разъ; но на этотъ разъ разбилъ и мечъ и крюкъ въ дребезги, такъ что ихъ и составить уже было невозможно.

— «Ну, дитя мое», — сказалъ старецъ, — «пойди сюда и сядь со мною рядомъ. Благословляю тебя на подвиги: — ты и теперь уже владѣешь мечемъ лучше, чѣмъ кто либо въ Британіи. Но теперь ты достигъ еще только двухъ третей твоей силы... Когда же ты войдешь въ полную силу, никто не въ состояніи будетъ состязаться съ тобою. Я это знаю и предсказываю тебѣ, такъ какъ я тебѣ родной дядя: я братъ твоей матери и братъ того старца, у котораго ты провелъ вчерашній день и ночевалъ сегодня...

Въ то время, когда они такимъ образомъ бесѣдовали, въ залу вошли двое юношей; они несли очень длинное копье, съ острія котораго капнуло на землю три капли крови. Съ этимъ копьемъ они направились черезъ залу въ смежную комнату.

Всѣ присутствовавшіе, завидѣвъ этихъ юношей съ копьемъ, стали плакать и стонать отъ горя; но старецъ продолжалъ свою бесѣду съ Передуромъ; и такъ какъ онъ не счелъ нужнымъ объяснить Передуру то, что происходило у него на глазахъ, то юный витязь и не дерзнулъ его объ этомъ спросить.

Когда же крики и стоны нѣсколько утихли, въ залу снова вошли двѣ молоденькія дѣвушки: онѣ несли круглый сосудъ, въ родѣ шара, и въ немъ лежала человѣческая голова, изъ которой сочилась кровь, наполняя собою сосудъ. И при видѣ этихъ дѣвушекъ, всѣ присутствующіе подняли такой вопль, что его и слышать было невозможно безъ трепета; и затѣмъ спустя мгновение, всѣ стихли. Вскорѣ послѣ того, Передуру была отведена просторная комната, въ которой онъ и провелъ ночь.

VIII.

На другое утро, Передуръ распростился съ дядей и пустился въ путь. Дорога привела его къ лѣсу, и чуть только онъ вступилъ въ него, какъ услышалъ издали чьи то стоны и, подѣхавъ, увидѣлъ красивую женщину, а около нея осѣдланнаго коня, и трупъ, распростертый на землѣ. Несчастная женщина пыталась поднять трупъ на коня, и трупъ снова падалъ на землю, и она, сознавая свое безсиліе, сокрушалась и плакала.

— «Скажи мнѣ, сестрица, о чемъ ты такъ сокрушаешься?» — спросилъ ее Передуръ.

— «А тебѣ какое дѣло, богоотступникъ Передуръ!» — «Развѣ ты когда нибудь сожалѣлъ обо мнѣ?»

— «Почему же я богоотступникъ?»

— «Потому что ты былъ причиною смерти твоей матери. Когда ты покинулъ ее, противъ ея воли, она загрузтила о тебѣ, да съ грусти и померла. А тѣ Карликъ и Карлица, которыхъ ты видѣлъ при дворѣ Артура, — это добрые геніи твоей семьи. Я-же, — твоя молочная сестра; а этотъ рыцарь (она указала на убитаго) былъ моимъ мужемъ... Его убилъ рыцарь, который и теперь стоитъ станомъ по близости, вонъ въ той лѣсной прогалинѣ. Но остерегайся его: онъ убьетъ и тебя».

— «Сестрица», — сказалъ Передуръ, — «ты несправедливо укоряешь меня... Когда бы я еще дольше оставался дома, такъ теперь мудрено было бы съ этимъ рыцаремъ справиться... Не печалься по пустому... Я похороню тѣло твоего мужа; а затѣмъ пойду и разыщу рыцаря, его убійцу, и посмотрю, нельзя ли будетъ отомстить ему за это убійство.

Совершивъ погребеніе, они направились къ тому мѣсту, гдѣ должны были встрѣтить рыцаря, и увидѣли, что онъ гордо расхаживалъ взадъ и впередъ по лужайкѣ. Онъ обратился къ Передуру и спросилъ его:

- «Откуда путь держишь?»
- «Бду отъ двора короля Артура».
- «Да ты ужъ не его-ли вассаль?»
- «Да, несомнѣнно».
- «Нечего сказать, велика честь быть вассаломъ Артура!»

И они тотчасъ же сразились; и Передуръ сразу одолѣлъ рыцаря и вынудилъ его просить у себя пощады:

— «Я тебя пощажу», — сказалъ Передуръ, — но подѣ однимъ условіемъ: «ты долженъ взять эту женщину себѣ въ супруги, и будешь относиться къ ней съ уваженіемъ и почетомъ, какого она заслуживаетъ, такъ какъ ты безъ всякой причины убилъ ея мужа. И затѣмъ ты отправишься ко двору короля Артура и передашь ему, что я тебя побѣдилъ въ честь его и ему на прославленіе, да еще добавишь, что я явлюсь къ нему во дворецъ не иначе, какъ повстрѣчавшись съ тѣмъ именитымъ господиномъ, который такъ дурно меня тогда принялъ... Я долженъ этому нахалу отплатить за оскорбленіе Карлика и Карлицы.

Рыцарь принялъ всѣ эти условія. Онъ добылъ для дамы коня и все необходимое, и поѣхалъ съ нею вмѣстѣ къ Артурову двору. Тамъ онъ передалъ королю обо всемъ, что произошло, и о томъ вызовѣ, который Передуръ посылалъ Каю. И еще разъ Артуръ и всѣ его приближенные стали порицать Кая за то, что онъ отдалилъ отъ королевскаго двора такого славнаго витязя, какъ Передуръ.

Овеннъ, сынъ Уріена, сказалъ при этомъ:

— «Этотъ юный витязь, видно, тогда только пріѣдетъ къ королевскому двору, когда здѣсь уже не будетъ Кая».

— «Клянусь своею волею!» — сказалъ Артуръ, — «что я поѣщу всѣ трущобы и дебри Британіи, но добыюся таки того, что разыщу Передура и воочію убѣждусь въ томъ, кто сильнѣе и крѣпче въ бою — Кай или Передуръ?»

IX.

А Передуръ, между тѣмъ все ѣхалъ да ѣхалъ, и заѣхалъ въ дремучій лѣсъ, гдѣ не видно было ни человѣческаго, ни звѣринаго слѣда, и всюду была непроницаемая чаща кустовъ и дикихъ порослей. И въ самой серединѣ лѣса онъ увидѣлъ большой замокъ съ крѣпкими башнями, и, подѣѣхавъ къ воротамъ его, увидѣлъ, что въѣздъ въ нихъ заросъ высокими и густыми травами. Онъ ударилъ въ ворота тупымъ концомъ копейнаго древка, и тутъ только увидѣлъ худощаваго, длинноволосаго молодого человѣка, который стоялъ на башнѣ, на часахъ.

— «Храбрый витязь», — сказалъ Передуру юноша, — «желаешь-ли ты, чтобы я тебѣ прямо отперъ ворота, или чтобы предварительно доложилъ хозяевамъ замка о твоёмъ прибытіи?»

— «Доложи. И если они пожелаютъ меня видѣть, я заѣду въ замокъ».

Юноша сошелъ съ башни и, нѣкоторое время спустя, открылъ Передуру ворота. Когда же Передуръ вступилъ въ залу, то увидѣлъ тамъ восемнадцать юношей, также худощавыхъ и схожихъ лицомъ съ юношей, который его встрѣтилъ, и одинаково съ нимъ одѣтымъ. Всѣ они были вѣжливы и предупредительны, помогли ему снять съ себя доспѣхи и оружіе, а затѣмъ вступили съ нимъ въ бесѣду.

Во время этой бесѣды пять молодыхъ дѣвушекъ вступили въ залу, и впереди шла госпожа ихъ, владѣтельница замка. Передуру показалось, что онъ еще никогда не видывалъ такой красавицы. На ней было старое поношенное платье, которое мѣстами уже расподалось на лохмотья; но она сама была бѣла какъ снѣгъ, а ея брови и волосы черны, какъ смоль, и ея щеки были алы, какъ розы. Эта красавица приняла Передура очень ласково и, обнявъ его, посадила около себя.

Вскорѣ послѣ его приѣзда, въ залу вошли двѣ монахини, и одна изъ нихъ несла бутылку вина, а другая шесть короваевъ бѣлаго хлѣба.

— «Сударыня», — сказали они, обращаясь къ хозяйкѣ дома, — «свидѣтельствуемъ Богомъ въ томъ, что на сегодня только и осталось у насъ въ монастырѣ и вина, и хлѣба...»

И затѣмъ всѣ сѣли за столъ; и тутъ то Передуръ замѣтилъ, что молодая дѣвушка хочетъ выдѣлить ему въ кушаньѣ долю, болѣе всѣхъ другихъ.

— «Другъ мой!» — сказалъ Передуръ — «дозволь мнѣ самому раздѣлить всѣмъ и хлѣбъ, и вино».

— «О, нѣтъ, мой милый!»

— «Нѣтъ, я этого непременно хочу!»

И Передуръ взялъ хлѣбъ, и раздѣлилъ его по равной долѣ между всѣми; точно также распорядился онъ и виномъ.

Когда онъ удалился въ комнату, отведенную ему для спанья, тотъ юноша, который впустилъ Передура въ замокъ, обратился къ красавицѣ-хозяйкѣ и сказалъ:

— «Сестрица, мы всѣ, братья твои, хотимъ тебѣ дать добрый совѣтъ».

— «Какой? Говорите» — отвѣчала красавица.

— «Ступай въ комнату къ заѣзжему рыцарю и предложи ему быть ему женою или подругою — по его желанію...»

— «Какъ это возможно?» — возразила красавица. — «Я никогда еще не сближалась ни съ кѣмъ изъ рыцарей... И вдругъ теперь, непростенная, пойду ему навязываться въ жены или въ подруги!.. Какъ хотите, я не могу на это рѣшиться!»

— «Ну, такъ мы же тебѣ клянемся, что если ты этого не сдѣлаешь, мы предадимъ тебя въ руки враговъ твоихъ, и пусть они поступаютъ съ тобою, какъ имъ угодно!»

Красавица была очень напугана этой угрозой и, проливая слезы, направилась къ комнатѣ Передура.

Тотъ проснулся, услышавъ что дверь открывается... И увидалъ красавицу, которая плакала и сокрушалась у его дверей.

— «Скажи мнѣ, милая моя», — спросилъ ее Передуръ, — «о чемъ ты плачешь?»

— «Я все тебѣ скажу, и прошу меня выслушать. Отецъ мой владѣлъ большимъ и богатымъ владѣніемъ, и этотъ замокъ также принадлежалъ ему; сверхъ того онъ управлялъ однимъ изъ лучшихъ графствъ въ королевствѣ. Но вотъ за меня сталъ свататься сынъ одного сосѣдняго графа. Отецъ же мой не хотѣлъ ни за него, ни за кого бы то ни было выдавать меня противъ воли... По смерти отца всѣ его владѣнія перешли по наслѣдству ко мнѣ, и я, конечно, еще менѣе прежняго расположена была выйти за графа-сосѣда; тогда онъ объявилъ мнѣ войну и завоевалъ всѣ мои владѣнія, за исключеніемъ одного только этого замка. И только благодаря тому, что защиту замка приняли на себя эти юноши, которыхъ ты видѣлъ (они мнѣ молочные братья) и благодаря неприступности замка, онъ до сихъ поръ не одолѣлъ меня. Мы могли до сихъ поръ защищаться, потому что у насъ не было недостатка въ съѣстныхъ припасахъ; но теперь, какъ ты видишь, наши запасы истощены; и то уже въ послѣднее время насъ питали монахини изъ сосѣдней обители... Но и у нихъ запасы пришли къ концу... И не далѣе, какъ завтра, графъ грозитъ нагрянуть къ замку со всѣми силами. Ты понимаешь, что если я попаду въ его руки, онъ отдастъ меня своимъ конюхамъ на посмѣяніе и позоръ! И вотъ, дорогой гость мой, я прибѣгаю къ тебѣ, умоляя защитить меня! Спаси меня — уведи отсюда или здѣсь защити меня отъ врага моего, по твоему усмотрѣнію!»

— «Ступай, и спи спокойно, моя милая!» — сказалъ Передуръ. — «Я уѣду отсюда лишь тогда, когда исполню твое желаніе и увижу, въ какой степени я могу быть тебѣ полезенъ?»

Красавица вернулась въ свою опочивальню, а на другой день, рано утромъ, опять пришла къ Передуру и поклонилась ему.

— «Ну, моя милая! Съ какими вѣстями пришла ты ко мнѣ?» — сказалъ Передуръ.

— «Съ очень дурными. Графъ съ многочисленнымъ войскомъ подступилъ къ замку и окружилъ его со всѣхъ сторонъ... Все поле кругомъ покрыто палатками и множество рыцарей ждутъ съ нетерпѣніемъ возможности вступить въ битву».

— «Вотъ какъ?» — сказалъ Передуръ. — «Ну, такъ вели же мнѣ приготовить коня моего».

Ему подали коня; онъ вскочилъ въ сѣдло и отправился въ поле. Тамъ горделиво гарцовалъ на конѣ рыцарь, который только что подалъ знакъ къ началу приступа. Передуръ сразился съ нимъ и мигомъ сбросилъ его съ коня. Затѣмъ онъ устремился на окружавшихъ его воиновъ, сталъ избивать ихъ и гнать передъ собою, такъ что они, наконецъ, не могли передъ нимъ устоять, и, словно стадо барановъ, устремились съ обрыва въ бѣгство, вопя о пощадѣ и ни о чемъ не помышляя, кромѣ спасенія жизни.

Подъ вечеръ того же дня съѣхался онъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ рыцарей графскаго войска. Передуръ одолѣлъ и его, и вынудилъ просить пощады.

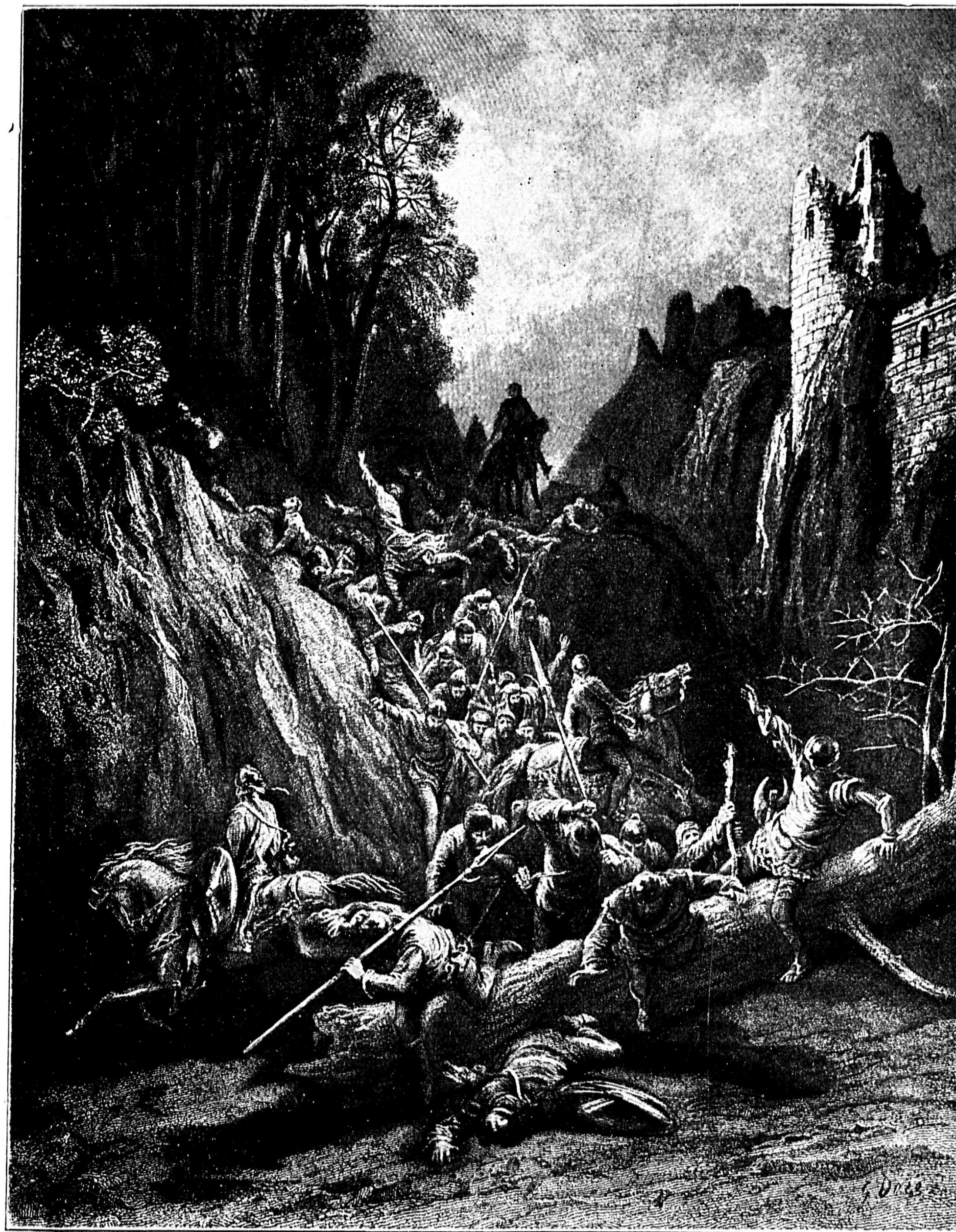
— «Кто ты!» — спросилъ его Передуръ.

— «Я управитель дворца графа».

— «А какая часть владѣній графини тебѣ принадлежитъ?»

— «Мнѣ принадлежитъ одна треть».

— «Такъ вотъ, возврати ей эту треть ея владѣній, да прибавь къ нимъ и тѣ доходы, которые были тобою получены. Да сверхъ того, прикажи сегодня-же вечеромъ отправить въ замокъ запасовъ на сто человѣкъ и на сто коней, и оружіе, на такое же количество бойцовъ; и ты долженъ остаться въ плѣну у владѣтельницы замка, которая можетъ быть не удовольствуется твоимъ выкупомъ...»



Передуръ защищаетъ замокъ своей красавицы.

Все это было выполнено немедленно. И въ ту ночь, красавица, счастливая и довольная, спала спокойно, такъ какъ замокъ былъ въ изобиліи снабженъ всякимъ запасомъ.

На слѣдующій же день Передуръ вновь, выѣхалъ въ поле; и вновь побилъ многихъ рыцарей, а подъ вечеръ опять съ нимъ на бой выступилъ какой то знатный рыцарь. Передуръ побѣдилъ и его, наступилъ ему ногою на грудь и заставилъ просить пощады.

— «Кто ты?» — спросилъ его Передуръ.

— «Я кравчій при столѣ у моего графа».

— «А какая часть владѣній графини тебѣ досталась?»

— «Одна треть».

— «Ну, такъ ты возвратишь владѣтельница замка всѣ ея владѣнія, да сверхъ того, приплешь немедленно въ замокъ запасовъ и вина на двѣсти человѣкъ да корму для двухъ-сотъ коней, и соотвѣтствующее число dospѣховъ и оружія. Самъ же ты, лично, до поры до времени, останешься ея плѣнникомъ въ замкѣ».

И все это было выполнено въ точности.

На третій день Передуръ еще разъ выѣхалъ въ поле, побилъ еще больше рыцарей, чѣмъ въ оба предшествующіе дня, а подъ вечеръ съѣхался съ самимъ графомъ, побилъ его и вынудилъ просить пощады.

— «Хорошо», — сказалъ Передуръ, — «я пощажу тебѣ жизнь, съ тѣмъ уговоромъ, что ты возвратишь владѣтельница замка ея графство, да въ придачу къ нему отдашь ей и свое. Сверхъ того пришли въ замокъ оружія и dospѣховъ на триста человѣкъ, и питья и ѣды на такое же количество людей».

И это тоже было исполнено.

Передуръ пробылъ послѣ того еще три недѣли въ той странѣ; и онъ всѣхъ заставилъ принести присягу вѣрности владѣтельница замка, и возстановилъ ея прежнее могущество.

— «Ну, теперь, съ твоего разрѣшенія», — сказалъ Передуръ, — «я думаю пуститься въ путь».

— «Неужели, дорогой мой, ты уѣдешь?»

— «Да, уѣду. И если бы я такъ не полюбилъ тебя, то, конечно, не провелъ бы здѣсь столько времени».

— «Милый мой, кто же ты, и какъ тебя зовутъ?»

— «Я Передуръ, сынъ Еврока, изъ Сѣвернаго графства; если ты когда-либо будешь въ бѣдѣ или въ опасности, то извѣсти меня — и, если будетъ возможно, я приѣду къ тебѣ на помощь».

Х.

Передуръ пустился въ дальнѣйшій путь. Долго, долго ѣхалъ онъ, когда его нагнала какая то дама, ѣхавшая верхомъ на исхудалой и сильно-истощенной лошади. Къ удивленію Передура, дама ему поклонилась какъ знакомому: оказалось, что то была дама рыцаря, въ шатрѣ котораго онъ поѣлъ и попилъ безъ приглашенія, въ то время, когда только что выѣхалъ на странствованье и подвиги. Она и рассказала ему всю печальную исторію своей ссоры съ рыцаремъ и своихъ странствованій.

— «Вижу я», — сказалъ Передуръ, — «что я являюсь виновникомъ всѣхъ твоихъ бѣдствій... Но я съумѣю образумить того, кто такъ дурно и несправедливо съ тобою обошелся».

Вскорѣ послѣ того подоспѣлъ и тотъ рыцарь, который искалъ встрѣчи съ Передуромъ, и юный витязъ сказалъ ему:

— «Я тотъ, кого ты ищешь, и долженъ тебѣ сказать прямо, что ты поступилъ съ этою женщиною недостойнымъ образомъ: она совершенно невинна».

Тутъ они съѣхались на битву; но битва продолжалась недолго: Передуръ вышибъ своего противника изъ сѣдла и заставилъ его просить пощады.

— «Я пощажу тебя», — сказалъ Передуръ, — «если ты вернешься сейчасъ же домой и всенародно заявишь, что снимаешь всякое обвиненіе къ этой женщинѣ и признаешь ее ни въ чемъ неповинной».

Рыцарь поклялся Передуру, что исполнить это условіе; а Передуръ поѣхалъ далѣе своимъ путемъ. Увидѣлъ онъ замокъ въ сторонѣ отъ дороги и поѣхалъ къ нему. Когда онъ постучался у воротъ, ему отворилъ ихъ темноволосый красавецъ-юноша, рослый и сильный на видъ. Когда Передуръ вошелъ въ залу, то увидѣлъ тамъ высокую, пожилой наружности даму, сидящую въ креслѣ, и около нея нѣсколько дѣвицъ — и дама эта весьма обрадовалась ему. По окончаніи обѣда, дама однакоже сказала ему:

— «Лучше было бы для тебя, рыцарь, если бы ты ушелъ ночевать куда-нибудь въ другое мѣсто».

— «Это почему!»

— «А потому, что здѣсь въ замкѣ есть девять волшебницъ: это извѣстныя волшебницы изъ Керлойу. При нихъ и отецъ ихъ, и мать, и если намъ не удастся бѣжать отсюда еще до разсвѣта — то мы погибли!.. Онѣ ужъ и такъ захватили и опустошили всю здѣшнюю страну, и только этотъ замокъ до сихъ поръ не находится въ ихъ власти».

— «Послушай», — сказалъ Передуръ, — «я все же хочу провести здѣсь ночь; и если съ вами случится чтонибудь недоброе — по мѣрѣ силъ помогу вамъ».

Съ тѣмъ всѣ и разошлись на покой, по своимъ комнатамъ. На разсвѣтѣ Передуръ услышалъ громкіе крики; онъ поспѣшно вскочилъ съ постели, наскоро одѣлся, взялъ мечъ свой и вышелъ изъ комнаты. Онъ увидѣлъ, что одна изъ волшебницъ напала на часоваго, стоявшаго на башнѣ, и тотъ кричалъ благимъ матомъ... Передуръ устремился на нее, и съ такою силою ударилъ ее мечемъ по головѣ, что расплющилъ ея шлемъ въ лепешку.

— «Прости мнѣ мою вину, Передуръ, прекрасный сынъ Эврока!» — воскликнула волшебница.

— «А откуда же ты знаешь, волшебница, что меня зовутъ Передуромъ?»

— «Знаю все будущее, а потому знаю и то, что мнѣ было предназначено пострадать отъ тебя. Возьми моего

коня и мой доспѣхъ, и послѣдуй за мною: я поучу тебя рыцарскимъ приемамъ и умѣною владѣть оружіемъ.

— «Прощу тебѣ только въ томъ случаѣ», — сказалъ Передуръ, — «если ты поклянешься мнѣ, что никогда болѣе не сдѣлаешь никакого зла графини».

Волшебница поклялась; и Передуръ, съ разрѣшенія графини, послѣдовалъ за волшебницей въ замокъ волшебницъ, пробылъ тамъ три недѣли, выбралъ себѣ коня и доспѣхъ по себѣ, и пустился въ дальнѣйшій путь.

ХІ.

Однажды утромъ, онъ выѣхалъ въ долину, и на концѣ той долины нашелъ хижину пустынника, который принялъ его у себя очень радушно и оставилъ на ночь. Поднявшись рано утромъ, онъ вышелъ изъ хижины и увидѣлъ, что земля покрыта снѣгомъ, выпавшимъ за ночь. На снѣгу передъ дверью хижины лежала птичка, заклеванная ворономъ, который и сидѣлъ на ней, собираясь ее починать.

Передура поразила рѣзкая противоположность бѣлизны снѣга, по сравненію съ чернотою ворона и съ ярко-краснымъ цвѣтомъ нѣсколькихъ капель крови на снѣгу. Онъ представилъ себѣ ясно образъ своей милой, у которой волосы и брови были черны, какъ смоль, лицо бѣло, какъ снѣгъ, а щеки румяны, какъ розы...

Между тѣмъ Артуръ и его приближенные давно уже выѣхавъ на поиски Передура, именно въ это время и въѣхали въ ту же долину.

— «Не знаетъ-ли кто», — спросилъ Артуръ, — «какой это рыцарь стоитъ тамъ на берегу рѣки, опираясь на свое длинное копье?»

— «Государь», — вызвался одинъ изъ юношей въ свитѣ Артура, — «я сейчасъ пойду и справлюсь».

И точно — явился къ Передуру, и спросилъ его: кто онъ, и что тутъ дѣлаетъ?

И такъ какъ воображеніе Передура было исключительно занято думами о его возлюбленной, то онъ и не отвѣтилъ на эти вопросы. Тогда юный посланецъ Артура ткнулъ копьемъ въ доспѣхъ Передура; а тотъ, обернувшись, мигомъ вышибъ его изъ сѣдла и сбросилъ на землю.

Еще двадцать четыре другихъ посланца Артуровыхъ подѣзжали къ Передуру точно также и съ такими же вопросами, и онъ ни одному изъ нихъ не отвѣчалъ ни слова, и всѣхъ принималъ точно также, однимъ ударомъ сбрасывая ихъ съ коня.

Тогда уже, вслѣдъ за ними, явился Кай, и обратился къ Передуру съ рѣзкими и грубыми укорами. Юный витязь, вмѣсто отвѣта, ткнулъ его копьемъ подъ бороду, приподнялъ высоко съ сѣдла, и такъ сильно ударилъ о-земь, что переломилъ ему руку и плечо; а затѣмъ много разъ еще переѣхалъ черезъ него, топча его подъ ногами своего коня. И въ то время, какъ Кай отъ боли лишился чувствъ и лежалъ распростертый на землѣ, его конь, испуганный, помчался къ своимъ.

Увидѣвъ это, спутники короля бросились къ мѣсту битвы, и сначала думали даже, что Кай лежитъ мертвый; но затѣмъ, убѣдившись, что онъ живъ и лежитъ безъ чувствъ, они его подняли, снесли въ станъ Артура и передали въ руки искусныхъ врачей.

А Передуръ, несмотря на присутствіе всѣхъ этихъ лицъ, все же не вышелъ изъ своего глубокаго раздумья, и все стоялъ по прежнему, опираясь на копье.

XII.

Тогда Гвальмай такъ повелъ рѣчь: «Неприлично и несогласно съ правилами рыцарской вѣжливости такъ нарушать раздумье благороднаго рыцаря... Вѣдь поводовъ къ такому раздумью можетъ быть только два: — или онъ обсуждаетъ нанесенное ему оскорбленіе, или онъ думаетъ

о своей возлюбленной. Тотъ, кто посланъ былъ къ нему послѣднимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, самъ виноватъ въ томъ, что его постигло. Не почитаете-ли вы нужнымъ, государь, чтобы я поѣхалъ и лично убѣдился въ томъ — вышелъ-ли рыцарь изъ своего раздумья, и возможно-ли вступить съ нимъ въ сношеніе? Въ послѣднемъ случаѣ, я весьма учтиво попрошу его, чтобы онъ посѣтилъ вашъ дворъ».

Но Кай былъ крайне раздраженъ, и не могъ вспомнить о рыцарѣ безъ гнѣва и досады:

— «Гвальмай», — сказалъ онъ, — «я очень хорошо понимаю, что ты хочешь воспользоваться утомленіемъ этого рыцаря, чтобы одержать надъ нимъ верхъ. Но ты не приобрѣтешь никакой ни славы, ни похвалъ, одержавъ побѣду надъ человѣкомъ, истощеннымъ въ битвѣ со мною; впрочемъ, тебѣ ужъ не впервые такъ достанется твоя слава. Но только, мнѣ кажется, что такой складкорѣчивый говорунъ, какъ ты, не нуждается даже вовсе въ боевомъ доспѣхѣ; тебѣ достаточно и тонкой холщевой одежды. При томъ же тебѣ, конечно, не придется ломать ни копья, ни меча съ этимъ рыцаремъ — такъ я его хорошо отдѣлалъ!»

Гвальмай отвѣчалъ Каю:

— «Ты бы могъ говорить со мною повѣжливѣе; но ты сердишься, и тебѣ просто нужно только успокоиться... Смѣю надѣяться, что я приведу сюда рыцаря миромъ, не вынуждая его перешибать мнѣ ни плеча, ни руки».

Тогда Артуръ сказалъ Гвальмаю:

— «Ты говоришь, какъ человѣкъ разумный; одѣкись въ свой доспѣхъ, и садись на коня».

Гвальмай вооружился и поспѣшно направился къ тому мѣсту, гдѣ Передуръ все еще стоялъ, по прежнему, въ раздумьѣ, опираясь на свое копье; Гвальмай приблизился къ нему, не выказывая никакихъ враждебныхъ намѣреній, и сказалъ:

— «Если бы я думалъ, что бесѣда со мною доставитъ тебѣ такое же удовольствіе, какое бесѣда съ тобою можетъ доставить мнѣ — то я бы вступилъ въ разговоръ съ

тобою. Притомъ же мнѣ поручено передать тебѣ приглашеніе Артура, съ которымъ къ тебѣ уже являлись другіе»...

— «Да, являлись; но вели себя недостойнымъ образомъ: они прямо нападали на меня, и я былъ оскорбленъ ихъ способомъ дѣйствій, потому что мнѣ было непріятно, что они мѣшали моему раздумью: — а я думалъ о моей милой, и ея прекрасный образъ стоялъ передо мною, какъ живой».

— «Пріятное раздумье!» — замѣтилъ Гвальмай, — «и, конечно, никто не можетъ быть доволенъ, если такое раздумье нарушатъ»...

Но Передуръ перебилъ его вопросомъ:

— «Кай все еще при дворѣ Артура?»

— «Да. Это тотъ самый рыцарь, который бился съ тобою послѣдній; но для него было бы лучше, если бы онъ вовсе не бился съ тобой: ты такъ сильно вышибъ его изъ сѣдла, что онъ сломалъ себѣ правую руку и плечо, при паденіи»...

— «Вотъ какъ! Ну, такъ я тебѣ скажу, что я очень доволенъ такимъ началомъ отмщенія ему за оскорбленіе, нанесенное Карлику и Карлицѣ, добрымъ геніямъ моего семейства!»

Тутъ только Гвальмай рѣшился положить ему руку на плечо и спросить, какъ его зовутъ?

— «Зовутъ меня Передуромъ... Я сынъ Еврока, а ты самъ — кто ты таковъ?»

— «Я — Гвальмай».

— «Очень радъ тебя видѣть», — сказалъ Передуръ, — «и во всѣхъ странахъ, какія мнѣ пришлось объѣхать, всюду слышалъ я похвалы твоей храбрости и мудрости. Будемъ же друзьями!»

— «Съ великою радостью! Будемъ друзьями!»

И они весело направились къ тому мѣсту, гдѣ Артуръ стоялъ станомъ; и когда Кай увидѣлъ ихъ издали, онъ сказалъ съ досадой:

— «Ну, вотъ! Я такъ и зналъ, что Гвальмаю не придется вступить въ битву съ рыцаремъ! Впрочемъ, я не

удивляюсь, что онъ такъ много пріобрѣтаетъ славы — онъ достигаетъ гораздо большихъ удачъ своими медоточивыми рѣчами, нежели я своею силой».

Передуръ, между тѣмъ, направился къ шатру Гвальмая, и они тамъ сняли съ себя доспѣхи и переодѣлись; а затѣмъ явились на поклонъ къ королю Артуру.

— «Вотъ, государь, тотъ самый рыцарь, котораго ты искалъ такъ долго!» — сказалъ Гвальмай.

— «Милости просимъ, юный витязь!» — ласково сказалъ Артуръ. — «Надѣюсь, что ты отнынѣ останешься при дворѣ моемъ... Если бы я зналъ тебя прежде, то не дозволилъ бы тебѣ такъ быстро удалиться отъ моего двора... Карликъ и Карлица, оскорбленные Каемъ, не даромъ говорили, что ты съумѣешь за нихъ отмстить!»

Вскорѣ явилась и королева со своими женщинами, и тоже обласкала пріѣзжаго рыцаря. Затѣмъ, всѣ вернулись очень довольные и веселые въ Каерлеонъ, столицу Артура.

Здѣсь-то Передуръ и встрѣтилъ красавицу Ангарадъ Златорукую...

— «Клянусь тебѣ!» — сказалъ ей Передуръ — «ты и красавица, и прелестная дѣвушка. И если бы ты мнѣ это дозволила, я сталъ бы любить тебя болѣе всѣхъ женщинъ».

— «Клянусь и я», — отвѣчала дѣвушка, — «что не люблю тебя, и никогда любить не буду!»

— «Ну, такъ я призываю Бога въ свидѣтели, что до тѣхъ поръ не произнесу ни единого слова ни съ одной душой христіанской, пока не заставлю тебя полюбить меня болѣе всѣхъ мужчинъ на свѣтѣ!»

XIII.

На другой день, съѣхавъ со двора короля Артура, Передуръ направился, куда глаза глядятъ. Проѣхавъ довольно много времени, онъ очутился въ долину, въ глубинѣ которой видны были дикія скалы, а среди нихъ

какія-то жилища, сколоченныя на скорую руку изъ толстыхъ, необдѣланныхъ древесныхъ стволовъ, безъ порядка наваленныхъ и нагроможденныхъ.

Передуръ сошелъ съ коня, привязалъ его къ опушкѣ лѣса; а войдя въ лѣсъ, увидѣлъ цѣпь скалистыхъ возвышеній, по которымъ пролегала дорога. Около той дороги, на одной изъ скалъ, лежалъ левъ, прикованный на цѣпи; а около того мѣста, гдѣ онъ лежалъ, простиралась въ сторонѣ глубокая пропасть, почти доверха наполненная костями людей и животныхъ. И вотъ Передуръ, выхвативъ мечъ, ударилъ имъ льва такъ, что тотъ мигомъ скатился въ пропасть и повисъ на цѣпи; а другимъ ударомъ меча онъ перерубилъ и цѣпь, и левъ рухнулъ въ пропасть.

Затѣмъ Передуръ сошелъ со скалы въ долину и увидѣлъ прекрасный замокъ, къ которому и направился. У самого замка, на лугу, онъ увидѣлъ мужчину громаднѣйшаго роста, въ сѣрой одеждѣ, и около него двухъ юношей,—одного бѣлокураго, а другого темноволосаго,—которые играли ножами. Передуръ поклонился этому сумрачному хозяину замка, а тотъ только и сказалъ:

— «Будь онъ проклятъ — этотъ привратникъ мой косматый!»

Передуръ понялъ, что рѣчь шла о лѣвѣ. Послѣ того всѣ они вошли въ замокъ, богато внутри изукрашенный; и вошли вмѣстѣ въ залу, гдѣ столы уже были накрыты и заставлены кушаньями и напитками.

Къ обѣду, изъ смежной комнаты вышла пожилая дама и при ней молоденькая дочка; онѣ умыли руки и сѣли за столъ. Передуру пришлось сидѣть за столомъ рядомъ съ молоденькой дочкой, которая очень печально на него поглядывала, такъ что онъ наконецъ даже и спросилъ у нея почему она такъ печальна?

— «Я грущу по тебѣ, другъ мой!» — отвѣчала дѣвушка. — «Какъ только я тебя увидѣла, такъ ты полюбился мнѣ больше всѣхъ людей, какихъ мнѣ случалось видѣть — и вотъ мнѣ очень грустно подумать, что завтра тебя уже

не будетъ въ живыхъ. Вѣдь ты вѣроятно замѣтилъ въ долинѣ эти грубо-сколоченныя изъ толстыхъ деревьевъ жилища? Они всѣ принадлежатъ вассаламъ моего отца, а эти вассалы — великаны, которыхъ онъ завтра призоветъ сюда, чтобы тебя погубить»...

— «Если тебѣ такъ жаль меня, то вотъ о чемъ я тебя попрошу: — устрой такъ, чтобы мой конь и все мое оружіе были у меня подъ руками, около той самой комнаты, гдѣ я буду ночевать».

И онъ растолковалъ ей, гдѣ онъ оставилъ коня; а она пообѣщала ему сдѣлать все возможное.

На другое утро, Передуръ, спозаранокъ, услышалъ шумъ отъ множества людей и топотъ коней около замка, а потому вооружился, сѣлъ на коня и выѣхалъ въ поле. Противъ него выступило цѣлое войско великановъ, изъ которыхъ онъ цѣлую треть побилъ еще до вечера не получивъ ни одной раны. Между тѣмъ, жена сумрачнаго владѣльца замка, стоя съ нимъ рядомъ на замковой стѣнѣ, просила его, чтобы онъ пощадилъ жизнь молодому витязю.

— «Ни за что! Не уйдетъ онъ отсюда живой!» — отвѣчалъ онъ ей грозно.

Въ это время Передуръ вступалъ въ битву съ бѣлокурымъ сыномъ хозяина замка... — вышибъ его изъ сѣдла, и убилъ на мѣстѣ.

Тогда налетѣлъ на него темноволосый сынъ владѣльца замка — и тотъ не ушелъ живой изъ рукъ Передура.

— «О, отецъ мой! — воскликнула дочь, — «вотъ уже оба твои сына убиты! Теперь и тебѣ самому не уйти отъ рукъ юнаго витязя!»

— «Ступай, проси его, чтобы онъ насъ пощадилъ», — сказалъ оробѣвшій злодѣй. — «Передай ему отъ меня, что мы всѣ отдаемся на его волю».

Молодая дѣвушка пришла къ Передуру и просила его пощадить ея отца и всѣхъ его вассаловъ, которые еще остались въ живыхъ.

— «Ради тебя я ихъ пощажу», — сказалъ Передуръ, — «но съ условіемъ: отецъ твой и всѣ его вассалы пойдутъ ко двору Артура и принесутъ королю присягу въ подданствѣ, и при этомъ скажутъ, что вынудилъ ихъ къ тому его вассалъ Передуръ».

Затѣмъ, узнавъ, что и эта молодая дѣвушка, и ея родители, и всѣ ихъ вассалы — язычники, Передуръ поставилъ непрѣннымъ условіемъ, чтобы они крестились; а самъ про себя подумалъ:

— «Благодарю Бога, что я не нарушилъ клятвы, которую далъ моей возлюбленной, — я говорилъ только съ язычниками»...

XIV.

На другое утро всѣ вассалы и самъ владѣлецъ замка съ семействомъ своимъ направились ко двору Артура, а Передуръ продолжалъ свое странствованіе. Переѣхавъ довольно обширную и совершенно безплодную пустыню, Передуръ наконецъ наѣхалъ въ глуши на какое-то жилье, передъ порогомъ котораго, на скамѣ, сидѣли три молодые дѣвушки, одѣтыя въ одинаковую одежду. Передуръ подъѣхалъ къ нимъ, поклонился и сѣлъ рядышкомъ на скамейку. Одна изъ дѣвушекъ взглянула на него и заплакала:

— «О чемъ же ты плачешь?» — спросилъ Передуръ.

— «О томъ, что ты такой молодецъ и красавчикъ, а между тѣмъ тебѣ не сносить головы на плечахъ! Тебя убьютъ».

— «Да кто же убьетъ то меня?»

— «Отецъ мой. Онъ убиваетъ каждого, кто безъ его разрѣшенія подѣдетъ къ его жилищу».

— «А кто же твой отецъ, и почему онъ можетъ такъ убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей?»

— «Мой отецъ большой злодѣй; онъ угнетаетъ и мучитъ всѣхъ своихъ сосѣдей и на него нельзя никому найти никакой управы».

Въ то время, когда они это говорили, слышался шумъ и гулъ, и къ жилью подъѣхалъ громадный черный человѣкъ, кривой на одинъ глазъ. Молодые дѣвушки встали передъ нимъ и помогли ему снять доспѣхи.

— «Кто этотъ рыцарь!» — спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья.

— «Этотъ рыцарь», — отвѣчала одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, — «одинъ изъ самыхъ благородныхъ и прекрасныхъ юношей, какихъ я когда-либо видала. Пощади его, ради Бога и ради твоей совѣсти».

— «Хорошо. Ради тебя я дарую ему жизнь на эту ночь».

Послѣ этого всѣ они сѣли за столъ, и пили, и ѣли вмѣстѣ, и Передуръ провелъ ночь подъ кровомъ чернаго человѣка. На другое утро, онъ, едва поднявшись съ постели, вооружился и прійдя къ Передуру, сказалъ:

— «Вставай, и готовься къ смерти».

Передуръ, не смущаясь, отвѣчалъ ему:

— «Развѣ ты хочешь убить меня безъ оружія? Либо скинь доспѣхи и будемъ биться безъ оружія, либо дай мнѣ время вооружиться?»

Черный человѣкъ согласился дать Передуру время на вооруженіе, прибавивъ съ усмѣшкой:

— «Дивлюсь я твоей дерзости, и постигнуть не могу, какъ ты рѣшаешься со мною биться?»

Но какъ только бой начался, Передуръ сразу его одолѣлъ и смялъ подъ себя и заставилъ просить пощады.

— «Хорошо, черный человѣкъ! Я готовъ тебя пощадить, но съ тѣмъ, что ты мнѣ скажешь, какъ тебя зовутъ, и кто тебѣ вышибъ одинъ глазъ?»

— «Зовутъ меня Черный Мучитель, за то, что я всѣхъ людей по сосѣдству мучилъ и угнеталъ; а глазъ я потерялъ въ битвѣ съ Горнымъ Змѣемъ, который живетъ въ пещерѣ, на горѣ Скорби. Въ хвостѣ этого змѣя вправленъ драгоценный камень: — кто тотъ камень возьметъ въ руку, у того въ другой сейчасъ же окажется столько

золота, сколько онъ пожелаетъ. Вотъ въ битвѣ съ этимъ то змѣемъ я и потерялъ глазъ».

— «А далеко-ли до той горы?» — спросилъ Передуръ.

— «На одинъ день пути отсюда лежитъ замокъ сыновей Короля-Мученика».

— «Отчего его такъ называютъ?»

— «Оттого что каждый день, чудовище Авонкъ, живущее на берегу сосѣдняго озера, убиваетъ у него всѣхъ его сыновей. Миновавъ его замокъ, ты приѣдешь къ замку Дамы-Воительницы. А за этимъ замкомъ уже недалеко и до Горы Скорби, охраняемой стражею Горнаго Змѣя, который живетъ подъ горою въ трехъ стахъ палаткахъ».

Выслушавъ все это, Передуръ, послѣ нѣкотораго раздумья, все же убилъ чернаго человѣка, подумавъ про себя:

— «Слишкомъ ужъ много зла онъ всѣмъ сдѣлалъ! Пусть никому болѣе не вредить!»

Вскорѣ послѣ того подошла къ нему одна изъ молодыхъ дѣвушекъ и сказала:

— «Ты убилъ чернаго человѣка и теперь можешь завладѣть его неисчислимымъ богатствомъ, и любую изъ насъ выбрать себѣ въ жены».

— «Я сюда не жениться приѣхалъ. Богатства вашего, мнѣ не надо; а замужъ можете выходить за кого вамъ угодно».

ХУ.

На другой день Передуръ приѣхалъ къ замку сыновей Короля-Мученика. Войдя въ замокъ, онъ былъ встрѣченъ только женщинами, которыя, впрочемъ, приняли его весьма радушно. Въ то время, когда онъ вступилъ въ бесѣду съ ними, къ замку примчался боевой конь, и примчалъ на сѣдлѣ мертваго всадника.

Тогда одна изъ женщинъ поднялась со своего мѣста, сняла мертваго всадника съ коня, и опустила его въ бассейнъ съ горячею водою, поставленный около воротъ

замка, а затѣмъ потеряла дорогимъ бальзамомъ; и всадникъ ожилъ, и подошелъ къ Передуру, кланяясь и привѣтствуя его радушно.

Вслѣдъ за первымъ всадникомъ явились еще двое, точно также, какъ и первый — и молодая дѣвушка поступала съ ними точно также: купала ихъ въ бассейнѣ съ горячею водою и умащивала тѣла ихъ бальзамомъ.

Тогда Передуръ спросилъ у нихъ, что это значитъ? И онѣ ему отвѣчали, что невдалекѣ отъ ихъ замка гнѣздится въ пещерѣ чудовище Авонкъ, которое убиваетъ ихъ ежедневно.

На другое утро (ту ночь Передуръ ночевалъ въ замкѣ трехъ братьевъ), когда три брата собирались съѣзжать со двора, юный витязь попросилъ ихъ, что бы они его взяли съ собою.

Но они отказали ему въ этомъ наотрѣзъ:

— «Если бы ты былъ убитъ», — сказали они ему, — «тебя бы никто не могъ оживить».

Когда же они удалились, Передуръ послѣдовалъ за ними... Вскорѣ они скрылись изъ виду, и Передуръ, чтобы высмотрѣть, куда они поѣдутъ, взобрался на ближайшую гору; — и вдругъ, на вершинѣ ея, увидѣлъ даму необычайной красоты.

— «Я знаю, чего ты добиваешься», — сказала она. — «Ты хочешь сразиться съ Авонкомъ; но знай, что онъ тебя непременно убьетъ: не силой одолѣетъ, такъ хитростью...

Онъ живетъ въ пещерѣ, и передъ входомъ въ нее стоитъ каменный столбъ, за которымъ онъ прячется такъ искусно, что видитъ всѣхъ, кто къ пещерѣ подходитъ, а его никто не видитъ; изъ за этого то столба онъ и пускаетъ свои смертоносные, отравленные дротики. Если же ты общаешься мнѣ, что полюбишь меня болѣе всѣхъ женщинъ, то я тебѣ дамъ драгоценный камень, при помощи котораго тебѣ легко будетъ увидѣть Авонка, тогда какъ ты самъ останешься ему невидимъ».

— «Охотно соглашаюсь на твои условія!» — сказалъ Передуръ. — «Какъ же тебя не любить — такую красавицу!

Я чуть только увидѣлъ тебя, какъ уже почувствовалъ къ тебѣ сильнѣйшее влеченіе... Но скажи, гдѣ же мы съ тобою встрѣтимся?»

— «Когда ты вздумаешь меня отыскать, ищи меня въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Индіей».

И произнесъ эти слова дама исчезла, передавъ Передуру драгоцѣнный камень, обладавшій чудесною силою.

Продолжая свой путь и пытаясь отыскать дорогу къ пещерѣ Авонка, Передуръ повстрѣчался на пути съ благороднымъ юношей, который, стоя на одномъ изъ придорожныхъ холмовъ, держалъ на смычкѣ двухъ превосходныхъ борзыхъ, собираясь ихъ спустить на звѣря, котораго гончія должны были выгнать изъ лѣса на поляну; по этой полянѣ въ разныя стороны расходились три дороги, и Передуръ спросилъ у юноши, куда ведутъ эти дороги.

— «Одна изъ нихъ ведетъ къ моему замку, и мнѣ было бы очень пріятно, если бы ты ее избралъ; другая дорога ведетъ къ городу; третья — самая узкая — ведетъ къ пещерѣ Авонка».

— «Вотъ эта-то мнѣ и нужна», — сказалъ Передуръ, и распрощался съ юношей.

Подѣхавъ къ пещерѣ Авонка, онъ взялъ драгоцѣнный камень въ лѣвую, а копье въ правую руку, высмотрѣлъ Авонка за столбомъ, пронзилъ его быстрымъ ударомъ копья и отсѣкъ ему голову.

При выходѣ изъ пещеры, онъ лицомъ къ лицу повстрѣчался съ тремя сыновьями Короля-Мученика. Они преклонились передъ витяземъ и сказали ему:

— «Изстари было предсказано, что тебѣ суждено убить Авонка».

Передуръ передалъ имъ въ руки голову Авонка; а они въ благодарность за это предлагали ему избрать любую изъ ихъ сестеръ себѣ въ жены и предлагали половину своего царства за нею въ приданое.

— «Я пришелъ сюда не для женитьбы», — отвѣчалъ Передуръ, — «а долженъ ѣхать далѣе, чтобы совершить другой подвигъ. Вамъ же я желаю всякаго благополучія».

XVI.

Послѣ многихъ дорожныхъ встрѣчъ, послѣ всякихъ блужданій и странствованій, послѣ того, какъ и Черный Змѣй также палъ отъ руки его, Передуръ прибылъ однажды на берега живописной рѣчки. Множество полотенъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ было раскинуто по берегамъ ея. Но особенно удивило Передура то количество вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, которыя были построены и по рѣкѣ и на возвышенныхъ берегахъ ея.

Въ то время, какъ Передуръ дивился на эти мельницы, съ нимъ поровнялся высокій темнорусый мужчина, въ рабочемъ платьѣ, и Передуръ спросилъ его, кто онъ таковъ?

— «Я хозяинъ всѣхъ этихъ мельницъ», — отвѣчалъ тотъ.

— «Не пріютишь-ли ты меня у себя?»

— «Очень буду радъ!» — отвѣчалъ мельникъ.

Помѣстившись въ домѣ мельника, Передуръ сталъ его спрашивать, почему именно собралось на берегахъ этой рѣчки такое множество народа?

— «Видно, что ты здѣсь чужанинъ!» — сказалъ мельникъ. — «Сюда пожаловала издалека царица Кристинобль-Великая, и объявила, что ищетъ себѣ жениха, а выйдетъ замужъ только за самаго храбраго изъ храбрыхъ — за того, кто на здѣшнемъ турнирѣ побѣдитъ всѣхъ остальныхъ рыцарей. Вотъ и съѣхалось сюда такое множество народа, что не хватило запасовъ хлѣба для прокорма пріѣзжихъ гостей, и пришлось построить всѣ эти мельницы для снабженія ихъ мукой».

Передуръ рѣшилъ попытать счастья на турнирѣ. На другое утро, спозаранокъ, онъ одинъ вооружился, сѣлъ на коня, и поѣхалъ на поле, гдѣ турниръ долженъ былъ

происходить. Но на пути, проѣзжая мимо одной богато-украшенной палатки, онъ увидѣлъ прелестную дѣвушку, которая у входа въ палатку расчесывала свои чудные волосы, и красота этой дѣвушки совсѣмъ затуманила разумъ. Онъ сталъ смотрѣть на дѣвушку, и не спускалъ съ нее глазъ съ утра до полудня, и съ полудня до вечера, и простоялъ весь день, какъ прикованный къ мѣсту, и забылъ о турнирѣ.

Тоже было и на другой день; тоже было бы вѣроятно и на третій, если бы около полудня Передуръ не выведенъ былъ изъ своего оцѣпененія сильнымъ ударомъ дубиною по плечу!.. Онъ оглянулся и увидѣлъ мельника, который ему сказалъ:

— «Да будетъ-ли этому конецъ! Ты такъ засмотрѣлся, что и турниръ прозѣваешь!»

Передуръ усмѣхнулся въ отвѣтъ на это добродушное напоминаніе и отправился на турниръ. И всѣ тѣ, кто вступалъ съ нимъ въ битву въ тотъ день, были имъ побиты. И всѣхъ побѣжденных онъ посылалъ въ даръ царицѣ; а коней и доспѣхи ихъ отправлялъ къ мельнику и мельничихѣ, въ уплату за постой.

Тогда царица пожелала видѣть юнаго витязя и приказала пригласить его къ себѣ на свиданіе. Но Передуръ не пошелъ ни по перву зву, ни по второму; на третій разъ царица отправила за нимъ сто рыцарей, чтобы они привели его силою. Но Передуръ всѣхъ рыцарей побилъ, и все же не пошелъ... Тогда ужъ царица догадалась послать за нимъ одного изъ своихъ мудрецовъ, который съумѣлъ уговорить упрямаго рыцаря, и тотъ, придя въ шатеръ царицы, побылъ у ней недолго и поговорилъ съ ней немного.

На другой день, вновь приглашенный къ царицѣ, онъ очарованъ былъ ея красотою и любезностью, и они уже стали бесѣдовать очень нѣжно... И вдругъ въ шатеръ явился черный рыцарь, державшій въ рукахъ золотой кубокъ съ виномъ. Преклоня коленъ передъ дамой, онъ сказалъ:

— «Отдай этотъ кубокъ тому, кто въ честь тебя выйдетъ со мною на бой!»

Царица оглянулась на Передура.

— «Дай кубокъ мнѣ!» — сказалъ онъ.

Вино выпилъ, а кубокъ отослалъ на мельницу.

За первымъ чернымъ рыцаремъ явился второй, еще выше того ростомъ, и подаль съ тѣми же словами царицѣ турій рогъ, наполненный виномъ.

— «Государыня! Дай мнѣ этотъ рогъ!» — сказалъ Передуръ, и тотчасъ вино изъ рога выпилъ, а рогъ отослалъ на мельницу.

За вторымъ рыцаремъ явился третій черный рыцарь, самый громадный и самый страшный изъ всѣхъ; онъ подаль царицѣ кружку съ виномъ, и повторилъ то же, что сказали и первые двое.

Передуръ и кружку вызвался выпить, и затѣмъ вышелъ на битву со всѣми тремя черными рыцарями, и убилъ ихъ всѣхъ троихъ.

Побѣдителемъ вступилъ онъ въ шатеръ царицы, и она сказала ему:

— «А помнишь-ли ты, что ты сказалъ мнѣ и въ чемъ мнѣ поклялся, когда я дала тебѣ чудный камень-талисманъ и научила, какъ тебѣ слѣдуетъ биться съ Авонкомъ?»

— «Помню, помню!» — воскликнулъ Передуръ, и вдругъ узналъ въ царицѣ ту даму, которую когда-то видѣлъ на горѣ.

И царица вышла за него замужъ и четырнадцать лѣтъ сряду раздѣляла съ нимъ труды и заботы по управленію своимъ царствомъ.

XVII.

Артуръ, много лѣтъ спустя, держалъ, по обычаю, свой дворъ въ Кэрлеонѣ — столицѣ своего королевства. Среди залы его славнаго дворца разостланъ былъ мягкій бархатный коверъ и на немъ сидѣли четверо славнѣйшихъ бой-

цовъ Артурова двора: Овеннъ, сынъ Уріена, Гвальмай, сынъ Гвіара, Передуръ, сынъ Эврока и Гоэль, сынъ принца Арморикскаго.

И вдругъ въ залу дворца, на пепельно-сѣромъ мулѣ въѣхала молодая дѣвушка, удивительно безобразной, отталкивающей наружности. Она поклонилась Артуру и всѣмъ присутствующимъ, кромѣ Передура; а подѣхавъ къ молодому витязю, обратилась къ нему съ рѣчью, полною укоровъ и гнѣва:

— «Тебѣ, Передуръ, я не кланяюсь, потому что ты и поклона не заслуживаешь. Да будетъ тебѣ стыдно, что ты — пріѣхавъ нѣкогда ко двору хромого короля и увидѣвъ юношей, несшихъ окровавленное копье и другія диковины — даже не потрудился спросить объясненія этимъ диковинамъ у окружающихъ. Если бы ты заговорилъ тогда объ этомъ съ королемъ, король бы выздоровѣлъ, а его королевство было бы избавлено отъ войны, между тѣмъ какъ теперь тамъ идутъ ожесточенныя битвы и осады замковъ; и рыцари его въ битвахъ гибнутъ, и жены ихъ остаются вдовами, и дочери лишаются приданаго!.. И все это изъ-за тебя!»

Затѣмъ она обратилась къ Артуру:

— «Если кому-либо изъ твоихъ рыцарей вздумается достигнуть верха рыцарской славы и почестей, то я ему могу указать, гдѣ онъ этого можетъ добиться... Есть въ одной странѣ высокая, превысокая гора, на той горѣ замокъ Чудесъ, а въ замкѣ молодая дѣвушка, которую тамъ держатъ въ заточеніи. И вотъ тотъ рыцарь, который замокъ отыщетъ, и ту дѣвушку изъ заточенія освободитъ — тотъ и достигнетъ верха рыцарской славы и почестей!»

Сказавъ это, она повернула мула и удалилась изъ залы Артурова дворца.

Тутъ Гвальмай первый нарушилъ молчаніе, и сказалъ:

— «Клянусь, что не засну спокойно, пока не попытаюсь освободить эту дѣвушку изъ заточенія!»

И многіе изъ рыцарей Артурова двора рѣшили къ нему присоединиться. А затѣмъ и Передуръ сказалъ:

— «Клянусь и я, что не засну спокойно, пока не добьюсь, откуда взялось это окровавленное копье, и какое именно значеніе оно имѣетъ?»

И, недолго думавши, витязи вооружились, снарядились въ путь и, сѣхавъ со двора Артурова замка, разѣхались въ разныя стороны.

Много дней и недѣль ѣхалъ Передуръ и всюду всѣхъ спрашивалъ о томъ, гдѣ находится замокъ Чудесъ, и гдѣ живетъ та безобразная дѣвушка, которая пріѣзжала ко двору Артура — и никто не могъ дать ему никакихъ указаній.

Пріѣхавъ однажды въ долину, по которой извивалась рѣчка, Передуръ повстрѣчался съ охотою, и среди прочихъ охотниковъ замѣтилъ человѣка важной и благородной осанки, которому и поклонился. Тотъ отвѣтилъ на поклонъ витязя и сказалъ:

— «Если ты хочешь со мною поохотиться, то я буду этому очень радъ... Но, можетъ быть, ты предпочтешь отправиться на отдыхъ въ мой замокъ? Въ такомъ случаѣ, я отправлю съ тобою кого-нибудь изъ моей свиты, извѣстить мою дочь о твоёмъ пріѣздѣ; а возвратясь съ охоты постараюсь удовлетворить тебя во всѣхъ твоихъ желаніяхъ, насколько будетъ возможно».

И король далъ ему въ провожатые карлика въ желтой одеждѣ.

Когда они прибыли въ замокъ, королева только-что собиралась сѣсть за столъ. Она приняла Передура самымъ радушнымъ образомъ, посадила его за столомъ около себя, и они стали кушать. Завязалась между ними оживленная и веселая бесѣда, и при каждой шуткѣ Передура она смѣялась настолько громко, что всѣ придворные могли ее слышать даже въ сосѣднихъ комнатахъ.

И вотъ желтый карликъ, придя къ королю, сказалъ ему:

— «Этотъ молодой заѣзжій рыцарь слишкомъ ужь близокъ къ твоей дочери... Какъ бы не случилось того, что она, пожалуй, покинетъ тебя и убѣжитъ съ нимъ?»

— «А что же ты посовѣтуешь мнѣ сдѣлать?» — сказалъ король, нахмурившись.

— «Собери нѣсколько человѣкъ, посильнѣе, да заключи его, до поры до времени, въ тюрьму, а тамъ посмотримъ, что съ нимъ надо будетъ сдѣлать».

Король послѣдовалъ совѣту карлика и заключилъ Передура въ темницу. А королевна пришла къ отцу и спросила его, за что онъ такъ жестоко поступилъ съ этимъ рыцаремъ Артурава двора?

— «Про то я знаю», — отвѣчалъ ей король-отецъ, — «и не выпущу его изъ темницы ни сегодня, ни завтра, ни послѣ завтра».

Дочь ничего не отвѣтила отцу; но пошла къ заключенному и спросила его ласково:

— «Что? Тебѣ вѣрно очень нехорошо здѣсь, въ темницѣ?»

— «Нѣтъ. Ничего! Мнѣ вездѣ хорошо», — отвѣчалъ Передуръ.

— «Ну, такъ ты не безпокойся; я велю тебѣ и здѣсь доставить всякія удобства и развлеченія — и я сама буду тебя навѣщать при первой возможности».

И дѣйствительно она исполнила свое обѣщаніе.

XVIII.

На другое утро Передуръ услышалъ въ замкѣ шумъ и движеніе.

— «Скажи мнѣ, красавица, что́ это за шумъ?» — спросилъ онъ у королевны.

— «Это войско и рыцари отца моего собираются сегодня отовсюду въ замокъ».

— «Зачѣмъ же они собираются?»

— «Да вотъ тутъ, недалеко, живетъ по сосѣдству графъ, обладатель двухъ графствъ; онъ почти также могущественъ, какъ король, и мой отецъ долженъ съ нимъ сегодня сразиться».

— «Ну, такъ вотъ о чемъ я тебя попрошу, милый другъ!» — сказалъ Передуръ. — «Достань мнѣ коня и вооруженіе, чтобы я тоже могъ принять участіе въ ихъ битвѣ. Клянусь тебѣ, что вернусь сюда послѣ боя».

Королевна охотно на это согласилась; достала ему и коня, и вооруженіе, дала сверхъ того еще ярко-красную епанчу, чтобы накинуть на плечи, поверхъ доспѣха, а желтый щитъ повѣсила ему на руку.

И онъ принялъ участіе въ битвѣ; и всѣ рыцари свиты графа, вступившіе въ бой съ Передуромъ, были побиты. А затѣмъ онъ вернулся въ тюрьму.

Королевна стала Передура спрашивать о битвѣ, но онъ ей ничего на ея вопросы не отвѣчалъ. Тогда она стала въ тотъ же вечеръ спрашивать у отца, который изъ его рыцарей болѣе отличился въ битвѣ; и отецъ отвѣчалъ, что болѣе всѣхъ отличился неизвѣстный ему рыцарь съ желтымъ щитомъ на рукѣ и красной епанчей, накинутой поверхъ доспѣха. Дочка на это улыбнулась въ отвѣтъ, и вернулась къ Передуру, и поздравила его съ успѣхомъ.

И тоже повторялось еще въ теченіе трехъ дней, и Передуръ, послѣ битвы, никѣмъ не замѣченный, возвращался опять въ свою тюрьму. На четвертый день Передуръ убилъ самого графа. А королевна опять обратилась къ отцу съ вопросомъ о вѣстяхъ:

— «Вѣсти отличныя!» — сказалъ король: — «графъ убитъ, и теперь оба графства перейдутъ ко мнѣ во владѣніе».

— «А знаешь-ли ты, кто его убилъ?»

— «Да, знаю! Тотъ же самый рыцарь въ красной епанчѣ и съ желтымъ щитомъ».

— «Государь! А вѣдь я этого рыцаря знаю!»

— «Скажи же, Бога ради, кто онъ?»

— «Да тотъ же самый витязь, который по твоему приказу посаженъ въ тюрьму!»

Тогда король явился къ Передуру въ тюрьму, и сказалъ ему, чтобы онъ назначилъ такую цѣну за оказанныя имъ услуги, какую самъ пожелаетъ.

Когда въ тотъ день сѣли за столъ, Передуръ былъ посаженъ на самое почетное мѣсто, между королемъ и его дочерью.

— «Я готовъ за тебя отдать мою дочь, и половину моего королевства, и эти два новые графства — все тебѣ въ приданое за нею».

— «Очень тебѣ признателенъ за доброе желаніе», — отвѣчалъ Передуръ. — «Но я не для того сюда пришелъ, чтобы жениться».

— «Что же тебѣ нужно?»

— «Я разыскиваю дорогу къ Замку Чудесъ».

— «О! Я вижу, что твое честолюбіе превосходитъ твои силы», — сказала королева. — «Но все же я дамъ тебѣ проводника къ этому замку, который проводитъ тебя до самаго рубежа владѣній моего отца; дамъ тебѣ и достаточный запасъ на дорогу... Ты долженъ знать, что ты мнѣ милѣе всѣхъ!.. А вотъ тебѣ и указаніе пути: — поднимись на эту гору, и по ту сторону ея увидишь озеро, и среди озера стоитъ этотъ Замокъ Чудесъ, какъ его называютъ... Какія въ немъ чудеса — это мнѣ невѣдомо; но знаю, что всѣ его такъ зовутъ».

XIX.

Передуръ направился по указанному направленію и пришелъ къ замку на озерѣ, и нашелъ ворота открытыми настежъ. Вошелъ въ ворота, направился въ залу, и увидѣлъ, что двери въ залу также настежъ открыты.

Войдя въ залу, онъ увидѣлъ въ ней на столѣ шахматницу; и шахматы двухъ противоположныхъ сторонъ двигались по ней сами собою. Та сторона, — около которой

Передуръ остановился, чтобы взглянуть на игру, — проиграла партію... Тогда всѣ фигуры противоположной стороны испустили радостный крикъ, какъ если бы все это были живыя и разумныя существа. Передуръ, оторопѣлый отъ этой неожиданности, схватилъ шахматницу и швырнулъ ее въ озеро.

Въ это мгновеніе и вошла въ залу та дѣвушка безобразной, отталкивающей наружности, которую Передуръ всюду розыскивалъ.

— «Что ты это надѣлалъ?!» — воскликнула она, всплеснувъ руками.

— «Въ чемъ же вина моя?» — спросилъ Передуръ.

— «Въ томъ, что ты швырнулъ въ озеро шахматницу царицы, за которую она не взяла бы всего своего царства въ промѣнъ? Ступай-же и добудь теперь эту шахматницу отъ того чернаго дикаря, который живетъ въ замкѣ Избидигондиль, и страшно опустошаетъ владѣнія царицы. Только убивъ его, ты добудешь отъ него эту драгоцѣнную шахматницу... Но я все это говорю тебѣ напрасно, потому что ты, конечно, не выйдешь живой изъ битвы съ нимъ».

— «Не возьмешься-ли ты меня проводить къ тому замку?» — спросилъ Передуръ.

— «Изволь», — отвѣчала ему дѣвушка.

И вотъ Передуръ добрался до завѣтнаго замка Избидигондиль, вступилъ въ битву съ чернымъ дикаремъ, долго съ нимъ бился, и наконецъ убилъ его... И чуть только убилъ, дивная шахматница сама собою перенеслась на прежнее мѣсто въ Замокъ Чудесъ.

Когда и Передуръ вернулся въ тотъ замокъ, дѣвушка сказала ему:

— «Царица не выйдетъ къ тебѣ и не допуститъ тебя къ себѣ на-очи, пока ты не убьешь чудовище, обитающее въ сосѣднемъ лѣсу».

— «Какое чудовище?»

— «Это олень-единорогъ, быстрый и неуловимый какъ вѣтеръ. На лбу у него одинъ только рогъ, длиною съ

твое копье, и острый, какъ игла. Этимъ рогомъ онъ обшибаетъ вѣтви у самыхъ лучшихъ деревьевъ въ лѣсу и убиваетъ всѣхъ звѣрей и животныхъ, какія ему попадаютъ на встрѣчу. Но всего-то хуже то, что онъ каждую ночь выпиваетъ все озеро, и большая часть рыбы въ озерѣдохнетъ прежде, чѣмъ опять удастся наполнить озеро водою».

— «А не покажешь-ли ты мнѣ, гдѣ его найти?» — спросилъ Передуръ.

— «Не могу показать, потому что въ тотъ лѣсъ, гдѣ обитаетъ этотъ олень-единорогъ, запрещено входить кому бы то ни было въ теченіе этого года. Но вотъ я тебѣ дамъ въ провожатые маленькую собачку моей госпожи: — она выгонитъ тебѣ оленя на поляну, и онъ самъ на тебя нападетъ»...

Такъ и случилось. Собачка выманила оленя-единорога изъ лѣса на поляну. Олень устремился яростно на Передура, но тотъ увернулся отъ его удара и однимъ взмахомъ меча отсѣкъ ему голову.

Въ то время, когда онъ еще осматривалъ эту голову и любовался ею и золотымъ ожерельемъ, которое было у оленя-единорога на шеѣ — явилась передъ нимъ статная и красивая дама, подхватила собачку съ земли къ себѣ на колѣни, а потомъ поставила передъ собою на сѣдло и голову оленя-единорога, а Передуру сказала:

— «Витязь! Я очень тобою недовольна: — ты убилъ лучшее украшеніе всего моего царства!»

— «Мнѣ сказали, что ты этого желаешь!.. Но чѣмъ же, однако, я могу загладить свою вину передъ тобою?»

— «Взвѣзжай на эту гору; тамъ увидишь лѣсъ, а въ лѣсу большой надгробный камень: громкимъ троекратнымъ кличемъ вызови изъ могилы того воина, который покоится подъ этимъ камнемъ, и вступи съ нимъ въ битву... Этимъ ты загладишь свою вину».

XX.

Передуръ немедля пустился въ путь, пріѣхалъ къ опушкѣ лѣса, и трижды, громкимъ воинскимъ кличемъ, вызвалъ древняго, давно-почившаго воина изъ могилы.

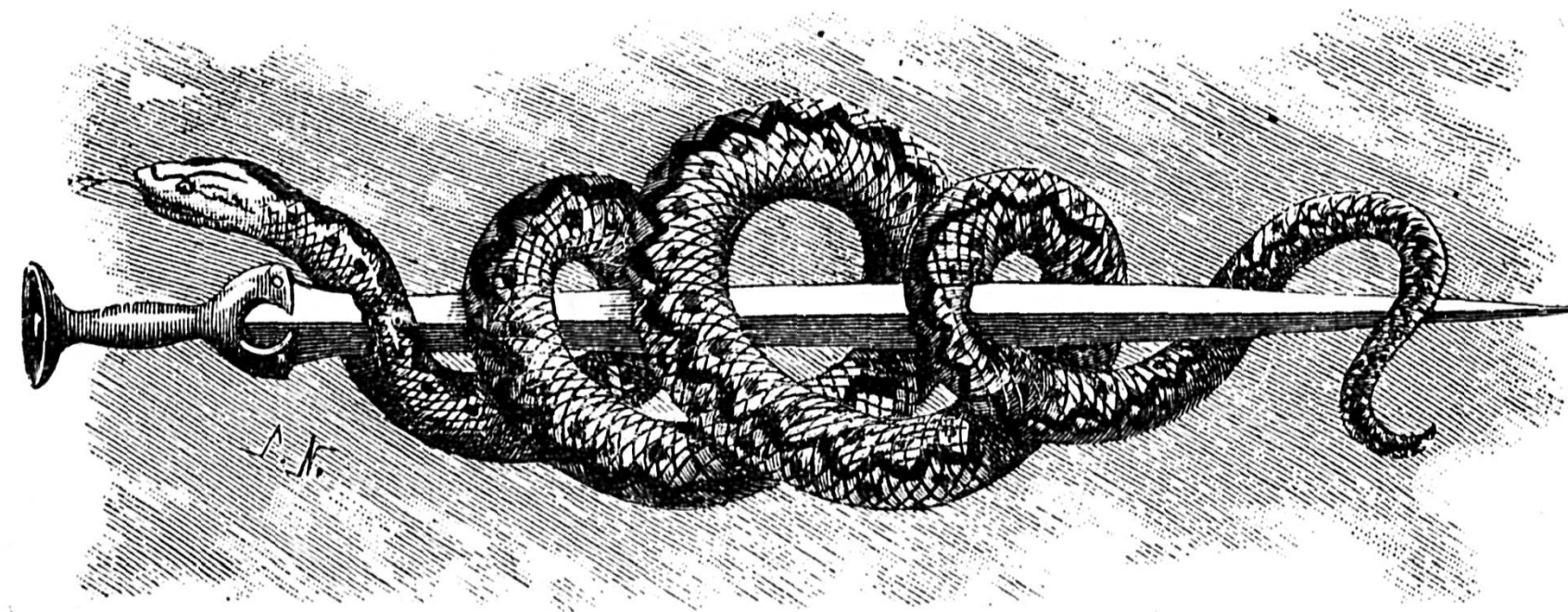
И вотъ, сумрачный воинъ, верхомъ на скелетѣ былого боевого коня, прикрытый ржавою броней, вышелъ изъ подъ могильнаго камня, и вступилъ съ нимъ въ битву... И сколько разъ ни высаживалъ его Передуръ изъ сѣдла, онъ каждый разъ вновь быстро вскакивалъ на коня и вновь вступалъ въ битву. Тогда Передуръ спѣшился, отбросилъ копье и взялся за мечъ... Но сумрачный воинъ уже скрылся у него изъ глазъ, уведя съ собою и коня Передурова.

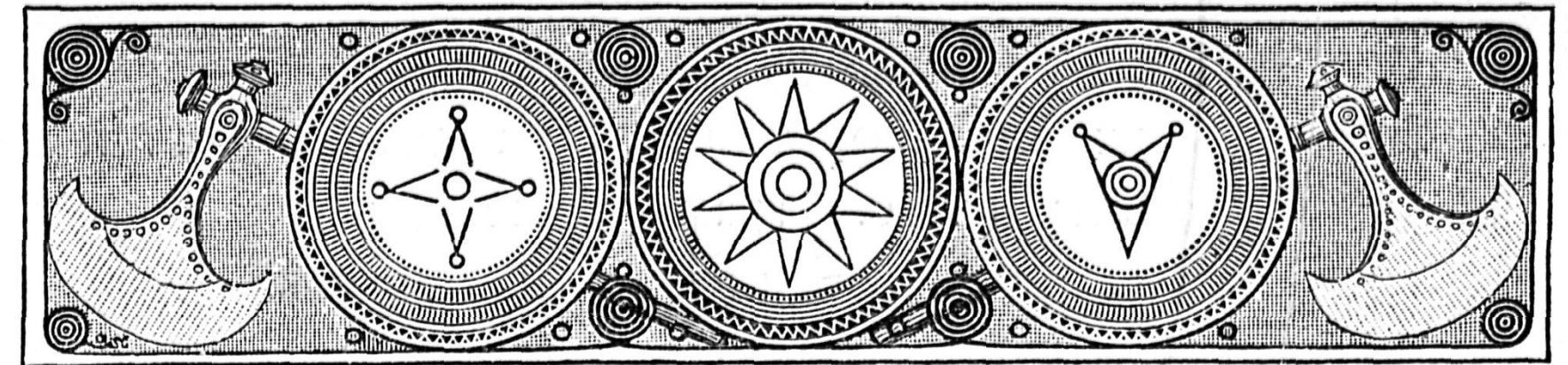
Передуръ побрѣлъ пѣшкомъ, обошелъ кругомъ горы и очутился передъ какимъ-то красивымъ замкомъ на берегу рѣки. Онъ направился къ замку, вошелъ въ его ворота, а изъ воротъ, безъ доклада и препятствій, проникъ черезъ настежъ открытыя двери въ залу. Въ глубинѣ залы сидѣлъ на креслѣ хромой старецъ, убѣленный сѣдинами; Передуръ подошелъ къ нему и сѣлъ противъ него. Тогда вбѣжалъ въ залу русоволосый юноша, преклонилъ колѣно предъ Передуромъ и сказалъ ему радостно:

— «А знаешь-ли ты, витязь, что вѣдь это я являлся тебѣ подъ видомъ безобразной дѣвушки на пепельно-сѣромъ мулѣ, когда ты былъ при дворѣ короля Артура? Я уже сопровождалъ тебя подъ видомъ этой дѣвушки при совершеніи твоихъ послѣднихъ подвиговъ!.. Я же проходилъ нѣкогда мимо тебя съ тѣмъ копьемъ, съ котораго струилась алая кровь... А помнишь-ли ты эту голову, въ окровавленномъ сосудѣ? То была голова твоего двоюроднаго брата, котораго умертвили волшебницы изъ Керлойу. Они же изувѣчили и этого старца — твоего дядю... Здравствуй же славный Передуръ и обними своего дядю и брата!.. Самой судьбою ты теперь посланъ намъ, чтобы быть за насъ мстителемъ!»

Передуръ обнялъ брата и дядю, и на другой же день послалъ вѣсть ко двору Артура, приглашая Гвальмая и другихъ Артуровыхъ рыцарей къ борьбѣ не на животъ, а на смерть съ злыми волшебницами, а когда Артуръ явился со своимъ рыцарствомъ на помощь къ Передуру, они общими силами осадили замокъ волшебницъ и перебили ихъ всѣхъ безъ пощады, навсегда избавивъ страну отъ ихъ злобныхъ ухищреній и опустошительныхъ набѣговъ.

На томъ и кончаются сказанія о славныхъ подвигахъ безстрашнаго Передура!





Эти пѣсни пѣлъ отецъ мнѣ,
Вырѣзая топорѣще,
Имъ и мать меня учила,
Оборачивая прялку,
Когда по полу я ползалъ
У колѣнъ ея ребенкомъ.

Калевала, Пѣснь 1, 37.

Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ народной поэзіи Финновъ можно назвать «Калевалу», весьма извѣстную, обширную поэму ихъ, которой отрывки и теперь еще поются на всемъ пространствѣ Финляндіи, въ русской Карелии, Лапландіи, въ прибалтійскихъ губерніяхъ; разрозненные отголоски ея мотивовъ еще слышатся на далекомъ сибирскомъ востокѣ, между тамошними дикарями, принадлежащими къ огромному финскому племени. Въ «Калевалѣ» воспѣваются подвиги трехъ баснословныхъ героевъ, трехъ любимцевъ финской поэзіи: Вейнемейнена, Ильмаринена и Леминкайнена; въ тоже время въ ней выставляются два главныхъ повода къ такимъ подвигамъ; съ одной стороны, добываніе себѣ невѣстъ изъ чужаго племени, съ другой — борьба за баснословное сокровище извѣстное между Финнами подъ названіемъ: Сампо, сокровище, которое обладаетъ такими чудесными свойствами, что въ какой бы странѣ оно ни появилось, тамъ вмѣстѣ съ нимъ появляются и всѣ жизненные блага.

Чтобы вполне понять содержаніе Калевалы, слѣдуетъ предварительно ознакомиться съ тѣми географическими понятіями, которыхъ постоянно держатся въ ней народные финскіе пѣвцы.

Свѣтъ, по ихъ мнѣнію, дѣлится на двѣ равныя половины: на Калевалу (т. е. страну Калева, который почитается родоначальникомъ Финновъ и отцомъ Вейнемейнена и Ильмаринена), свѣтлую, плодоносную, населенную чисто-Финскимъ племенемъ, главное мѣсто дѣйствія трехъ главныхъ героевъ и постоянную цѣль ихъ заботъ и попеченій; и на Пойолу (сѣверную страну)—царство вѣчныхъ льдовъ и мрака, каменистое, бесплодное, постоянное мѣстопробываніе колдуновъ и нечистой силы. Злая вѣдьма Лоухи царствуетъ тамъ надъ всею этою нечистью, вмѣстѣ со своимъ мужемъ и красавицами дочками. Она-то и насылаетъ на Калевалу всевозможныя бѣдствія, неурожаи и болѣзни, искусно переманивъ къ себѣ оттуда сокровище Сампо, а съ нимъ и плодородіе почвы, и счастье, и вѣчное веселье. На границѣ между Калевалой и Пойолой живутъ блѣдные Лапландцы, какъ ихъ называютъ финскія пѣсни. Что же касается до общаго вида земли, то Финны, какъ и древніе Греки, воображаютъ ее огромнымъ плоскимъ кругомъ; его со всѣхъ сторонъ обтекаетъ широкою лентою Океанъ, въ который погружаются укрѣпленные на столбахъ край небеснаго свода, опрокинутого надъ землею въ видѣ громадной металлической чаши.

Прежде чѣмъ мы подробно передадимъ читателямъ нашимъ содержаніе Калевалы, приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ сочиненій Кастрена, извѣстнаго финскаго ученаго, который собралъ разрозненные отрывки Калевалы и перевелъ ихъ на шведскій языкъ; въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Кастренъ очень хорошо очерчиваетъ характеры Вейнемейнена, Ильмаринена и Леминкайнена.

«Вейнемейненъ — мудрый и правдивый, какъ онъ всегда зовется въ пѣсняхъ, является въ финской поэзіи въ видѣ старца, покрытаго сѣдинами, но могучаго словомъ, скрывающаго въ себѣ избытокъ громадныхъ силъ; народъ, кажется, потому только представляетъ его старцемъ, что привыкъ считать мудрость тѣмъ высокимъ достоинствомъ, котораго люди достигаютъ лишь опытомъ и лѣтами. Вей-

немейнену стоитъ сказать слово, и всѣ стихіи ему повинуются; ему стоитъ запѣть свою чудную пѣсню—боги и люди, звѣри и камни, и вся природа съ жадностью прислушиваются къ волшебнымъ звукамъ, самое солнце спускается на землю... Ему извѣстны всѣ тайны природы, ему вѣдомы, отъ перваго до послѣдняго всѣ заклинанія и чары. Спокойно, непоколебимо и гордо идетъ онъ по своему пути и всегда достигаетъ своихъ цѣлей, которыя почти исключительно клонятся къ тому, чтобы доставить его родинѣ миръ и благосостояніе. Гораздо ниже Вейнемейнена стоятъ его братъ Ильмариненъ и постоянный товарищъ, Леминкайненъ. Первый—изумительно искусный кузнецъ и просто честный мастеровой, до того привязанный къ своему дѣлу, что его закоптѣлая кузница для него милѣе всего на свѣтѣ. Отъ такой односторонней дѣятельности, онъ даже очень простъ, легковѣренъ и недалъновиденъ. Второй—Леминкайненъ, представляетъ собой совершенную противоположность и мудрому Вейнемейнену, и спокойному, благо-разумному, почти неповоротливому Ильмаринену; живой, вѣчно движущійся, безпокойный, онъ не задумывается надъ тѣмъ, что говоритъ и дѣлаетъ. Ему все ни по чѣмъ: нѣтъ опасности, которая бы остановила его, нѣтъ безразсудства, на которое бы онъ не рѣшился изъ одного удалъства. Нерасчетливый и пылкій въ рѣчахъ онъ всегда готовъ поддержать ихъ своимъ мечемъ. Молодой, красивый, вѣтреный, щеголеватый, онъ очень любилъ всякаго рода приключенія и изъ за этого часто подвергается неминуемымъ бѣдствіямъ.

Чрезвычайно замѣчательно то, что всѣ три вышеописанные нами героя Калевалы употребляютъ сильнѣйшимъ оружіемъ противъ враговъ своихъ, вѣрнѣйшею защитою для себя въ случаѣ опасности, и самымъ надежнымъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей—вѣщія слова (заклинанія) и вѣщія пѣсни. Чаше всѣхъ употребляетъ ихъ Вейнемейненъ, изрѣдка Ильмариненъ, всѣхъ рѣже Леминкайненъ. Но и мудрость самаго Вейнемейнена является иногда

недостаточною, ничтожною передъ тѣми препятствіями, какія представляетъ ему природа или сила враждебныхъ ему злыхъ духовъ; тогда онъ долженъ бываетъ обращаться съ просьбою о помощи къ богамъ, либо предпринимать трудныя, дальнія странствованія въ подземное царство тѣней, либо будить отъ долгаго смертнаго сна уже давно отжившихъ богатырей, чтобы выпытать отъ нихъ то дивное, мощное слово, которое нужно ему для его мудраго дѣла».

I.

Вейнемейненъ, сынъ Калева и дочери воздуха, родился на свѣтъ уже старикомъ. Много лѣтъ жилъ онъ на землѣ, гдѣ еще не слыхать было человѣческой рѣчи, не видать было ни дерева, ни былинки. Долго думалъ онъ и пере-думывалъ, какъ бы засѣять землю, откуда взять сѣмена?

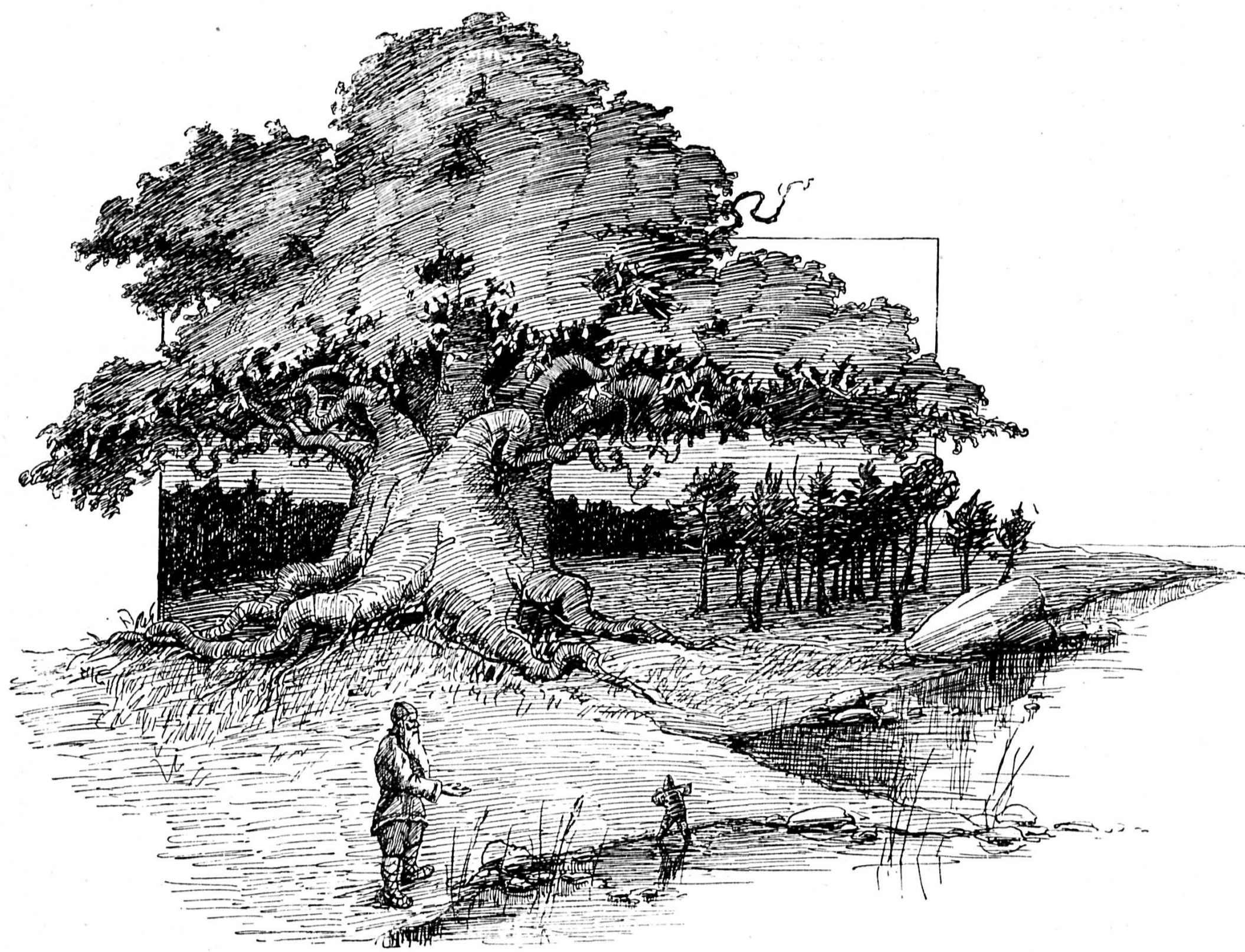


Самза Пеллервойненъ засѣваетъ травы, кустарники и деревья.

Наконецъ ему вызвался помочь въ этомъ дѣлѣ одинъ великанъ, по имени Самза Пеллервойненъ, досталъ откуда-то сѣмянъ и началъ щедро засѣвать горы и долины, песчаные равнины и всякія болота разнаго рода травами, кустарниками и деревьями.

Быстро покрылась земля зеленью; всюду стали изъ подъ верхняго слоя почвы пробиваться отпрыски молодыхъ деревьевъ. Вейнемейненъ пошелъ полюбоваться на работу своего помощника и надивиться не могъ быстрымъ успѣхамъ растительности; онъ замѣтилъ, что одинъ только дубъ не хотѣлъ приняться. Долго ждалъ Вейнемейненъ, много ухаживалъ за нимъ, пока наконецъ удалось ему, при помощи другого великана, посадить желудъ именно на такую почву, какую дубъ любитъ. Дубъ дѣйствительно принялся очень быстро, но за то ужъ превзошелъ всѣ ожиданія и даже желанія Вейнемейнена: онъ сталъ расти не по днямъ, а по часамъ, и вдругъ поднялся такъ высоко, такъ широко раскинулъ свои вѣтви, такъ гордо возвысилъ надъ землею свою могучую вершину, что тучамъ стало отъ него тѣсно на небѣ, ни одному облаку проходу не стало, а лучамъ солнечнымъ и лунному свѣту—доступу къ землѣ. Опять сталъ думать Вейнемейненъ: «какъ бы срубить это чудное дерево? Оно скрываетъ отъ насъ солнце и мѣсяцъ, а безъ нихъ вѣдь не то, что человѣку на землѣ, а и рыбѣ въ водѣ житье плохое!» Но на этотъ разъ не нашлось нигдѣ такого силача и великана, который бы взялся срубить гигантскій стоглавый дубъ. Вейнемейненъ, видя это, взмолился къ своей матери, сталъ просить ее, чтобы она послала ему на помощь силы всемогущей воды—и не успѣлъ еще онъ окончить молитвы, какъ вышелъ изъ моря крошечный человѣчекъ, съ ногъ до головы закованный въ тяжелую мѣдь, и съ крошечнымъ топорикомъ въ рукахъ. Вейнемейненъ посмотрѣлъ на него съ большимъ недоумѣніемъ и невольно покачалъ головою. «Ну гдѣ тебѣ, крошкѣ», сказалъ онъ, «срубить такое дерево? Никогда не найдется въ тебѣ на это до-

статочно силы!» Едва произнесъ онъ эти слова, какъ маленькій человѣчекъ мгновенно обратился въ страшнаго гиганта: головою упирался онъ въ облака, а ноги волочилъ по землѣ; между глазами укладывалась у него косая сажень, и много такихъ саженей—отъ ступни до колѣна. Наточивъ свой топоръ о кремни и оселки, въ три шага



Крошечный человѣкъ выходитъ изъ моря, чтобы срубить дубъ.

очутился онъ около дуба, ударилъ по стволу его разъ, другой, третій — и рухнулъ стоглавый на землю, далеко раскинувъ свои толстыя вѣтви, засыпавъ море грудой щепокъ. Счастливъ тотъ, кто успѣлъ при этомъ завладѣть которою нибудь изъ его вѣтвей — тотъ на вѣкъ сталъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ; еще счастливѣе тотъ, кто захватитъ себѣ одну изъ его вершинъ — тотъ на вѣки усвоилъ знаніе сокровеннѣйшихъ чаръ; хорошо

даже и тому, кто успѣлъ припрятать хоть одинъ изъ листковъ его. Щепки и осколки его погнало вѣтромъ къ далекимъ и туманнымъ берегамъ Пойолы, гдѣ дочери Лоухи бережно собрали ихъ и тотчасъ же снесли къ колдунамъ, чтобы тѣ обратили ихъ въ смертоносныя стрѣлы и оружіе.

Едва срубленъ былъ дубъ, какъ все опять зацвѣло, и задвигалось на поверхности земли; всего было на ней вдоволь: и ягодъ, и цвѣтовъ, и травъ, и всякихъ растений, — не было только гречихи. Мудрый Вейнемейненъ это замѣтилъ и пошелъ искать сѣмянъ ея на песчаномъ берегу моря. Тамъ отыскалъ онъ всего шесть гречишныхъ зернышковъ, бережно припряталъ ихъ, и потомъ, по совѣту синицы, вырубилъ лѣсъ на огромномъ пространствѣ и, рѣшился сжечь его, чтобы утучнить землю плодороднымъ пепломъ. Но откуда было ему достать огня? Во время рубки оставилъ онъ только одну березу среди поля, чтобы было гдѣ небеснымъ птишкамъ отдохнуть и укрыться отъ ненастья. Вотъ летитъ орелъ изъ поднебесья, смотреть по берегу и спрашиваетъ: «зачѣмъ бы это изъ цѣлаго лѣса уцѣлѣла одна береза?» — «А за тѣмъ», отвѣчалъ ему Вейнемейненъ, «чтобы было гдѣ птишкамъ пріютиться, да и тебѣ самому иногда присѣсть на отдыхъ».

Такой отвѣтъ понравился орлу и въ благодарность за такую заботливость Вейнемейна о птицахъ, онъ досталъ ему съ неба огня и бросилъ на срубленный лѣсъ. Быстро запылало пламя, дружно подхватилъ его сѣверо-восточный вѣтеръ и скоро на мѣстѣ прежняго лѣса была ужъ только одна куча пепла. Тогда бережно досталъ Вейнемейненъ спрятанныя имъ шесть зеренъ гречихи и сталъ бросать ихъ на землю, нашептывая вѣщія слова и прося землю не скупиться на урожаи, призывая ее очнуться отъ долгаго, вѣковаго сна.

Потомъ обратился онъ съ жаркою молитвою къ Укко, богу неба, и сказалъ:

Укко, ты нашъ богъ небесный,
Ты, что небомъ всѣмъ владѣешь,
Всѣми облачками правишь!

Пораздумай, поразмысли
И пошли съ Востока тучу,
Да и съ Запада другую,
Да и съ Юга ихъ побольше,
Пусть скорѣй прольется дождикъ
Пусть изъ тучекъ медъ закаплетъ,
Чтобы стебли поднялися
И колосья зашумѣли!..

Укко исполнилъ просьбу премудраго, чудный хлѣбъ созрѣлъ въ одну недѣлю, и узнали съ той поры люди, какъ должно его сѣять и какъ за нимъ ухаживать.

А Вейнемейненъ сталъ спокойно жить на плодоносныхъ равнинахъ Калевалы и пѣть на досугѣ свои любимыя пѣсни. Широко и далеко на югъ и на сѣверъ пронесся слухъ о его славѣ, мудрости и о могуществѣ его пѣсень.

Въ то время жилъ на сѣверѣ, въ странѣ блѣдныхъ Лапландцевъ, одинъ молодой пѣвецъ, по имени Юкахайненъ, который никогда еще не встрѣчалъ на землѣ пѣвца, подобнаго себѣ. Услышавъ о славѣ Вейнемейнена, онъ загорѣлся желаніемъ помѣряться съ нимъ силою вѣщихъ пѣсень, и тотчасъ рѣшился ѣхать въ Калевалу. Напрасно отклонялъ его отецъ отъ этого дерзкаго замысла, напрасно уговаривала мать остаться. «Нѣтъ!», отвѣчалъ Юкахайненъ, «я и самъ не ребенокъ, самъ сознаю свои силы и не потерплю, чтобы ктонибудь пользовался большею, чѣмъ я, славою въ пѣснопѣніи. Развѣ не видали вы, какъ лучшіе пѣвцы нашего племени пытались состязаться со мною въ пѣсняхъ и какъ жестоко наказывалъ я ихъ за такую дерзость, какъ силою пѣсни своей забивалъ я ноги ихъ въ камень, наваливалъ каменные глыбы имъ на спину, на грудь и на плечи, нахлобучивалъ имъ на глаза тяжелую каменную шапку!»

И съ этими словами вскочилъ онъ въ свои легкія санки и вихремъ помчалъ его конь въ Калевалу. Ёдетъ онъ день, ѣдетъ другой, на третій сталкивается лицомъ къ лицу съ Вейнемейненомъ, который тоже куда-то ѣхалъ, и не замѣтивъ, что Юкахайненъ мчится ему на встрѣчу, наткнулся на его сани. «Ты кто такой?», спросилъ его

Вейнемейненъ, «откуда явился ты въ нашу сторону, что не знаешь, какъ ѣздить по нашимъ дорогамъ, и наталкиваешься на всякаго встрѣчнаго?» — «Я Юкахайненъ», гордо отвѣчалъ юноша, думая поразить премудраго старца однимъ звукомъ своего имени. — «Ну, если ты Юкахайненъ», спокойно возразилъ ему Вейнемейненъ, «такъ ты можешь и уступить мнѣ дорогу, — вѣдь ты гораздо помоложе меня лѣтами». — «Что намъ считается лѣтами? Не въ возрастѣ сила, а въ знаніи и въ мудрости; если ты дѣйствительно тотъ Вейнемейненъ, для котораго говорятъ нѣтъ ничего сокрытаго въ мірѣ, такъ давай состязаться въ знаніи и, я тогда только уступлю тебѣ дорогу, когда увижу, что ты превосходишь меня въ мудрости». — «Гдѣ мнѣ ровняться съ тобою въ знаніи и въ мудрости», — отвѣчалъ ему Вейнемейненъ; «я вѣдь жилъ все въ глуши, слышалъ одну только кукушку; ну, да ужъ если тебѣ такъ угодно, такъ покажи мнѣ сначала, что ты знаешь?»

Тогда сталъ Юкахайненъ въ напыщенной и цвѣтистой рѣчи излагать ему самыя обыкновенныя явленія природы и ежедневной жизни, которыя бы и ребенокъ съумѣлъ передать и объяснить не хуже его; онъ рассказывалъ ему, какъ строятся дома, какія гдѣ живутъ рыбы, какъ гдѣ землю пахутъ, какіе гдѣ водопады и какія деревья любятъ расти на горахъ. — «Это всякій ребенокъ, всякая баба знаетъ», смѣясь сказалъ ему Вейнемейненъ, — «тому, у кого растетъ борода, стыдно ужъ и называть это знаніемъ. Нѣтъ, ты скажи мнѣ, откуда что произошло, разъясни самое существо вещей!» Юкахайненъ смутился и сталъ бормотать: «вода произошла изъ горъ; огонь — съ неба, мѣдь — изъ скалы...» — «И только-то? и эти пустяки ты называешь знаніемъ?» — Юкахайненъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству и сталъ лгать Вейнемейнену, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые создали міръ, накрыли его небеснымъ сводомъ и разсѣяли по немъ свѣтлыя звѣзды. «Ты нагло лжешь!» сказалъ ему мудрый старецъ — «объ тебѣ и не слыхано было, когда міръ создавался». — «Ну, — ужъ если

я не съумѣлъ очистить себѣ дорогу знаніемъ, такъ проложу ее мечемъ; давай помѣряемся мечами». — «Не боюсь я ни мечей твоихъ, ни мудрости, и не стану мѣряться мечами съ тобою, жалкимъ созданьемъ». — «А! ты не хочешь! ты трусишь! такъ я запою, и силою пѣсни обращу тебя въ борова и загоню въ самый дальній уголъ темнаго, грязнаго хлѣва!» Не вытерпѣлъ Вейнемейненъ и самъ запѣлъ свою грозную вѣщую пѣсень: море заколебалось, земля задрожала, мѣдныя горы застонали, твердые камни испугались, скалы затрещали и разсыпались... Отъ пѣсни его, сани дерзкаго юноши обратились въ жалкій кустарникъ, а борзый конь въ прибрежный камень, богатая шапка въ темную тучу, мягкій поясъ въ ней въ мелкія звѣздочки, а самъ Юкахайненъ по горло увязъ въ мшистой и вязкой трясинѣ.

Тутъ только постигъ онъ могущество Вейнемейнена, тутъ только увидѣлъ онъ, что нѣтъ ему спасенья, если его не помилуетъ премудрый и не возьметъ назадъ своихъ чудныхъ заклинаній. Онъ сталъ предлагать ему выкупомъ за свою жизнь и богатое оружіе, и коней, и суда, и золото; но гнѣвный Вейнемейненъ съ презрѣньемъ отвергалъ всѣ его предложенія и продолжалъ пѣть свою страшную пѣсню, отъ которой Юкахайненъ все только глубже и глубже уходилъ въ трясину. Наконецъ Юкахайненъ прибѣгъ къ послѣднему средству: «если ты меня отсюда вытащишь, такъ я отдамъ за тебя сестру свою Айно: пусть точетъ въ твоемъ домѣ золотыя покрывала и печетъ тебѣ медовыя хлѣбы». Такое предложеніе понравилось Вейнемейнену, гнѣвъ его пріутихъ, и отпустилъ онъ Юкахайнена домой, не сдѣлавъ ему никакого зла и обѣщаясь самъ къ нему пріѣхать за сестрою. Но едва прослышала сестра Юкахайнена, что ее хотятъ противъ воли выдать замужъ за старика, какъ тотчасъ сказала, что ни за какія сокровища не рѣшится за него выйти. Напрасно представляла ей мать, какъ долженъ былъ весь родъ ихъ возвыситься, породнившись съ такимъ мудрецомъ, какъ Вейнемейненъ,

напрасно уговаривалъ ее отецъ; Айно тихонько ушла изъ дома, пришла на взморье и бросилась въ волны.

Изъ всѣхъ звѣрей одинъ только безтолковый заяцъ рѣшился бѣжать къ ея дому и объявить родителямъ о горькой участи ихъ дочери. Во всемъ домѣ, во всемъ племени поднялся вой и плачь... Скоро узналъ Вейнемей-



Вейнемейненъ мчится къ сѣверу, въ Пойолу.

ненъ объ участи своей невѣсты и такъ ему стало грустно, что слезы навернулись у него на глазахъ, и сталъ онъ призывать мать свою на помощь въ горѣ. «Полно тебѣ печалиться», сказала она ему, «ты можешь пособить себѣ въ горѣ. Ступай на сѣверъ, въ Пойолу; тамъ увидишь ты дѣвушекъ стройныхъ, высокихъ, ловкихъ, прекрасныхъ собою. Тамъ-то выбери себѣ супругу и повѣрь мнѣ, что

съ ней не сравниться будетъ какойнибудь блѣдной и жалкой дочери лапландца». Мудрый Вейнемейненъ одумался и рѣшился поступить по совѣту своей матери. Онъ осѣдлалъ коня своего, легкаго какъ соломинка, подобнаго гороховому стебельку, въ богатую сбрую, взнуздаль его золотою уздечкою, вскочилъ на него и помчался вдаль отъ отчизны, къ негостепріимному сѣверу, перескакивая однимъ махомъ черезъ поля и равнины, черезъ лѣса и горы, черезъ обширную гладь моря, съ берега на берегъ, такъ что борзый конь его и копыта въ водѣ не обмачивалъ.

Между тѣмъ Юкахайненъ страшно злобствовалъ на Вейнемейнена и далъ себѣ клятву, во чтобы то ни стало отомстить ему. Мучимый завистью, онъ долго не могъ придумать, какимъ бы средствомъ извести мудраго пѣвца финновъ; наконецъ, прослышавъ о томъ, что Вейнемейненъ собирается ѣхать въ Пойолу, онъ рѣшился подстеречь его на дорогѣ и убить. Но какъ убить его? Обыкновенное оружіе было ничтожно передъ силою его чаръ и заклинаній.

И вотъ Юкахайненъ задумалъ смастерить огненный лукъ и такія стрѣлы, какихъ ни прежде, ни послѣ того не видывали на свѣтѣ. Ничего не пожалѣлъ онъ для своего чуднаго оружія: онъ выковалъ изъ мягкаго желѣза гибкую полосу и залилъ ее на серединѣ толстымъ слоемъ свѣтлой мѣди, которую искусно разукрасилъ разными выпуклыми изображеніями, выложилъ золотомъ и серебромъ. Изъ адскаго льна и шерсти адскихъ оленей ссучилъ онъ тетиву, натянулъ ее на огненное оружіе и вотъ готовъ былъ наконецъ лукъ, подъ которымъ свободно могъ улечься медвѣдь, по которому наверху могъ бѣгать борзый конь, по краямъ веселый жеребенокъ, а по рогамъ *) вертлявый заяцъ. Потомъ вырѣзалъ онъ много стрѣлъ, оковалъ ихъ крѣпкимъ желѣзомъ, опушилъ тонкими перьями ласточки

*) Рогами у лука называются изгибы по краямъ его, при помощи которыхъ натягивается тетива.

и легкими воробьиными крылышками, натачилъ ихъ наконецники и вымочилъ въ черной ядовитой крови ехидны и другихъ гадовъ. Напрасно мать Юкахайнена запрещала сыну своему поднимать руку на мудраго Вейнемейнена, напрасно говорила она ему: «не убивай его, не прикасайся къ премудрому! Со смертью его исчезнутъ съ земли и пѣсни, и радости, которыя уйдутъ вслѣдъ за нимъ въ подземное царство».

— «Пускай все веселье вмѣстѣ съ пѣніемъ исчезнетъ съ лица земли; мнѣ нѣтъ до нихъ заботы, у меня одна забота — убить его!»



Юкахайненъ пускаетъ стрѣлу въ Вейнемейнена.

И залегъ онъ на дорогѣ, по которой слѣдовало проѣзжать Вейнемейнену, и день, и ночь не смыкалъ своихъ глазъ, боясь, чтобы смертный врагъ его, направляясь въ дальнія и туманныя страны сѣвера, не проскользнулъ мимо него незамѣтно. Однажды, раннимъ утромъ взглянулъ Юкахайненъ на сѣверо-западъ: далеко, далеко завидѣлъ

на морѣ что то темное, синеватое. «Чтобы это такое могло быть?» подумалъ онъ; «не облако-ли?» Но онъ вглядывается пристальнѣе и видитъ, что это не облако, а мудрый Вейнемейненъ мчится по морю на своемъ волшебномъ конѣ, легкою какъ соломинка.

Быстро выхватилъ блѣдный Лапландецъ стрѣлу изъ колчана, самую легкую, самую прямую, самую пѣвучую, сталъ на правое колѣно и крѣпко утвердилъ свой лукъ на лѣвомъ; потомъ натянулъ тугую тетиву и пустилъ стрѣлу, шепча свои страшныя заклинанія. Но первая стрѣла пролетѣла высоко надъ головою пѣвца, ударила въ облака и словно молнія разорвала кудрявыя тучки. Вторая, не достигнувъ своей цѣли, съ такою силою ударила въ землю, что глубоко ушла въ нее, чуть не до самой преисподней. За то третья, съ зловѣщимъ свистомъ понеслась прямо на встрѣчу Вейнемейнену и пронзила насквозь его быстрого коня. Вейнемейненъ упалъ съ него въ волны, далеко расплескавъ ихъ въ сторону и покрывъ большое пространство бѣлою пѣною. Поднялся бурный вѣтеръ на морѣ, бѣшено разгулялись по немъ громадные валы и понесли мудраго старца вдаль отъ берега, въ открытое море...

Злобно сталъ радоваться на берегу Юкахайненъ, видя, что Вейнемейненъ упалъ съ коня въ воду и воображая, что убилъ его на повалъ своею стрѣлою: «никогда ужъ больше не видать тебѣ, старикъ», закричалъ онъ, «роскошныхъ полей и равнинъ Калевалы».

II.

Восемь дней и восемь бесконечно долгихъ ночей носило Вейнемейнена по глубокимъ волнамъ безпредѣльнаго моря, словно вѣтку, оторванную отъ могучей сосны бурнымъ вихремъ; наконецъ, на девятую ночь силы стали измѣнять мудрому старцу, руки и ноги его стали коченѣть отъ холода. Онъ оглянулся кругомъ: — передъ

нимъ одинъ и тотъ же бесконечный рядъ волнъ, позади его все тоже ясное небо: нигдѣ никакой надежды на помощь. «Горе мнѣ, горе несчастному!» сказалъ онъ тогда; «и зачѣмъ покинулъ я свою родимую сторону, зачѣмъ вздумалъ пуститься въ дальнѣйшій путь на чужбину? Видно въ наказаніе за это пришлось мнѣ теперь носиться по волнамъ безбрежнаго моря, костенѣя отъ холода! Горе мнѣ бѣдному!» Но вотъ, издалека, съ туманнаго сѣвера летитъ орелъ; однимъ крыломъ касается онъ облаковъ, а другимъ бороздитъ волны. Долго кружится онъ въ высотѣ и вдругъ замѣчаетъ на волнахъ Вейнемейнена. «Ты какъ сюда попалъ?» кричитъ онъ мудрому старцу; «какъ занесло тебя на море?» Вейнемейненъ отъ слова до слова рассказалъ ему все, что случилось съ нимъ на пути въ Пойолу, и то, какъ въ теченіе 8 дней и 8 ночей, не зная покоя, носится онъ по морю. «Да я и конца не вижу своимъ мученіямъ», прибавилъ онъ въ заключеніе своего разказа, — «самъ не знаю, что со мною должно случиться прежде; умру-ли я здѣсь съ голоду или пойду ко дну, истощивъ послѣднія силы». — «Полно, не печалься, садись ко мнѣ на спину», сказалъ Вейнемейнену орелъ, «я снесу тебя туда, куда ты путь держалъ: вѣдь я не забылъ того дня, когда ты, вырубая лѣсъ подъ пашню, нарочно оставилъ среди нея березу, на которой мнѣ и птенцамъ моимъ можно было отдохнуть послѣ долгаго и утомительнаго перелета. Садись же и держись крѣпче». Вейнемейненъ съ радостью вылѣзъ изъ воды, взобрался на спину орла и тотъ, быстрѣе мысли понесъ его по дорогѣ, которою одни только вѣтры да тучи носятъ изъ конца въ конецъ вселенной; потомъ, подлетѣвъ къ обширнымъ границамъ Пойолы, бережно опустилъ онъ свою дорогую ношу на землю, а самъ полетѣлъ далѣе. И остался Вейнемейненъ одинъ, въ невѣдомой ему странѣ, голодный, промокшій до костей и дрожащій отъ холода. Не было кругомъ ни деревца, ни кусточка знакомаго, нигдѣ не видать было тропинки, которая бы вела на родину, и стало

бѣдному Вейнемейнену такъ грустно, что онъ горько заплакалъ и долго, долго лились его слезы, а вопли далеко разносились въ глуши...

Въ то время, у Лоухи, царицы Сѣвера, была красавица дочка, такая умница и такая рукодѣльница, что другой подобной и во всемъ свѣтѣ нельзя было встрѣтить. Вотъ хоть бы съ солнцемъ, на примѣръ, поспорила она, что всегда будетъ вставать съ нимъ въ одно время; а между тѣмъ она, бывало, ужъ и встанетъ, и одѣнется, и въ домѣ-то все прибрать успѣетъ, а солнышко только что подыматься начнетъ да выглядывать однимъ глазкомъ изъ-за лѣса.

Такъ-то встала она однажды спозаранокъ, вымела свѣжимъ вѣникомъ полы въ домѣ, потомъ стала выносить соръ за дворовый заборъ на поле, и вдругъ слышитъ, что вдали кто-то заливается плачемъ. Она тотчасъ же пошла къ матери и сказала: «я слышала сейчасъ, какъ кто-то жалобно плакалъ вдали, мнѣ кажется, что голосъ доносился сюда съ того берега моря». Беззубая Лоухи вышла изъ дома, стала прислушиваться и сказала дочери: «слышу и я тоже плачь, только по голосу вижу ясно, что плачетъ это не ребенокъ и не женщина, — такъ можетъ плакать мужъ зрѣлыхъ лѣтъ, у котораго давно покрытъ подбородокъ густою бородой». И, быстро спустивъ на воду челнокъ, она взяла въ руки весла и направилась къ тому мѣсту противоположнаго берега, откуда слышались жалобные вопли.

Вотъ подѣзжаетъ она къ берегу и видитъ, что въ густомъ ивовомъ кустарникѣ сидитъ Вейнемейненъ и горько плачетъ. Лоухи сначала приняла его за самага обыкновеннаго смертнаго, судя по его всклокоченнымъ волосамъ и безпорядочной, насквозь промокшей одеждѣ: «Глупый ты, неразумный старикъ», сказала она ему съ насмѣшкою, «какимъ это вѣтромъ занесло тебя въ нашъ далекій край?»

Вейнемейненъ взглянулъ на нее съ досадою и отвѣчалъ: «самъ я и безъ тебя знаю, что попалъ въ дальнюю, чужую, незнакомую мнѣ сторону; самъ знаю, что мнѣ

здѣсь хуже будетъ, чѣмъ на родинѣ, и что нельзя мнѣ здѣсь ожидать себѣ такого почета, какъ тамъ». — «Да позволь же спросить тебя, кто ты такой?» «Теперь я и самъ не знаю, кто я такой; а прежде слылъ я первымъ между всѣми пѣвцами на равнинахъ Калевалы».

Тутъ только догадалась Лоухи, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и предложила мудрому старцу отдохнуть подъ кровомъ отъ тяжелой усталости и утолить свою жажду и голодъ. Безпріютный и печальный Вейнемейненъ на все согласился, утеръ свои слезы и усѣвшись въ челнокъ вмѣстѣ съ Лоухи мигомъ очутился на противоположномъ берегу, у порога ея дома.

Лоухи высушила промокшую насквозь одежду Вейнемейнена, напоила его, потомъ посадила за столъ противъ себя и стала спрашивать: «скажи, пожалуйста, отчего же это ты такъ горько плакалъ тамъ на берегу, да и теперь все сидишь понуря голову?»

Вейнемейненъ слишкомъ хорошо зналъ, что злая и жадная Лоухи никого не отпускаетъ изъ своего царства безъ дорогого, тяжкаго выкупа, и заранѣе тужилъ при мысли, что ему быть можетъ долго не придется вновь увидѣть своей родины, потому что Лоухи могла потребовать отъ него невозможнаго.

— «Какъ же мнѣ не грустить и не плакать», отвѣчалъ онъ, «когда вотъ нѣсколько дней сряду носило меня по бурному морю, истомленнаго, измученнаго прибило наконецъ къ совершенно чужому берегу, на который мнѣ и смотрѣть-то постыло; мнѣ здѣсь каждый сучекъ глаза колетъ, каждая вѣтвь грубо хлещетъ меня по лицу. Мнѣ здѣсь все чужое, одинъ только вѣтеръ мнѣ знакомый, только одно солнце и ласкаетъ здѣсь меня, бѣднаго, на этой горькой чужбинѣ».

— «Ну, полно тебѣ грустить!», продолжала хитрая вѣдьма, «будто не все равно: вѣдь и здѣсь также буду я кормить тебя сладкимъ мясомъ жирныхъ лещей и поить крѣпкимъ медомъ».

— «Что мнѣ въ этомъ?» съ досадою отвѣчалъ Вейнемейненъ; «по мнѣ лучше на родинѣ напиться чистой воды изъ башмака, чѣмъ на чужой дальней сторонѣ пить медъ изъ золотого кубка!»

— «Ну, ужъ если тебѣ такъ хочется вернуться на родину, такъ я пожалуй, отпущу тебя, и дорогу тебѣ укажу, и сани тебѣ дамъ, только съ уговоромъ»...

— «Требуй чего хочешь», съ радостью отвѣчалъ ей премудрый старецъ; «если хочешь серебра или золота, такъ бери его сколько угодно!»

— «Что мнѣ серебро и золото», отвѣчала Лоухи, слишкомъ хорошо знавшая могущество Вейнемейнена, «на что оно мнѣ? Золото и серебро — пустяки; я отъ тебя потребую чего нибудь поважнѣе. Я дамъ тебѣ лебяжье перо, каплю молока, клочекъ бараньей шерсти, да зерно гречихи, и изъ нихъ долженъ ты сковать мнѣ Сампо, со всѣми его принадлежностями, и склотить къ нему пеструю крышку. Если ты съумѣешь это сдѣлать, такъ я не только отправлю тебя на родину, но еще сверхъ того отдамъ за тебя старшую и самую красивую изъ дочерей моихъ».

На это старый и мудрый Вейнемейненъ покачалъ головой и сказалъ ей: «нѣтъ, я не съумѣю выковать тебѣ Сампо, не съумѣю склотить къ нему пеструю крышку. А вотъ, если ты меня отпустишь на родину, такъ я обѣщаю тебѣ, что заставлю брата своего Ильмаринена выковать для тебя Сампо. Онъ вѣдь такой кузнецъ, какого и въ цѣломъ свѣтѣ не найти; посмотри-ка на небо: вѣдь это его работа — онъ выковалъ эту крышку для воздуха, да такъ искусно, что ты на ней нигдѣ не отыщешь слѣда его клещей или молота. За него ужъ и дочь свою выдай; видно, не мнѣ на долю выпало счастье быть ея мужемъ: только отпусти меня сейчасъ же на родину». Лоухи взяла съ него слово, что онъ вмѣсто себя пришлетъ своего брата кузнеца и заставитъ его выковать ей Сампо, это чудное сокровище, въ которомъ должны заключаться всѣ блага жизни; потомъ усадила его въ сани, дала ему въ

руки кнутъ и возжи, а потомъ сказала: «какъ поѣдешь ты путемъ-дорогою на родину, не выходи изъ саней; пока конь твой не устанетъ, не гляди по сторонамъ, пока не за вечерѣетъ, не поднимай головы, пока не доѣдешь до дому, а не то — не миновать тебѣ бѣды».

И помчался Вейнемейненъ на родину, весело помахивая кнутикомъ и возжами, не оглядываясь ни на право, ни на лѣво и только все понукая свою лошадь, быструю какъ вѣтеръ.

III.

Долго и шумно мчался мудрый пѣвецъ Финновъ по пути къ своей родинѣ: ничто не отвлекало его вниманія отъ мысли, что онъ вскорѣ опять увидитъ все дорогое, милое и близкое ему, когда вдругъ, на одномъ поворотѣ дороги, онъ явственно разслышалъ вверху, надъ своей головой, стукъ колеса самопрялки.

«Что же бы это такое могло быть?» подумалъ Вейнемейненъ и, позабывъ обо всѣхъ предостереженіяхъ Лоухи, поднялъ вверхъ голову. И чтобы вы думали? На облакахъ, ярко освѣщенныхъ солн-



Вейнемейненъ увидѣлъ красавицу дочку старой Лоухи.

цемъ, сіяла чудная радуга, а на радугѣ, словно на простой скамейкѣ, сидѣла та самая рукодѣльница-дочка Лоухи, что такъ смѣло рѣшалась спорить съ самимъ солнцемъ. Одежда ея блистала самыми яркими цвѣтами, а руки быстро работали надъ серебряной пряжей: дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ у нея, такъ и кружилось золотое веретено, то поднимаясь, то опускаясь и туго обматываясь тонкой серебряной нитью.

Вейнемейненъ какъ взглянулъ на нее, такъ и остолбенѣлъ: и возжи бросилъ, и коня остановилъ, и изъ саней вылѣзъ — стоитъ себѣ да все наверхъ смотреть и глазъ оторвать не можетъ отъ чудной рукодѣльницы красавицы. Стоялъ онъ стоялъ, да вдругъ и сталъ звать ее съ собою въ Калевалу.

— «А что мнѣ тамъ дѣлать, на твоей родинѣ. Мнѣ вѣдь и здѣсь хорошо!», отвѣчала съ улыбкою лукавая дочь Лоухи. «Ты тамъ выйдешь за меня замужъ, будешь печь мнѣ медовые хлѣбы, варить мнѣ крѣпкое пиво да въ окошечко любоваться на зеленныя равнины Калевалы».

— «Нѣтъ, не пойду я за тебя, старика, да и ни за кого не пойду, кромѣ того человѣка, который легко выполнитъ всѣ трудныя задачи, какія я ему задамъ». Вейнемейненъ, понадѣявшись на свою мудрость и силу, вызвался легко рѣшить всякую задачу, какую бы ни вздумалось ей предложить ему. И не разъ заставилъ онъ ее поломать голову надъ хитрыми выдумками, потому что дѣйствительно рѣшалъ ихъ легко и быстро. Но дочь Лоухи была мудрейшею изъ женщинъ послѣ своей матери и наконецъ придумала для Вейнемейнена трудъ по силамъ. «Вотъ тебѣ обломокъ моего веретена», сказала она; «сдѣлай мнѣ изъ него лодку и такъ спусти ее на воду, чтобы тебѣ не пришлось ни колѣномъ толкать ее, ни плечами двигать, ни руками тащить».

— «Никто лучше меня въ цѣломъ свѣтѣ не съумѣетъ построить лодку», подумалъ про себя Вейнемейненъ, взялъ закругленный конецъ веретена и отошелъ въ сторонку.

Тамъ принялся онъ рубить и строгать. Рубить день, рубить два; на третій день, когда лодка была уже почти окончена, злой духъ Хіизи и братъ его Лемко, невидимо уцѣпившись за топориче, тяжело повисли на обухѣ и направили острое лезвее въ колѣно премудраго. Кровь пошла изъ раны такими ручьями, что скоро затопила всѣ окрестныя лужайки. Вейнемейненъ сталъ было нашептывать разные наговоры, чтобы остановить потокъ крови, но не могъ припомнить тѣхъ сильныхъ словъ, которыя будто ключемъ замыкаютъ самыя глубокія раны: кровь все продолжала течь ручьемъ изъ его колѣна. Тогда Вейнемейненъ, видя, что вся работа его пропала по напрасну, оттолкнулъ ее отъ себя и въ отчаяніи сталъ вырывать на лугахъ дернъ цѣлыми кусками, цѣлыми кучами собирать листья, засыпая и затыкая рану свою чѣмъ попало. Все было напрасно — кровь бѣжала по прежнему. Тутъ ужъ не вытерпѣлъ Вейнемейненъ: истекая кровью, зарыдалъ онъ какъ ребенокъ, вскочилъ въ свои легкія санки и пустился искать по свѣту знахаря, который бы съумѣлъ заговорить его тяжелую и глубокую рану.

Долго скакалъ онъ по селамъ и деревнямъ и по пустыннымъ проселкамъ, останавливаясь у каждаго жилья, у каждаго перекрестка и всюду спрашивая: «не найдется-ли гдѣ человѣка, который бы взялся заговорить мою рану и остановить кровотеченіе?» и никто не брался за такое трудное дѣло. Наконецъ когда онъ, остановившись передъ одной низенькой и дряхлой избушкой, жалобнымъ голосомъ повторилъ свой вопросъ у дверей ея, ему въ отвѣтъ прохрипѣлъ съ печи дряхлый-предряхлый старикъ: «я могу заговорить твою рану и остановить твою кровь, если ты съумѣешь рассказать мнѣ, откуда взялось на землѣ желѣзо и съ которыхъ поръ сдѣлалось злымъ?»

— «Я все расскажу тебѣ», съ радостью отвѣчалъ старику Вейнемейненъ; потомъ съ большимъ трудомъ вылѣзъ изъ саней, переступилъ черезъ порогъ дымной хижины и усѣлся противъ старика на скамейку, придерживая ногу

свою обѣими руками. Старикъ слѣзъ съ печи, поставилъ его ногу въ тазъ, который быстро до краевъ наполнился кровью Вейнемейнена, потомъ осмотрѣлъ его рану и взглянувъ съ удивленіемъ въ лицо премудраго, спросилъ: «да кто же ты такой? скажи пожалуйста? что ты за человѣкъ? Вѣдь у тебя изъ колѣна вытекло на землю семь полныхъ лодокъ да еще восемь самыхъ большихъ чановъ крови... а ты все еще живъ? Вижу, что безъ твоей помощи не подь силу мнѣ залечить твою рану. Рассказывай мнѣ о происхожденіи желѣза, а я тебя послушаю».

«Укко создалъ весь міръ», такъ началъ рассказъ свой Вейнемейненъ: «онъ отдѣлилъ воздухъ отъ воды, а воду отъ земли, и на землѣ создалъ двухъ братьевъ воздуха: старшаго —огонь и младшаго — желѣзо. Когда создалъ онъ желѣзо, тогда захотѣлось этому младшему навѣстить своихъ старшихъ братьевъ. Сперва отправился онъ къ старшему; но огонь принялъ его такъ круто, такъ притиснулъ, что бѣдное желѣзо едва-едва успѣло ноги уволочъ, да поскорѣе спряталось въ трясинѣ подъ горою, гдѣ гуси-лебеди кладутъ яйца, въ своихъ скрытыхъ глубокихъ гнѣздахъ. Тамъ, подъ кочками и перетлѣвшими корнями деревъ скрывалось оно два года; вотъ и стали тѣмъ болотомъ переходить волки да медвѣди: гдѣ медвѣдь ступитъ своею тяжелою лапою, тамъ желѣзо цѣлыми кусками такъ и выпираетъ на поверхность трясины; гдѣ волкъ пробѣжитъ, тамъ только чуть-чуть изъ подъ нея показывается. Въ то время Ильмариненъ искалъ мѣсто для своей кузницы и нечаянно забрелъ на то болото. Увидѣлъ онъ желѣзо на болотѣ да и подумалъ: «охъ ты бѣдное желѣзо? куда это тебя занесло? не здѣсь твое мѣсто, не въ глуши, гдѣ бѣгають одни волки да медвѣди, да гуси-лебеди дѣтей выводятъ. Дай-ка я тебя положу на огонь въ своемъ горнѣ!» Чуть только услышало объ этомъ желѣзо, какъ взмолилось Ильмаринену о пощадѣ, рассказало ему о гнѣвномъ приѣмѣ, которымъ запугалъ его огонь. «Это все пустое!» отвѣчалъ желѣзу Ильмариненъ, «огонь не приноситъ ни-

какого вреда и друзьямъ-то своимъ, не то что ужъ такой близкой роднѣ, какъ ты. А ты подумай-ка: вѣдь только при его помощи можешь ты и вырасти и окрѣпнуть, и стать украшеніемъ на груди женщины или мечемъ при бедрѣ богатыря».

Согласилось желѣзо съ мудрымъ кузнецомъ и въ тотъ же вечеръ вынулъ его Ильмариненъ изъ болота и бросилъ въ свой горнъ. Потомъ принялся онъ за мѣхи и сталъ изо всей силы дуть ими на огонь; разомъ расплзлось желѣзо отъ жару въ кашу, стало мягче ржаного тѣста и закричало изъ огня Ильмаринену: «ой, батюшки, какъ жарко! милый кузнецъ Ильмариненъ, вынь ты меня отсюда, не то меня огонь совсѣмъ загубитъ!» — «Нѣтъ, братъ», отвѣчалъ ему Ильмариненъ, «вынь тебя теперь, такъ ты, пожалуй, ужъ слишкомъ больно будешь кусаться, ты, пожалуй, никого и изъ людей-то въ живыхъ не оставишь!» Стало бѣдное желѣзо клясться всевозможными клятвами и увѣрять, что ему довольно найдется работы и безъ того, что будетъ оно рубить только деревья да обтесывать камни... Вынулъ его Ильмариненъ изъ огня, сталъ было ковать, да видитъ, что плохо еще желѣзо, не годится въ подѣлку, потому что еще не закаливается хорошенько. И придумалъ онъ его закаливать, окуная въ воду, но къ водѣ хотѣлось ему примѣшать соки растений, чтобы желѣзо выходило тверже. Онъ обратился за этимъ дѣломъ къ мимолетѣвшей пчелкѣ.

Пчелка, быстрый человѣчекъ,
Принеси на крыльяхъ меду,
А во рту немного соку
Изъ вѣнца шести цвѣточковъ,
Изъ конца семи травинокъ,
Чтобы сталь здѣсь изготовить
И желѣзо закалить имъ.

Пчелка полетѣла. Но птица злаго духа Хіизи, которая съ крыши заглядывала внутрь кузницы и зорко слѣдила за выдѣлкою желѣза, услышавъ, о чемъ просилъ Ильмариненъ пчелку, сама полетѣла прямо въ адъ, при-

несла черного яда ехиднѣ и ядовитаго сока жабѣ, и положила его въ воду въ то время, какъ Ильмариненъ отвернулся. Видитъ онъ, въ водѣ что-то плаваетъ, подумалъ, что это вѣрно пчелка принесла ему соки травъ и тотчасъ же опустилъ раскаленное желѣзо въ воду. И озлилось желѣзо, и нарушило свои страшныя клятвы, и съ тѣхъ поръ пошло всѣхъ людей губить да упиваться кровью».

— «Ну, теперь я знаю, что мнѣ дѣлать», промолвилъ старикъ, выслушавъ рассказъ Вейнемейнена. И тотчасъ же началъ онъ нашептывать свои вѣщія наговоры, въ которыхъ то упрекалъ желѣзо въ его дурныхъ поступкахъ, напоминая ему его прежнюю доброту и клятвы, то упрасивалъ кровь остановиться; наконецъ обратился съ мольбою о помощи къ Укко, и кровь, тотчасъ же остановилась: оставалось еще залечить широкую и глубокую рану. И послалъ старикъ своего внука въ кузницу, чтобы тамъ сварить цѣлительный составъ для раны изъ цвѣтовъ тысячелистника, изъ нѣжныхъ травяныхъ волоконъ, изъ меду и сладкаго соку деревьевъ.

Пошелъ мальчикъ въ кузницу; на дорогѣ попадается ему дубъ: «Есть у тебя медъ?» спрашиваетъ его мальчикъ. «Какъ не быть!» отвѣчаетъ дубъ. Мальчикъ нарѣзалъ его дерева маленькими щепочками, наскоблилъ его коры, собралъ много всякихъ травъ, да травъ не простыхъ, а рѣдкихъ, которыя не вездѣ растутъ да не всѣмъ и въ руки даются. Потомъ, прійдя въ кузницу, бросилъ все это въ котелъ и повѣсилъ его на огнѣ. Три дня и три ночи шипѣлъ и клокоталъ котелъ надъ огнемъ; на четвертый заглянулъ въ него мальчикъ — но цѣлебное средство еще не было готово. Тогда мальчикъ подложилъ въ котелъ еще и другихъ травъ, которыя гдѣ-то далеко собраны были девятью сильными волшебницами и восемью лучшими знахарями. Еще девять ночей провисѣлъ котелъ надъ огнемъ и вотъ наконецъ готово было могучее средство. Мальчикъ захотѣлъ испытать его силу и пошелъ на край сосѣдняго поля, гдѣ стояла сломанная бурей, пригнутая къ землѣ, полуза-

сохшая осина. Онъ помазалъ ее въ переломѣ и быстро срослись края его, и по прежнему гордо поднялась вершина выпрямившагося дерева, и весело зашелестили листья. Потомъ сталъ мальчикъ смазывать своимъ составомъ разсѣвшіеся на двое камни — и они срослись: сталъ брызгать имъ на трещины скалъ — и тѣ спаивались тѣснѣе прежняго. «Ну, теперь годится!» Мальчикъ и понесъ къ старику изготовленное средство.

Старикъ отвѣдалъ его, похвалилъ и давай имъ смазывать рану и сверху, и снизу, и съ боковъ, приговаривая вѣщія слова.

Чуть только помазалъ старикъ рану Вейнемейнена, какъ тотъ сталъ метаться во всѣ стороны отъ невыносимой боли. Но старецъ тотчасъ же прогналъ несносную боль къ каменнымъ горамъ, пусть молъ, тамъ мучить камни да терзаетъ безчувственныя скалы; потомъ перевязалъ онъ ногу крѣпкими шелковыми перевязками, и быстро стала заживать рана, гладко затягиваться живымъ мясомъ, такъ что не осталось на мѣстѣ ея ни рубца, ни слѣда. Наконецъ Вейнемейненъ сталъ крѣпко на ногу и опять могъ свободно владѣть ею. Онъ поблагодарилъ сначала Укко за его всесильную помощь, потомъ отблагодарилъ и старика, потомъ запрягъ свою лошадку въ сани и, собираясь ѣхать домой, сказалъ: «вотъ и вижу я теперь, какъ опасно хвастаться и быть самонадѣяннымъ! Я ли, кажется, не съумѣю выстроить лодки? А вотъ понадѣялся на однѣ свои силы, позабылъ, что все зависитъ отъ воли всемогущаго Укко, и вотъ какъ жестоко былъ за то наказанъ!

Какъ буря помчался онъ оттуда въ Калевалу, черезъ болота, поля и равнины; ѣхалъ день, ѣхалъ другой, наконецъ на третій сталъ подъѣзжать къ дому. Немного не доѣзжая до него, сдержалъ онъ бѣшено мчавшагося коня, вылѣзъ изъ саней и, вспомнивъ объ условіяхъ, на которыхъ Лоухи отпустила его домой, сталъ придумывать, какъ бы заставить Ильмаринена ѣхать въ мрачныя страны сѣвера, потому что заранѣе предвидѣлъ разныя отговорки

и препятствія со стороны своего нерѣшительнаго брата. Не долго думалъ премудрый. Онъ запѣлъ, и вдругъ силою пѣсни своей поднялъ изъ нѣдръ земли огромную ель съ золотыми вѣтвями и золотою вершиной, которая почти касалась облаковъ; а какъ съ земли посмотришь на вершину, такъ и кажется, что сидитъ на ней мѣсяцъ и звѣзды Большой Медвѣдицы разсыпаны по мелкимъ вѣточкамъ. Ну, и говорить нечего, что на вершинѣ ея не было ни звѣздъ, ни мѣсяца, а только Вейнемейненъ силою волшебства своего и не такъ еще умѣлъ обманывать взоръ всякаго легковѣрнаго. Самъ премудрый постоялъ, постоялъ, посмотрѣлъ на ель: видитъ, что все хорошо, и поѣхалъ дальше.

Скоро достигъ онъ кузницы Ильмаринена, изъ которой, какъ и всегда, валилъ клубами густой черный дымъ и раздавался неумолкаемый стукъ тяжкихъ молотовъ. Входитъ премудрый въ кузницу и застаётъ Ильмаринена за работой. Поздоровались братья. «Гдѣ ты это пропадалъ такъ долго?», спросилъ его Ильмариненъ, — «Да все время промаялся среди блѣдныхъ Лапландцевъ да въ туманныхъ странахъ сѣвера, въ мрачной Пойолѣ, гдѣ такъ много чародѣевъ».

— «То-то, я думаю, насмотрѣлся тамъ всякихъ диковинокъ?», добродушно спросилъ его кузнецъ. — «Да, есть о чемъ поразсказать. А признаюсь, братъ, что ничего на свѣтѣ не видалъ лучше старшей дочери Лоухи: на всемъ сѣверѣ первая красавица. Жаль только спѣсива очень, всѣмъ женихамъ отказывается; а ужъ что за красавица — на вискахъ по свѣтлому мѣсяцу, на груди красное солнышко, оба плеча сплошь звѣздами покрыты да и на спинѣ разсыпано ихъ не мало. Вотъ бы невѣста какъ разъ по тебѣ, Ильмариненъ; ступай-ка въ Пойолу, да выкуй ей Сампо съ пестрою крышкою, такъ она охотно за тебя выйдетъ».

— «Нѣтъ, братъ, спасибо, не пойду», отвѣчалъ смѣшленный Ильмариненъ, «ты, я вижу, заранѣе поручился за меня и пообѣщалъ меня прислать туда, чтобы свою

голову изъ бѣды избавить; ни за что не пойду я въ Пойолу! тамъ, говорятъ, людей-то ѣдятъ, да въ морѣ топятъ». Вейнемейненъ прикинулся равнодушнымъ и продолжалъ говорить спокойно: «а вотъ тоже видѣлъ я диковинку! Ужъ подлинно чудо! Представь себѣ — ель, вся золотая; на верху у нея луна, а въ вѣтвяхъ запуталась Большая Медвѣдица. И вѣдь очень близко отсюда!» — «Быть не можетъ!» отозвался Ильмариненъ, у котораго глаза разбѣжались, когда онъ услышалъ, что недалеко отъ его кузницы есть такая диковинка, а онъ объ ней и знать не знаетъ; «не повѣрю я, пока самъ не увижу!» Какъ былъ съ молотомъ въ рукахъ, такъ и выскочилъ изъ кузницы. Вейнемейненъ за нимъ, привелъ его къ ели, сталъ показывать. Дивуется кузнецъ, ходитъ кругомъ дерева, заложивши руки за спину, и только головой покачиваетъ. «А мѣсяцъ-то, а звѣзды-то, а? каковы?» подсказываетъ ему Вейнемейненъ. «Ты просто, я думаю, можешь взлѣзть на дерево, да и поснимать ихъ оттуда». Ильмаринену это предложеніе понравилось; послушался онъ хитрыхъ совѣтовъ брата, полѣзъ на дерево подъ самыя облака; а Вейнемейненъ вдругъ закричалъ громкимъ голосомъ: «подымайтесь, вѣтры буйные, несите Ильмаринена въ Пойолу!» И быстро со всѣхъ концовъ свѣта налетѣли бурные вихри, съ корнемъ выворотили могучее дерево и крутятся, и громко завывая, помчали Ильмаринена къ туманнымъ странамъ сѣвера.

IV.

Долго мчало вихремъ легковѣрнаго Ильмаринена, долго несло его къ Сѣверу по той дорогѣ, которою разгуливаютъ одни вѣтры да шумныя бури; несло его пониже солнца, повыше мѣсяца...

Наконецъ бережно опустилъ его вихрь на землю около самыхъ дверей Лоухи, да такъ тихо, что и собаки не слышали, не залаяли.

Беззубая вѣдьма тѣмъ временемъ сама стояла на дворѣ у порога и очень удивилась такому неожиданному появлению Ильмаринена.

«Ты кто такой? Какъ это ты сюда попалъ? Вихремъ принесло тебя такъ незамѣтно, что и чуткія собаки не услышали?» — «Да не за тѣмъ я и пришелъ сюда, чтобы на меня собаки лаяли!» съ досадой отвѣчалъ кузнецъ. — «Ужъ не изъ той ли ты страны, гдѣ живетъ знаменитый кузнецъ Ильмариненъ? Не знавалъ ли ты его тамъ? Не слыхалъ ли, отчего такъ долго не жалуешь къ намъ, когда мы уже давно его ждемъ, чтобы онъ выковалъ намъ Сампо». — «Еще бы мнѣ не знать Ильмаринена, когда я самъ Ильмариненъ!» отвѣчалъ ей кузнецъ, которому польстилъ отзывъ вѣдьмы о немъ.

Тутъ беззубая Лоухи опрометью бросилась въ избу и давай наряжать свою младшую красавицу дочку въ самое лучшее платье, надѣвать ей жемчугъ на шею и нанизывать его на головной уборъ. «Одѣвайся, дочка, поскорѣй да покрасивѣй; пріѣхалъ къ намъ дорогой гость, искусный кузнецъ Ильмариненъ, тотъ самый, что долженъ выковать намъ Сампо съ пестрою крышкою», сказала она дочкѣ, и пошла угощать Ильмаринена. Напоила его, накормила, потомъ ласково обратилась къ нему съ вкрадчивою улыбкою: «Ты славишься своимъ искусствомъ, знаменитый кузнецъ, и вѣрно съумѣешь мнѣ выковать Сампо изъ лебяжьяго пера, изъ капли молока, изъ зернышка да изъ руна молодого барашка. А если выкуешь, такъ и бери себѣ въ жены мою младшую дочку красавицу». И вывела тутъ она свою дочку изъ другой комнаты на показъ Ильмаринену, и очень приглянулась ему стройная красотка, одѣтая въ нарядъ, блиставшій золотомъ и серебромъ и цвѣтными каменьями.

— «Я тебѣ выкую Сампо, сказалъ онъ, и не трудна мнѣ будетъ эта работа, потому что вѣдь и небо ужъ выковано мною».

И тотчасъ взялся онъ за работу; построилъ кузницу, сложилъ въ ней горнъ изъ дикаго камня, приладилъ къ нему мѣхи, установилъ посрединѣ тяжелую наковальню, развелъ жаркій огонь и, бросивъ въ него матеріалы, изъ которыхъ должно было выйти Сампо, велѣлъ подмастерьямъ, что есть силы раздувать огонь мѣхами. Три долгихъ лѣтнихъ дня и три ночи безъ усталости работали подмастерья, раздувая мѣхи и сгребая уголья въ кучу. Въ первый день заглянулъ Ильмариненъ внутрь горна и вытащилъ изъ огня огромный лукъ. Хорошъ былъ онъ и тугъ, и красиво выложенъ по краямъ серебромъ и золотомъ, да одно только жаль: онъ былъ такъ золъ, что хотѣлъ каждый день убивать по одному человѣку, а въ праздники по два. Изломалъ его Ильмариненъ въ мелкіе дребезги и опять бросилъ въ огонь. На другой день, заглянувши въ горнъ, онъ вытащилъ изъ него челнокъ; красивъ онъ былъ и прочно обитъ онъ мѣдью и искусно выложенъ по краямъ золотомъ, да одинъ былъ у него недостатокъ: ему хотѣлось плыть только на войну и служить людямъ только для разбоевъ. И его разбилъ Ильмариненъ въ мелкія щепочки и снова бросилъ въ огонь. На третій день заглянулъ онъ опять въ горнъ и вытащилъ оттуда корову съ золотыми рогами, съ звѣздами во лбу. Хороша была эта корова, да ужъ очень дика: все только рвалась она въ лѣсъ, да бодала всѣхъ своими рогами. Ильмариненъ изрубилъ и ее въ маленькіе кусочки, бросилъ въ огонь и прогналъ своихъ подмастерьевъ изъ кузницы. И созвалъ онъ вѣтры со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта и призвалъ бури раздувать огонь въ своемъ горнѣ. Завыли вѣтры: засвисталъ западный, загудѣлъ восточный, задулъ теплый южный вѣтеръ и потянулъ съ сѣвера рѣзкій, ледяной вихрь. И вотъ — подъ конецъ третьяго дня — пышетъ огонь изъ двери кузницы, искры летятъ изъ оконъ, дымъ столбомъ валитъ вверхъ и мѣшается съ облаками. Заглядываетъ Ильмариненъ внутрь горна и видитъ, что въ немъ ужъ начинается показываться среди пламени

пестрая крышка Сампо, быстро вытащилъ онъ его изъ пламени, положилъ на наковальню, сталъ ковать своимъ тяжелымъ молотомъ и вскорѣ было готово это чудное сокровище! Оно походило на мельницу, у которой съ одной стороны сыпалась мука, съ другой мелкая соль, а съ третьей свѣтлыя деньги. И устроена была эта мельница не проста, а искусно: на зарѣ молола она одну мѣру муки для дневнаго пропитанія, другую для продажи, а третью про запасъ.

Обрадовалась беззубая Лоухи, увидѣвъ, что Сампо готово; долго не знала она, куда его спрятать, потому что нельзя было установить его ни въ одномъ изъ ея обширныхъ погребовъ. И снесла она его бережно въ мѣдную гору и заперла въ ней девятью крѣпкими замками.

— «Ну, теперь Сампо готово», сказалъ кузнецъ беззубой вѣдьмѣ самымъ вкрадчивымъ и ласковымъ голосомъ; — «теперь можно мнѣ взять твою дочку за себя замужъ».

Лоухи не смѣла ему отказать; но дочь ея заупрямилась и не хотѣла выходить за Ильмаринена. «Не люблю мнѣ ѣхать въ чужую, дальнюю сторону, уходить изъ подъ родимаго крова», отвѣчала она. «Кто здѣсь безъ меня заставитъ пѣть птичекъ и кукушку куковать; уйду я — и они далеко отлетятъ отъ нашихъ холмовъ и лѣсовъ».

Нахмурился Ильмариненъ, надвинулъ шапку на самыя брови, а самъ глубоко призадумался. «Хоть бы на родину-то мнѣ вернуться удалось, хоть бы ктонибудь указалъ мнѣ туда дорогу», шепталъ онъ про себя тихо.

Лоухи спросила его о причинѣ его задумчивости; онъ откровенно высказалъ передъ ней свою тоску по родинѣ. И надѣлила его Лоухи на дорогу всякими съѣстными припасами, снарядила ему легкій челнокъ, распустила на немъ бѣлый парусъ и послала попутные вѣтры сопровождать его до самыхъ береговъ отчизны.

V.

Пасмурнѣе осенняго утра пріѣхалъ Ильмариненъ домой и очень неохотно отвѣчалъ на вопросы Вейнемейнена, который любопытствовалъ узнать объ устройствѣ Сампо, его новѣйшаго издѣлія, одареннаго чудными свойствами.

Вейнемейненъ очень хорошо понялъ изъ немногихъ и короткихъ отвѣтовъ своего брата, что ему не посчастливилось въ сватовствѣ, и премудрому пришло въ голову еще разъ попытать счастья, еще разъ искать руки гордой сѣверной красавицы, дочери Лоухи. Но какъ попасть туда, гдѣ живетъ она со своею матерью и со всѣмъ своимъ родомъ? Дороги туда не зналъ никто, даже самъ Вейнемейненъ. И вздумалъ премудрый пѣвецъ построить такую лодку, которая бы сама довозила его всюду, куда бы онъ ни пожелалъ ѣхать. Никому другому, кромѣ могущественнаго Вейнемейна не пришла бы въ голову такая смѣлая мысль, ни у кого бы и силъ не хватило ее выполнить; а ему все ни почемъ! Надобно было ему только выбрать дерево, которое по свойствамъ своимъ годилось бы для такого чуднаго судна. И послалъ Вейнемейненъ своего пріятеля, Самзу Пеллервойнена (того самага великана, который помогалъ ему засѣвать землю травами и деревьями) выбрать и срубить годное дерево. Пошелъ Самза, съ топоромъ на плечѣ, на востокъ, за три горы и пришелъ сначала къ осинѣ саженъ трехъ въ вышину, которая и спросила его поспѣшно: «чего тебѣ отъ меня надобно?» — «Мнѣ нуженъ лѣсъ на постройку судна для Вейнемейнена», отвѣчалъ великанъ. А ему въ отвѣтъ зашелестила густолиственная осина:

Промокать бы стало судно,
Кабы строить изъ осины:
Стволъ мой полонъ всякихъ скважинъ,
Да къ тому же нынче лѣтомъ
Трижды червь мнѣ сердце выѣлъ
И подгрызъ меня у корня.

Пошелъ Самза на сѣверъ; видитъ, растеть тамъ высокая ель, сажень шесть въ вышину; ударилъ онъ по ней топоромъ и спросилъ: «ты-то ужъ вѣрно согласишься на постройку корабля для Вейнемейнена?» Съ досадою зашумѣла ему въ отвѣтъ высокая ель:

Не гожуся я на лодку,
Ни на челнъ о шести ребрахъ;
Много есть во мнѣ пороковъ;
Трижды гнѣзда нынче лѣтомъ
Вилъ въ моей вершинѣ воронъ,
А въ вѣтвяхъ моихъ ворона.

Самза повѣрилъ и направился въ южныя страны. Тамъ увидѣлъ онъ громадный дубъ, девяти сажень въ обхватѣ. Къ нему обратился онъ съ вопросомъ: «не согласишься ли хоть ты на постройку чуднаго судна для премудраго?» Умно и гордо отвѣчалъ ему дубъ:

Лѣсу есть во мнѣ довольно,
На постройку того судна;
Нѣтъ во мнѣ, высокомъ скважинѣ
Ни другихъ какихъ пороковъ.
Трижды въ нынѣшнее лѣто
Во мнѣ солнце укрывалось
И сіялъ въ вершинѣ мѣсяцъ,
На вѣтвяхъ кукушка пѣла,
Птички маленькія въ листьяхъ.

И срубилъ великанъ великана, обрубилъ его могучія вѣтви, наготовилъ изъ него для мудраго Вейнемейнена столько досокъ, брусевъ и бревенъ, что всѣхъ и не пересчитаешь сразу...

А мудрый пѣвецъ не проста строилъ свое чудное судно. Онъ строилъ его при помощи своихъ могучихъ чаръ. Спѣлъ онъ одну пѣсню и глубокий киль лодки былъ готовъ; затянулъ другую — словно сами выросли изъ кия круглые бока; спѣлъ третью пѣсню — и бока сами собою сошлись на носу, а по краямъ ихъ явились выемки для веселъ. Не доставало у премудраго трехъ завѣтныхъ словечекъ, чтобы достроить свою чудную лодку, срубить на ней корму и вставить посрединѣ мачту. Сталъ ломать себѣ голову премудрый, вспоминая тѣ три могучія слова, ко-

торые ему были такъ нужны; сталъ гадать по внутренностямъ птицъ и звѣрей, надѣясь отыскать ихъ — все напрасно. «Я знаю, гдѣ найти мнѣ эти слова», сказалъ наконецъ Вейнемейненъ: «я найду ихъ въ царствѣ мертвыхъ, тамъ, гдѣ править могущественный Туони». И отправился онъ въ путь, пошелъ въ царство мертвыхъ добывать себѣ три словечка, и какъ скоро онъ ни шелъ, а все прошелъ до него недѣли съ три. Одну недѣлю шелъ все по лугамъ, поросшимъ травою, другую — по боярышнику, а третью по можжевельовому перелѣску; и вотъ, наконецъ, показался вдали холмистый островъ, на которомъ править могущественный Туони надъ покинутыми землею мертвецами. Глубокая рѣка отдѣляла его отъ остальной земли. Увидѣвъ на другомъ берегу безобразную, маленькую дочку Туони, мудрый Вейнемейненъ сталъ просить ее, чтобы она перевезла его черезъ рѣку; долго не соглашалась она перевезти живаго человѣка въ таинственное царство отца своего; долго старался обманывать ее Вейнемейненъ, придумывая разные предлоги въ оправданіе своего желанія переѣхать на противоположную сторону. Наконецъ онъ долженъ былъ сказать ей всю правду и она перевезла его на другую сторону рѣки. «Глупый ты человѣкъ», сказала она ему съ досадою, «тебѣ бы дома сидѣть, а не сюда приходить! развѣ не знаешь ты, что приходятъ сюда многіе, а не уходитъ никто». «Старымъ бабамъ прилично бояться всякихъ пустяковъ, а я ничего не испугаюсь!» отвѣчалъ Вейнемейненъ, и смѣло направился къ дому Туони. Хитрая жена Туони, злая старуха, стала угощать Вейнемейнена пивомъ и встрѣтила его ласково. Но мудрый пѣвецъ былъ остороженъ. Искоса взглянулъ онъ въ поданные ему кружки пива и увидѣлъ, что въ нихъ плавали ядовитыя жабы и большіе черви свивались въ широкія кольца. Онъ отказался отъ угощенія и объяснилъ женѣ Туони, что онъ пришелъ къ ней не бражничать, а спросить у ея мужа тѣ три слова, которые были ему необходимы для окончанія волшебнаго судна. Съ хитрой улыбкой

отвѣчала ему жена Туони: «не дѣлится мой мужъ ни съ кѣмъ своею мудростью, не подѣлится и съ тобою, а въ наказаніе за твою смѣлость объявляю тебѣ, что ты ужъ никогда болѣе не увидишь своей родины». И въ ту же минуту усыпила она премудраго и велѣла снести его на жесткую постель. Между тѣмъ поручено было одному старику и одной старухѣ, у которыхъ на рукахъ было всего по три пальца, ссучить много желѣзныхъ нитокъ и вытянуть столько же мѣдной проволоки, и сынъ Туони, у котораго вмѣсто пальцевъ на рукахъ были желѣзные крючки, сплелъ, изъ этихъ нитокъ и проволоки, сѣти, окружилъ ими весь домъ отца своего и перегородилъ рѣку, чтобы мудрому Вейнемейнену нельзя было ускользнуть изъ царства мертвыхъ. Долго проспавши, проснулся премудрый и увидѣлъ себя въ страшной опасности. Но не легко было его преодолѣть силою чаръ, превзойти его въ хитрости! Онъ обернулся сухою осокою, а потомъ пошелъ къ берегу чернымъ червякомъ, а тамъ скользнулъ въ воду гибкимъ змѣемъ, проползъ сквозь частыя сѣти, переплылъ глубокую рѣку, отдѣлявшую островъ Туони отъ остальнаго міра, и, выйдя на берегъ, долго и жарко благодарилъ Укко за его помощь въ опасномъ предпріятіи и въ легкомъ избавленіи изъ когтей Туони.

На другой день сынъ Туони, не видя нигдѣ Вейнемейнена, сталъ вытягивать на берегъ сѣти, закинутыя въ рѣку, и нашелъ въ нихъ красноперыхъ окуней, да широкихъ лещей, да серебристыхъ сиговъ — нигдѣ и слѣдовъ премудраго не осталось.

VI.

Вернулся домой премудрый Вейнемейненъ, исходивъ безъ пользы многія тысячи верстъ, не добывъ изъ царства Туони тѣхъ могучихъ словъ, которые нужны были ему для окончанія его чуднаго судна. «А ты еще попы-

тайся», сказалъ ему одинъ старый пастухъ; «ты сходи-ка на край свѣта къ Випунену, можетъ быть онъ знаетъ то, что тебѣ нужно? А ужъ кажется, кому быть мудрѣе этого старика-великана? Все то онъ знаетъ и славится своею давнею мудростью». — «А какъ пройти-то къ нему?» спросилъ Вейнемейненъ. — «Дорога къ нему идетъ не то, чтобы самая лучшая, ну да и не самая худая; одинъ день бѣжать нужно по иголкамъ, а другой пробираться по лезвіямъ мечей, а третій-то весь идти по острымъ краямъ топоровъ».

Выслушавъ его, Вейнемейненъ пошелъ къ брату Ильмаринену и говоритъ: «скуй мнѣ, братецъ, сапоги изъ желѣза, да рубашку изъ желѣза, да такія же перчатки, да сдѣлай еще тяжелую стальную булаву; я собираюсь идти къ Випунену добывать себѣ мудрости».

— «Охота тебѣ идти въ такую даль! вѣдь Випуненъ-то ужъ давнымъ давно умеръ, ужъ не ставитъ больше своихъ силковъ да сѣтей по лѣсамъ для ловли птицъ и звѣрей».

Но Вейнемейненъ не обратилъ вниманіе на его слова, пустился въ путь-дороженьку, преодолѣлъ всѣ препятствія и подъ вечеръ третьяго дня прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ жилъ нѣкогда мудрый великанъ Випуненъ. И увидѣлъ онъ, что лежитъ этотъ Випуненъ, словно большая гора, лежитъ и спитъ мертвымъ сномъ. Видно, давно ужъ спалъ онъ такъ, потому что на плечахъ успѣли у него вырасти третпныя осины, на вискахъ тѣнистыя березы, на щекахъ карявыя ветлы, на бородѣ частыя ивы, на лбу вѣковая сосна, а во рту старая смолистая ель. Посмотрѣлъ на все это Вейнемейненъ, вынулъ свой острый мечъ, порубилъ и осину, и ель, и частыя ивы, потомъ глубоко вонзилъ мечъ въ широкія губы Випунена: «вставай, старина», сказалъ онъ, «подымайся отъ долгаго смертнаго сна».

Просыпается Випуненъ, начинаетъ ворочаться; земля кругомъ стонетъ, пыль столбомъ вверхъ летитъ: чувствуетъ великанъ страшную боль въ пронзенныхъ мечемъ губахъ, начинаетъ отъ досады грызть клинокъ меча зубами, широко разбѣваетъ свой громадный ротъ, и Вейнемейненъ, стоявшій

на краю его, не успѣлъ остеречься, поскользнулся и провалился въ эту страшную пропасть.

Випуненъ очень спокойно закрылъ ротъ, потомъ проглотилъ премудраго пѣвца какъ муху и самодовольно улыбнулся:

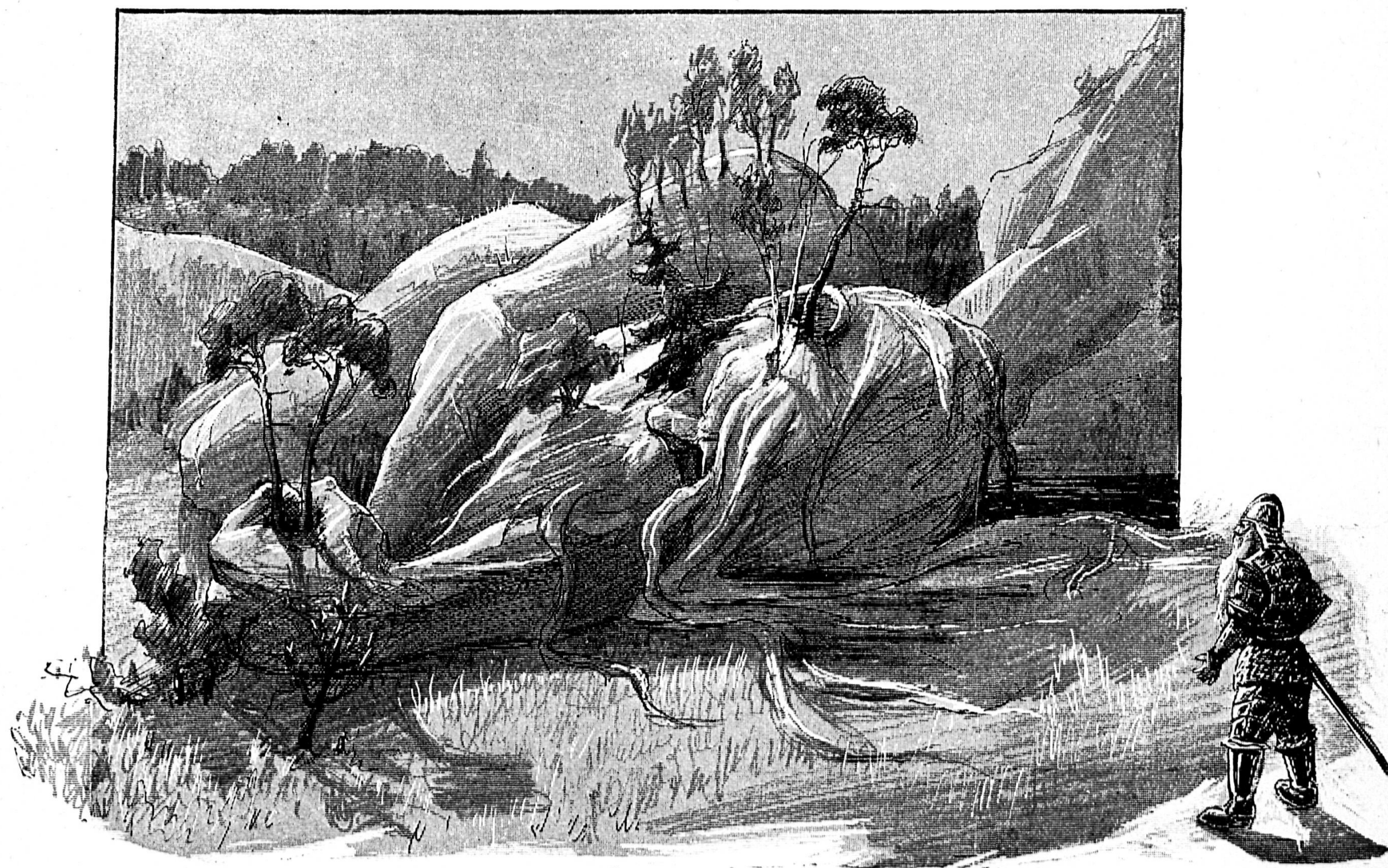
«Славный кусочекъ!» сказалъ онъ; «случалось мнѣ много ѣсть на своемъ вѣку, случалось и козу, и корову, и цѣлаго вепря за разъ проглатывать, а такого еще никогда не приходилось». И располагалъ онъ опять спокойно заснуть, но видно не суждено было...

Вейнемейненъ совершенно неожиданно попалъ въ желудокъ Випунена и сталъ придумывать, какъ бы ему повеселѣе провести время въ этой темной и просторной тюрьмѣ.

«Давай-ка займусь я кованьемъ!» подумалъ онъ, и тотчасъ же развелъ огонь, изъ рукавовъ своей одежды сдѣлалъ мѣха, приладилъ ихъ кое-какъ къ огню, и на своемъ колѣнѣ, закованномъ въ желѣзо, сталъ, какъ на наковальнѣ, ковать своею булавою. Ковалъ онъ день и ночь, безъ устали; стучить, гремитъ, огонь раздувается, уголья въ него ногами подгребаютъ, только дымъ столбомъ вверхъ валитъ, да искры съ пепломъ летятъ во всѣ стороны. Нѣтъ никакого покоя Випунену, ни днемъ, ни ночью! «Что это за человѣкъ я проглотилъ? Вотъ уже прошло сколько дней, а все во рту у меня какая-то копотъ да уголья, а въ желудкѣ горячо и точно кто нибудь молоточкомъ постукиваетъ!» День ото дня становилось ему все хуже и хуже, и онъ наконецъ не знаетъ куда и дѣваться отъ чудовища, которое проглотилъ съ просонья. Сколько ни старался онъ, какія ни употреблялъ средства, чтобы изгнать Вейнемейнена изъ своего желудка, — все понапрасну. Онъ сталъ грозить ему своею силою и гнѣвомъ боговъ, тотъ только посмѣивается да булавою постукиваетъ. Наконецъ Випунену пришлось ужъ такъ плохо, что онъ рѣшился вступить въ переговоры со своимъ жильцомъ. «Да выйдешь ли ты изъ меня когда нибудь?» взмолился къ нему Випуненъ. — «Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо!» отвѣ-

чалъ премудрый; «я отсюда не уйду, а все только ближе и ближе буду пододвигаться къ твоему сердцу со своею наковальнею, проберусь къ тебѣ въ самый мозгъ и ужъ тамъ устрою себѣ настоящую кузницу. Не пойду я изъ тебя, пока не услышу отъ тебя всего, что ты знаешь, пока не научусь всей твоей мудрости».

Дѣлать нечего! Пришлось старику Випунену распоясаться; подумалъ онъ, подумалъ, припоминая и собирая въ головѣ своей все, что зналъ, и запѣлъ пѣсню, въ которой складно передавалъ всѣ свои знанія. Много дней и много ночей пѣлъ онъ, и слушалъ его внимательно Вейнемейненъ, опершись головою на руки и стараясь не проронить ни одного слова. И не одинъ онъ слушалъ: въ небѣ солнце съ мѣсяцемъ пріостановились, а на морѣ — волны, даже струи рѣки не текли: всѣ слушали, всѣмъ



Випуненъ, словно большая гора, лежитъ и спитъ мертвымъ сномъ.

хотѣлось получить отъ стараго Випунена хоть частицу его дивной мудрости.

Когда кончилась пѣсня Випунена, Вейнемейненъ опрометью бросился вонъ изъ желудка его, обернулся золотистою бѣлочкою, скользнулъ изъ его широкаго зева на землю и пустился бѣжать домой... Только что прибѣжалъ къ кузницѣ Ильмаринена, какъ тотъ и работу бросилъ, выскочилъ изъ нея, давай его спрашивать объ новомъ опасномъ странствованьи. «Много я узналъ новаго», отвѣчалъ ему премудрый, «большой мудрости набрался, узналъ то, чего никто кромѣ меня теперь не знаетъ». И пошелъ онъ на берегъ достраивать свою лодку. Мигомъ достроилъ онъ ее, и много дней потомъ занимался тѣмъ, что ее разукрашивалъ: всю ее вымазалъ красною краскою, облѣпилъ на носу серебромъ, а на кормѣ золотомъ, врубилъ въ средину крѣпкую мачту; потомъ, не откладывая на долго, собрался въ путь, и въ одно прекрасное утро, когда Ильмариненъ еще храпѣлъ на постели, Вейнемейненъ спустилъ свою лодку на воду, поднялъ бѣлый парусъ и поплылъ къ далекимъ берегамъ Пойолы. Но не могъ онъ уплыть незамѣтно: женщины полоскали на берегу бѣлье и видѣли, какъ онъ отплылъ, спросили его, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ? А когда онъ рассказалъ имъ о цѣли своего путешествія, то не прошло и часу, Ильмариненъ уже зналъ и объ его отъѣздѣ, и объ его намѣреньи... Скоро сѣдлалъ онъ коня, еще скорѣй того сажился въ сѣдло и гналъ во всю прыть въ Пойолу...

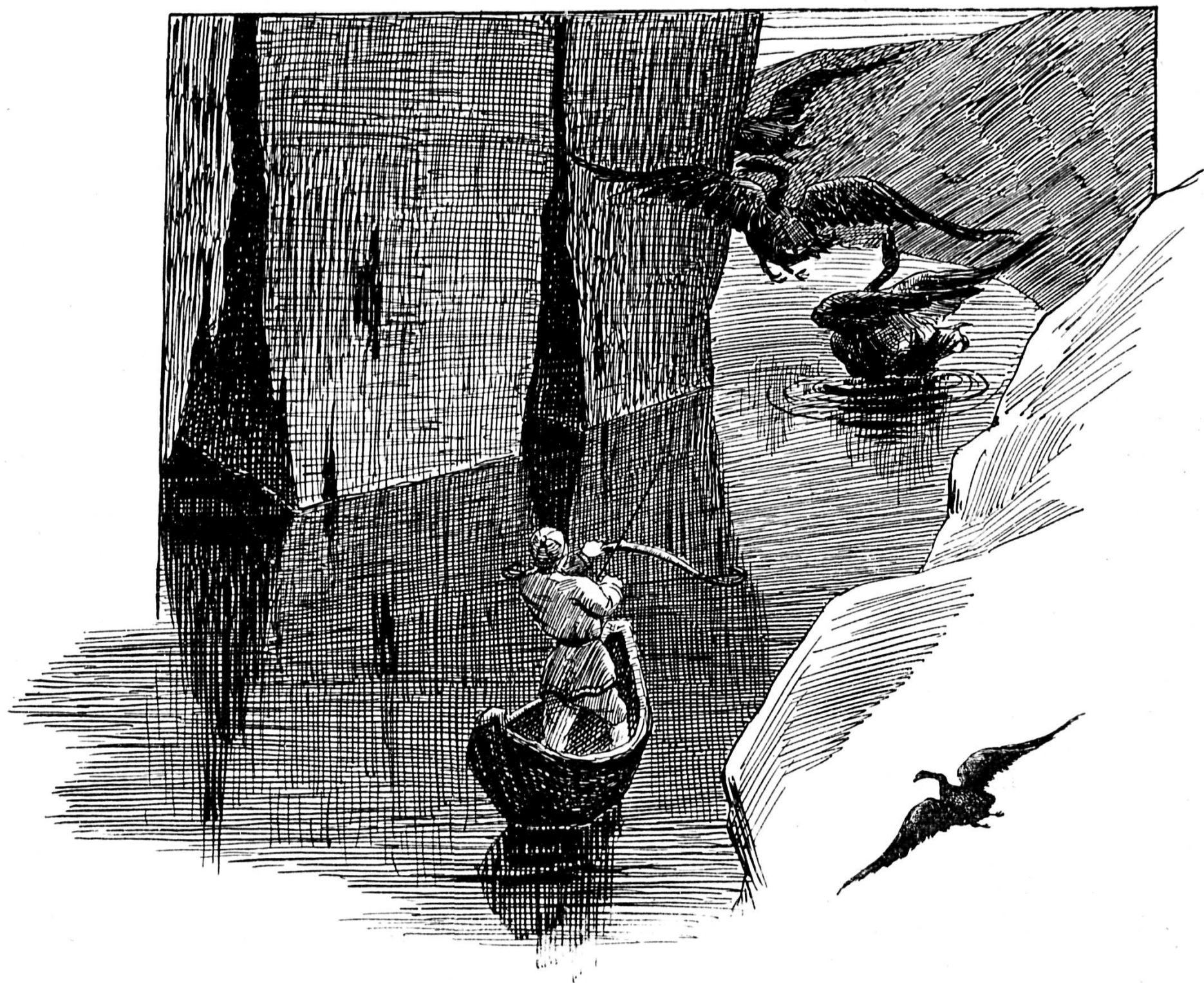
Видно ужъ очень не хотѣлось Ильмаринену уступить свою невѣсту другому, видно скоро и ѣхалъ онъ, потому что поспѣлъ въ Пойолу въ одно время съ братомъ своимъ; тотъ моремъ плылъ, а этотъ берегомъ за нимъ слѣдилъ. Въ одно время они и въ домъ Лоухи вступили: но гордая дочка беззубой вѣдьмы на старика Вейнемейнена и взглянуть не захотѣла (хоть мать и совѣтывала ей выбрать именно его въ мужья), а Ильмаринену объявила, что охотно пойдетъ за него замужъ. Поднялась на всемъ сѣверѣ

страшная суматоха — всѣ стали готовиться къ свадьбѣ. Всѣ хлопотали, всѣ шумѣли, всюду пиво варили, вино курили, во всѣхъ кухняхъ готовили кушанья, всюду шили наряды одинъ другого красивѣе — всѣмъ хотѣлось побывать на свадьбѣ дочери Лоухи съ Ильмариненомъ. Всѣхъ и пригласили на эту свадьбу; забыли пригласить только Леминкайнена.

VII.

Леминкайненъ жилъ далеко отъ всѣхъ другихъ людей; далеко отъ Ильмаринена и Вейнемейнена, на морскомъ берегу, вмѣстѣ съ матерью и своимъ сильнымъ родомъ. Долго жилъ онъ спокойный и довольный, пока ему не вздумалось свататься за дочку Лоухи. Напрасно отговаривала его мать, утверждая, что тамъ онъ погибнетъ. Леминкайненъ смѣялся ея словамъ и поѣхалъ на Сѣверъ. Лоухи приняла его ласково, но сказала, что если онъ хочетъ получить ея дочку себѣ въ жены, то долженъ исполнить нѣсколько трудныхъ задачъ. Смѣлый Лименкайненъ, не блѣднѣвшій ни передъ какою опасностью, взялся исполнить всѣ трудныя задачи, которыя придумала для него Лоухи. Хитрая вѣдьма взвалила на его плечи такіе труды, что несчастный Леминкайненъ долженъ былъ погибнуть. Гонясь за адскими лебедями на рѣкѣ, отдѣляющей царство Туони отъ остальнаго міра, онъ нечаянно упалъ въ воду, а злой сынъ Туони тотчасъ же подхватилъ его и изрубилъ въ куски. Только материнская любовь помогла тогда Леминкайнену. Прослышавъ о смерти его, мать поспѣшила на Сѣверъ, а разузнавъ подробно о мѣстѣ, въ которомъ погибъ ея сынъ, своими руками повытаскала всѣ куски его тѣла изъ воды, сложила ихъ плотно, помазала бальзамомъ и силою своихъ чаръ заставила жизнь вновь возвратиться въ омертвѣвшее тѣло. Тутъ рассказалъ Леминкайненъ матери о своихъ похожденияхъ и гибели, потомъ вмѣстѣ съ нею отправился домой. Страшная опасность, которой подвергся онъ при этомъ

послѣднемъ странствованіи, надолго отбила у него всякую охоту куда бы то ни было удалиться изъ дому. Но когда до него дошли слухи (а слухъ у него былъ тонкій) о томъ, что на Сѣверѣ готовится свадебный пиръ, что всѣ приглашены на пиръ, одинъ только онъ забытъ — тогда загорѣлся Леминкайнень страшною злобою на Лоухи, на



Леминкайнень гоняется за адскими лебедями въ царствѣ Туони.

ея мужа и на весь ея родъ. Одна только мысль о мести завладѣла всѣмъ его сердцемъ и онъ рѣшился тотчасъ же привести ее въ исполненіе. «Матушка», сказалъ онъ, подойдя къ своей матери, «накорми меня, напои меня, вели вытопить для меня баньку, дай мнѣ мои лучшія одежды и отпусти меня въ дальній путь-дороженьку».

— «Куда это ты, сыночекъ, собрался? ужь не за хищною-ли рысью гоняться, не легкихъ-ли бѣлокъ стрѣлять?»

— «Нѣтъ, матушка, не на охоту стремлюсь я, не на забаву себѣ, а иду на свадебный пиръ въ Пойолу, иду мстить Лоухи и мужу ея, и всему роду ея, за то, что они одного меня не позвали къ себѣ на праздникъ, надо мною однимъ посмѣялись!» — «Не ходи ты туда, куда тебя не звали; не будетъ въ томъ проку, коли пойдешь! смотри, смотри, не нажить бы тебѣ худа, не накликать бы тебѣ бѣды на свою голову, да и на мою-то также!» говорила ему мать. «Не ходи, сыночекъ, не пришлось бы мнѣ на старости лѣтъ проливать горькія слезы по тебѣ, моемъ миломъ сыночкѣ!» — «Нѣтъ! не прощу я имъ этой обиды!» отвѣчалъ ей безстрашный сынъ; «они меня не звали, такъ мечемъ развѣдаюсь съ ними!» — «Знаю я, сынъ мой, что тебя ничто не устрашаетъ; да вѣдь, прежде, чѣмъ доѣдешь до Пойолы, много встрѣтишь ты на своемъ пути преградъ и опасностей». — «Какія же это преграды, матушка? есть-ли тамъ такія, которыхъ бы стоило пугаться: вѣдь женщины часто и по пустому боятся...» — «Не по пустому боюсь я, сыночекъ, и самъ ты вспомнишь мои слова! Первая тебѣ преграда встрѣтится: огненная рѣка, а на той рѣкѣ огненная скала, а на той скалѣ огненный орелъ, сидитъ, и днемъ клювъ, а ночью когти точитъ на гибель всякаго прохожаго чужого человѣка. Вторая преграда на пути твоёмъ будетъ огненная пропасть, которая тянется отъ востока до запада; полна она раскаленныхъ камней и влечетъ къ себѣ всякаго прохожаго чужого человѣка. Многія тысячи людей сложили ужь въ ней свои головы! А третья преграда: у самыхъ воротъ Пойолы, въ самомъ узкомъ мѣстѣ пути попадется тебѣ на встрѣчу огромный волкъ; такого нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не слыхано: многія тысячи людей растерзалъ ужь онъ, растерзаетъ и тебя горемычнаго!» — «Не испугаешь ты меня этими преградами, матушка, а лишь больше возбудишь во мнѣ желаніе преодолѣть ихъ», отвѣчалъ матери безстрашный Леминкайнень. — «Да что въ томъ проку, если ты и всѣ эти препятствія преодолѣешь. Самое-то страшное на концѣ пути предстоитъ тебѣ: вокругъ

всей Пойолы тынъ желѣзный отъ земли и до неба, а за желѣзнымъ тыномъ стальныя стѣны; стѣны оплетены шипящими змѣями, а въ узкихъ воротахъ лежитъ огромный и толстый змѣй, покрытый желѣзною чешуею: — гордо поднимаетъ онъ голову и страшно разѣваетъ пасть на встрѣчу каждому, входящему въ ворота, всегда готовый проглотить всякаго прохожаго чужого человѣка. А за стальною стѣною частоколъ стоитъ и на каждомъ-то колушкѣ по головушкѣ; на одномъ только колу головы еще нѣтъ — видно твоей-то головѣ и быть на немъ, сыночекъ, коли вздумаешь идти непрощенный на свадебный пиръ въ Пойолу». — «Не ребенокъ ужъ я, матушка, не побоюсь всѣхъ этихъ страховъ! съумѣю я проложить себѣ торную дорогу!» отвѣчалъ Леминкайненъ, надѣлъ тяжелую кольчугу, опоясался отцовскимъ мечемъ, простился съ матерью, сѣлъ на коня и поѣхалъ путемъ дорогою на Сѣверъ, обдумывая, какъ бы ему лучше отомстить Лоухи. А старушка мать еще долго смотрѣла ему вслѣдъ и гадала: вернется-ли онъ еще домой, или оставить свою буйную голову на чужой сторонѣ?

VIII.

Не много проѣхалъ Леминкайненъ и наѣхалъ на стадо тетеревей; спугнулъ ихъ съ дороги его борзый конь, взвились они тучею вверхъ и оставили послѣ себя на землѣ только нѣсколько перышковъ. Леминкайненъ сошелъ съ коня, думаетъ: «дорожному человѣку все пригодится!» — и сунулъ тѣ перья въ сумку. Немного проѣхалъ онъ далѣе и стали сбываться слова его старушки матери; видитъ онъ прямо передъ собою широкую огненную рѣку, а на ней ни мостика, ни лодочки, только хлопочетъ въ ней огненная влага, словно вода въ котлѣ, и огненные волны бѣшено бьются объ раскаленную скалу; а на вершинѣ скалы сидитъ огромный орелъ, все только крыльями хлопаетъ, да точить о камни свой страшный клювъ. Остановился без-

страшный Леминкайненъ, видитъ, не проѣхать ему такъ, и обратился къ орлу съ рѣчью: «пропусти меня, птица орелъ, ѣду я на пиръ въ Пойолу; отвернись на мигъ въ сторону, чтобы я тѣмъ временемъ могъ черезъ рѣку перебраться!» Съ насмѣшкой отвѣчалъ ему орелъ: «Никого еще не пропускалъ я доселѣ мимо себя, не пропущу и Леминкайнена; одна ему дорога и лежитъ прямоѣзжая — въ мою глотку». Не испугался его угрозъ Леминкайненъ, быстро сунулъ руку въ сумку, вынулъ оттуда нѣсколько перьевъ, потеръ ихъ между своими ладонями, и вотъ взвилась у него съ рукъ огромная стая глухарей, взвилась и полетѣла прямо въ отверстую пасть чудовищнаго огненнаго орла, и покаместъ онъ съ жадностью глоталъ ихъ, Леминкайненъ ударилъ своего коня плетью и живо перескочилъ добрый конь черезъ рѣчку и понесся стрѣлой отъ рѣки.

Не долго онъ ѣхалъ спокойно; конь его вдругъ заартачился, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и остановился какъ вкопанный. Привсталъ Леминкайненъ на стременахъ, смотритъ впередъ и видитъ, что добрый конь остановился на самомъ краю глубокой и широкой огненной пропасти. Широко и далеко тянулась она въ обѣ стороны, отъ востока до запада, и была полнымъ-полнехонька раскаленными камнями. Взмолился Леминкайненъ всемогущему Укко о помощи, и не долго заставилъ Укко ждать своей помощи. Со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта собралъ онъ надъ пропастью темныя тучи, и вдругъ густой снѣгъ большими хлопьями повалилъ на раскаленные груды камней. Меньше чѣмъ въ минуту выпало снѣгу на сажень, и снѣгъ этотъ растаялъ, такъ что на мѣстѣ пропасти образовалось большое озеро съ тонкою ледяною поверхностью. Тутъ Леминкайненъ не задумываясь перебрался черезъ озеро по тонкому ледку и, достигнувъ другого берега, понесся стрѣлою по своему трудному пути.

Такъ ѣхалъ онъ два дня. На третій подъѣзжаетъ къ Пойолѣ и въ самомъ узкомъ мѣстѣ дороги видитъ — выхо-

дить къ нему на встрѣчу громадный волкъ; еще издали страшно разбѣгаетъ онъ свою пасть и съ дикимъ воємъ выжидаетъ приближенія неосторожнаго путника. Но Леминкайнень ничуть не испугался этого чудовища. Быстро вынулъ онъ изъ своей дорожной сумки клочъ овечьей шерсти и сталъ тереть ее между своими сильными пальцами. И вотъ изъ подъ рукъ его выбѣжало цѣлое стадо курчавыхъ, жирныхъ овецъ и прямо бросилось въ пасть чудовищнаго волка. Пока тотъ справлялся съ цѣлымъ стадомъ, Леминкайнень преспокойно проѣхалъ мимо и прижался къ громадному желѣзному тыну, которымъ окружена была вся Пойола. Тынъ этотъ на сто сажень уходилъ въ глубь земли, да на тысячу сажень возвышался надъ землею. Подивился ему Леминкайнень и сказалъ самъ себѣ: «Вотъ диво, такъ диво! Ужъ, кажется, какъ вѣдь низко ползаютъ змѣи, а тынъ ниже ихъ уходитъ въ землю; кажется, какъ вѣдь высоко носятся въ воздухѣ птицы, а тынъ выше ихъ теряется въ облакахъ». И вынулъ онъ отцовскій мечъ, который и камни, и желѣзо рубилъ какъ сухія щепки, и сталъ онъ тѣмъ мечемъ рубить желѣзный тынъ и скоро вырубилъ въ немъ такое мѣсто, черезъ которое могъ съ конемъ своимъ свободно проѣхать. Но что же онъ встрѣтилъ за тыномъ? Высокую стѣну, сверху до низу обвитую стоглазыми змѣями, облѣпленную огромными ящерицами, оплетенную ядовитыми ехидными. И всѣ они злобно шипѣли и поводили своими зелеными глазами и яростно разбѣвали широкія пасти, выставляя наружу свое раздвоенное ядовитое жало; не было ни проходу, ни проѣзду, и не рѣшился храбрый Леминкайнень прямо пробираться на добромъ конѣ своемъ черезъ этихъ чудовищъ. Подумалъ, подумалъ онъ и сталъ уговаривать змѣй и ехиднъ, чтобы онѣ его пропустили къ Пойолу; но тѣ только злобно шипѣли въ отвѣтъ на его рѣчи. Тогда припомнилъ Леминкайнень страшные заговоры противъ змѣй и ехиднъ, заговоры старинные, которые еще въ дѣтствѣ случалось ему слышать отъ старой матери. «Слушайте, змѣи», сказалъ

онъ, «уступите мнѣ дорогу, а не то расскажу я всему свѣту о вашемъ происхожденіи, и тогда вы отъ стыда попрячетесь въ самые дальніе углы вашихъ норъ; знаю я, откуда вы произошли: васъ породило чудовище Сіетеръ. Оно плюнуло въ море, и долго слюна его носилась по бѣлогривымъ волнамъ, долго убаюкивали ее свѣжіе морскіе вѣтры. И вотъ взглянулъ на него всемогущій Укко, создавшій весь миръ, и сказалъ самъ себѣ: «если бы мнѣ вздумалось оживить эту слюну и дать ей глаза, то изъ дурнаго могло бы выйти лишь дурное, отъ чудовища могло бы произойти лишь чудовищное». Услышалъ слова эти злой духъ Хіизи, всегда готовый на дурное дѣло, и рѣшился самъ создать чудовище изъ этой слюны: вдунулъ онъ въ нее жизнь, вложилъ ей внутрь вмѣсто сердца уголь изъ адскаго пламени, и явилась на свѣтъ ты, лютая змѣя!» И словно пристыженные тѣмъ, что Леминкайнень предъ лицомъ всего свѣта рассказалъ объ ихъ происхожденіи, змѣи, шипя и свиваясь въ широкія кольца, блистая на солнцѣ своей чешуею, поползли въ разныя стороны, стараясь укрыться въ рывтинахъ и расщелинахъ; вслѣдъ за ними разсыпались и исчезли въ травѣ пестрыя ящерицы, и безстрашному Леминкайнену открылась широкая дорога въ Пойолу.

IX.

Смѣло вступилъ Леминкайнень въ обширный покой дома Лоухи, гдѣ за огромнымъ столомъ сидѣло множество гостей, созванныхъ ею и мужемъ ея на свадебный пиръ. Вошелъ Леминкайнень—и липовыя доски въ полу зашкрипѣли, и толстыя сосновыя стѣны зашатались, а всѣ гости между собою переглянулись. «Здравствуй», сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину дома, мужу беззубой вѣдьмы, и бросая шапку на столъ. «Давай мнѣ мѣсто за столомъ, давай корму моему коню; а мнѣ—пива и меду». Не поклонился ему хозяинъ и мрачно отвѣчалъ, не вставая съ своего

мѣста: «не звалъ я тебя и нѣтъ тебѣ здѣсь мѣста за столомъ; твое мѣсто за дверьми; еще и не сѣянъ тотъ овесъ, которымъ я накормлю коня твоего, еще и не сажень хмѣль, съ которымъ стану варить для тебя пиво». Грозно засверкали глаза у Леминкайнена; одною рукою откинулъ онъ свои черные волосы, другою растолкалъ гостей, сидѣвшихъ за столомъ, и самъ усѣлся на ихъ мѣсто такъ, что толстая скамья подъ нимъ застонала. «Ты меня не пригласила къ себѣ на пиръ», сказалъ онъ, обращаясь къ Лоухи, «а созвала со всѣхъ концовъ свѣта всякую сволочь, такъ я вотъ самъ къ тебѣ явился — угощай же меня поскорѣ!» — «Угости его пивомъ», сказала съ злобною усмѣшкою Лоухи одной изъ служанокъ, и та тотчасъ же поднесла Леминкайнену въ какомъ-то черепкѣ не пива, а прокисшаго сусла. Заглянулъ внутрь черепка Леминкайненъ и видитъ, что плаваютъ въ немъ ядовитыя ехидны, а по краямъ ползаютъ черные черви и бѣгаютъ зеленые ящерицы. Не задумался безстрашный, порылся въ дорожной сумѣ своей, вытащилъ оттуда рыболовный крючокъ и имъ поковыркалъ изъ черепка жабъ, змѣй, червей и ящерицъ. Съ улыбкой изрубилъ онъ ихъ ножомъ и перетопталъ ногами, а пиво выпилъ безвредно. «Такъ-то ты меня угощаешь, хозяинъ», сказалъ, наконецъ, Леминкайненъ. — «Не жди отъ меня другаго угощенія, а убирайся вонъ: я тебя не звалъ». — «Ты, значитъ, и напоить не можешь гостя, который нечаянно забредетъ въ твой домъ?» — «На, пей», сказалъ Леминкайнену мужъ Лоухи и ударилъ въ полъ ногою; въ ту же минуту у ногъ Леминкайнена появился прудокъ, наполненный грязною водою. «Нѣтъ, я не теленокъ, что стану пить воду изъ лужи», возразилъ онъ и махнулъ рукою; и тотчасъ же явился бычокъ съ золотыми рогами и разомъ выпилъ всю воду въ прудкѣ. Озлился хозяинъ, послалъ на того бычка огромнаго сѣраго волка. А Леминкайненъ опять махнулъ рукою и передъ самымъ носомъ у хищнаго волка сталъ прыгать веселый, бѣленькій зайчикъ, который обратилъ на себя все вниманіе волка.

Видитъ мужъ Лоухи, что не одолѣть ему будетъ Леминкайнена силою чаръ; онъ бросился къ стѣнѣ, сорвалъ съ нея свой длинный мечъ и быстро подошелъ къ Леминкайнену. «Слушай, Леминкайненъ, ты помѣрился со мною въ знаніи страшныхъ чаръ и заклинаній, помѣряемся же теперь мечами: посмотримъ, чей мечъ лучше». — «Гдѣ моему мечу равняться съ твоимъ», сказалъ Леминкайненъ съ насмѣшкой, «мой вѣдь ужъ весь поломался, ударяясь о кости враговъ, весь зазубрился, разрубая черепа. А, впрочемъ, я готовъ помѣряться съ тобою и мечами! Только выйдемъ отсюда: не мѣсто здѣсь драться и тревожить честныхъ гостей».

Вышли они на середину двора (а дворъ тотъ былъ обнесенъ частоколомъ и на каждомъ-то колушкѣ было воткнуто по головушкѣ, только на одномъ колу головы не было. И вотъ зазвенѣли мечи, посыпались искры отъ тяжелыхъ ударовъ клинка объ клинокъ; горячо нападалъ на Леминкайнена злой мужъ Лоухи и спокойно отражалъ его удары безстрашный Леминкайненъ; наконецъ, улучивъ минуту, онъ вдругъ самъ напалъ на своего противника и такъ сильно ударилъ его въ грудь, что тотъ упалъ на землю. Быстро подскочилъ тогда къ нему Леминкайненъ, снесъ мечемъ съ его широкихъ плечъ голову и съ торжествомъ воткнулъ ее на пустой колъ. Потомъ вошелъ онъ въ покой, гдѣ все еще пиновала Лоухи съ гостями, и сказалъ ей: «не хотѣла ты мнѣ дать пива напиться, такъ дай же теперь воды вымыть руки, запачканные кровью твоего негостепріимнаго мужа». — Кто можетъ изобразить ярость беззубой Лоухи! Она стала бросаться во всѣ стороны, кричать, махать руками, и вотъ, со всѣхъ сторонъ, словно изъ земли выросли, являются сотни и тысячи людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ длинными копьями, съ сверкающими мечами въ рукахъ. Всѣ они стремятся на зовъ старой вѣдьмы, всѣ мрачно глядятъ на Леминкайнена. Видитъ онъ, что грозитъ ему бѣда неминуемая и что въ Пойолѣ ему нельзя болѣе оставаться; выскочилъ на широкій дворъ, видитъ, что коня его нигдѣ на дворѣ нѣтъ

и обернулся онъ сизымъ орломъ, какъ молнія взвился подъ облака и понесся быстрѣе мысли на родину, къ своей старушкѣ матери.

Долго-ли, коротко-ли летѣлъ онъ, а только прилетѣлъ домой блѣдный, усталый и сильно разстроенный. «Матушка», сказалъ онъ, «ты права была, когда останавливала меня и уговаривала не ѣздить въ Пойолу. Я навлекъ страшныя бѣды и на твою, и на свою голову; сюда идутъ вооруженныя толпы, ихъ посылаетъ старая беззубая Лоухи, чтобы отомстить мнѣ и всей семьѣ моей за смерть ея мужа, убитого мною. Что мнѣ дѣлать, куда мнѣ съ тобою укрыться?» — «Обо мнѣ не безпокойся, сынъ мой, я съумѣю укрыться отъ безжалостныхъ враговъ; что же касается тебя, то, если ты дашь мнѣ слово послѣ этого шестнадцать лѣтъ сряду не вынимать меча изъ ноженъ, я укажу тебѣ убѣжище, въ которомъ никому не удастся отыскать тебя». — «Матушка, даю тебѣ слово; только скажи мнѣ, гдѣ же это безопасное убѣжище? Далеко-ли отъ тебя и отъ родины?» — «Далеко, сыночекъ, очень далеко; возьми отцовскій челнокъ, садись въ него и плыви въ немъ черезъ девять морей въ десятое. Тамъ, по срединѣ десятаго моря, высится подъ водами скалистый островъ. Весело живутъ на немъ люди, ни въ чемъ не нуждаясь; укройся тамъ отъ преслѣдованій и живи беззаботно два года, на третій возвращайся подъ родимый кровъ».

На другое утро солнце застало уже Леминкайнена на морѣ. Поднявъ бѣлый парусокъ, быстро мчался онъ на своемъ легкомъ челнокѣ вдаль отъ родины и родимой матушки. Заботливая рука матери обложила его разными съѣстными припасами и всѣмъ, что могло ему понадобится и въ пути, и на чужбинѣ. Не мало времени плылъ онъ — три мѣсяца убаюкивали его безпокойныя волны подъ вечеръ и будили своимъ плескомъ на зарѣ. Наконецъ, засинѣлся вдаль желанный островъ.

Въ то время на берегу острова сидѣло много женщинъ и старыхъ, и молодыхъ; однѣ ожидали сыновей, другія

отцевъ и братьевъ, третьи дорогихъ жениховъ и мужей. Завидѣли онѣ вдаль на морѣ черную точку и стали говорить: «что это на морѣ? Ужъ не наши-ли корабли идутъ издалека съ дорогимъ товаромъ? Не несутъ-ли они намъ вѣстей о далекихъ странахъ? Не везутъ-ли намъ праздничныхъ нарядовъ?» Но черная точка очень скоро приближалась къ острову и, наконецъ, всѣ сидѣвшія на берегу женщины увидѣли, что то былъ челнокъ, мѣрно колыхавшійся на волнахъ, что въ томъ челнокѣ сидѣлъ юноша, прекрасный собою, одѣтый въ богатое платье; черные глаза его блистали какъ молнія, а чудные черные волосы рассыпались по плечамъ его мягкими кудрями. Смѣлою рукою направилъ онъ свой челнокъ къ берегу и, подъѣзжая, сказалъ сидѣвшимъ на берегу женщинамъ: «не найдется-ли здѣсь на берегу мѣстечка, въ которомъ бы я могъ вытащить свой челнокъ и посушить его на солнцѣ послѣ долгаго переѣзда?» — «Есть здѣсь мѣсто цѣлой сотнѣ челноковъ, не только твоему одному», отвѣчали ему съ берега женщины. Вышелъ Леминкайнень на берегъ, вытащилъ свой челнокъ на сушу, потомъ поклонился женщинамъ и сказалъ: «не найдется-ли здѣсь на острову мѣстечка укрыть меня, сиротинушку, отъ боевого шума и звонкаго стука мечей?» — «Есть у насъ и высокіе, крѣпкіе замки, и богатые дома; можемъ мы тебя укрыть, сиротинушку, да и не тебя одного, а тысячу такихъ же, какъ ты, молодцевъ». — «Не найдется-ли здѣсь мѣстечка, гдѣ бы я могъ пѣть свои протяжныя, заунывныя пѣсни: — слова такъ и таютъ у меня на устахъ, такъ и просятъ, чтобы я сложилъ ихъ въ сладкозвучную пѣсню». — «Есть здѣсь мѣсто и для твоихъ пѣсень», отвѣчали ему женщины; «есть и рощи для веселыхъ игръ, есть и лужайки для шумной пляски».

И запѣлъ Леминкайнень могучія, завѣтныя пѣсни своей родины, и выросли около него изъ земли кусты ароматнаго боярышника, а передъ нимъ поднялся высокій дубъ, съ золотыми желудями на вѣтвяхъ; а на томъ дубу сидѣла кукушечка, и каждый разъ, какъ она открывала ротъ, изъ

него выливалось яркое золото, а изъ-подъ крыльевъ сыпалось свѣтлое серебро на землю. Онъ пѣлъ, и отъ пѣсенъ его обращался песокъ въ крупныя жемчужины, простой булыжникъ становился блестящимъ драгоценнымъ камнемъ, и золотые цвѣты выросли на травѣ. Всѣ слушали его съ восторгомъ и съ изумленіемъ глядѣли на то, что происходило у нихъ подъ глазами.

— «Спѣлъ бы я вамъ и получше пѣсенку, кабы сидѣлъ теперь за столомъ не подъ открытымъ небомъ, а подъ кровлею дома». И вотъ всѣ принялись наперерывъ звать его къ себѣ, стараясь расхвалить свой домъ и семью. Наконецъ Леминкайнень пришелъ въ одинъ домъ, и когда стали его угощать, онъ только рукой махнулъ, и на столѣ явилось множество золотыхъ блюдъ съ вкусными кушаньями, а по краямъ чинно разставились кружки съ пѣнистымъ медомъ и съ крѣпкимъ пивомъ. И долго пилъ онъ въ томъ домѣ, и веселился, и другихъ веселилъ своими чудными пѣснями.

На другой день пошелъ Леминкайнень по острову и сталъ заходить въ каждую деревню, сталъ заглядывать въ каждый домъ — и всѣ удивлялись его пѣснямъ и ихъ могучей таинственной силѣ. И всюду ласкали его; всѣ звали раздѣлять съ собою пиры и забавы, участвовать вмѣстѣ въ веселыхъ празднествахъ. Незамѣтно мчалось время для беззаботнаго Леминкайнена; повидимому, ему все улыбалось — онъ нравился женщинамъ, мужчины его уважали и боялись, — но не замѣчалъ онъ, какъ тихо, словно змѣя, закрадывалась зависть въ сердца всѣхъ окружавшихъ его и грозила ему гибелью.

Вотъ идетъ онъ однажды ночью черезъ какую-то деревню и видитъ, что во всѣхъ окнахъ горятъ огоньки, а около каждаго огонька сидитъ по трое мужчинъ и точатъ мечи, приговаривая: «мы точимъ мечи на Леминкайнена, на чужеземца, который сталъ выше всѣхъ насъ своими могучими пѣснями!» Заглянулъ Леминкайнень во всѣ окна и вездѣ видѣлъ тоже самое. Невольный страхъ закрался

и въ его душу; онъ увидѣлъ ясно, что ему нельзя болѣе оставаться на острову: — надо было спѣшить на родину. Пошелъ онъ на берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ его челнокъ, но увидѣлъ одни лишь полусгнившіе остатки его. И принялся онъ быстро за работу, и сталъ искусною рукою вырубать себѣ новое судно. Подъ утро судно уже было готово, и первые лучи солнца опять застали его на морѣ — онъ мчался на родину, и попутные вѣтры широко раздували его парусъ, а пѣнистыя волны тихо и мѣрно, словно лаская, колыхали его челнокъ. А самъ Леминкайнень горько оплакивалъ разлуку съ друзьями и милыми, которыхъ покидалъ навсегда, плакалъ, пока еще виденъ былъ островъ, пока высокія горы не погрузились въ волны.

Долго ѣхалъ Леминкайнень, не скоро увидѣлъ онъ берега своей родины! Невеселъ вышелъ онъ на берегъ. «Что-то ждетъ меня тамъ? «Кто-то встрѣтитъ меня?» думалъ онъ, ступивъ ногою на родной песокъ. Приходитъ на мѣсто, гдѣ прежде стоялъ домъ его отца, гдѣ жили его близкіе и родственники, приходитъ и не узнаетъ мѣста. Все какъ будто перемѣнилось: вмѣсто прежняго селенія видитъ онъ обширную площадку, заваленную горами угольевъ, вмѣсто прежнихъ друзей и родныхъ находить среди развалинъ давно побѣлѣвшія отъ дождей и снѣговъ кости — видно было, что огонь и мечъ опустошили здѣсь все, а бурный осенній вѣтеръ мало по малу стиралъ и разносилъ самые слѣды прежняго жилья на этомъ мѣстѣ. Видитъ Леминкайнень, что тамъ, гдѣ прежде былъ домъ отца его, тамъ теперь растетъ осиновая роща, высокія ели стоятъ въ огородѣ, а прозрачный студеный ключъ поросъ частымъ верескомъ. «Я игралъ на этомъ дворѣ, я прыгалъ по этимъ камнямъ, я катался бывало по этимъ лужайкамъ, я жилъ здѣсь съ доброй матушкой моей — и гдѣ же это все теперь?» И горько зарыдалъ сирота; не домовъ было жаль ему, не широкихъ дворовъ, не мягкихъ лужаекъ — жаль ему было доброй матушки! Плакалъ онъ день, плакалъ другой, на третій день всталъ мрачнѣе ночи; глаза

его пылали, какъ огонь, и лицо его было страшно — видно было, что въ немъ проснулся прежній мужественный духъ и заговорило прежнее желаніе мстить обидой за обиду. Пойду я туда, въ Пойолу, гдѣ живутъ безжалостные враги мои; пойду-ли туда одинъ или съ толпою смѣлыхъ товарищей, все равно — не вернусь на родину прежде, чѣмъ не расплачусь съ ними до чиста!» И пошелъ онъ быстрыми шагами по берегу моря, позабывъ и слово, данное матери передъ разлукой, и опасности, ожидавшія его на пути въ Пойолу.

Долго-ли, коротко-ли шелъ онъ по берегу, а только сильно проголодался. Сталъ онъ глядѣть кругомъ себя, полагая, что найдетъ чѣмъ утолить свой голодъ; взглянулъ на море и видитъ вдали чернѣется на немъ какое-то большое судно; всматривается Леминкайненъ, и видитъ, что много сидитъ на томъ суднѣ народу, что на рулѣ стоитъ высокій старикъ, съ густою сѣдой бородой, а впереди всѣхъ гребцовъ сидитъ широкоплечій, красивый мужчина среднихъ лѣтъ, съ ногъ до головы запачканный сажею. И сталъ кричать съ берега Леминкайненъ, сталъ спрашивать, чье идетъ судно и куда направляется. Въ одинъ голосъ отвѣчалъ ему народъ съ судна: «откуда ты самъ и что ты за человѣкъ, когда не слыхалъ о знаменитомъ суднѣ Калевалы, когда не узнаешь въ нашемъ рулевомъ Вейнемейнена, а между гребцами Ильмаринена?» — «Не случилось мнѣ ихъ видѣть», отвѣчалъ почтительно кланяясь Леминкайненъ, «а по слухамъ давно ужъ объ нихъ я знаю. Куда же вы, друзья, путь держите?» — «Мы плывемъ на Сѣверъ, въ дальнюю Пойолу, плывемъ для того, чтобы похитить изъ Пойолы Сампо, которое тамъ спрятано въ мѣдной горѣ. На Сѣверѣ — Сампо, и всѣ тамъ живутъ припѣваючи, а мы безъ него въ Калевалѣ съ голоду умираемъ». — «Не возьмете-ли вы меня къ себѣ въ товарищи», сказалъ обрадованный Леминкайненъ, «я вѣдь тоже иду въ Пойолу». — «Садись, поѣдемъ вмѣстѣ», сказалъ Вейнемейненъ, «мы хорошему товарищу рады». Подѣхало

судно къ берегу, быстро вскочилъ въ него безстрашный Леминкайненъ, и опять мудрый пѣвецъ Калевалы направилъ бѣгъ его къ далекимъ берегамъ негостепріимнаго Сѣвера.

Х.

Шумно разсѣкая волны бурнаго моря, мчалась на сѣверъ, въ мрачную Пойолу, ладья мудраго Вейнемейнена; весело пѣли на ней его спутники: Леминкайненъ заливался во все горло, Ильмариненъ подтягивалъ только въ полголоса, а всѣ остальные стройно вторили имъ дружнымъ хоромъ. «Экое пѣнье на морѣ, экое веселье!» говорили прибрежные жители, мимо которыхъ птицею проносилося по морю чудное судно Вейнемейнена. Цѣлый день плыли они моремъ, да еще день болотомъ, на третій выбрались въ широкую быструю рѣку; проплывъ недолго рѣкою, они стали приближаться къ водопаду, и Леминкайненъ, боясь, чтобы судно ихъ не разбилось о камни, обратился къ рѣкѣ съ униженной просьбой:

Не шуми, рѣка, не пѣнься,
И не бейся о пороги!
Ты, русалочка, на камень
Сядь, не дай дороги волнамъ,
Удержи ихъ плескъ рукою,
Чтобы ревъ ихъ намъ не слышать,
Чтобы брызговъ ихъ не видѣть!
Пусть онѣ всѣ гложутъ камни,
Пусть не губятъ насъ, невинныхъ!

И точно, рѣка услышала мольбы его, и судно ихъ преспокойно спустилось по водопаду, не зацѣпивъ, ни за одинъ изъ пороговъ. Но вотъ ужъ и водопадъ, и пороги давно остались позади, а судно вдругъ о что-то стукнулось и остановилось, словно глубоко врѣзавшись въ мель своимъ острымъ носомъ. Напрасно Ильмариненъ и Леминкайненъ, и всѣ ихъ спутники напрягали свои силы, упираясь крѣпкими веслами въ песчаное дно рѣки; напрасно

самъ Вейнемейненъ пытался своротить свое судно рулемъ въ сторону; оно оставалось совершенно неподвижнымъ.

«Что за чудо такое?», заговорилъ наконецъ Вейнемейненъ: — «да взгляни ты подъ судно, Леминкайненъ, на что мы тамъ наткнулись? На пень ли? на камень, что ли? Вѣдь ужъ сколько времени сдвинуться съ мѣста не можемъ!» Леминкайненъ не долго думалъ: какъ былъ, такъ и махнулъ было въ воду, только мечъ выхватилъ изъ ноженъ на всякій случай; но Ильмариненъ обѣими руками ухватился за него и принудилъ остаться на суднѣ, сказавши: „куда ты суешься, безразсудный! Развѣ знакома тебѣ здѣшняя пучина? Или жизнь ужъ тебѣ очень дешева показалась? Ты и отсюда, не бросаясь въ воду, можешь видѣть, на что именно наткнулось наше судно носомъ!» И оба, перевѣсившись черезъ край лодки, стали внимательно всматриваться въ темныя волны. Что же они увидѣли? Подъ лодкой лежала громадная щука и очень спокойно дремала: въ ея-то жирную спину врѣзалось носомъ судно Вейнемейнена, а щука этого и не почувствовала, какъ будто вовсе не объ ея спинѣ и дѣло шло! Разсказали они Вейнемейнену про это великое чудо, а тотъ только посмѣивается: «рубите», говоритъ, «ее на куски, не то долго не удастся намъ сдвинуться съ мѣста». Стали они оба рубить щуку своими мечами, да только напрасно тратили силы, напрасно тупили оружіе свое о стальную чешую водяного чудовища.

«Видно до меня, старого, доходить очередь!» сказалъ Вейнемейненъ, вынулъ свой мечъ (а онъ вынималъ его рѣдко), вонзилъ глубоко въ широкую спину громадной щуки, вытащилъ ее разомъ изъ подъ киля и швырнулъ вверхъ съ такою силою, что она, падая и ударившись о край судна, распалась сама собою на нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ одна только голова попала въ судно, а всѣ остальные, какъ ключъ, пошли ко дну. Ну ужъ, что же и за голова была у этой щуки! Когда ее распластали, присолили и положили въ котелъ съ водою, такъ вышла

изъ нея одной чудесная уха для Вейнемейнена, Ильмаринена, Леминкайнена и для всѣхъ ихъ безстрашныхъ товарищей, да еще на днѣ судна осталась цѣлая куча костей. Посмотрѣлъ на эти кости Вейнемейненъ, вытащилъ изъ кучи ихъ громадныя челюсти чудовищной щуки, да и говоритъ: «а что, други, вѣдь изъ этихъ челюстей, я думаю, можно что нибудь и путное сдѣлать?»

— «Что изъ нихъ сдѣлаешь?» — отвѣчалъ простодушно Ильмариненъ: — «я вотъ и на всѣ руки мастеръ, а изъ этого не возьмусь ничего сдѣлать. Только на то и годятся челюсти щуки, чтобъ бросить ихъ въ воду и не ломать себѣ понапрасну голову надъ тѣмъ, что бы изъ нихъ можно было выдѣлать».

— «Да и въ самомъ дѣлѣ, куда онѣ годятся? Бросить ихъ?», повторили вслѣдъ за кузнецомъ всѣ, кромѣ мудраго Вейнемейнена.

— Нѣтъ, не слѣдуетъ бросить то, изъ чего можно смастерить хорошую вещь; коли вы не беретесь, такъ я и самъ съумѣю изъ этихъ челюстей сработать изрядныя гусли».

И сталъ онъ точно мастерить гусли изъ челюстей щуки; недолго работалъ, а прочно сдѣлалъ: вышли гусли хоть куда, даже и на видъ красивыя. Всѣмъ показывалъ ихъ Вейнемейненъ, всѣхъ просилъ показать на нихъ свое искусство, сыграть хоть что-нибудь, хоть самую малость. Всѣ брались, да никому не удавалось извлечь ни одного звука изъ безмолвныхъ струнъ, потому что никто не умѣлъ обращаться съ ними, какъ слѣдуетъ. И рѣшили всѣ опять въ одинъ голосъ, что никуда не годятся новыя гусли, что стоитъ ихъ только въ воду бросить.

Вдругъ на это прозвучали имъ гусли:

Не хотимъ идти мы ко дну,
Не хотимъ тонуть въ волнахъ мы,
Лучше пѣсни запоемъ вамъ
Подъ рукою Вейнемейнена.

Всѣ подивились тому, что гусли сами такъ неожиданно заговорили, и тотчасъ же передали ихъ въ руки мудраго пѣвца Финновъ.

Онъ принялъ отъ нихъ гусли; потомъ, могучею рукою повернувъ судно къ берегу, вышелъ на мягкій лужокъ и приготовился играть. Вотъ уставилъ онъ одинъ край гусель въ колѣно, вотъ быстро перебралъ струны ихъ сперва одною, а потомъ другою рукою, потомъ остановился на минуту въ раздумьи, и вдругъ ударилъ по струнамъ!... Въ одно мгновеніе гусли словно ожили, словно сами отъ себя заговорили, запѣли, затянули пѣсню, лучше которой никто еще не слыхивалъ ни одной пѣсни въ цѣломъ свѣтѣ! Звучащія струны и пальцы, быстрѣе молніи бѣгавшіе по нимъ, какъ будто понимали другъ друга, будто заранѣе давно ужъ согласились, какую именно пѣсню будутъ выполнять—такъ звучно, такъ стройно лилась она, слетая съ дивныхъ гусель и разносясь далеко по всей окрестности... И что же за радость, что за веселье вселилось во всю природу, окружавшую дивнаго пѣвца! Вонъ бѣгутъ со всѣхъ сторонъ люди, и старый съ клюкою, и малый, на палочкѣ верхомъ, и холостые и женатые, и молодые, и бородатые. Всѣ спѣшатъ, всѣ тѣснятся, всѣ внимательно преклоняютъ ухо къ неслыханнымъ доселѣ звукамъ.

Вонъ и изъ лѣсу бѣгутъ бѣлки и горностаи, лоси и зайцы; вонъ съ болота примчалась стая голодныхъ волковъ; вотъ изъ самой чащи сосноваго бора привалилъ самъ медвѣдь и лѣзетъ на толстую ель, чтобы ему было удобнѣе слушать и видѣть того, кто извлекалъ изъ гусель такую чудную музыку. А вонъ вышелъ изъ лѣсу на опушку самъ лѣшій со всею своею семьей; и онъ, и жена, и дѣти, такіе смѣшные на видъ, косматые, въ синихъ чулкахъ, въ шапкахъ сосновой коры, въ шубахъ изъ бѣлой бересты, подбитыхъ зелеными мхами: по вѣткамъ разсѣлись, качаются... Вонъ надъ головой Вейнемейнена цѣлой тучей вьются и носятся всевозможныя птицы: воробьи и ласточки голуби и коршуны; даже орелъ бросилъ своихъ дѣтокъ въ гнѣздѣ, даже воронъ слетѣлъ съ падали, чтобы прислушаться къ чему-то новому, незнакомому. А изъ воды-то! Батюшки, сколько всякой божьей твари спѣ-

шить выйти на берегъ! И гуси, и лебеди, и утки, и длинноногія цапли, и длинноносые кулики, и тысячи другихъ мелкихъ болотныхъ птицъ, которыхъ никогда никто и не знавалъ, и невидывалъ, которыя весь свой вѣкъ кричатъ да посвистываютъ на болотѣ, не выходя ни на шагъ дальше родныхъ камышей. Пришли — и тотчасъ же расположились у ногъ Вейнемейнена. А тамъ и вода у бе-



. . . . Въ одно мгновеніе гусли словно ожили

рега, какъ въ котлѣ, закипѣла отъ множества рыбы, спѣшившей принять участіе въ общемъ весельи: затискались красноперые окуни, зубастыя щуки, серебристая плотва, черные налимы и пестрыя форели... А за ними вонъ притащился и дѣдушка водяной, съ густой травяной бородой, сѣлъ на листокъ бѣлыхъ водяныхъ лилій, во всѣ стороны раскачивается, къ веселой музыкѣ прислушивается и только шепчетъ себѣ подъ носъ: «не случилось мнѣ еще ничего подобнаго слышать: и волны плещутъ

хуже, и вѣтеръ шумитъ въ камышахъ не такъ пріятно, какъ Вейнемейненъ поетъ свои пѣсни!» Вынырнули вслѣдъ за нимъ изъ подъ воды и его веселыя дочки русалочки, присѣли на берегъ, стали было гребнемъ расчесывать свои чудные волосы, но скоро заслушались, и руки ихъ опустились, и золотые гребни скользнули изъ рукъ въ воду: онѣ стали внимательно слушать, вытянувъ впередъ тонкія, бѣлыя шеи...

Все стихло, все смолкло въ природѣ! Самое солнце, очарованное чудными звуками гусель Вейнемейнена, приостановилось, а луна подкралась поближе къ землѣ, чтобы дальняя пѣсня могла хоть сколько нибудь до нея доноситься.

Такъ два дня игралъ Вейнемейненъ на своихъ волшебныхъ гусяхъ, и не было кругомъ его ни одного изъ его спутниковъ, ни одного изъ могучихъ соотечественниковъ, который бы не плакалъ отъ умиленія; не было вокругъ него ни старыхъ, ни молодыхъ, ни женатыхъ, ни холостыхъ, ни юношей безбородыхъ, ни мужей зрѣлыхъ лѣтъ съ бородами, ни женщинъ давно-замужнихъ, ни молодыхъ дѣвушекъ, ни дѣвочекъ самаго малаго возраста, ни старухъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, которые бы не плакали, не заливались горячими слезами радости, бѣжавшими прямо изъ сердца, переполненного звуками, лучше которыхъ никогда еще ничего не приходилось слышать людямъ. На третій день и самъ Вейнемейненъ не могъ выдержать, самъ сталъ плакать вмѣстѣ съ другими—руки бѣгали по струнамъ, слезы катились изъ глазъ; но слезы не простыя, а крупный-прекрупный жемчугъ упалъ съ его рѣсницъ на его густую бороду, съ бороды на высокую грудь, съ груди на могучія колѣна, а съ колѣнъ, сбѣжавъ по ступнѣ, катился бережкомъ прямо въ воду...

Но вотъ, до сыта наигравшись, всталъ подъ вечеръ третьяго дня Вейнемейненъ и снова, вступивъ съ товарищами въ судно, пустился по пѣнистымъ волнамъ въ Пойолу. Имъ было тогда недалеко отъ этой мрачной отчизны колдуновъ, гдѣ людямъ жить не приходится, потому что тамъ

на нихъ смотрятъ, какъ на враговъ. Вскорѣ завидѣли наши путники берегъ, еще скорѣй причалили къ нему свое быстрокрылое судно и, подкинувъ подъ днище вальки, мощной рукою вытащили его на берегъ. Потомъ вошли они въ домъ старой Лоухи, вошли, ей не кланялись, ни съ кѣмъ изъ бывшихъ съ ней не здоровались.

— «Что хорошаго скажете, добрые молодцы? За чѣмъ пожаловали?», начала было ласково Лоухи, думая задобрить ихъ одними словами.

— «Мы пришли къ тебѣ не по пустому слова тратить; пришли требовать, чтобы ты подѣлила съ нами твое сокровище Сампо, чтобы для насъ разбила пополамъ его пеструю крышку!» — смѣло отвѣчалъ Вейнемейненъ старой вѣдьмѣ.

— «Не дѣлятъ на-трое одной курицы и бѣличью шкуру не рвутъ на три части!» — злобно сказала на это Лоухи: — «моему Сампо хорошо и у меня, въ той мѣдной горѣ, въ которую я его посадила; да ему же и не дурно живется. пока у меня!»

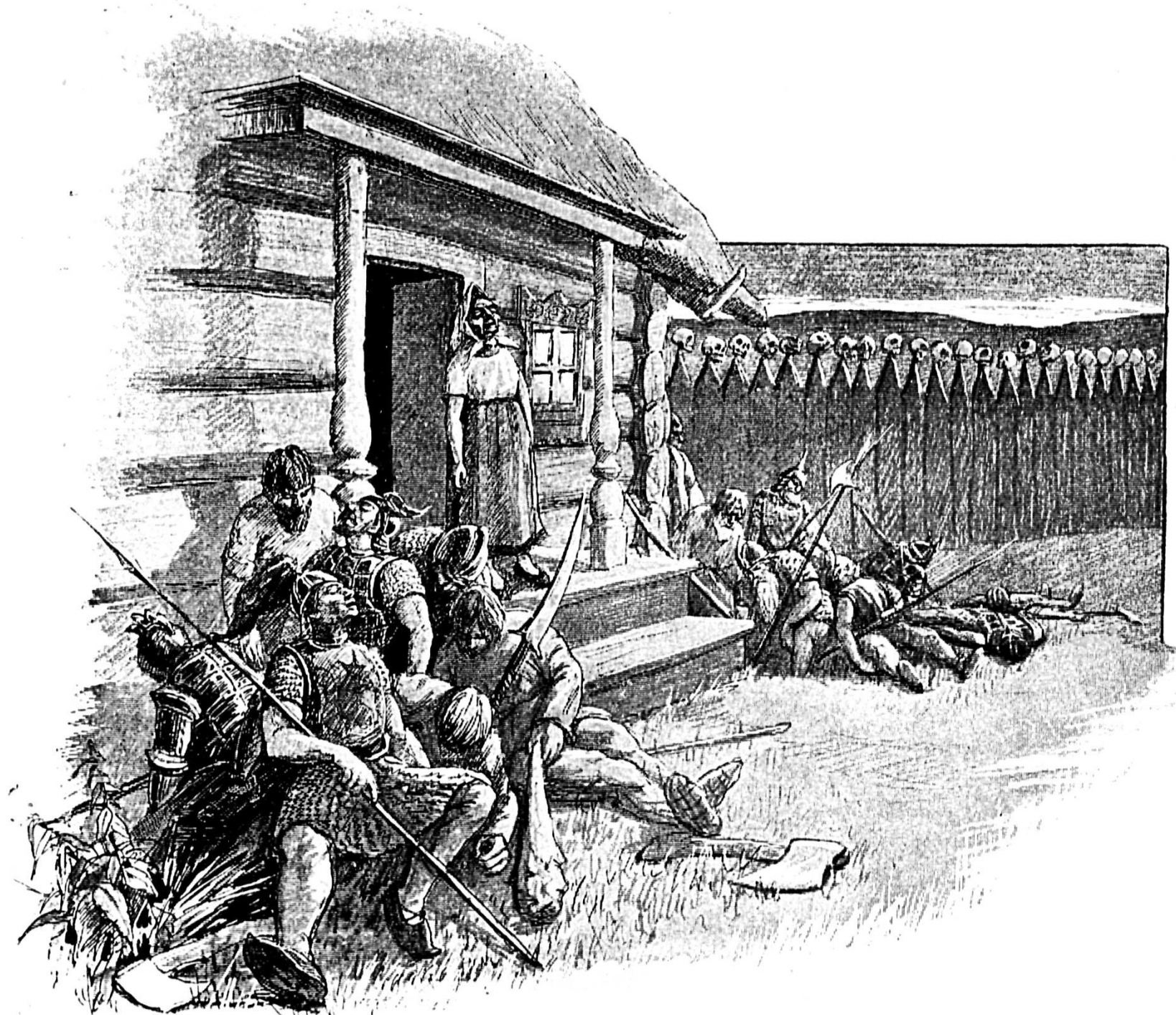
— «Ну, коли ты не хочешь дѣлить по доброй волѣ, такъ силой его отъ тебя возьмемъ».

На эти слова озлилась страшная вѣдьма, мечется во всѣ стороны, словно угорѣлая, кличетъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, собираетъ безъ числа войска всякаго, и съ мечами, и съ копьями, и съ простыми кольями.

Не смутился старый Вейнемейненъ при видѣ ея войска, не испугались и товарищи его; подошелъ мудрый пѣвецъ къ своимъ гуселечкамъ, взялъ ихъ въ руки не спѣша, заигралъ въ нихъ также, какъ и наканунѣ, когда всѣ плакали отъ умиленія.

И что же? Едва послышались чудные звуки гуслей, едва успѣли они разнестись по окрестности, какъ и руки у всѣхъ враговъ Вейнемейнена опустились, и оружіе изъ нихъ выпало на землю; всѣ жадно слушали: кто смѣялся, а кто плакалъ, и заслушались, наконецъ, волшебной игры. День-другой проходитъ, они оторваться не могутъ отъ

звуковъ, все тянетъ ихъ еще и еще послушать, но ужъ нѣтъ въ нихъ прежняго вниманія, ужъ утомленіе беретъ свое, и тяжело слипаются вѣки ихъ глазъ, часто мигаютъ рѣсницы, все лицо невольно искривляется зѣвотой. Не долго еще нужно было поиграть Вейнемейнену, чтобы всѣ они заснули. И дѣйствительно, одинъ за другимъ, кучами повалились воины Лоухи другъ на дружку, и кто гдѣ



И дѣйствительно, одинъ за другимъ, кучами повалились воины Лоухи...

упалъ, тотъ тамъ и захрапѣлъ; даже она, несмотря на все свое знаніе въ чарахъ, не могла противиться дивной силѣ Вейнемейнена и заснула вмѣстѣ съ другими. Вскорѣ вся Пойола обратилась въ одно спящее царство; отъ одного конца ея и до другого разносилось вѣтромъ только тяжкое храпѣніе множества людей, погруженныхъ въ непробудный сонъ — все было тихо; ничто не двигалось...

И вотъ направились наши герои къ той мѣдной горѣ, въ которой, за девятью дверями, за девятью замками, хра-

нилось безцѣнное Сампо. Первая дверь была заперта не замкомъ, а крѣпкимъ словомъ могучей волшебницы Лоухи: ее-то и было труднѣе всего отпереть. Но мудрый пѣвецъ Финновъ подошелъ къ ней, тихо пропѣлъ какую-то пѣсенку, и двери обрушились сами собою. Всѣ другія отворилъ кузнецъ, смазавъ сальцемъ ихъ края и петли, чтобы двери не запѣли, чтобы петли не скрипѣли. Войти внутрь горы первый вызвался Леминкайненъ: — «Ужъ я вамъ все справлю, какъ слѣдуетъ», — говорилъ онъ, — «я вамъ вынесу Сампо какъ есть, и съ пестрой его крышкой!» — «Ступай» — сказалъ ему, посмѣиваясь, Вейнемейненъ.

И вошелъ въ горѹ Леминкайненъ; однакоже, сколько ни бился, сколько ни напрягалъ своихъ сильныхъ рукъ, сколько ни упирался въ землю своими крѣпкими ногами самонадѣянный удалецъ, Сампо нисколько не двигалось съ мѣста, даже пестрая крышка его не шевелилась. И не диво! Вѣдь оно въ горѣ пустило корни вглубь земли на девять сажень. Пришлось Леминкайнену пуститься на хитрости. Въ большой плугъ впрягъ онъ громаднаго вола, котораго Лоухи откармливала для свадьбы своей второй дочери. Славный былъ волъ, жирный и гладкій, рога у него въ сажень длиною, а морда и втрое длиннѣе: само собою, что и сила была въ немъ большая. Его-то заставилъ Леминкайненъ выпхать изъ земли глубокія корни Сампо; и дѣйствительно, вскорѣ Сампо въ горѣ заколебалось, и свалилась съ него пестрая крышка...

Тутъ, ужъ не раздумывая долго, и Вейнемейненъ, и Ильмариненъ подскочили къ Леминкайнену; втроемъ взвалили они на спины безцѣнное Сампо и бѣгомъ пустились съ нимъ къ берегу; вотъ они его бережно уложили на дно своего судна, вотъ прикрыли крышкою, какъ было прикрыто оно прежде, въ горѣ; вотъ, наконецъ, отвалили отъ берега — и снова пошли плескаться пѣнистыя волны о крутые бока ихъ быстрокрылой ладьи.

— «Куда же мы теперь повеземъ наше Сампо?» — спросилъ кузнецъ Ильмариненъ.

— «Я знаю куда!» — отвѣчалъ ему мудрый Вейнемейненъ: — «туда свеземъ его, на тотъ гористый, покрытый вѣчными туманами островъ, на которомъ растутъ дремучіе, еще дѣвственные лѣса, на которомъ ни разу еще не бывала нога человѣческая и не стучали мечи! Тамъ будетъ ему спокойно, тамъ можетъ оно на вѣки остаться!»



Леминкайнень выпаживаетъ изъ земли при помощи вола Лоухи корни Сампо.

Сказавши это, Вейнемейненъ всталъ со скамейки и, весело взглянувъ въ тотъ край, гдѣ лежали родные, дорогіе ему берега, обратился и къ морю, и къ вѣтрамъ, и къ ладѣ своей:

Быстрокрылый мой челночекъ,
Повернись лицомъ къ отчизнѣ,
А спиною къ злой чужбинѣ!
Надувай мой парусъ, вѣтеръ!
Погоняй скорѣй насъ, море!
Помогай и нашимъ весламъ,

И въ корму толкай сильнѣе;
Сокращай намъ путь далекій,
По твоей равнинѣ гладкой!

Такъ плыли они по шумящему морю, и все казалось благопріятствовало имъ: и погода, и вѣтеръ попутный, и быстрый бѣгъ легкаго судна. Но вотъ вздумалось Леминкайнену послушать Вейнемейненовыхъ пѣсенъ, и сталъ онъ просить его: «спой намъ что нибудь веселое, мудрый Вейнемейненъ!»

— «Не годится пѣть веселыя пѣсни на волнахъ невѣрнаго моря», — отвѣчалъ тотъ: — «вѣдь берегъ родимый еще далеко, вѣдь мы еще не знаемъ, что съ нами будетъ?»

— «Какъ? неужели тебѣ не хочется пѣть?» — возразилъ мудрому пѣвцу вѣтренный Леминкайнень: — «теперь, когда исполнилось наше общее желаніе, когда мы овладѣли, наконецъ, дивнымъ сокровищемъ, которое никто ужъ отъ насъ не отыметъ, — теперь тебѣ не хочется пѣть? Я тебя не понимаю: видно, ты ужъ очень состарѣлся?!»

— «Да можемъ-ли мы сказать, что никто у насъ не отниметъ Сампо? Я еще не радуюсь, потому что пѣть отъ радости можно тогда, когда дѣло окончено, когда ужъ знаешь навѣрно, что тебя ожидаетъ. Я запою, когда увижу передъ собою двери родного дома, а теперь и тебѣ пѣть не совѣтую».

Не послушался Леминкайнень умнаго совѣта, затянулъ нескладную пѣсню, заголосилъ во все горло, да такъ еще нестройно, безтолково, что со стороны и слушать было противно послѣ дивныхъ пѣсенъ стараго Вейнемейнена. И вотъ слышала его дикую пѣсню на морѣ цапля; слышала и полетѣла въ сторону, да на лету еще и сама отъ испуга стала испускать дикіе, неистовые вопли, которые далеко разносились вѣтромъ во всѣ стороны. На бѣду, цапля эта полетѣла прямо въ Пойолу, и отъ ея-то жалобныхъ воплей проснулась тамъ сначала сама Лоухи, а потомъ и всѣ ея подданные. Прежде всего Лоухи бросилась къ себѣ въ домъ; видитъ — все на своемъ мѣстѣ, ничто

не тронута могучими врагами. Потомъ побѣжала она къ той мѣдной горѣ, въ которой было спрятано безцѣнное Сампо. Приходить къ горѣ и видить, что всѣ замки по-сбиты, всѣ двери поразломаны, а отъ Сампо и слѣда не осталось.

Тутъ-то пришла она въ страшную, неописанную ярость; долго не могла она ни слова вымолвить, потому что на сердцѣ ея кипѣла самая жгучая злоба; наконецъ, обратилась она съ мольбою къ богамъ, стала просить, чтобы они ниспослали на похитителей Сампо всевозможныя бѣдствія, чтобы непроницаемый туманъ окружилъ ихъ отовсюду, чтобы острые подводные камни разсѣкли днище ихъ судна, чтобы бурные противные вѣтры сбили ихъ съ настоящаго пути и заставили много дней сряду носиться безъ помощи и надежды по непривѣтному морю. Послѣ того она поспѣшно стала собираться въ погоню за Вейнемейненомъ, велѣла изготовить для этого особое судно, велѣла вооружиться всѣмъ, кто только былъ въ состояніи носить оружіе.

И вотъ всемогущій богъ Укко, исполняя просьбу злой вѣдьмы Лоухи, сначала послалъ на нашихъ путниковъ такой туманъ, какого никогда еще никому и видѣть не случилось. Все скрылось отъ глазъ ихъ, все покрылось сплошною бѣлой пеленою: не было возможности двинуться ни взадъ, ни впередъ. Но Вейнемейненъ не потерялся, вынулъ свой острый мечъ, да и сталъ имъ просѣкать себѣ путь въ туманѣ; насколько просѣчетъ, настолько и судно подвинется... И все бы это ничего, да та бѣда, что они въ туманѣ еще и на подводный камень наткнулись. Однимъ ударомъ вышибло въ суднѣ нѣсколько досокъ: открылась течь, стала заливаться въ судно вода. Перепугались всѣ спутники Вейнемейнена; завопилъ, заплакалъ Ильмариненъ, сталъ пенять на себя, что рѣшилъ ввѣрить участь свою зыбкой ладѣ и пуститься въ дальнія странствованія по коварному морю. Одинъ Вейнемейненъ не потерялся; быстро починилъ онъ свое судно, забилъ новыми досками всѣ скважины и мужественно ожидалъ новыхъ бѣдствій...

Вотъ, наконецъ, нагрянула на нихъ буря; все небо затянуло черными, свинцовыми тучами, вѣтры со всѣхъ концовъ вселенной стали дуть съ ужасающей силой, поднялись высоко пѣнистые гребни гордыхъ волнъ, всюду свистъ, всюду шумъ... Молніи разрывали небо на части, на минуту все обливали ослѣпительно яркимъ свѣтомъ, отъ котораго наступавшая послѣ того темнота совершенно преграждала всякій путь нашимъ странникамъ. И все бы это ничего! Да на бѣду, одна изъ волнъ, плеснувши черезъ край ладьи, увлекла за собой, въ воду, волшебныя гусли Вейнемейнена, и чуть только онѣ коснулись поверхности моря, какъ водяные цѣлой толпой выскочили со дна морского, бросились въ запуски на гусли, стали ихъ вырывать другъ у друга и, наконецъ, утащили въ бездонную глубину... Тутъ ужъ и Вейнемейненъ не выдержалъ, заплакалъ:

«Прощайте», — молвилъ онъ, — «мои гуселки, прощайте, мои сладко-голосыя! не нажить мнѣ больше такихъ, не играть мнѣ больше такихъ пѣсенъ, какія мнѣ на васъ случилось играть!»

XI.

Бхали, бхали наши путники по морю и вотъ, наконецъ, вдали завиднѣлись берега Калевалы. Вейнемейненъ ужъ собирался порадоваться, но, всегда осторожный, обратился сперва къ Леминкайнену и сказалъ: «Дорогой мой пріятель и спутникъ, ты вѣдь молодъ, такъ мою просьбу тебѣ не трудно будетъ исполнить: полѣзай на мачту, осмотришь кругомъ во всѣ стороны, да и скажи мнѣ, не увидишь-ли чего нибудь въ туманной дали?» Полѣзъ Леминкайненъ на мачту, осмотрѣлъ кругомъ весь горизонтъ, видитъ — всюду по краямъ его свѣтло и чисто, только въ одномъ мѣстѣ, далеко позади ихъ судна, какъ будто бѣлое облачко изъ воды поднимается. «Ничего я не вижу нигдѣ; вонъ развѣ на сѣверѣ только виднѣется бѣлое облачко и быстро поднимается изъ воды».

— «Вѣрно ты не всмотрѣлся!» — сказалъ ему на это обезпокоенный Вейнемейненъ; — «вѣрно это не облачко, а скорѣе корабль на всѣхъ парусахъ. Посмотри еще разъ, да повнимательнѣе!»

Посмотрѣлъ и еще разъ Леминкайненъ, говоритъ опять: — «Нѣтъ, я ошибся! Издали мнѣ оно казалось облачкомъ, а теперь вижу я островъ, который какъ будто бѣжитъ за нами во слѣдъ. А на острову томъ все бѣлыя березы, все серебристыя осины, а на тѣхъ осинахъ и березахъ все сидятъ черныя глухари, да ястребы».

— «Нѣтъ, быть не можетъ! это не ястребы, а все подданные Лоухи; и разсѣлись они не по деревьямъ, а по снастямъ ея корабля!» — закричалъ Вейнемейненъ Леминкайнену.

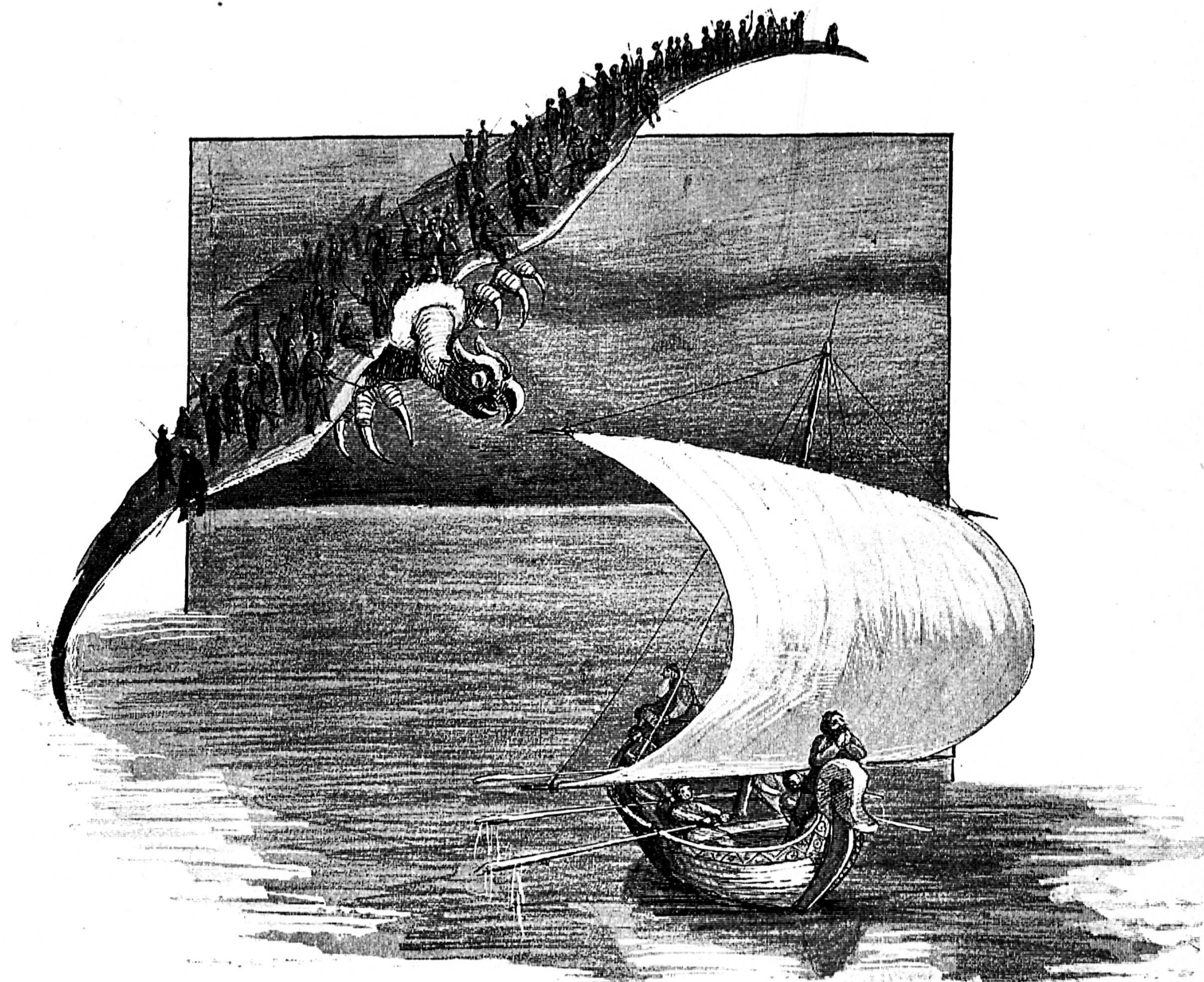
— «И точно!» — отозвался тотъ; — «за ними гонится на всѣхъ парусахъ корабль, разсѣкая волны сотнею крѣпкихъ веселъ».

— «Ну, теперь намъ надо уходить отъ Лоухи поскорѣе! Гребите сильнѣе, Ильмариненъ, Леминкайненъ и всѣ вы, остальные!» — закричалъ Вейнемейненъ своимъ спутникамъ. Всѣ тотчасъ же навалились на весла съ такимъ усердіемъ, что волны подъ носомъ судна закружились и заплѣнились, какъ бѣшенныя, а подъ кормою заструились водопадомъ и все море отъ быстрого хода ладьи ихъ взволновалось, какъ въ непогоду.

Однакоже вскорѣ увидалъ Вейнемейненъ, что имъ никакъ не уйти отъ старой вѣдьмы Лоухи, что она ихъ нагонитъ и раздавитъ своими превосходными силами... И вотъ вынулъ онъ изъ своей дорожной сумы кремень и небольшой кусочекъ трута и бросилъ ихъ черезъ лѣвое плечо въ море, приговаривая:

Будь скалой въ глубокомъ морѣ,
Поднимись грядою подводной,
Чтобъ корабль злой вѣдьмы Лоухи
О тебя разбился въ щепки
И пошелъ ко дну средь звука
Стоновъ, криковъ, жалобъ, воплей.

Въ морѣ кремень Вейнемейнена тотчасъ обратился въ громадный подводный камень, который стѣной растянулся въ немъ поперегъ дна. На эту-то каменную стѣну со всего разбѣга налетѣлъ корабль Лоухи и ударился о нее съ не обыкновенною силой... Все затрещало въ немъ, заколебалось: посы-



Вотъ еще разъ взмахнула она широкими крылами и стала опускаться на ихъ маленькое суденышко.

пались снасти, полетѣли въ сторону крѣпкія балки и гибкія доски, свалилась въ воду тяжелая мачта и, печально повиснувъ, заплоскались въ водѣ широкіе паруса. Какъ пасть, разинулся на самой срединѣ судна широкій проломъ, въ который, пѣнясь и шумя, стали вливаться буйныя волны. Видитъ Лоухи — дѣло плохо; починить судно — нѣтъ возможности.

Вотъ что придумала она: обернулась громаднымъ орломъ, посадила къ себѣ своихъ людей на каждое крыло по сотнѣ, на хвостъ цѣлыхъ двѣ, да на спину тысячу и взвилась, полетѣла по поднебесью. Летитъ она, однимъ крыломъ облака зацѣпляетъ, другимъ волны бороздитъ, наконецъ, завидѣла и хитрыхъ похитителей Сампо. Вотъ еще разъ взмахнула она широкими крылами и стала опускаться на ихъ маленькое суденышко. А они ужъ давно ее видѣли, давно страшились того чудовищнаго образа, который приняла на себя злая вѣдьма. И каждый изъ нихъ приготовился къ битвѣ, каждый рѣшился защищать Сампо до послѣдней капли крови, потому что вмѣстѣ съ нимъ везъ въ отчизну свою счастье и довольство, урожай и вѣдро.

— Ты и теперь еще не хочешь подѣлиться съ нами своимъ сокровищемъ, старая Лоуха?» — закричалъ Вейнемейненъ вѣдьмѣ.

— Зачѣмъ мнѣ дѣлиться съ вами, когда оно мнѣ и безъ того цѣликомъ достанется. Ты потому заговорилъ со мною о раздѣлѣ, что опасаясь теперь, несчастный, за свою участь», — отвѣчалъ съ насмѣшкою орелъ мудрому пѣвцу Финновъ, и вдругъ, ухватившись за мачту одною изъ своихъ лапъ, другою вцѣпился въ безцѣнное Сампо. Отъ страшной тяжести, давившей на мачту, судно Вейнемейнена наклонилось на бокъ, черпнуло воды, — всѣ на немъ переполошились, заметались въ разныя стороны; Ильмариненъ взобрался на самую высокую часть ладьи и сталъ горячо молиться всемогущему Укко, чтобы онъ спасъ его жизнь и среди битвы, и среди пучины...

Видитъ мудрый пѣвецъ Вейнемейненъ, что грозитъ имъ всѣмъ опасность неминуемая, видитъ, что ему самому слѣдуетъ больше всѣхъ биться съ вѣдьмой за Сампо, потому что въ немъ одномъ больше силы и мужества, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ его спутникахъ... Въ ту минуту, когда чудовищный орелъ хватался уже хищною лапой за Сампо и, приподнявъ его со дна ладьи, собирался унести, Вейнемейненъ вдругъ сорвалъ съ петель руль, вырублен-

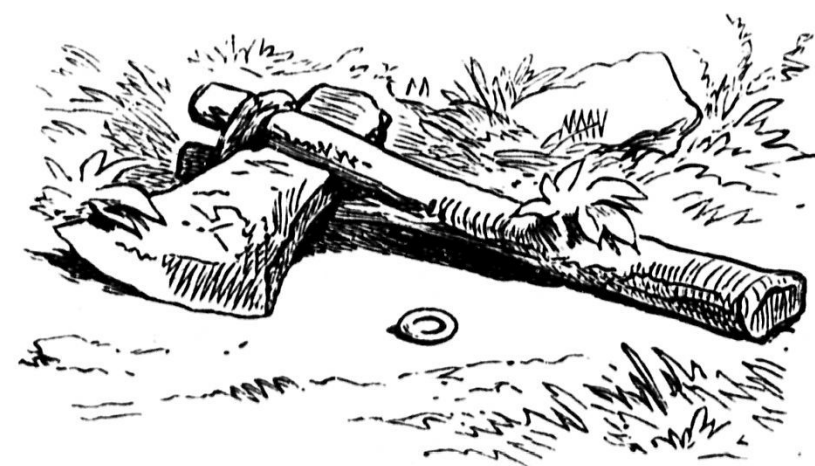
ный изъ цѣлой столѣтней сосны, и что есть мочи ударилъ имъ орла по лапѣ... Переломилась пополамъ отъ удара сильная лапа, закричалъ зычнымъ голосомъ орелъ, замахалъ крыльями, и посыпались съ крыльевъ и со спины въ воду воины злой Лоухи. Да только та бѣда, что какъ лапа-то переломилась у орла, то съ нею вмѣстѣ упало въ воду и Сампо: разбилось оно, рассыпалось на множество большихъ и малыхъ кусочковъ — самая крышка его распалась на двое! Тѣ куски Сампо, что были покрупнѣе, тотчасъ же пошли ко дну, на поживу веселымъ водянымъ и русалкамъ; а тѣ, что помельче, понесло вѣтромъ къ берегамъ Калевалы. Всплакалась злая вѣдьма Лоухи, увидавъ, что взять ей нечего, что сама понапрасну сгубила свое прежнее довольство и счастье, что приходится съ пустыми руками возвращаться въ холодную Пойолу! И полетѣла она обратно на Сѣверъ... А ладья съ удалыми похитителями Сампо, счастливо избѣгнувъ опасности, какъ птичка понеслась къ роднымъ берегамъ.

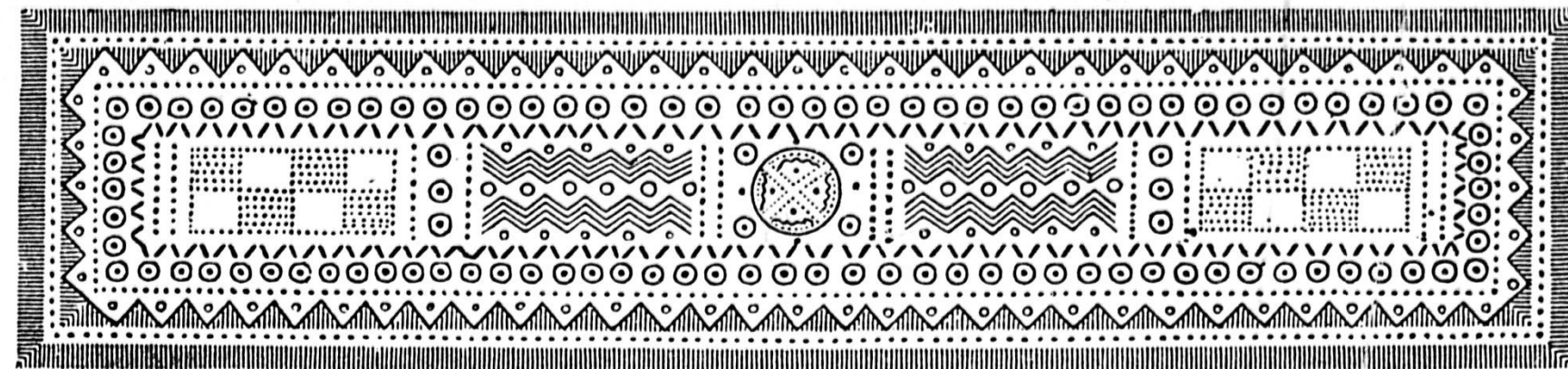
Вейнемейненъ, высадившись на берегъ, долго собиралъ прибитые къ нему вѣтромъ остатки Сампо и бережно сложилъ ихъ въ одномъ уютномъ и тепломъ мѣстечкѣ. Съ той поры разбогатѣли Финны и хлѣбомъ всякаго рода, и пивомъ, и всѣми благами жизни; а Лапландцы, напротивъ, только съ той поры стали такими бѣдняками, какими мы ихъ застаемъ въ настоящую минуту. Съ той же самой поры и на днѣ моря завелось то неистощимое богатство, которое всегда неотъемлемо останется его собственностью, пока будетъ на землѣ волноваться море, а надъ землей — свѣтитъ яркое солнце.

Кончилъ Вейнемейненъ свое трудное дѣло, исполнилъ все, что могъ исполнить для блага своей отчизны. И снарядилъ онъ себѣ скорѣ мѣдное судно, разукрасилъ его чистымъ золотомъ, оснастилъ дорогими снастями; потомъ, научивши людей дѣлать гусли изъ березоваго дерева, сѣлъ въ свое новое судно и, простившись со всѣми, навсегда уѣхалъ изъ Калевалы...

Куда же отправился онъ? Говорятъ, будто на самый край свѣта — туда, гдѣ земля съ небомъ сходится, такъ что до неба и рукой достать не трудно. Говорятъ, будто онъ тамъ еще и теперь живетъ припѣваючи...

Ну, вотъ и конецъ моей пѣснѣ! Пора помолчать и мнѣ! Не даромъ часто слыхалъ я, какъ говаривали старые люди: «водопадъ не разомъ выливается, и пѣвецъ хорошій не разомъ выпѣвается!» Пора мнѣ опять смотать мои пѣсни въ клубокъ, пора ихъ спрятать въ тѣсный анбаръ, подъ крѣпкій костяной замокъ, чтобы имъ было не выйти оттуда, пока сердцу не захочется вновь услышать пѣсни, пока зубы не пропустятъ ихъ, пока губы не откроются. Не любя пришла въ вамъ моя пѣсня — не прогнѣвайтесь на меня, пѣвца простого, неученаго: я вѣдь только дорожку указалъ другимъ, только тропиночку проложилъ. А кто меня поученѣ, да въ пѣсняхъ-то поискуснѣ, тотъ и ступай по этой тропиночкѣ! Дойдетъ и самъ до хорошаго...





Бардъ да сохранить воспоминаніе обо
всемъ достойномъ похвалы въ отдѣльномъ
лицѣ, въ племени и въ современныхъ
происшествіяхъ.

(Myvyrian archeol. of Wales. t. III, p. 291).

I.

Въ ненастный зимній вечеръ, два вѣка тому назадъ, слѣпой старецъ сидѣлъ у огня въ одномъ изъ старинныхъ замковъ княжества Валлійскаго. Его голова, которую годы украсили сѣдинами, и величественное лицо слабо освѣщалось лучами небольшой желѣзной лампы, привѣшенной къ потолку; онъ склонялся на арфу, и по струнамъ ея медленно и мѣрно двигались его руки. Передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ, жадно прислушивавшійся къ древнимъ пѣснямъ, которыя старецъ пѣлъ тихимъ и торжественнымъ голосомъ подъ звуки своей арфы, между тѣмъ, какъ горный вѣтеръ шумно вторилъ ему на дворѣ. Большого труда стоило молодому человѣку упросить старца спѣть ему какуюнибудь старую пѣсню; а тотъ зналъ ихъ много. Память его была неисощимой сокровищницей древнихъ пѣснопѣній; но онъ рѣдко рѣшался дѣлиться съ кѣмънибудь этими сокровищами. Если же удавалось преодолѣть его упрямство, то онъ скоро воодушевлялся и уже не заставлялъ болѣе просить себя, и пѣлъ, пѣлъ неутомимо... Молодой человекъ долго слушалъ, наконецъ вынулъ тихонько изъ кармана записную книжку и перенесъ на бумагу нѣсколько древнихъ пѣсенъ, которымъ, можетъ быть, было суждено безвозвратно погибнуть. Старый пѣвецъ не видалъ этого,

потому что былъ слѣпъ; но если бы онъ могъ видѣть, что слова его записываются, если бы онъ зналъ, что черезъ это сокровища, такъ долго хранившіяся въ его памяти, станутъ извѣстны всѣмъ, онъ бы вѣрно замолкъ и предалъ тяжкому проклятію того, кто такъ невинно обманывалъ его для пользы науки.

Молодой человѣкъ былъ извѣстный Дэвисъ Ресъ, валлійскій грамматикъ, прославившійся въ послѣдствіи изслѣдованіями по части отечественнаго языка и древностей. Слепой пѣвецъ былъ никто иной, какъ послѣдній потомокъ тѣхъ самыхъ бардовъ, которые въ древности занимали первое мѣсто въ уваженіи всѣхъ племенъ, населявшихъ Англію и Ирландію, потомъ подверглись такому страшному, неумолимому гоненію отъ позднѣйшихъ англійскихъ королей и, наконецъ, были совершенно истреблены однимъ изъ нихъ, Эдуардомъ I.

Кто же были эти барды? Какое право имѣли они на уваженіе соплеменниковъ? Мы постараемся объяснить это нашимъ читателямъ, передавая всѣ свѣдѣнія о бардахъ, оставленныя намъ древними или собранныя позднѣйшими писателями.

Бардами, на языкѣ кельтовъ *), назывались члены особенной касты, которая должна была воспѣвать подвиги храбрѣйшихъ воиновъ: такъ толкуютъ намъ ихъ имя греческіе и римскіе писатели.

Кельты почитали касту бардовъ, друидовъ **) и гадалей однимъ изъ важнѣйшихъ классовъ народа и ставили

*) Подъ именемъ кельтовъ обыкновенно разумѣютъ весьма сильное и многочисленное племя, въ глубокой древности уже заселявшее Европу. Кельтовъ считаютъ первыми выходцами изъ Азіи въ Европу. Мы говоримъ въ нашей статьѣ только объ одной части ихъ, заселявшей южную половину Англіи, т. е. о бретонцахъ. Цезарь и всѣ писатели древности согласно указываютъ на Британію (Англію), какъ на средоточіе, какъ на главную школу, въ которой преподавались всѣ тайны бардической и друидической премудрости. Въ незначительномъ числѣ сохранились кельты и до нашего времени въ Бретани, въ княжествѣ Валлійскомъ, Ирландіи и сѣверной Шотландіи.

**) Друидами назывались у древнихъ кельтовъ жрецы ихъ боговъ. Они постоянно совершали всѣ свои обряды въ дубовыхъ рощахъ, которыя считались священными. Самое слово друидъ происходитъ отъ бретонскаго слова *deru*, или *dru*, что значить дубъ.

ихъ даже выше своихъ королей. Это уваженіе, впрочемъ, происходило не оттого только, что они были народными пѣвцами, а потому, что на высшихъ членовъ этой касты возложены были обязанности религіозныя, исправленіе которыхъ передавалось отъ отца къ сыну. При каждомъ храмѣ (по словамъ Гекатея, писателя, жившаго за два съ половиною вѣка до Р.Х.)

былъ свой бардъ; на него возложена была обязанность воспѣвать подъ звуки арфы славныя дѣянія бога, которому онъ служилъ, охранять его храмъ и управлять ближайшимъ городомъ. За этимъ высшимъ классомъ бардовъ слѣдовалъ второй, воспѣвавшій героевъ на полѣ сраженія. Третій и низшій классъ составляли барды, постоянно жившіе при дворѣ королей. Предметовъ для пѣсенъ было у нихъ всего



....Онъ склонялся на арфу....

три: родословіе королей, богатство ихъ и храбрость.

Вотъ все, что знаемъ мы о бардахъ до Р. Х. и въ первые четыре вѣка послѣ него. Они такъ высоко ставили себя сами, такъ всегда удалялись отъ толпы, такъ любили глушь и уединеніе, что до насъ дошли извѣстія самыя скудныя, и ничего нельзя сказать опредѣленнаго, ни о

происхожденіи ихъ касты, ни о мѣстѣ, которое она занимала въ обществѣ до IV вѣка по Р. Х. Съ IV вѣка извѣстія становятся полнѣе. Около этого времени римское правительство приказало жестоко преслѣдовать друидовъ въ Британіи (нынѣшней Англіи): друидовъ всюду хватали, сажали въ темницы и казнили, опасаясь ихъ вліянія на народъ. Барды, тѣсно связанные съ ними, какъ служители боговъ, также подверглись гоненію и должны были укрываться въ непроходимыхъ дебряхъ и лѣсахъ, чтобы избѣжать участи своихъ гибнущихъ собратій; а римляне, между тѣмъ, свирѣпствовали страшно: вырубали священныя рощи, разрушали храмы... Мало по малу, послѣ избіенія друидовъ, барды-священнослужители исчезли совершенно и остались только два низшіе класса ихъ, состоявшіе изъ бардовъ-поэтовъ.

Когда римляне, владѣвшіе Британіею въ теченіе 400 лѣтъ, должны были, наконецъ, покинуть ее въ началѣ V вѣка, барды снова ожили: громко раздались ихъ пѣсни, и опять стали они пользоваться прежними выгодами, прежнимъ уваженіемъ и прежнимъ вліяніемъ. Одинъ только высшій классъ ихъ, барды-священнослужители, не воскресъ уже болѣе...

Да и къ чему было бы ему воскресать? Въ Ирландіи уже давно процвѣтало христіанство, весьма быстро распространившееся тамъ; вскорѣ принесено было оно и въ Британію, и кротко, мирно, почти безъ всякой борьбы вытѣснило скоро оттуда и язычество, и друидовъ, построивъ первыя церкви изъ ихъ священныхъ друидическихъ камней и начертавъ имя Спасителя на таинственныхъ дольменахъ *).

Но барды-пѣвцы не исчезли и послѣ распространенія христіанства въ Британіи; они, напротивъ того, тѣснѣе, чѣмъ когда либо, слились въ отдѣльныя общины, которыя

*) Дольменами, т. е. каменными столами, называютъ весьма древніе памятники, сохранившіеся и до нашего времени во всѣхъ странахъ, гдѣ жили кельты. Они состоятъ изъ трехъ камней: два стоймя, а третій, большой и плоскій, положенъ на нихъ сверху. Значеніе ихъ до сихъ поръ не опредѣлено вполне.

управлялись одинаковыми законами, одарены были равными правами, занимались исполненіемъ однѣхъ и тѣхъ же обязанностей. Христіанскіе проповѣдники не преслѣдовали ихъ, видя, что они оказываютъ полезное вліяніе на народъ.

Барды у кельтовъ-бретоновъ (или просто бретоновъ), заселявшихъ всю Южную Англію, дѣлились, обыкновенно, на три класса: 1) на учениковъ, помогавшихся вступленія въ касту бардовъ; 2) на бардовъ придворныхъ и 3) на главныхъ или учителей.

Желавшіе вступить въ число бардовъ поступали сперва на нѣсколько лѣтъ въ ученіе къ одному изъ главныхъ, который подвергалъ ихъ поэтическія способности различнымъ испытаніямъ и имѣлъ право принять въ касту или непринять ихъ, смотря по способностямъ. Этимъ ученикамъ, въ годы ихъ ученія, позволялось (также въ видѣ испытанія) пѣть при разныхъ торжественныхъ случаяхъ; но изъ денегъ, полученныхъ за это, они всегда должны были отдавать третью часть барду, у котораго учились. Если они покидали своего наставника, по неспособности или по какойнибудь другой причинѣ не добившись званія барда, то все же получали право всегда носить съ собою арфу и такимъ образомъ пропитаніе ихъ было навсегда обезпечено. Когда же ученикъ преодолевалъ всѣ трудности испытаній, то поступалъ во второй разрядъ, въ число бардовъ королевскихъ или придворныхъ.

Этотъ второй разрядъ принадлежалъ ко дворамъ королей и игралъ при нихъ роль довольно значительную. Когда, бывало, короли садились за столъ у огромнаго очага, въ низенькой залѣ своихъ деревянныхъ дворцовъ, и около нихъ собирался ихъ дворъ, барды всегда сидѣли по сторонамъ короля, наравнѣ съ высшими придворными чинами. Они, обыкновенно, помѣщались во дворцѣ, и каждый получалъ лошадь съ королевской конюшни. Король, сверхъ того, обязывался давать барду и женѣ его платье, довольно дорогое по тому времени, потому что за него платили три коровы.

Придворный бардъ всегда держалъ въ рукахъ арфу, подарокъ короля, и носилъ на пальцѣ золотое кольцо, которое дарила ему сама королева въ день вступленія въ касту бардовъ. Если королю угодно было слышать пѣніе, то бардъ долженъ былъ спѣть ему, точно такъ же, какъ и всякому благородному, три различныя пѣсни. Если королева призывала къ себѣ барда и просила его пѣть, онъ долженъ былъ спѣть ей три пѣсни о любви, но вполголоса, чтобы не обезпокоить придворныхъ. Если же простой поселянинъ просилъ барда пѣть, то законъ повелѣвалъ ему пѣть «до изнеможенія», желая тѣмъ ясно выразить, что народъ долженъ былъ стоять къ нему гораздо ближе, чѣмъ король, королева и всѣ знатные. На войнѣ онъ обязанъ былъ пѣть во время битвы, и за то, при раздѣлѣ добычи, сверхъ части, какую получалъ каждый воинъ, ему дарили быка.

Сверхъ золотого кольца и арфы, (съ ними бардъ всю жизнь свою не долженъ былъ разставаться) бардъ получалъ еще во владѣніе пять акровъ *) земли, съ которой не взыскивалось никакихъ сборовъ.

Въ эти времена невѣжества, когда такую важную роль играла грубая сила, лучшимъ изъ всѣхъ преимуществъ барда было право защищать слабого, право останавливать и вести къ королю всякаго обидчика. Онъ пользовался этимъ прекраснымъ правомъ, по словамъ закона, «во все время между своею первою пѣснью на разсвѣтѣ и послѣднею при вечерней зарѣ», — слѣдовательно, постоянно.

Личность самого барда была неприкосновенна. За оскорбленіе его закономъ налагалась тяжкая пеня въ 6 коровъ и 120 серебряныхъ монетъ, а за убіеніе его — 252 коровы или столько же серебряныхъ монетъ — сумма огромная для того времени. За убіеніе всякаго знатнаго не налагалось такой тяжелой пени, и даже убійство королевскаго доктора, лица, чрезвычайно важнаго въ то время, искупалось поло-

*) Акръ — полторы десятины.

виною этой стоимости. Вообще, народъ такъ высоко ставилъ личность барда, что въ исторіи кельтовъ можно указать только одинъ случай убійства, совершеннаго надъ бардомъ; за то современники и потомство предали тяжкому проклятію и орудіе, послужившее средствомъ къ убійству, и самого убійцу, который сталъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ обезчещенной головы.

О главной обязанности бардовъ древніе бретонскіе законы выражались такъ: «бардъ да сохранить воспоминаіе обо всемъ достойномъ похвалы въ отдельномъ лицѣ, племени и современныхъ ему происшествіяхъ». Сверхъ того, законъ воспрещалъ имъ носить оружіе и повелѣвалъ: «поддерживать и распространять всюду знанія, вмѣстѣ съ любовью



На войнѣ онъ обязанъ былъ пѣть
во время битвы

къ добродѣтели, мудрости и гостепріимству».

Высшій разрядъ, главные барды-учители, происходилъ изъ описаннаго нами средняго разряда, изъ бардовъ придворныхъ. Этого достоинства можно было достигнуть только поэтическимъ состязаніемъ.

Каждые три года, на какойнибудь горѣ, происходило подъ открытымъ небомъ торжественное собраніе всѣхъ бардовъ изъ окрестной страны. О происхожденіи такихъ

собраній нельзя сказать ничего опредѣленнаго: извѣстно только, что обычай ихъ въ V и VI вѣкахъ уже считался весьма древнимъ и прежде, вѣроятно, былъ связанъ съ какими нибудь религіозными обрядами; но мало по малу, когда древняя религія друидовъ смѣнилась новою, христіанскою, древніе обряды были позабыты, и эти собранія обратились въ поэтическія состязанія, на которыхъ каждый изъ явившихся бардовъ пѣлъ свою пѣсню подъ звуки арфы. Въ присутствіи короля и начальниковъ разныхъ клановъ (родовъ, колѣнъ), въ громадномъ собраніи народа выслушивались эти пѣсни и опредѣлялось, которая изъ нихъ была лучше всѣхъ. Тому, кто сложилъ такую пѣсню, королевскій судья вручалъ серебряную арфу; его опоясывали голубымъ шарфомъ, сажали на золоченый стулъ и, при громкихъ, радостныхъ крикахъ толпы, при торжественномъ, согласномъ бряцаніи кельтійскихъ арфъ *), объявляли главнымъ бардомъ всей страны и бардомъ возведеннымъ на тронъ.

Съ этой минуты бардъ вступалъ въ высшій классъ народа и уже не принадлежалъ болѣе къ придворнымъ короля: онъ цѣлою головою стоялъ выше ихъ всѣхъ, благодаря новому достоинству. Ему отводилось помѣщеніе во дворцѣ наслѣдника престола. Когда онъ былъ при дворѣ, никто изъ бардовъ не смѣлъ пѣть прежде его; едва появлялся онъ при входѣ въ залу пиршества, какъ, по знаку короля, долженъ былъ на порогѣ спѣть двѣ пѣсни: одну во славу Божию, другую—въ честь королей бретонскихъ. Когда онъ заканчивалъ, одинъ изъ бардовъ королевскихъ вставалъ и затягивалъ свою пѣсню; но законъ повелѣвалъ ему, изъ уваженія къ главному барду, пѣть внѣ залы, ниже сѣней. Затѣмъ главный бардъ садился за столъ по правую руку наслѣдника престола, то есть, на высшее, почетнѣйшее мѣсто. По обычаю того времени, всѣмъ сидѣвшимъ за столомъ кушанье разносилось отдѣльными пор-

*) Арфы кельтійскихъ бардовъ снабжены были тройнымъ рядомъ струнъ, что придавало звукамъ ихъ особенную силу и пріятность.



Состязаніе бардовъ.

ціями, которыя назывались скучною мѣрою; но главному барду законъ позволялъ не подчиняться этому обычаю, а ѣсть и пить сколько душѣ угодно.

Права его были очень значительны. Ни одинъ изъ обыкновенныхъ бардовъ не могъ ничего просить у короля иначе, какъ черезъ него; ему принадлежало право оцѣнки поэтическихъ произведеній ихъ; ему поручали ученіе и воспитаніе юношей знатнѣйшихъ фамилій, которыми обыкновенно окружалъ себя наслѣдникъ престола.

И выгоды со званіемъ барда соединены были не малыя. Къ пяти акрамъ земли, которыми владѣлъ всякій бардъ, ему, съ полученіемъ новаго званія, прибавлялся значительный участокъ; при всѣхъ празднествахъ и торжествахъ онъ постоянно получалъ плату вдвое болѣе противъ обыкновенныхъ бардовъ; каждая изъ молодыхъ дѣвушекъ, выходившихъ замужъ въ окрестностяхъ, приносила ему по подарку.

Законъ вмѣнялъ въ обязанность всякому главному барду — «знать наизусть всѣ древнія пѣснопѣнія, сложенные въ честь королей и именитыхъ мужей бретонскихъ, въ особенности сочиненныя главными бардами». Такъ самъ законъ заботился о сохраненіи преданій, переходившихъ изъ уста въ уста.

Высокое значеніе главнаго барда выражалось и цѣнностью арфы, которую получалъ онъ въ видѣ награды на состязаніи. Эта серебряная арфа должна была, по закону, стоить 120 серебряныхъ монетъ, слѣдовательно вдвое дороже серебрянаго щита воинскаго и самаго лучшаго меча съ серебряной рукоятію, въ одиннадцать разъ дороже плуга: ясно, что народъ, создавшій подобный законъ, цѣнилъ вдохновенныя пѣсни барда выше всѣхъ сокровищъ.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ и, вѣроятно, самомъ важномъ преимуществѣ барда: бретонскіе законы того времени говорили о немъ такъ: у всякаго раба два сына могутъ быть свободными: первый — бардъ, второй — духовный, ибо какъ только сынъ раба постри-

жется или поступитъ въ ученіе къ бардамъ, его господинъ уже не имѣетъ болѣе никакого права надъ нимъ.

Итакъ, поэзія освобождала наравнѣ со священствомъ — и барды были вполне достойны этой чести по своему вліянію на народъ. Отъ этого закона произошла у бретонцевъ и поговорка: «березовая вѣтвь срываетъ съ ногъ оковы». Барды носили на головѣ вѣнки изъ березовыхъ вѣтвей.

Да, велико было назначеніе барда у древнихъ кельтовъ. Онъ свято хранилъ въ памяти преданія о старинѣ и научалъ своихъ современниковъ дѣйствовать по примѣру доблестныхъ предковъ; онъ строго наблюдалъ за правдивымъ исполненіемъ законовъ, карая ѣдкою насмѣшкою всякаго нарушителя ихъ и поощряя завидною похвалою все доброе, все прекрасное въ своихъ современникахъ. Онъ смѣло вступался за всякаго невинно страдавшаго и слабою рукою могъ обуздать гордаго и могучаго. Вотъ на какихъ прекрасныхъ началахъ основывалось вліяніе бардовъ на народъ: вотъ почему благосклонно смотрѣли на нихъ христіанскіе проповѣдники.

Отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ кольцомъ и арфою, передавалось уваженіе къ старинѣ, любовь къ добродѣтели, и пышно цвѣли новыя поколѣнія поэтовъ подъ кровомъ старыхъ, какъ молодые отпрыски дубовъ въ тѣни своихъ могучихъ, столѣтнихъ, широколиственныхъ прадѣдовъ...

II.

Много разныхъ пѣсенъ слагали бретонскіе барды; но до насъ дошли сочиненія лишь весьма немногихъ. Болѣе всего осталось ихъ отъ трехъ главныхъ бардовъ: Таліезина, Анѣрена и Ливарха, которые были любимыми поэтами древнихъ бретонцевъ. Творенія ихъ были чрезвычайно распространены въ народѣ, а жизнь всѣхъ троихъ носитъ на себѣ вѣрнѣйшій отпечатокъ времени, въ которое они жили,

и ясно обрисовываетъ положеніе барда въ современномъ ему обществѣ.

Постараемся передать читателю все, что извѣстно о Таліезинѣ, Анёренѣ и Ливархѣ; но, прежде, чѣмъ станемъ говорить о нихъ, намъ необходимо будетъ хоть немного ознакомиться съ главными событіями исторіи бретоновъ въ V и VI вѣкѣ.

Когда въ началѣ V вѣка римляне принуждены были оставить Британію, все населеніе ея вдругъ словно ожило. Племена бретоновъ, никогда не покорявшіяся владычеству иноземцевъ, были оттѣснены силою римскаго оружія въ юго-западный уголъ Англіи. Тамъ, за неприступными горами, долго жили они среди голыхъ скалъ и дремучихъ лѣсовъ, предпочитая бѣдность и свободу довольству и рабству. По удаленіи римлянъ, бретоны первые возстановили у себя древній образъ правленія*), возобновивъ прежній союзъ между своими отдѣльными племенами. Слишкомъ 40 лѣтъ прожили они въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ. Возвратившись на свои прежнія земли, они чрезвычайно счастливо бились съ внѣшними врагами своими, пиктами и скоттами, отъ которыхъ, казалось, одни римляне были въ состояніи защитить ихъ, да и тѣ такъ опасались этихъ безпокойныхъ сосѣдей, что для прикрытія своихъ владѣній отъ ихъ набѣговъ перегородили всю Англію толстой стѣной и цѣлымъ рядомъ укрѣпленій, остатки которыхъ и теперь еще видны между устьемъ Клейда и заливомъ Фортскимъ.

Пикты (жившіе на востокѣ Англіи вдоль береговъ) и скотты (занимавшіе сѣверо-западные берега Шотландіи), однакожь, не успокоивались, несмотря на то, что были разбиты бретонами нѣсколько разъ сряду. Тогда-то задумали бретоны просить помощи у саксовъ, воинственнаго германскаго племени, которое занималось морскими разбоями и также безпокоило иногда своими набѣгами берега Британіи. Тѣ согласились за извѣстную дань помочь имъ

*) Бретоны дѣлились на множество мелкихъ колѣнъ, и въ древности каждое колѣно управлялось отдѣльнымъ княземъ.

въ борьбѣ съ сѣверными племенами и въ большомъ числѣ высадились на британскій берегъ. Но имъ такъ понравилась южная Британія, что они рѣшились отнять ее у бретоновъ и поселиться въ ней. Съ этою цѣлью они не только не стали воевать противъ пиктовъ и скоттовъ, а вошли съ ними же въ тѣсныя дружественныя сношенія и общими силами ударили на бретоновъ.

Принужденные защищаться отъ непріятеля, нападавшаго на нихъ одновременно съ сѣверо-востока и юга, бретоны выказали геройское мужество, защищались упорно и долго; но кто бы могъ устоять въ такой неравной борьбѣ? Они принуждены были снова удалиться въ свои родные, неприступные лѣса и горы, и слишкомъ 70 лѣтъ въ нихъ отсиживались.

Одно время (во второй половинѣ VI вѣка) для нихъ блеснулъ лучъ надежды на избавленіе отъ чужеземнаго ига; но не надолго. Во главѣ союза бретонскихъ городовъ явился Уріенъ, человѣкъ необыкновенный, умѣвшій всѣхъ заставить дѣйствовать согласно противъ общаго врага. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ саксами, онъ отнялъ у нихъ часть завоеванныхъ ими земель; но остальные князья бретонскіе глядѣли съ завистью на его успѣхи, и Уріенъ былъ тайно умерщвленъ подосланнымъ къ нему убійцей.

Съ этой минуты начинается безконечный рядъ утратъ и несчастій. На сѣверо-западѣ, англы (послѣднее германское племя, высадившееся на берега британскіе) окончательно утвердились на родимой почвѣ бретоновъ и основали два королевства. На югѣ саксы, взявъ три бретонскіе города и умертвивъ трехъ бретонскихъ королей, обложили тяжкою данью всѣ мелкія племена, которыя не были самою природою защищены отъ ихъ натиска.

Мѣстами борьба между тѣмъ или другимъ кланомъ и саксами, — борьба неравная, безнадежная и отчаянная, длилась нѣсколько столѣтій. Часть бретоновъ даже переплыла на материкъ*). Дольше всѣхъ отстаивали свою независи-

*) Изъ нихъ-то и образовалась нынѣшняя французская провинція Бретань.

мость бретоны валлійскіе, которымъ болѣе другихъ обязаны мы и сохраненіемъ бардическихъ пѣсенъ.

Посмотримъ же, какое участіе принимали барды въ этой борьбѣ.

III.

О Таліезинѣ болѣе дошло до насъ сказокъ и преданій, чѣмъ достовѣрныхъ извѣстій. Много чуднаго рассказываютъ о немъ, много невѣроятнаго; но во всѣхъ этихъ рассказахъ есть очень значительная доля правды. Всѣ народныя легенды о Таліезинѣ были въ XIV вѣкѣ собраны однимъ валлійскимъ священникомъ. Мы сначала расскажемъ читателю всѣ эти легенды, а потомъ постараемся передать то, что извѣстно о немъ достовѣрнаго изъ лѣтописей.

«У одного могущественнаго бретонскаго начальника племени», — говоритъ преданіе, — «былъ сынъ, по имени Эльфинъ, которому ничто никогда не удавалось. Много горевалъ объ этомъ отецъ и не зналъ, чему приписать постоянныя неудачи сына. Наконецъ, посовѣтовавшись съ друзьями своими, онъ рѣшился отдать на его попеченіе рыбныя тони на морскомъ берегу и такимъ образомъ въ послѣдній разъ испытать его счастье.

Посѣтивъ свою тонию въ первый разъ, Эльфинъ увидѣлъ, что въ ней не было ни одной, даже мелкой рыбки, хотя весною ловы всегда были въ этомъ мѣстѣ очень хороши. Опечаленный новымъ доказательствомъ своего постоянного несчастья, онъ собирался уходить съ тони, когда вдругъ замѣтилъ что-то черное на плотинѣ у самага шлюза. Ему показалось, что это былъ кожаный мѣхъ. Одинъ изъ рыбаковъ сказалъ ему: «Видно нѣтъ тебѣ ни въ чемъ удачи? Ужъ на что лучше этой тони: бывало въ ней каждый годъ перваго мая ловилось многое множество всякой рыбы; а нынче вонъ всего только и вытащили, что кожаный мѣхъ».

Подошли они оба къ тому, что казалось имъ издали кожанымъ мѣхомъ, и увидѣли корзину, плетеную изъ ивовыхъ прутьевъ и покрытую кожей. Подняли крышку и каково же было ихъ изумленіе: въ корзину спалъ прекрасный младенецъ. Минуту спустя, онъ открылъ глазки, улыбнулся и протянулъ къ нимъ свои маленькія рученки.



... Въ корзину спалъ прекрасный младенецъ ...

— О tal-iésin *)! tal-iésin! — воскликнулъ рыбакъ, указывая на ребенка и въ изумленіи разставляя руки.

— Tal-iésin! — повторилъ Эльфинъ, вынимая ребенка изъ корзины и прижимая его къ груди своей: — такъ пусть же и называется онъ Таліезинъ!

Держа младенца на рукахъ, Эльфинъ сѣлъ осторожно на коня и поѣхалъ тихонько домой. Онъ не могъ удержаться отъ слезъ, глядя на ребенка и раздумывая о своей постоянной неудачѣ. Вдругъ ребенокъ заплѣлъ, и пѣсня его скоро утѣшила Эльфина.

— «Полно плакать, Эльфинъ», — говорилъ онъ въ ней: — «твое отчаяніе не поможетъ. Полно лить слезы! Не всегда ты будешь несчастливъ. Богъ посылаетъ человѣку богат-

*) Tal-iésin (таль-іезинъ) значитъ на языкѣ бретонскомъ: какое сіяющее чело!



Держа младенца на рукахъ, Эльфинъ
сѣлъ осторожно на коня

ства и со дна морской пучины, и съ высокихъ горныхъ вершинъ, и изъ волнъ рѣчныхъ. Хотя я слабъ и малъ, а придетъ время, когда я буду тебѣ полезнѣе множества рыбы. Не сокрушайся. Во мнѣ, повидимому, нѣтъ вовсе силы, но за то уста мои чудесно одарены свыше. Пока я буду съ тобою, тебѣ нечего опасаться».

Эльфинъ пріѣхалъ домой веселый.

— «Ну, что же ты поймалъ?» — спросилъ отецъ.

— «То, что гораздо лучше рыбы», — отвѣчалъ сынъ.

— «Да что же такое?»

— «Я поймалъ барда», — сказалъ Эльфинъ.

— «Барда? Да на что онъ можетъ тебѣ пригодиться?» — печально возразилъ отецъ.

Тутъ Таліезинъ самъ вступилъ за себя:

— «Барда будетъ ему полезнѣе», — сказалъ онъ: — «чѣмъ тебѣ твоя тоня».

— «Какъ! ты уже умѣешь говорить, малютка! — воскликнулъ изумленный начальникъ племени.

— «Да, я скорѣе съумѣю говорить, чѣмъ ты меня спрашивать», — возразилъ на это Таліезинъ и запѣлъ: «мнѣ извѣстно все: и прошедшее, и будущее».

Эльфинъ отдалъ Таліезина на руки доброй кормилицѣ, и съ этого дня, въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, счастье не оставляло его дома.

Въ тотъ годъ, когда Таліезину минуло тринадцать лѣтъ, Мэльгунъ, король гвенедскій, пригласилъ къ себѣ Эльфина на праздникъ. Праздникъ этотъ приходился въ самую Пасху, и потому торжество у Мэльгуна было великое: столы ломились подъ тяжестью множества блюдъ и

вино лилось рѣкою. Когда всѣ гости порядочно подгуляли, отовсюду слышались самыя преувеличенныя похвалы хозяину. «Есть-ли на свѣтѣ король славнѣе Мэльгуна, — король, у котораго и барды были бы искуснѣе его бардовъ», — говорили гости, — «и воины храбрѣе, и лошади быстрѣе его лошадей, и борзые лучше его борзыхъ? Нѣтъ, такого короля не найдешь въ цѣломъ свѣтѣ!»

Такая лестъ раздосадовала Эльфина.

— «Конечно», — сказалъ онъ: — «трудно тягаться съ королемъ въ чемъ бы то ни было; но что касается до бардовъ, то я смѣло могу сказать, что у меня дома есть барда, который всѣхъ королевскихъ за поясъ заткнетъ».

Всѣ барды Мэльгуна и между ними Гейнинъ возстали противъ Эльфина; и дворъ, и гости ужаснулись его неслыханной дерзости, донесли объ этомъ королю, и велѣлъ онъ бѣднаго Эльфина бросить въ тюрьму и держать въ цѣпяхъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не докажетъ, что барда его мудрѣе бардовъ королевскихъ.

Слухи о заключеніи Эльфина въ темницу дошли до Таліезина. Онъ явился ко двору въ праздникъ, когда король имѣлъ обыкновеніе созывать къ себѣ на пиръ всѣхъ знатныхъ, вошелъ въ залу пиршества и спрятался въ уголъ, мимо котораго должны были проходить придворные барды, отправляясь на поклонъ королю. Въ то время, какъ барды проходили мимо него, онъ сталъ дѣлать имъ гримасы, на которыя тѣ не обращали вниманія; но, когда они остановились передъ королемъ, желая привѣтствовать его, ни одинъ изъ нихъ не могъ выговорить ни слова. Когда же король велѣлъ имъ пѣть, то всѣ они совершенно невольно стали дѣлать ему гримасы и бормотать что-то очень невнятно себѣ подъ-носъ. Король вообразилъ, что они пьяны, и въ гнѣвѣ обратился къ главному изъ нихъ, Гейнину, требуя, чтобы онъ объяснилъ странное поведеніе бардовъ, и угрожая ему страшнымъ наказаніемъ.

Гейнинъ палъ къ ногамъ короля и сказалъ ему:

— Государь, не излишнее употребленіе вина заставляетъ насъ явиться къ тебѣ въ такомъ странномъ видѣ: мы не пьяны; но насъ попуталъ бѣсъ, что вонъ тамъ сидитъ въ углу залы, принявъ на себя видъ ребенка.

Услышавъ такую рѣчь, Мэльгунъ велѣлъ призвать къ себѣ Таліезина и спросилъ его, кто онъ такой и откуда пришелъ. Ребенокъ отвѣчалъ ему на это:

— Я главный изъ бардовъ Эльфина. Звѣздное небо — мнѣ родина. Никому неизвѣстно происхожденіе мое, а мнѣ извѣстно все: и прошедшее и будущее.

Король очень былъ изумленъ, услышавъ все это отъ ребенка, и, вспомнивъ о томъ, какъ Эльфинъ нагло хвалился своимъ бардомъ, приказалъ Гейнину состязаться съ нимъ въ пѣніи.

Едва только Гейнинъ вздумалъ запѣть свою пѣсню, какъ вдругъ смѣшался, сталъ опять по прежнему корчить какія-то смѣшныя рожи и бормотать невнятные слова. Напрасно Мэльгунъ грозилъ ему и, словно разъяренный левъ, метался во всѣ стороны, приказывая каждому изъ бардовъ своихъ пѣть, какъ бывало пѣвали на пирахъ; напрасно умолялъ онъ ихъ поочередно не срамиться передъ бардомъ его подданнаго: всѣ придворные барды дѣлали то же, что и Гейнинъ, самый искусный изъ нихъ.

Наконецъ Мэльгунъ обратился къ Таліезину:

— Вижу могущество твое, сказалъ онъ: — но чего же ты отъ меня требуешь? зачѣмъ пришелъ ты сюда?

— Я пришелъ сюда, отвѣчалъ ребенокъ: — чтобы освободить моего благодѣтеля изъ твоихъ оковъ. Знай, что много заключается тайной силы въ моей пѣснѣ, что мнѣ стоитъ только запѣть, и ни камни, ни желѣзные цѣпи — ничто не устоитъ противъ моей пѣсни. А тебѣ я скажу, что съ тобою будетъ за твое высокомеріе.

И онъ запѣлъ грознымъ голосомъ пѣсню, отъ которой вся кровь застыла въ жилахъ Мэльгуна: «вонъ поднимается на морѣ страшное диво; вонъ несется оно сюда наказать гордаго Мэльгуна, короля гвенедскаго: и лицо,

и глаза, и волосы его пожелтѣютъ, какъ золото! Смерть ему, неправдивому!... Сами боги несутъ эту страшную кару, поднимая ее своимъ могучимъ дыханіемъ со дна пучины на Мэльгуна, короля гвенедскаго».

Чуть только успѣлъ онъ произнести послѣднія слова пѣсни, какъ съ моря вмѣстѣ съ сокрушительнымъ порывомъ вѣтра налетѣлъ на дворецъ громадный водяной столбъ и разбился объ его стѣны. Пошелъ по всѣмъ покоямъ отъ этого удара трескъ и гулъ. И король, и весь дворъ выбѣжали изъ дворца, ожидая съ каждою минутою, что онъ обрушится на ихъ головы.

— Скорѣе освободите Эльфина и ведите его сюда! закричалъ въ ужасѣ Мэльгунъ.

Привели Эльфина и отдали его Таліезину, который тутъ же спѣлъ такую сладкую пѣсню, что «цѣпи сами собою упали съ его благодѣтеля».

Вотъ что рассказываетъ намъ народная легенда. Въ ея наивныхъ словахъ видно все высокое, величавое и грозно-могучее представленіе, какое составилось въ воображеніи народа о личности барда. Тутъ видимъ мы его пѣсню вполне, во всей ея силѣ, во всемъ вліяніи на умы; только пѣсня эта облечена въ форму сказки, которою народъ всегда любитъ украшать свои лучшія и самыя дорогія воспоминанія.

Теперь обратимся мы отъ сказокъ къ дѣйствительности и опишемъ личность Таліезина такою, какою она является намъ въ древнихъ бретонскихъ памятникахъ и въ его собственныхъ пѣсняхъ.

Таліезинъ родился въ первой половинѣ VI вѣка. Лучшіе историки и критики согласно утверждаютъ, что родиной его былъ Кумберландъ, а не Валлисъ, какъ думаютъ валлійскіе лѣтописцы. Отецъ его, Ионисъ, пожелалъ дать сыну хорошее воспитаніе и поручилъ его надзору св. Кадока, который въ то время основалъ въ южной Англіи школу для туземнаго юношества. Въ этой школѣ Таліезинъ ближе всѣхъ сошелся съ Гильдомъ, который

впослѣдствіе прославился, какъ ревностный христіанскій проповѣдникъ и былъ причтенъ за то къ лику святыхъ. Нѣсколько лѣтъ провели они вмѣстѣ. Наконецъ настало время, когда они оба, окончивъ ученіе, должны были выйти изъ школы. Святой наставникъ призвалъ къ себѣ Таліезина и Гильда, благословилъ ихъ и, поцѣловавъ, далъ имъ слѣдующій мудрый совѣтъ:

«Дѣти мои! трудно жить на свѣтѣ, и много нужно въ жизни осторожности. Послушайте же меня. Когда вамъ придется говорить, разсудите, во-первыхъ, о чемъ вы говорите; во-вторыхъ, какъ вы говорите; въ-третьихъ, съ кѣмъ вы говорите; въ-четвертыхъ, въ чью пользу вы говорите; подумайте, что выйдетъ изъ вашихъ словъ и кто можетъ стороною слышать вашу рѣчь. Соблюдая такую осторожность въ рѣчахъ, вы никогда не подвергнетесь никакому несчастію».

На порогѣ училища Таліезинъ разстался съ своимъ другомъ, и пошли они въ жизни по двумъ разнымъ дорогамъ.

Вскорѣ послѣ того Таліезинъ, ловившій рыбу съ лодки, недалеко отъ берега, былъ захваченъ въ плѣнъ морскими ирландскими разбойниками. Горько было ему, когда съ борта ихъ ладьи увидѣлъ онъ, какъ родные берега исчезали въ туманной дали. Мысль о побѣгѣ не оставляла его ни на минуту. Въ бурную, темную ночь, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, онъ отвязалъ свою маленькую лодочку отъ разбойничьей ладьи и пустился въ море, захвативъ съ собою деревянный щитъ, вмѣсто весла, и рѣшаясь скорѣе умереть, чѣмъ въ тяжелой неволѣ тосковать по отчизнѣ. Долго носило его по морю; много разъ грозилъ ему смертью шумящій валъ и выкинулъ его, наконецъ, изнеможенного, безпомощнаго, на побережье, принадлежавшее Эльфину, сыну Уріена, могущественнаго и доблестнаго князя бретонскаго.

Умъ, знанія и поэтическія способности Таліезина изумили Уріена и весь дворъ его. Таліезину велѣлъ онъ дать клочекъ земли, поручилъ воспитаніе своихъ дѣтей и сдѣлалъ его главнымъ придворнымъ бардомъ.

Съ этихъ поръ, облагодѣтельствованный имъ Таліезинъ горячо привязался къ нему и во всю жизнь не покидалъ добраго Уріена, не разъ оказывая ему очень важныя услуги.

Эти-то всѣ обстоятельства были обращены народомъ въ сказку, которую рассказали мы читателямъ въ началѣ III главы.

По предыдущему читатели уже знаютъ, что время правленія Уріена было временемъ торжества бретонцевъ надъ внѣшними врагами: саксами, пиктами и скоттами. Но не дешево обходилось это торжество Уріену и всѣмъ его подданнымъ *): они почти не снимали съ себя кольчугъ и шлемовъ, почти не выпускали изъ рукъ тяжелыхъ топоровъ, острыхъ мечей, крушительныхъ палицъ. Уріенъ всѣмъ подавалъ примѣръ неустойчивости, воздержанія, и ему легче было переносить всѣ эти трудности, потому что съ нимъ былъ Таліезинъ, который подкрѣплялъ его мужество своими сладкозвучными пѣснями и щедро награждалъ похвалами его подвиги.

Когда грозно сходились въ бою воины Уріена съ враждебною ратью, Таліезинъ, ободряя ихъ, являлся въ первыхъ рядахъ и, воспѣвая подвиги предковъ, побуждалъ ихъ къ такимъ же подвигамъ. Но когда шумный бой загорался, когда завязывалась лютая сѣча, въ которой со звукомъ мечей смѣшивался громкій, нескончаемый хоръ предсмертныхъ стоновъ и воплей ярости, тогда Таліезинъ удалялся на ближайшій холмъ, съ его вершины зоркимъ взглядомъ слѣдилъ за битвой, и ничто не ускользало отъ взоровъ его. Свѣтлое, торжественное вдохновеніе овладѣвало имъ и помогало сложить живую, пламенную пѣсню, въ которой не пропадали ни одинъ звукъ, ни одна черта боевой тревоги.

Легко было на сердцѣ утомленныхъ воиновъ, весело было имъ слушать вечеромъ, послѣ боя, новую пѣсню

*) Уріенъ правилъ Регедомъ, княжествомъ, простиравшимся на сѣверъ отъ Гембера (Humber).

своего вдохновеннаго пѣвца, когда подъ открытымъ небомъ располагались они у ярко пылавшихъ костровъ и подкрѣпляли истощенныя силы круговымъ рогомъ меда, оплетеннымъ серебряными обручами.

Такъ Таліезинъ былъ во всѣхъ битвахъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ и другомъ: онъ былъ и при Аргоедѣ*), гдѣ бретонцы бились съ саксонцами отъ восхода до заката солнечнаго и смѣшали ихъ кровь съ кровью союзныхъ имъ, безпокойныхъ скоттовъ, и при Гвенъ-Эстрадѣ**), гдѣ бретонцы подъ стѣнами этой крѣпости погребли цѣлую саксонскую армію, искусно отбросивъ одну половину ея къ рѣкѣ, въ которой враги погибли, среди смятенія не отыскавъ брода; онъ былъ и при Менау, гдѣ, въ самомъ пылу битвы, страшный Ида, саксонскій богатырь-предводитель, палъ отъ копья Овена, сына Уріенова.

Съ самымъ неподдѣльнымъ восторгомъ говоритъ Таліезинъ въ своихъ пѣсняхъ о богатой поживѣ бретонцевъ, почти по пальцамъ пересчитывая быковъ, коровъ, лошадей и всю захваченную ими добычу. Но всѣ пѣсни свои заключаетъ онъ непременно обращеніемъ къ Уріену, которому говоритъ въ одной изъ нихъ, что «перестанетъ улыбаться, когда Уріена не будетъ болѣе въ живыхъ», а въ другой прибавляетъ: «какое мнѣ дѣло до того, любятъ-ли меня всѣ короли сѣвера, или нѣтъ, когда все мое высшее благо заключается въ тебѣ, Уріенъ, свѣтъ мой. Въ день твоей смерти скорбь пойдетъ по пути передъ тобою; когда смерть посѣтитъ тебя, она прійдетъ и ко мнѣ».

Всѣ эти похвалы и изъясненія привязанности могутъ показаться лестью только тому, кто позабылъ, что Уріенъ былъ освободителемъ отечества: онъ былъ непобѣдимо мужественъ, но кротокъ (по словамъ одной пѣсни Таліезина) и, слѣдовательно, вполне достоинъ восторжен-

*) Одна изъ мѣстностей въ долинѣ Клейда.

**) Нынче Strad-Queen's ferry.

ныхъ похвалъ, проистекавшихъ изъ нѣжной сердечной привязанности, отъ истиннаго и понятнаго изумленія, а не отъ желанія угодить сильному. Всѣ пѣсни Таліезина вообще проникнуты этою пріятною нѣжностью, и его образы далеко не такъ рѣзки, жестки и кровавы, какъ образы другихъ бардовъ.

Горько оплакавъ кончину Уріена, Таліезинъ не покидалъ его сыновей; но они вскорѣ пали въ битвахъ и, самъ покинутый всѣми, лишившись лучшихъ своихъ радостей, онъ удалился въ Валлисъ, на берега озера Кернарвона, гдѣ одинъ изъ начальниковъ клана подарилъ ему небольшой клочекъ земли и хижину. Тамъ часто, печальный, одинокій, сидѣлъ онъ на берегу и въ глубокой горести повторялъ:

— «Горе мнѣ! я видѣлъ, какъ облетѣли цвѣты; я видѣлъ, какъ отсохла вѣтвь, носившая ихъ».

Пришла, наконецъ, и старость, съ ея недугами и слабостью. Наслѣдники того начальника клана, который пріютилъ Таліезина въ своей землѣ, не пожалѣли стараго барда, отняли у него хижину и послѣдній клочекъ земли. Безпріютнымъ сиротою покинулъ онъ Валлисъ...

Въ несчастіи невольно вспомнилъ онъ свое беззаботное дѣтство, своего мудраго наставника и св. Гильда — друга, съ которымъ разлучили его жажда славы и бранныя тревоги, такъ долго находившія себѣ отголосокъ въ его сердцѣ. Но этотъ другъ былъ тогда далеко: вмѣстѣ съ значительною частью бретонскаго населенія, онъ, по примѣру св. Кадока, переселился на материкъ Европы — въ Арморику*). До Таліезина дошли слухи о томъ, что въ Арморикѣ царствуютъ миръ и спокойствіе, тогда какъ около себя онъ видѣлъ только торжество грубой силы, да тягость чужеземнаго ига... И захотѣлось ему, безпомощному, отдохнуть отъ тревогъ и бѣдствій подъ гостепріимнымъ, мирнымъ кровомъ дружбы. Онъ сѣлъ на пер-

*) Нынѣшнюю Бретань.

вое судно, отплывавшее въ Арморику, и покинулъ берега своей родины.

Гдѣ умеръ онъ? спокойно-ли? Объ этомъ ничего не знаютъ лѣтописцы.

IV.

Анѣренъ родился въ началѣ VI вѣка, близъ Дунбартона (Dumbarton), столицы клейдскихъ бретонцевъ, жившихъ у границы шотландской. Онъ былъ братъ св. Гильда. Вмѣстѣ выросли они, вмѣстѣ получили первые начатки образованія отъ придворныхъ бардовъ своего отца, вмѣстѣ выучились музыкѣ и пѣнію; но одного влекло на югъ, туда, гдѣ процвѣтало христіанство, гдѣ въ мирныхъ стѣнахъ монастырскихъ, у святыхъ наставниковъ, пылкое юношество училось кротости, смиренію и божественной мудрости, другого прельщали жизнь, слава и громкія дѣянія предковъ, погибшихъ въ честномъ бою съ иноземцами-притѣснителями. Гильдъ отправился на югъ, къ св. Кадоку, а Анѣренъ поступилъ въ касту бардовъ и принялъ горячее участіе въ борьбѣ за свободу отчизны.

Отличительною чертою Анѣрена была пылкость характера, самая сильная воспримчивость всѣхъ впечатлѣній и расположеніе къ поэтическому бѣшенству. Невозможно иначе передать смысла бретонскаго прилагательнаго, которое обыкновенно соединяли съ именемъ Анѣрена его современники и писатели послѣдующихъ вѣковъ, называя его *avennez Aneuin*, т. е. бѣшено-вдохновенный Анѣренъ. Ничто лучше этого слова не можетъ передать необыкновенной способности Анѣрена къ живому представленію кровавыхъ и ужасныхъ картинъ, къ вставленію въ пѣсни свои такихъ страшныхъ проклятій, которыя дыбомъ поднимаютъ волосы у каждаго слышащаго ихъ и могутъ исходить только изъ устъ чловѣка, находящагося на высшей степени раздраженія и нравственнаго, и тѣлеснаго.

Около 578 года, всѣ бретонскіе кланы (на пространствѣ отъ Сольвэскаго залива до озера Ломонда и отъ устья Форта до устья Клейда) соединились въ одинъ обширный союзъ для отраженія пиктовъ, скоттовъ и англовъ, которые пытались съ сѣвера пробиться сквозь рядъ стѣнъ и укрѣпленій, построенныхъ еще римлянами и служившихъ кельтамъ защитой отъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей. На защитѣ этихъ стѣнъ основывалось счастье и довольство всего бретонскаго населенія. За этими стѣнами были ихъ жены, дѣти, старики и могилы предковъ, все добро ихъ и земля родная, вспаханная въ потѣ лица, орошенная кровью близкихъ... Не мудрено, что 363 начальника клановъ поспѣшили на защиту этой священной стѣны, едва только стала на сѣверѣ собираться грозная туча. Между этими начальниками клановъ на первомъ мѣстѣ стоятъ: бардъ Анѣренъ (тогда правившій Гододинонъ, небольшою областью на берегахъ Клейда), Овенъ, старшій сынъ и наслѣдникъ Уріена, и Менезокъ, король эдинбургскій.

Защита стѣны длилась семь дней и сосредоточивалась преимущественно около главнаго ея пункта — крѣпости Кальтраезъ. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ бретонцевъ; но потомъ, увлеченные успѣхами, они возгордились, забыли осторожность и осмотрительность, главные качества всякаго хорошаго воина, и стали только пѣть пѣсни да бражничать. Тогда враги, воспользовавшись ихъ безпечностью и невоздержностью, напали на нихъ ночью и всѣхъ перебили. Это происшествіе Анѣренъ описалъ въ превосходной поэмѣ, которую назвалъ, по имени своей области, «Гододинъ». Постараемся подробнѣе познакомить читателей съ этимъ важнѣйшимъ событіемъ жизни Анѣрена, въ которомъ выражается вполнѣ его характеръ. Изъ словъ его составимъ небольшой рассказъ о гибели вождей бретонскихъ въ Кальтраезѣ.

«Шумно и весело», говоритъ бардъ въ началѣ своей поэмы, «стекались къ Кальтраезу отряды воиновъ; но

блѣдный медъ, ихъ любимый напитокъ, отравилъ ихъ, погубилъ ихъ. Непоколебимо, упорно, безъ устали бились они съ врагомъ своими огромными, кровавыми мечами. Ихъ было всего три сотни противъ одиннадцати сотенъ. Много крови пролили ихъ копья; но сами они пали одинъ за другимъ въ рядахъ Менезока, славнаго вождя храбрыхъ, пали отъ мѣткихъ стрѣлъ Смерти прежде, чѣмъ успѣли въ церквахъ покаяться!»

Такъ начинается бардъ свою поэму и описываетъ потомъ мелкія стычки первыхъ двухъ дней, въ которыхъ перевѣсъ былъ постоянно на сторонѣ бретонцевъ.

«Съ восходомъ солнца на третій день», продолжаетъ бардъ, «Тудвульеръ и многіе другіе вожди бретонскіе взошли на вершину башни для наблюденія надъ непріателемъ; потомъ, собравшись вмѣстѣ, испустили общій военный крикъ и устремились на врага изъ-за стѣнъ. Дружно подкрѣпленные своими, они бились цѣлый день и произвели въ рядахъ непріятельскихъ безпримѣрное опустошеніе. Ихъ могли отдѣлать отъ враговъ только однѣ волны прилива, шумно бѣжавшія съ моря на берегъ и уносившія на себѣ въ пучину груды тѣлъ, блѣдныхъ, страшно искаженныхъ могучими ударами».

Принужденные вернуться въ крѣпость, бретоны предались своей обычной неводержности: всю ночь пропиновали они и осушили много бочекъ крѣпкаго меда. Хотя на другой день они продолжали мужественно биться съ врагами и вновь отразили ихъ отъ стѣнъ, «но ужъ они бились не такъ хорошо, какъ прежде», замѣчаетъ бардъ, «потому что въ головѣ ихъ бродилъ хмѣль, ослабляющій руки».

На слѣдующее утро битва возобновилась съ такимъ ожесточеніемъ, что самъ Анѣренъ не вытерпѣлъ и, бросивъ на землю арфу, въ порывѣ своего бѣшеннаго восторга, съ мечемъ въ рукѣ устремился въ самую средину сѣчи и завоевалъ бретонамъ побѣду, но попался въ плѣнъ и, скованный по рукамъ и по ногамъ, былъ брошенъ въ тем-

ную и сырую яму. Долго бы пришлось ему пробывать въ этомъ ужасномъ положеніи, если бы Кеневъ, сынъ Ливарха, не замѣтилъ его отсутствія и не заплатилъ дорогого выкупа «золотомъ, серебромъ и сталью» за его жизнь и свободу.

Пораженіе непріятеля въ этотъ день было рѣшительное; онъ отступилъ, оставивъ тѣла своихъ убитыхъ въ добычу волкамъ и хищнымъ птицамъ. Громко, весело выли надъ ними волки; а бретоны шумно пи-



Громко, весело выли надъ ними волки

ровали въ Кальтраезѣ, празднуя успѣхъ свой неводержнымъ употребленіемъ крѣпкаго меда.

Между тѣмъ, къ непріятелю, уже отступавшему, пришло подкрѣпленіе. Онъ вернулся подъ стѣны Кальтраеза, ворвался въ нихъ и окружилъ залу пиршества. Однакоже барды спасли на этотъ разъ бретонцевъ: они запретили пить медъ и запѣли военные пѣсни: осажденные взяли за оружіе и отразили нападеніе, послѣ долгой и трудной сѣчи.

Но на седьмой день, когда бретоны все продолжали пировать по прежнему и до того много выпили меда, что даже не слышали, какъ непріятель вторично ворвался въ крѣпость, сами барды не могли спасти ихъ. Напрасно

взывали они къ нимъ и умоляли взяться за оружіе, кричали, что непріятель приближается къ дверямъ. Опьянѣвшіе воины продолжали сидѣть за своими столами, не думая братья за оружіе. «Овенъ, Менезокъ и нѣсколько храбрыхъ вождей долго защищали входъ въ залу», го-



Смѣло и грозно упрекалъ онъ его при всѣхъ придворныхъ.

воритъ бардъ, «но тысячи шли за тысячами противъ нихъ, и зала наполнилась кровію бретонскихъ воиновъ, вмѣстѣ съ которыми погибла и послѣдняя надежда на спасеніе отечества отъ враговъ и на свободу».

Такъ заключаетъ Анѣренъ свою пѣснь объ осадѣ Кальтраеза, о гибели цвѣта бретонскихъ воиновъ. Изъ 363 вождей спаслось всего трое, успѣвшихъ очистить себѣ дорогу мечемъ, да онъ, спасенный своею арфою и сѣди-

нами. Но жизнь была въ тягость старому барду, пережившему своихъ близкихъ и принужденному уступить чужеземцамъ родной очагъ и поле. Онъ взялъ свою арфу и явился ко двору одного бретонскаго князя, неучаствовавшего въ общемъ союзѣ и безъ боя покорившагося врагамъ отчизны. Смѣло и грозно упрекалъ онъ его при всѣхъ придворныхъ въ трусости и низости. Его насмѣшки были колки и рѣзки. Въ ярости своей измѣнникъ приказалъ схватить барда и бросить въ темницу... Никто не рѣшался исполнить его приказаніе, а бардъ все продолжалъ пѣть. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ воиновъ, Эдинъ, желая угодить своему повелителю, бросился на стараго пѣвца и ударомъ боевого топора разрубилъ ему голову. Всѣ присутствовавшіе онѣмѣли отъ ужаса. Тяжко пало проклятіе современниковъ и отдаленнаго потомства на убійцу и его оружіе...

Замѣчательно, что Анѣренъ былъ первымъ бардомъ, который поднималъ мечъ рукою, бряцавшей на мирной и мудрой арфѣ. Судьба словно хотѣла наказать его за такое отступленіе отъ высокаго назначенія барда-пѣвца и въ лицѣ его, въ первый и въ послѣдній разъ во всей исторіи кельтовъ, бардъ палъ жертвою убійцы, непобоявшагося поднять на него оружіе.

V.

Ливархъ (или, чаще, Ливархъ-Хенъ, то есть Ливархъ старый) родился въ концѣ V вѣка (около 480 года), на сѣверѣ, среди лѣсовъ Аргоеда, гдѣ царствовалъ его отецъ Элидиръ, гдѣ онъ самъ долженъ былъ впослѣдствіи царствовать. Съ сѣвера отправился онъ въ молодости своей для воспитанія на югъ, ко двору друга Элидинова, Эрбина, короля корнваллійскаго.

По бретонскому обычаю, всѣ молодые воспитанники находились при дворахъ подъ покровительствомъ наслѣд-

ника престола, почему и помѣщались на его половинѣ вмѣстѣ съ главнымъ бардомъ, занимавшимся ихъ воспитаніемъ. Герентъ, старшій сынъ Эрбина, полюбилъ отъ души молодого Ливарха, почти не разставался съ нимъ и рѣшился даже взять его съ собою въ походъ противъ Порты, начальника саксонцевъ, высадившихся на берегу Корнваллиса.

Ливархъ былъ тогда еще очень молодъ: ему было лѣтъ 16. Страшное кровопролитіе, которое приходилось ему видѣть въ первый разъ въ жизни, груды труповъ блескъ и стукъ оружія, испуганные кони, покрытые бѣлою пѣной и бѣшено скакавшіе по тѣламъ павшихъ воиновъ, — однимъ словомъ, вся многосторонняя и ужасная картина битвы произвела на воображеніе юноши такое сильное впечатлѣніе, что онъ превосходно воспѣлъ побѣду бретоновъ при Лонгбортѣ *) и смерть своего молодого покровителя Герента, который, по его выраженію, палъ въ битвѣ, но своимъ паденіемъ раздавилъ саксовъ.

По смерти Герента, Ливархъ поступилъ въ касту бардовъ и хотѣ наследовалъ отцу своему въ правленіи Аргоедомъ, однакожъ, большую часть года проводилъ при дворѣ своего родственника, знаменитаго Уріена.

Это время, по его словамъ, было счастливѣйшимъ временемъ его молодости. Иноземцы боялись его оружія, подданные любили, женщины хвалили его красоту, храбрые удивлялись его силѣ и ловкости, всѣ заслушивались его пѣсенъ. «Пиръ, да пѣсни — въ нихъ протекла вся моя молодость», — говоритъ про себя бардъ.

Смерть Уріена была тяжкимъ ударомъ Ливархову счастью. «Бѣдствіе Уріена — мое бѣдствіе», — говоритъ бардъ въ своей элегіи на смерть этого доблестнаго князя. — «Хвалебныя пѣсни будутъ теперь рѣдко слышны изъ устъ моихъ, потому что Уріена нѣтъ болѣе!»

Междоусобныя войны и неудержимый напоръ чужеземцевъ-завоевателей лишили вскорѣ Ливарха его владѣній.

*) На мѣстѣ нынѣшняго Портсмута.

Онъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, долженъ былъ покинуть ихъ и пришелъ ко двору Кенделана, одного изъ валлійскихъ королей, просить себѣ убѣжища. Кенделанъ принялъ Ливарха чрезвычайно радушно, уважая его высокое званіе, преклонные годы и несчастье. Старый бардъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ ласковомъ приѣмѣ и почестяхъ, оказанныхъ ему добрымъ королемъ. Но бѣдствія преслѣдовали Ливарха: и подъ новымъ кровомъ не дали они ему покоя.

Кенделанъ вступилъ въ союзъ съ двумя другими королями, и въ 577 году, въ сраженіи съ саксами, войско его было разбито на голову, а онъ самъ палъ въ битвѣ, вмѣстѣ съ сыновьями Ливарха.

Въ одну ночь несчастный старецъ лишился и семьи, и крова. Въ своихъ пѣсняхъ онъ превосходно описываетъ эту



Съ той поры несчастный старецъ поселился въ шалашѣ

бѣдственную ночь, когда, склоняясь надъ гробомъ Кенделана, онъ оплакивалъ его смерть въ той самой залѣ, гдѣ еще незадолго слышны были звуки его арфы и шумъ пировъ, а теперь царствовали мракъ и мертвая тишина, которая нарушалась только крикомъ горнаго орла, жаждавшаго упиться недавно пролитой кровью.

Съ той поры несчастный старецъ поселился въ небольшомъ шалашѣ, на берегу рѣки Ди, невдалекѣ отъ аббатства Ланворскаго, гдѣ и теперь еще одна глухая и уединенная мѣстность называется его именемъ. Грустно было тамъ жить осиротѣвшему старику; только недугъ, скорбь,

да безсонница раздѣляли съ нимъ его тяжкую долю. «Я старъ, я одинокъ, я сгорбленъ, я хилъ теперь. Поддерживай меня, костыль мой! вѣдь не даромъ же зовутъ тебя вѣрнымъ другомъ слабѣющаго тѣла!» — восклицаетъ бардъ въ одной изъ пѣсенъ своихъ. Чаше всего вспоминалъ онъ въ своемъ уединеніи о храбрыхъ сыновьяхъ, павшихъ въ битвѣ, и въ горести своей не разъ восклицалъ, сидя на берегу рѣки и смотря на безпокойныя, шумныя волны: «Ударяй въ берегъ, волна! покрывай собою прибрежный песокъ! Горе тому, кто слишкомъ старъ, чтобы отмстить за смерть своихъ сыновей! Горе тому, кто теряетъ васъ, дѣти!» Не разъ предавался онъ вполне своему отчаянію и тщетно умолялъ смерть придти къ нему скорѣе, укорялъ ее въ измѣнѣ, проклиналъ ея медленность; не разъ въ своемъ пламенномъ поэтическомъ вдохновеніи призывалъ онъ небо, и землю, и тѣни погибшихъ героевъ отмстить врагамъ отчизны за смерть его дѣтей, за его бѣдствія, и горько оплакивалъ свое безсиліе...

Часто случалось, что въ эти-то горькія минуты за рѣкою раздавался съ колокольни аббатства Ланворскаго мѣрный и торжественный благовѣстъ, призывавшій иноковъ къ молитвѣ; часто даже легкій вѣтерокъ доносилъ до ушей стараго барда согласное и стройное пѣніе ихъ, долетавшее изъ оконъ церкви... Тогда мысли его какъ будто измѣнялись; на мгновеніе ему казалось, что онъ не одинъ, что и въ трепетныхъ, слабо дребезжавшихъ звукахъ колокола, и въ отрывкѣ священнаго пѣнія, долетавшемъ до него, слышалось что-то знакомое, почти родное и сладостно примирительное.

Иноки ланворскіе изрѣдка посѣщали Ливарха, предлагая ему свою помощь, желая пріютить безпріютнаго подъ кровомъ святой обители; но онъ каждый разъ отвѣчалъ на всѣ ихъ увѣщанія: «я старъ, мнѣ ничего вашего не надо; мнѣ нужна одна могила».

Подъ конецъ однакоже мысль о Богѣ, какъ единственной опорѣ и надеждѣ всякаго страждущаго, всякаго удру-

ченнаго и бѣдствіями и годами, привлекла все вниманіе Ливарха; только въ ней привыкъ онъ видѣть облегченія своей горести и въ послѣдней своей пѣснѣ говоритъ: «мои слезы и вздохи ясно доказываютъ мнѣ, что Богъ не даетъ счастья горделивымъ, что все на свѣтѣ обманчиво, кромѣ милосердія Божія, только въ немъ нельзя обмануться!»

Преданіе утверждаетъ, что незадолго до своей смерти онъ обратился къ Богу, поступилъ въ число ланворскихъ иноковъ и былъ погребенъ въ ихъ обители: и дѣйствительно, имя его было недавно открыто и прочтено на стѣнѣ трапезы этого древняго аббатства.

Прошло много вѣковъ. Отъ могущественнаго племени кельтовъ остались незначительные обломки въ разныхъ углахъ европейскаго материка. Исчезли барды и ихъ законы; но слава ихъ продолжала жить въ народѣ, и примѣръ ихъ не разъ одушевлялъ многихъ любовью къ истинѣ и справедливости.

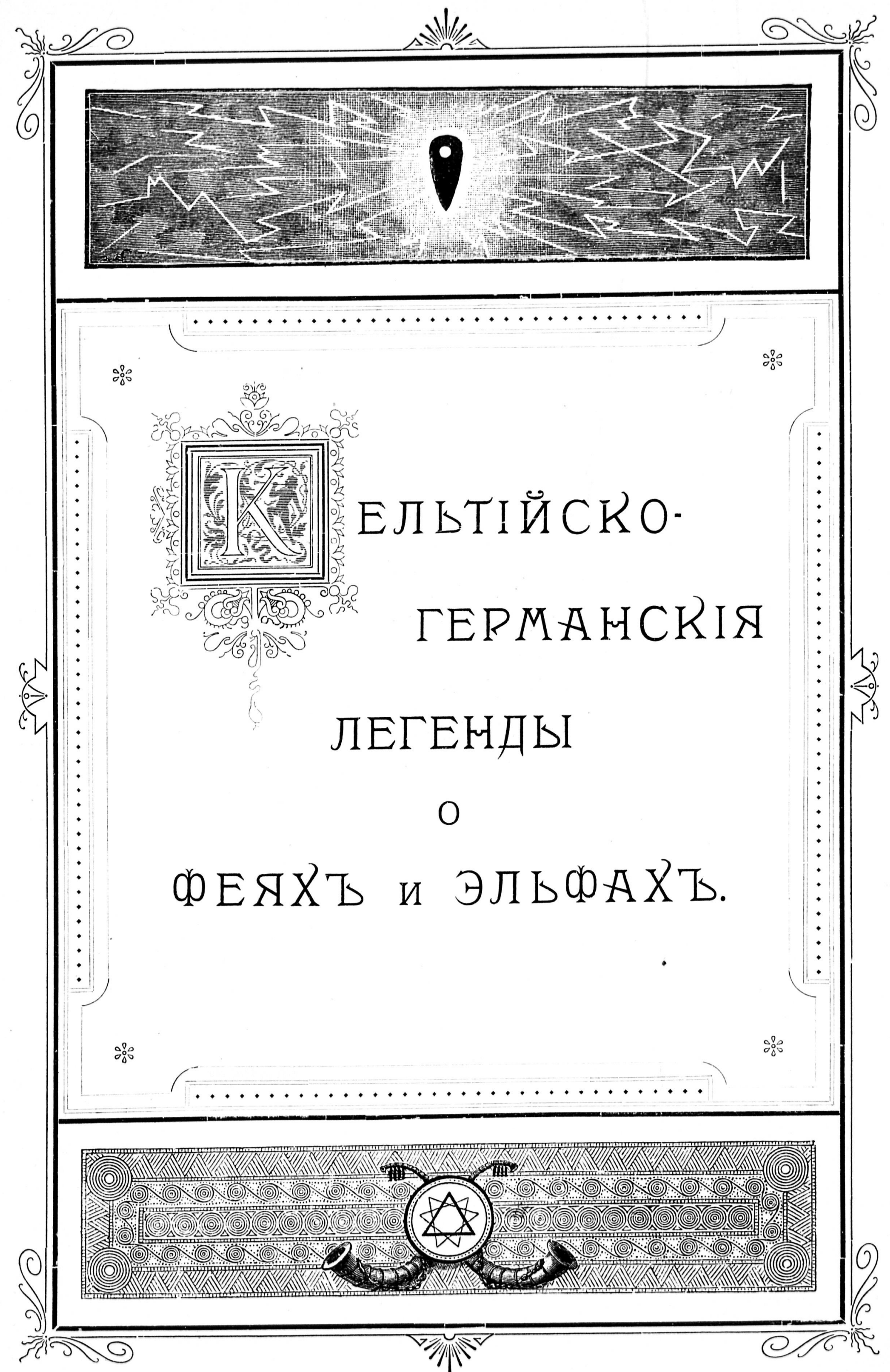
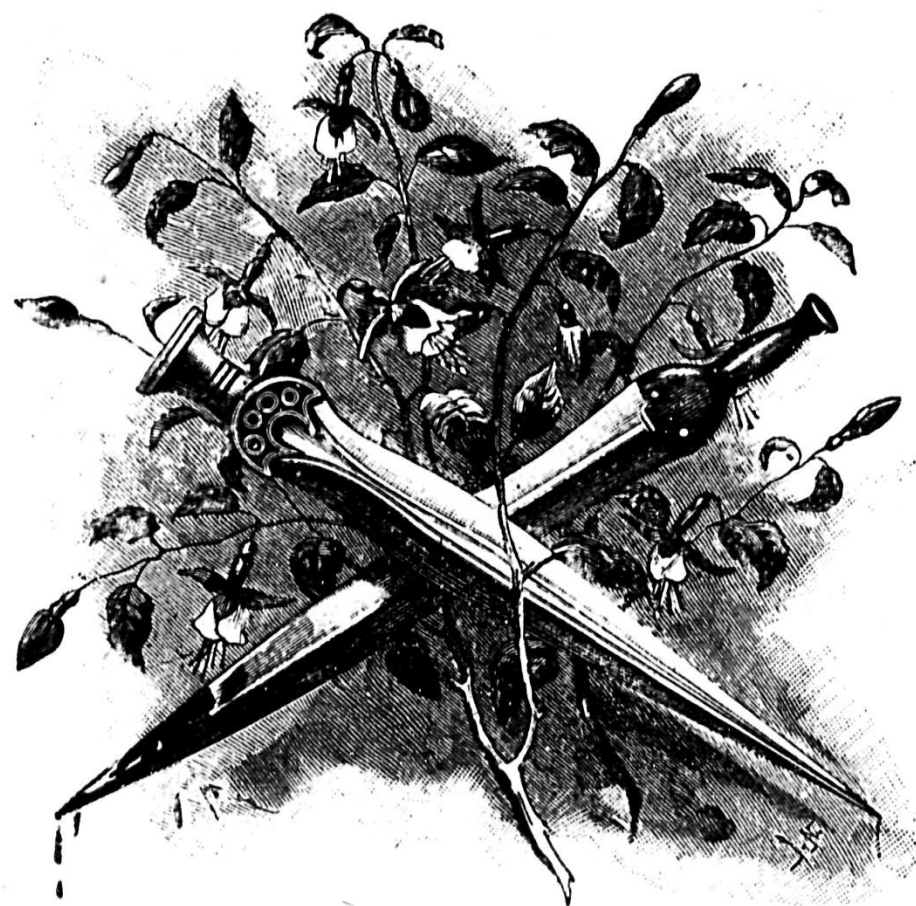
Король англійскій Генрихъ VIII, желая ввести поскорѣе реформацію въ своихъ владѣніяхъ, жестоко преслѣдовалъ несчастныхъ католиковъ и всѣми мѣрами принуждалъ ихъ принять новую форму религіи, отказаться, противъ воли, отъ старыхъ убѣжденій. Въ одинъ теплый лѣтній вечеръ, когда Генрихъ VIII сидѣлъ у окна своего Виндзорскаго замка, къ воротамъ его подошелъ дряхлый, слѣпой старикъ и сталъ что-то пѣть подъ звукъ арфы. Король пожелалъ узнать, кто онъ такой, и, услыхавъ, что старый пѣвецъ величалъ себя бардомъ, велѣлъ подозвать его къ своему окну, заставилъ пѣть и приказалъ переводить себѣ слова его пѣсни. И что же сталъ ему пѣть старикъ? Твердымъ и торжественнымъ голосомъ произнесъ онъ слѣдующіе стихи Таліезина:

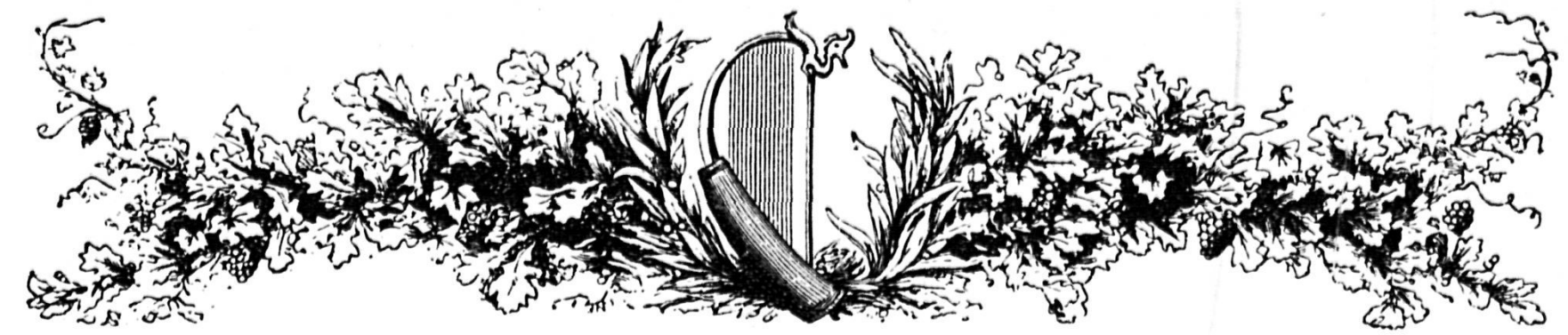
«Я скажу вашему королю, что съ нимъ приключится: вонъ поднимается на морѣ страшное диво; оно несется

сюда наказать несправедливость Мельгуна, короля гвенедскаго, котораго лицо и волосы, и глаза пожелтѣютъ какъ золото; оно приходитъ умертвить Мельгуна, короля гвенедскаго!»

Разгнѣванный король приказалъ казнить старика лютою казною, и тотъ пошелъ на смерть съ улыбкой.

Видно, и тогда еще живъ былъ въ народѣ древній духъ бардовъ.





I.

И вижу я подъ землею,
И есть у меня, подъ камнемъ, жилье.
Эдда, Альвисъ Маль, 3.

Эльфы, карлики и трольды.— Ихъ происхожденіе и образъ жизни, богатства. Страсть эльфовъ къ музыкѣ и пляскѣ; занятія искусствами и ремеслами.— Одежда эльфовъ; ихъ нравы и обычаи, пороки и добродѣтели.—

Переселеніе эльфовъ.

Въ большей части Европы до сихъ поръ еще чрезвычайно распространены вѣрованія въ совершенно отдѣльный міръ маленькихъ невидимыхъ существъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ фей и эльфовъ. Эти вѣрованія съ далекаго скандинавскаго сѣвера сильными лучами расходятся во всѣ стороны. Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ болѣе лучи слабѣютъ, теряютъ свои разнообразные цвѣта и оттѣнки и, наконецъ, совершенно замираютъ въ Альпахъ. Послѣ Швеціи, Даніи, Норвегіи и Исландіи всего сильнѣе вѣрятъ въ фей и эльфовъ на западѣ, у кельтовъ (бретонцевъ, шотландцевъ, валлійцевъ, ирландцевъ) и у смѣшаннаго Кельто-германскаго населенія острововъ Шэтландскихъ, Оркадскихъ и Гебридскихъ; затѣмъ въ сѣверной и сѣверо-западной Франціи, и опять крайнею границею на югѣ являются Пиринеи, какъ Альпы въ Германіи.

Гдѣ вѣрятъ въ эльфовъ, тамъ народъ ихъ всюду видитъ или слышитъ: одни изъ нихъ, по понятіямъ его, населяютъ дремучіе лѣса, топкія болота, поля, холмы и горы; другіе — воды рѣкъ, озеръ, морскихъ заливовъ и проливовъ; третьи селятся ближе къ людямъ: въ подпольяхъ, на сѣновалахъ, въ хлѣвахъ и глубокихъ погребяхъ.

Поселяне считаютъ жизнь свою тѣсно связанною съ существованіемъ эльфовъ, а самихъ себя — въ строгой зависимости отъ ихъ произвола, и на этомъ основаніи часто обвиняютъ эльфовъ въ томъ, что происходитъ отъ ихъ собственной безпечности или неосторожности. Пропадетъ-ли корова или лошадь, говорятъ: «это эльфомъ она понадобилась! это они ее подцѣпили!». Прольютъ-ли чтонибудь на полъ, разобьется-ли какаянибудь посуда — все эльфы виноваты: они подтолкнули! Попадется-ли на пашнѣ камень подъ плугъ земледѣльца, онъ со злостью схватитъ его и швырнетъ въ сторону, ворча себѣ подъ носъ: «проклятый эльфъ, — и тутъ суется подъ ноги!» А ужъ если кого пришибетъ параличъ, или отнимется у когонибудь нога, такъ и говорить нечего: каждая смышленная старуха скажетъ вамъ на ушко: «да что вы, сударь, думаете, это и вправду у него, какъ ваши доктора говорятъ, нога отнялась? Какое тутъ отнялась! Видимое дѣло, что эльфы у него ногу отрѣзали, да вмѣсто нея и приставили деревянную; а все потому, что, вѣрно, имъ чѣмънибудь не угодилъ, бранилъ ихъ, можетъ быть, — вотъ они себя и показали!» Что дѣлать! видно, такъ ужъ человѣкъ устроенъ, что для облегченія всегда старается обвинить въ своемъ горѣ другихъ.

Наивная и богатая фантазія народа, населивъ всю окружающую природу легкими и изящными образами фей и эльфовъ, создала множество прелестныхъ легендъ, въ которыхъ рассказывается объ ихъ жизни и дѣятельности, о томъ, какъ они вредятъ людямъ или стараются быть имъ полезными, о томъ, какъ они награждаютъ добро-

дѣтель или наказываютъ порокъ, какъ проводятъ время въ свѣтлые лѣтніе вечера, либо осеннею, бурною ночью, обманываютъ запоздалаго путника, являясь ему въ блѣдныхъ и игривыхъ блудящихъ огоньковъ.

О происхожденіи эльфовъ рассказывается различно. Въ Эддѣ оно тѣсно связывается съ исторіею всего мірозданія и различаются два главные разряда эльфовъ: альфы — бѣлые, свѣтлые, добрые эльфы, и дворги — мрачные и угрюмые, хитрые карлики. Любопытно прослѣдить въ Эддѣ весь рассказъ о сотвореніи міра и всего, что въ немъ существуетъ:

«Въ началѣ ничего не было, кромѣ Гинунгагапа — зіяющей пропасти. На сѣверѣ отъ нея лежалъ Нифльгеймъ (страна тумана), въ серединѣ котораго билъ ключъ Хвергельмиръ (кипучій); изъ него текли во всѣ стороны рѣки Эливагаръ (бурные потоки). На югѣ Гинунгагапа лежала огненная страна Муспелъ, гдѣ все пылало и горѣло страшнымъ жаромъ.

Когда рѣки Эливагаръ уже значительно удалились отъ своего истока, такъ что ядовитая влага, заключавшаяся въ струяхъ ихъ, стала застывать, онѣ покрылись льдомъ; туманъ опускался на этотъ первый слой льда, обращался въ иней и образовывалъ потомъ новый ледяной слой. Такъ къ сѣверу отъ Гинунгагапа накоплялось все болѣе и болѣе льда и вѣчно царствовали тамъ бури и непогоды.

Между тѣмъ, южная сторона Гинунгагапа освѣщалась и согрѣвалась перелетающими изъ Муспеля искрами. Эти искры оживляли и самый ледъ; онъ сталъ подтаявать и произошелъ изъ него великанъ Имиръ.

Этотъ Имиръ, едва появившись на свѣтъ, заснулъ, и потъ сталъ съ него лить крупными каплями: тогда изъ ногъ его родился сынъ, Трудгельмиръ, такой же великанъ, какъ и онъ самъ. Отъ него пошло поколѣніе великановъ.

Ледъ, между тѣмъ, продолжалъ таять, и изъ него вышла корова Аудгумла, молокомъ которой Имиръ сталъ

питаться. Сама же она питалась тѣмъ, что лизала соленыя ледяныя глыбы. Лизала она ихъ одинъ день — изъ нихъ показались чьи-то волосы; лизала ихъ другой день — явилась уже цѣлая голова: лизала третій день — и изъ-подо льдовъ вышелъ человѣкъ, прекрасный собою, рослый и сильный: то былъ Бури. Его внуки: Одинъ, Вили и Ве, напали на великана Имира, умертвили его, бросили въ Гинунгагапъ и создали изъ тѣла его весь міръ: изъ крови — море и воды, изъ мяса — землю, изъ костей — горы, изъ зубовъ — камни, изъ мозга — облака, а изъ черепа — небесный сводъ».

Далѣе говорится подробно о каждой части вселенной, о свѣтилахъ, о морѣ, наконецъ о созданіи первыхъ людей изъ деревьевъ; но объ эльфахъ упоминается только вскользь, такъ что созданіе ихъ можно считать одновременнымъ съ созданіемъ человѣка. Что же касается до карликовъ, то о нихъ очень ясно говорится слѣдующее:

«Боги, возсѣдая на своихъ престолахъ, держали совѣтъ и разсуждали о томъ, какъ карлики впервые зародились въ пыли, подъ землею, подобно червямъ, которые заводятся въ мясѣ, ибо карлики вначалѣ были созданы въ мясѣ Имира и были въ немъ червями; но, по волѣ боговъ восприняли въ себя часть человѣческаго разума и наружный видъ людей».

Вотъ единственное преданіе о происхожденіи одного изъ главнѣйшихъ отдѣловъ маленькаго невидимаго міра, дошедшее до насъ въ своей древней формѣ. Всѣ остальные преданія явно измѣнены вліяніемъ христіанства. Всего замѣчательнѣе исландское:

«Ева, обмывая однажды дѣтей у источника, была внезапно позвана Богомъ. Она очень испугалась и спрятала въ сторонѣ тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыя еще не были вымыты. Богъ спросилъ ее: «всѣ ли дѣти твои здѣсь?» — «Всѣ», отвѣчала смущенная Ева. Тогда Богъ сказалъ ей: «Скрытое отъ меня и отъ людей будетъ скрыто». — Спрятанныя въ сторонѣ дѣти были тотчасъ же отдѣлены Бо-

гомъ отъ остальныхъ и стали мгновенно невидимы. Прежде начала потопа Богъ загналъ ихъ въ пещеру и завалилъ входъ въ нее камнемъ. Отъ нихъ-то послѣ потопа произошли эльфы и всѣ сверхъестественныя существа».

Даже у кельтовъ преданіе о происхожденіи эльфовъ не сохранилось уже въ своей древней формѣ: шотландцы и ирландцы производятъ своихъ фей и эльфовъ отъ тѣхъ ангеловъ, которые нѣкогда соблазнены были дьяволомъ и за то вмѣстѣ съ нимъ низвергнуты съ неба. Валлійцы и бретонцы производятъ своихъ фей еще страннѣе: первые — отъ языческихъ жрицъ, будто бы осужденныхъ Богомъ вѣчно скитаться на землѣ; вторые полагаютъ родоначальницами своихъ фей тѣхъ принцессъ язычницъ, которыя не захотѣли принять слова Божія отъ первыхъ появившихся въ Арморикѣ *) христіанскихъ проповѣдниковъ.

Согласно съ Эддою, многія народныя преданія также дѣлятъ эльфовъ на свѣтлыхъ и мрачныхъ, приписывая первымъ всевозможныя добрыя качества и красоту, а послѣднихъ представляя себѣ въ видѣ злыхъ, безобразныхъ и угрюмыхъ карликовъ. Тѣ и другіе раздѣляются, въ понятіи народа, по своему названію, по образу жизни и по выбору занятій. Первыхъ обыкновенно называютъ общимъ собирательнымъ именемъ добрыхъ людей и мирныхъ сосѣдей, тихимъ народомъ и жителями холмовъ. За вторымъ разрядомъ почти всюду сохранилось древнее названіе карликовъ (*dwegar, zwerge*) и трольдовъ.

Народъ представляетъ себѣ житіе ихъ чрезвычайно привольнымъ: въ немъ все время дѣлится постоянно между любимыми занятіями и самымъ шумнымъ, необузданнымъ весельемъ. Всѣ они живутъ либо отдѣльными большими семьями въ холмахъ, либо цѣлыми народами въ особыхъ, подземныхъ государствахъ. Государства эти обыкновенно состоятъ изъ огромныхъ очаровательнѣйшихъ волшебныхъ садовъ, по которымъ текутъ прозрачныя ручейки въ зо-

*) См. выше стр. 323, въ примѣчаніи.

лотыхъ и серебряныхъ берегахъ, гдѣ круглый годъ красуются цвѣты, поютъ райскія птицы, гдѣ вмѣсто солнца, мѣсяца и звѣздъ ярко горятъ самоцвѣтные камни, гдѣ въ воздухѣ вѣчно носятъ звуки дивно-прекрасной, неземной музыки.... Кто бывалъ въ ихъ холмахъ — а это въ старину, по разсказамъ стариковъ, было вовсе не рѣдкостью — тотъ надивиться, налюбоваться не могъ тѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ, которые тамъ видѣлъ: вездѣ золото, серебро, парчи да бархаты и такое множество свѣчъ, что въ холмѣ, какъ днемъ, свѣтло. Вообще жить въ довольствѣ эльфамъ нетрудно, потому что денегъ у нихъ куры не клюютъ. Въ Даніи многіе поселяне разсказываютъ, что не разъ случалось имъ видѣть издали, какъ эльфы, готовясь къ какому нибудь празднику, поднимали верхушки своихъ холмовъ на красные столбы и суетливо передвигали съ мѣста на мѣсто сундуки полные денегъ, хлопали ихъ крышками или звонко пересыпали червонцы изъ мѣшка въ мѣшокъ.

Если вы спросите шотландца, гдѣ живутъ эльфы, онъ укажетъ вамъ на холмы и разскажетъ притомъ подробно, что и окна, и двери и трубы есть у ихъ подземныхъ жилищъ, какъ у его собственной хижины; только все это искусно скрыто отъ глазъ людей подъ видомъ какихъ нибудь скважинъ, разсѣлинъ и углубленій. «А если бы вы могли видѣть этотъ холмъ въ темную ночь — прибавилъ наивный разскащикъ — тамъ вы ясно различили бы и окна, и двери: онѣ тогда бываютъ изнутри ярко-преярко освѣщены, и даже издали явственно слышно, какъ они тамъ хохочутъ и веселятся. Только не приведи васъ Богъ вечеромъ близко подойти къ такому нечистому мѣсту! Къ этимъ холмамъ вечеромъ такъ тянетъ, что никакъ на мѣстѣ устоять нельзя! Особливо, услышишь, какъ они тамъ пляшутъ да веселятся, непременно захочешь зайти къ нимъ поплясать; а позабылъ перекреститься, вотъ и пропадешь ни за что! Много такихъ случаевъ было; вотъ хоть бы лѣтъ сто тому назадъ, при моемъ прадѣдѣ, случилось, шелъ

мимо холмовъ работникъ одного фермера и видитъ, что двери въ нихъ настежь отворены, а черезъ двери видно, какъ они тамъ пляшутъ да прыгаютъ, и освѣщено все внутри, какъ днемъ, и издали слышенъ смѣхъ, говоръ и музыка. Его все это ослѣпило и удивило. Сталъ онъ под-



Сталъ онъ подходить къ холмамъ поближе

ходить къ холмамъ поближе, а его къ нимъ больше и больше тянетъ; онъ было испугался и поднималъ уже руку, чтобы перекреститься, какъ вдругъ самая красивая изъ всѣхъ женщинъ, плясавшихъ въ холмѣ, подбѣжала къ нему и поцѣловала его въ щеку. Тутъ онъ всю силу потерялъ: эльфы его окружили, и всю ночь повеселился

онъ съ ними. Чтоже бы вы думали? вѣдь совсѣмъ разума лишился: все только на себѣ то платье, то волосы рветъ, да назадъ въ холмы къ эльфамъ просится. Такъ онъ до самой смерти сумасшедшимъ и остался».

Много ходить по Шотландіи разныхъ легендъ о томъ, какъ гибли люди, увлеченные легкомысліемъ или корыстью въ подземные хоромы эльфовъ. Рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующее о двухъ музыкантахъ:

«Въ одномъ бѣдномъ шотландскомъ городкѣ жили два музыканта. Оба были ребята молодые и веселые, оба съ дѣтства были дружны и жили въ своей глуши припѣваячи. Да и какъ было имъ не жить припѣваячи? Всѣ ихъ къ себѣ наперерывъ зазывали, кто на свадьбу, кто на сельскій праздникъ; кто на новоселье, потому что никто на пятьдесятъ миль кругомъ не умѣлъ такъ славно заставить всѣхъ плясать по своей дудкѣ, какъ эти два весельчака. Бывало, примутся они играть джигъ, такъ даже у стариковъ всѣ суставы заходятъ, ноги не стоятъ на мѣстѣ, — такъ и просятся плясать! А про молодежь и говорить нечего: плясала, бывало, подъ ихъ музыку до упаду, пока сердце не замретъ, да голова не закружится! Очень понятно, что для такихъ мастеровъ своего дѣла никто не жалѣлъ ни денегъ, ни подарковъ, ни крѣпкаго виске *). Многіе заслушивались ихъ, и бывало шутя, подъ веселую руку, спрашивали: «ужъ вы, полно, не у эльфовъ-ли и музыкѣ-то выучились!» А они, бывало, въ отвѣтъ только посмѣиваются. Однажды (дѣло было подъ вечеръ) явился къ нимъ какой-то господинъ, очень маленькаго роста и съ ногъ до головы окутанный зеленымъ плащомъ. Онъ нанялъ ихъ на всю ночь и предложилъ очень большую цѣну, съ условіемъ, чтобы они его не спрашивали, куда имъ идти, а немедленно слѣдовали за нимъ. Нашимъ молодцамъ и въ голову не пришло, что въ этомъ то условіи и кроется что-то недоброе. Они тотчасъ согласились

и пошли за незнакомцемъ. Когда они вышли за городъ, ужъ совсѣмъ стемнѣлось. Маленькій незнакомецъ повелъ ихъ въ сторону отъ большой дороги, такими тропинками, которыя, какъ имъ было извѣстно, не вели ни къ какому жилью. Шли они, шли и пришли наконецъ къ холмамъ, про которые носились въ народѣ всякіе недобрые слухи. Незнакомецъ подошелъ къ одному изъ холмовъ, ударилъ въ него ногою, и вдругъ передъ ними явилась настѣжь отворенная дверь, и яркій свѣтъ широкою трепетною полосою пролился изъ-за нея на музыкантовъ, и послышался неясный говоръ множества маленькихъ звонкихъ голосковъ, подобный жужжанію пчелинаго роя. Музыканты переступили черезъ порогъ и разомъ очутились на серединѣ огромной, великолѣпно-убранной и освѣщенной залы, въ густой толпѣ какихъ-то прелестныхъ маленькихъ существъ. Между ними замѣтили они мужчинъ, въ какихъ-то странныхъ колпачкахъ, и женщинъ съ прекрасными кудрями по плечамъ; всѣ были одѣты въ одинаковыя зеленые платья. Вся толпа привѣтствовала музыкантовъ радостными кликами и очень ласково просила ихъ играть. Бѣдняки поняли, что попали къ эльфамъ, и были такъ испуганы, такъ подавлены всѣмъ, что видѣли и слышали, что сначала совсѣмъ растерялись; наконецъ, собравшись съ духомъ, они молча переглянулись и заиграли одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ народныхъ танцевъ. Едва только раздались первые звуки музыки, какъ вся окружавшая ихъ толпа быстро раздѣлилась на пары и пустилась плясать такъ граціозно, стройно, весело, какъ музыкантамъ въ жизнь свою не случилось видѣть, хоть они наперечетъ знали всѣхъ лучшихъ плясуновъ въ околдкѣ. Ими стала мало по малу овладѣвать веселость, все оживлявшая кругомъ; они заиграли громче, живѣе — все около нихъ закружилось, запрыгало, замелькало, сплеталось и расплеталось во множествѣ разнообразнѣйшихъ и прелестнѣйшихъ фигуръ. Наконецъ музыканты не выдержали и, продолжая играть, сами вмѣ-

*) Шотландское хлѣбное вино — національный напитокъ.

шались въ тѣсную толпу танцующихъ. Ихъ крикъ, говоръ, смѣхъ и очаровательная веселость словно удвоили силы музыкантовъ; они плясали и играли до упаду и хотя утомились до нелзя, однако же отъ души жалѣли, когда балъ кончился, маленькіе гости съ ними распростились и отпустили ихъ съ щедрой наградой. Они вышли на свѣжій воздухъ и словно очнулись отъ тяжелаго и глубокаго сна: ничего кругомъ себя они не узнавали. Гдѣ вчера еще они видѣли глушь да пустыри, тамъ теперь тянулись поля съ высокими и густыми хлѣбами; гдѣ вчера были рощи, тамъ ужъ не было ни деревца, а стояли на мѣстѣ ихъ фермы да фабрики; гдѣ вчера они перебирались въ бродъ черезъ рѣчку, тамъ теперь тянулась плотина и хлопотливо стучала мельница... Музыканты съ изумленіемъ взглянули другъ на друга и еще болѣе изумились, увидавъ на лицахъ своихъ морщины, а на головѣ сѣдые волосы. Пришли они въ свой городъ, оглянулись — ни одной знакомой улицы нѣтъ, и дома какъ будто не тѣ! Вошли въ церковь и не видятъ въ толпѣ ни одного знакомаго лица, ни одного знакомаго наряда; всѣ прихожане смотрятъ на нихъ съ изумленіемъ, иные указываютъ пальцами и шепчутся.... «Да что же это такое?» думаютъ про себя несчастные музыканты, боясь даже открыть другъ другу свои мысли. Началась служба, и едва только священникъ произнесъ первыя слова Евангелія, какъ оба старика-музыканта разсыпались въ прахъ и слѣдовъ ихъ не осталось».

Эльфы болѣе всего любятъ собираться хороводами въ свѣтлыя лунныя ночи на лугахъ и перекресткахъ: тамъ, взявшись за руки, пляшутъ они до первыхъ пѣтуховъ, подъ звукъ какого нибудь однообразнаго напѣва. Бѣда, если какой-нибудь неосторожный путникъ приблизится къ тому мѣсту, гдѣ они неутомимо предаются своему необузданному веселю: эльфы тотчасъ схватятъ его, заставятъ плясать съ собою и, конечно, заморятъ до полусмерти; а чуть только онъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе, такъ ему и въ живыхъ не бывать.

Музыку и музыкантовъ эльфы очень любятъ. Ихъ собственная музыка состоитъ изъ однихъ минорныхъ тоновъ и однообразно жалобна. Въ Норвегіи многіе пастухи наигрываютъ разные мотивы, которые называютъ музыкаю эльфовъ, и говорятъ, что имъ случалось послушать ихъ въ горахъ. «А то есть еще — рассказываютъ они — одинъ танецъ, музыку котораго мы всѣ очень хорошо знаемъ, только играть боимся».

— «Почему же?» спрашиваютъ ихъ иные.

— «А потому, что какъ ее заиграешь, такъ все кругомъ, — люди, и звѣри, и камни, — все запляшетъ, да и самъ не устоишь на мѣстѣ и будешь до тѣхъ поръ плясать, пока не догадаешься, проигравъ весь танецъ съ начала до конца, сыграть его потомъ съ конца до начала. До тѣхъ поръ все плясать будешь!»

Въ Ирландіи представляютъ себѣ музыку эльфовъ совершенно иною, какъ можно видѣть изъ слѣдующей очень извѣстной легенды:

«Близъ Гальтійскихъ горъ жилъ нѣкогда одинъ бѣднякъ, по имени Люсморъ, который добывалъ себѣ насущный хлѣбъ тѣмъ, что по лугамъ и лѣсамъ собиралъ для продажи разныя лекарственныя травы, въ которыхъ былъ большимъ знатокомъ. Худой и блѣдный, съ большимъ горбомъ на спинѣ, онъ былъ такъ безобразенъ, что всѣ смотрѣли на него съ отвращеніемъ и явно его избѣгали. Тяжело было ему жить! Случилось, что однажды вечеромъ Люсморъ тащился изъ города домой, въ свою одинокую лачужку. Настала ночь и луна ужъ всплыла на небо, а онъ все еще шелъ, и далеко еще ему было до дому; наконецъ, еле передвигая ноги отъ усталости, онъ рѣшился переночевать у подошвы холма Нокграфтонъ. Едва только онъ присѣлъ на траву, какъ услышалъ позади себя тихую и пріятную музыку; она походила на звукъ множества тоненькихъ голосковъ, которые сливались и перемѣшивались такъ, что выходилъ довольно стройный хоръ, хотя всѣ голоса пѣли на свой ладъ, безпрестанно повторяя два

слова: понедѣльникъ, вторникъ, понедѣльникъ, вторникъ, понедѣльникъ, вторникъ, потомъ смолкали на мгновенье и опять повторяли тоже самое. Люсморъ долго прислушивался, затаивъ дыханіе и не пропуская ни одного звука. Ему стало, наконецъ, ясно, что это поютъ эльфы въ холмѣ. Сначала онъ испугался, но потомъ слушалъ безпрестанно повторявшійся напѣвъ однообразной пѣсни эльфовъ и дослушался до того, что она ему прискучила. Когда эльфы чуть не въ сотый разъ пропѣли: понедѣльникъ, вторникъ, Люсморъ громко пропѣлъ: и среда, искусно поддѣлавшись подъ мелодію всей пѣсни. Эльфы пришли въ такой восторгъ отъ этого добавленія, что захотѣли тотчасъ же видѣть смертнаго, который такъ ловко поддѣлался подъ голосъ ихъ пѣсни. Люсморъ былъ вдругъ подхваченъ вихремъ и мигомъ очутился внутри холма, среди эльфовъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли на него, и все по-прежнему напѣвали свою однообразную пѣсню, съ особеннымъ удовольствіемъ повторяя слова, добавленные горбуномъ. Какъ ни была пріятна Люсмору такая честь, однакожь онъ долго не могъ придти въ себя отъ страха, тѣмъ болѣе, что эльфы сходились все тѣснѣе и тѣснѣе въ одну кучку, словно совѣщаясь о чемъ-то важномъ. Наконецъ, изъ этой кучки вышелъ одинъ эльфъ и, подойдя къ Люсмору, очень ласково проговорилъ:

Успокойся, нашъ Люсморъ!
Мы снимаемъ съ этихъ поръ
Горбъ съ твоей спины.
Разогнись, развеселись
И на горбъ свой погляди —
Его нѣтъ ужъ назади!

Едва только эльфъ проговорилъ это, какъ Люсморъ почувствовалъ себя на самомъ дѣлѣ чрезвычайно легко и хорошо: къ величайшему своему удовольствію, увидѣлъ онъ, что несносный горбъ, словно вязанка дровъ, сползъ на землю изъ-за его плечъ. Онъ отъ радости подпрыгнулъ чуть не на аршинъ, сталъ вытягиваться, шагать большими

шагами и, наконецъ, вдвойнѣ утомленный разнообразными впечатлѣніями этого дня, сладко заснулъ подъ музыку эльфовъ. Проснувшись, онъ увидалъ себя, по-прежнему, у подошвы Нокграфтонскаго холма, но уже безъ горба и съ ногъ до головы въ новомъ платьѣ. Можно себѣ представить его радость!

Прошло сколько-то времени. Слухъ о приключеніи Люсмора у эльфовъ разнесся далеко во всѣ стороны. У



Недолго пришлось ему ждать

одной старухи былъ сынъ, и злой, и глупый, съ большимъ горбомъ на груди. Услыхавъ отъ самого Люсмора подробный разсказъ о томъ, какъ и что было, старушка уговорила сына также попытать счастья у эльфовъ. Сынъ согласился; отвели его къ Нокграфтонскому холму и оставили тамъ на ночь одного. Недолго пришлось ему ждать. «Понедѣльникъ, вторникъ, понедѣльникъ, вторникъ и среда», раздалось вскорѣ изъ холма и стала, по-прежнему, однообразно и часто повторяться странная пѣсня эльфовъ. Сынъ старухи и не дожидался конца пѣсни, и

не заботился ни мало о томъ, чтобы, какъ Люсморъ, ловко поддѣлаться подъ общую мелодію, а просто собрался съ силами да и закричалъ во все горло: «и четвергъ тоже!» Эльфы страшно разгнѣвались на такое неуваженіе къ ихъ искусству и вдругъ, высыпавъ изъ холма толпою, окружили немзыкальнаго пѣвца. «Какъ смѣлъ ты испортить нашу пѣсню! какъ ты осмѣлился!» — кричали они. Потомъ одинъ изъ нихъ подошелъ къ нему и сказалъ отъ лица своихъ товарищей:

Мы за это отомстимъ,
Мы тебя накажемъ:
Другой горбъ тебѣ дадимъ —
На спину навяжемъ.
Ну же, дѣти, поскорѣй,
Горбъ ему несите
И приставьте половчѣй!..

Нѣсколько самыхъ дюжихъ эльфовъ принесли горбъ Люсмора, приставили его къ спинѣ испуганнаго сына старухи и, громко смѣясь, исчезли; а горбъ остался на спинѣ его, словно его крѣпко-на-крѣпко прибили къ ней гвоздями. На другое утро нашли бѣдняка запертво у подошвы холма, съ двумя горбами вмѣсто одного».

До такихъ продѣлокъ эльфы большіе охотники и хотя иногда бываютъ въ нихъ довольно жестоки, но, вообще говоря, свои милости и немилости распредѣляютъ очень справедливо.

Несмотря на всю свою любовь къ музыкѣ, эльфы терпѣть не могутъ колокольнаго звона и стали гораздо рѣже являться на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ всюду звонятъ въ колокола. Грома боятся эльфы еще болѣе, нежели колокольнаго звона: едва загремитъ онъ гдѣнибудь вдали, какъ тотчасъ же они всѣ попрячутся подъ землею; точно также невыносимъ для нихъ и барабанный бой, который они постоянно смѣшиваютъ съ громомъ. Люди во многихъ случаяхъ очень искусно пользовались этою боязнью, какъ видно изъ слѣдующей забавной датской легенды:

«Давно, очень давно, одинъ датскій арендаторъ жилъ въ большой дружбѣ съ трольдомъ, котораго холмъ находился на полѣ, принадлежащемъ арендатору. У арендатора родился сынъ, и захотѣлось ему пригласить къ себѣ трольда на крестины, чтобы выманить отъ него подарокъ, который тотъ, въ качествѣ богатаго гостя, долженъ былъ сдѣлать новорожденному. Пригласить трольда не мудрено; да что скажутъ на это другіе гости? Не хорошо. А не пригласи его — онъ обидится и подарка не дастъ — тоже нехорошо. Думалъ, думалъ арендаторъ и сталъ совѣтоваться со своимъ работникомъ; а тотъ былъ малый смысленый, выслушалъ его да и говоритъ: «Я такъ дѣло устрою, что и трольда не обижу, и подарокъ отъ него выманю». Когда настала ночь, работникъ взялъ большой мѣшокъ, подошелъ къ холму трольда, постучался — тотъ впустилъ его. Онъ тотчасъ же передалъ ему поклоны своихъ хозяевъ и отъ ихъ имени просилъ трольда сдѣлать имъ честь своимъ присутствіемъ на крестинахъ. «Поблагодари ихъ отъ меня», — сказалъ сильно польщенный трольдъ, — «да вотъ снеси отъ меня подарокъ новорожденному» — и сталъ изъ какого-то ящика сыпать червонцы въ мѣшокъ работника. — «Довольно-ли?» — спросилъ онъ его, отсыпавъ съ полмѣшка. — «Немногіе изъ гостей даютъ меньше, а многіе больше», — отвѣчалъ тотъ. — Трольдъ еще присыпалъ сколько-то и опять спросилъ: «Ну, довольно-ли теперь?» — «Да, почти всѣ гости даютъ столько же», равнодушно отвѣчалъ работникъ, замѣтивъ, что мѣшокъ еще не очень тяжель. Трольдъ схватилъ свой ящикъ съ деньгами и высыпалъ въ мѣшокъ все, что въ немъ оставалось. «Вотъ теперь довольно!» — сказалъ работникъ: — «никто не можетъ дать столько, и многіе даютъ гораздо меньше». — «Да кто же тамъ у васъ будетъ на крестинахъ, кромѣ меня?» — спросилъ самодовольно трольдъ. — «О! полонъ домъ всякой знати и важныхъ особъ!» — «Гм! Вотъ какъ! Ну, да вѣдь важныя особы пріѣзжаютъ поздно, а уѣзжаютъ рано; мнѣ, вѣрно, хоть за печкой мѣстечко найдется. Ну, а му-

зыка какая же тамъ у васъ будетъ?» — «Какая музыка? да одни барабаны». — «Барабаны!!!» — воскликнулъ испуганный трольдъ, — такъ ужь мнѣ у васъ быть не приходится! Благодарю хозяевъ за приглашеніе, и скажи, что мнѣ никакъ нельзя быть, потому что всѣ мы этихъ несносныхъ барабановъ боимся». Работникъ раскланялся и вышелъ изъ



холма со
своею тяже-
лою ношей».

Не въ однихъ
пляскахъ да музыкѣ
проходитъ время эль-
фовъ: они любятъ зани-
маться ремеслами и ужь за

Эльфы въ кузницѣ.

что берутся, то выполняютъ пре-
восходно. Занятія ихъ чрезвы-

чайно разнообразны, по словамъ легендъ: гдѣ населеніе занято горными работами, тамъ оно и эльфовъ считаетъ за отличнѣйшихъ рудокоповъ; гдѣ земледѣліемъ — тамъ эльфы являются хлѣбопашцами; гдѣ скотоводствомъ — тамъ и эльфы занимаются имъ успѣшно. Но почти вездѣ карликовъ и трольдовъ одинаково считаютъ искуснѣйшими кузнецами, которые способны ковать самую гибкую

и твердую сталь, либо выдѣлывать изъ золота и серебра такія мелкія вещи, которыя едва можетъ различить чело-
вѣческій глазъ. Преданія объ этомъ свойствѣ карликовъ чрезвычайно древни. Въ одной скандинавской сагѣ вотъ что объ этомъ рассказывается:

«Локи *), сынъ Лауфніара, изъ злости сорвалъ прекрасные волосы съ головы Сифы, жены громовержца Тора **). Увидавъ это, Торъ схватилъ Локи и навѣрно изломалъ бы ему всѣ кости, если бы тотъ не сталъ кричать и клясться, что заставитъ эльфовъ выковать для Сифы золотые волосы, которые будутъ расти на ея головѣ, какъ и прежніе. Тотъ отпустилъ его подъ этимъ условіемъ. Локи заказалъ эльфамъ сначала сдѣлать золотые волосы, затѣмъ складной корабль, которому, какъ его ни поворачивай, все бы дулъ въ паруса попутный вѣтеръ, да еще мечъ Гугниръ, наносившій въ бою смертельные удары при каждомъ взмахѣ. Получивъ все это отъ эльфовъ, Локи побился головой объ закладъ противъ карлика Броки, что его братъ Эйтри не съумѣетъ выковать три такія же вещи. Пошли они вмѣстѣ въ кузницу Эйтри, который тотчасъ приладилъ мѣха къ огню, бросилъ въ него кусокъ серебра и велѣлъ своему брату Броки раздувать мѣхами огонь до своего возвращенія. Эйтри вышелъ изъ кузницы, а Броки сталъ раздувать огонь; вдругъ прилетѣла муха, сѣла ему на руку и больно укусила ее. Однакожъ, Броки не обратилъ на это вниманія и продолжалъ свою работу, пока братъ не вернулся и не вынулъ изъ огня большого вепря съ серебряною щетиной. Этотъ вепрь могъ лучше всякой лошади бѣжать черезъ огонь и воду, и не было для него такого мрака, котораго бы онъ не могъ освѣтить своею серебряною щетиной. Затѣмъ Эйтри бросилъ въ огонь кусокъ золота, приказалъ безостановочно работать мѣхами до своего прихода и вы-

*) О Локи, одномъ изъ скандинавскихъ боговъ см. стран. 17-ую.

**) Другой скандинавскій богъ, богъ молніи и грозы.

шелъ. Опять та же муха укусила Броки въ затылокъ больнѣе прежняго; но онъ не оставлялъ своей работы до самаго прихода Эйтри. Тотъ вынулъ изъ огня большое золотое кольцо, которое могло въ каждую девятую ночь отдѣлять отъ себя восемь такихъ же большихъ и тяжелыхъ колецъ, какъ оно само. Наконецъ, Эйтри бросилъ въ огонь кусокъ желѣза и, выходя въ третій разъ изъ кузницы, сказалъ брату: «если ты теперь въ работѣ хоть на скольконибудь остановишься, то всѣ наши труды могутъ пропасть даромъ». Броки сталъ работать, и таже муха въ третій разъ укусила его въ лобъ; но на этотъ разъ такъ больно, что онъ бросилъ свою работу, быстро схватилъ муху и оборвалъ ей крылья, а мѣха, между тѣмъ, опустились. По счастью, Эйтри вошелъ тотчасъ же послѣ этого и объявилъ, что все находившееся въ огнѣ испортилось всего на одинъ волосъ. И вынулъ онъ изъ огня тяжелый молотъ Мьельниръ, имѣвшій то свойство, что, куда бы онъ ни былъ брошенъ, всегда вѣрно достигалъ своей цѣли и, какъ бы это ни было далеко, всегда самъ возвращался въ руки бросавшаго. Когда Локи и Броки представили свои вещи безсмертнымъ богамъ для оцѣнки и рѣшенія ихъ спора, всѣ боги единогласно объявили, что молотъ Мьельниръ былъ лучше всѣхъ остальныхъ вещей и Локи дорого заплатится за свою дерзкую похвальбу надъ умнымъ карликомъ».

Вообще въ средніе вѣка твердо вѣрили въ происхождение хорошихъ мечей и кольчугъ отъ карликовъ; много существуетъ разныхъ преданій о томъ, какъ они дарили любимцевъ произведеніями своихъ кузницъ. Такіе подарки всегда отличались какиминибудь особенными свойствами. Но бѣда, если подарки эти бывали вынужденными: карлики, въ отмщеніе, всегда умѣли надѣлять ихъ такими свойствами, что получившій ихъ, въ цѣлую жизнь свою, не могъ себѣ простить насилія, сдѣланнаго хитрому кузнецу-волшебнику. Вотъ, что рассказывается въ древней скандинавской сагѣ:

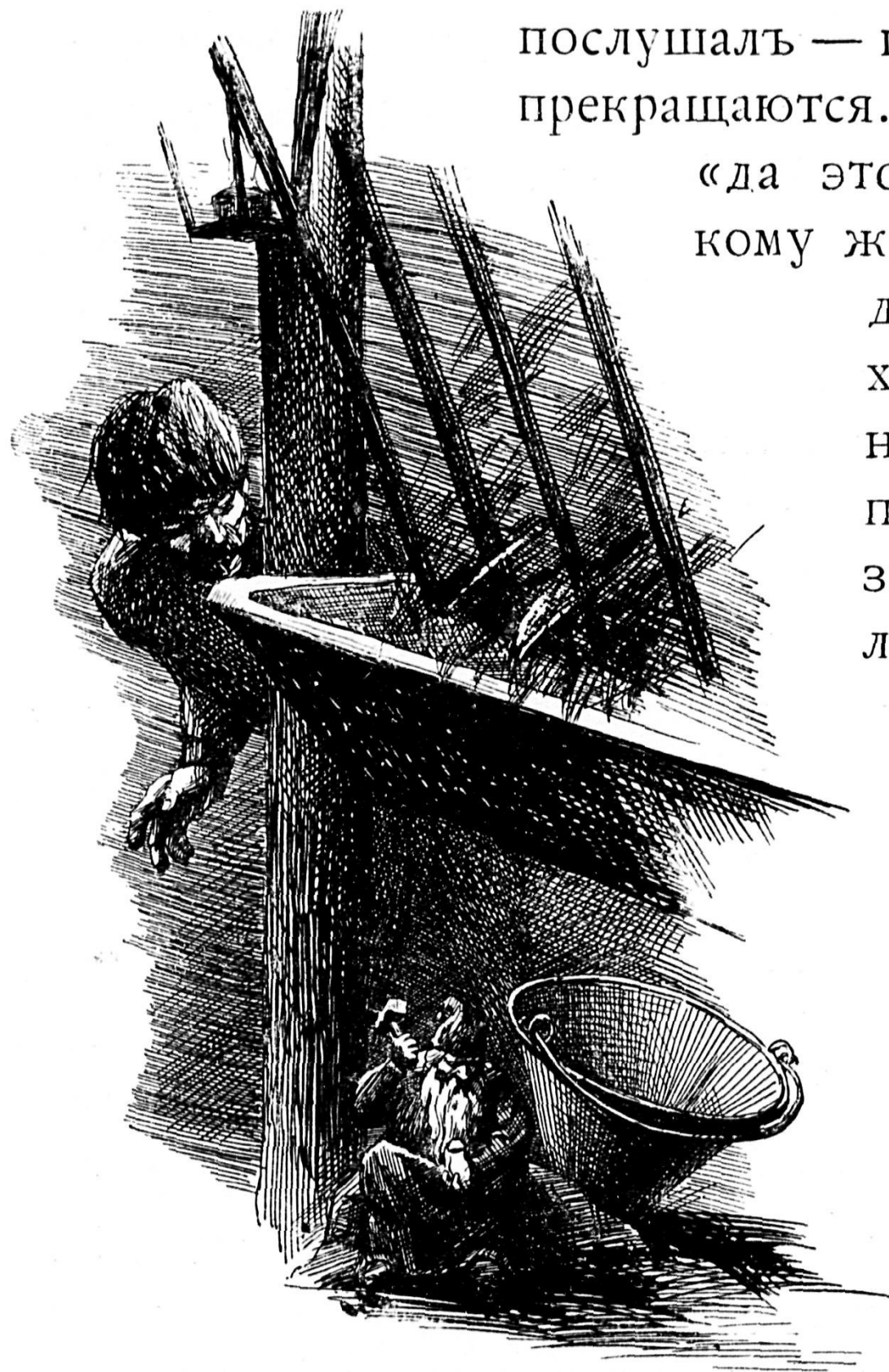
«Суафарлами, одинъ изъ потомковъ Одина, былъ однажды на охотѣ. Долго бродилъ онъ по лѣсу и не могъ попасть на слѣдъ какогонибудь звѣря; наконецъ зашелъ онъ въ такую глушь, изъ которой не зналъ какъ и выбраться. Направо отъ него былъ холмъ. Взглянувъ на него, Суафарлами увидѣлъ сидѣвшихъ передъ холмомъ двухъ карликовъ; тогда, выхвативъ свой тяжелый мечъ, онъ сталъ между ними и холмомъ и загородилъ имъ, такимъ образомъ, дорогу домой. Карлики взмолились о пощадѣ, предлагая ему за свою жизнь и свободу какой угодно выкупъ. Суафарлами отпустилъ ихъ, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они выковали ему мечъ, который бы не давалъ никогда промаха, разрубалъ бы сталь и желѣзо, какъ щепку, никогда не ржавѣлъ и постоянно приносилъ въ битвахъ и поединкахъ побѣду тому, въ чьихъ рукахъ находится. Карлики обѣщали выковать такой мечъ и назначили день, въ который Суафарлами долженъ былъ прійти за нимъ. Когда онъ явился въ назначенный день, карлики вынесли ему изъ холма чудный волшебный мечъ въ серебряныхъ ножнахъ, съ золотою рукояткою и цѣпью, на которой надо было его привѣшивать. «Вотъ тебѣ обѣщанное — сказали они Суафарлами — но знай, что этотъ мечъ убьетъ человѣка каждый разъ какъ будетъ обнаженъ, что черезъ него свершены будутъ три постыднѣйшія братоубійства и ты самъ будешь имъ убитъ». И все такъ точно сбылось, какъ предсказали карлики.

Всѣ кельты, сверхъ того, считаютъ карликовъ фальшивыми монетчиками, увѣряютъ, что мѣшочекъ, который всегда бываетъ привязанъ къ ихъ поясу, постоянно полонъ червонцами, и ужъ если кому удастся овладѣть такимъ сокровищемъ, тотъ до конца дней своихъ будетъ богатъ, какъ Крезъ.

Въ Ирландіи рассказываютъ много легендъ объ одномъ особенномъ видѣ карликовъ (кюрикауны), которые занимаются башмачничествомъ. Вотъ одна изъ такихъ легендъ:

«Какъ-то очень давно, одинъ ирландскій поселянинъ шелъ черезъ дворъ въ конюшню, чтобы задать своей лошади корму; подходитъ и слышитъ, что кто-то въ конюшнѣ пѣсенку поетъ, да словно молоточкомъ постукиваетъ: стукъ, стукъ, стукъ, стукъ, ну, точно какъ башмачники, когда башмаки тачаютъ. Онъ послушалъ — пѣнье и постукиваніе не прекращаются. «Э, э!» подумалъ онъ,

«да это навѣрно клюрикаунъ — кому же другому быть? Подкрадусь-ка я къ нему потихоньку, схвачу его, да отниму у него сумку, что онъ на поясѣ носитъ, — такъ тогда заживемъ!» Сказано, сдѣлано: тихохонько вошелъ



Тихохонько вошелъ поселянинъ
въ конюшню....

поселянинъ въ конюшню, подкрался къ тому стойлу, откуда слышна была пѣсня клюрикауна, заглянулъ въ него и видитъ, что у самыхъ ногъ его лошади сидитъ крошечный человѣчекъ, въ красномъ колпачкѣ, съ молоткомъ въ одной рукѣ, съ маленькимъ башмачкомъ въ другой, и преспокойно мурлычетъ себѣ подъ носъ пѣсенку. Поселянинъ осторожно нагнулся и ухватилъ клюрикауна обѣими руками. «Ну, теперь ужъ не уйдешь! — закричалъ онъ. — Не скупись, отдавай кошелекъ-то! ну!» — «Погоди, отдамъ — отвѣчалъ очень спокойно клюрикаунъ — дай мнѣ только отвязать его отъ пояса!» Поселянинъ сдуру и повѣрилъ ему, разставилъ руки, а тотъ засмѣялся да и пропалъ...

Только оставилъ онъ послѣ себя башмачекъ своего издѣлія, который поселянинъ съ горя сунулъ въ карманъ и сбылъ потомъ за сущую бездѣлицу».

Шотландцы и датчане почитаютъ эльфовъ хорошими строителями. Первые полагаютъ, что они построили всѣ тѣ сталактитовыя пещеры, которыми такъ богаты берега и прибрежные острова Шотландіи; послѣдніе приписываютъ имъ даже и постройку многихъ готическихъ церквей. Чрезвычайно замѣчательны шотландскія преданія о знаменитомъ архитекторѣ Михаелѣ Скоттѣ, дѣянія котораго такъ удивляли современниковъ, что даже обратились въ сказку для потомства. Онъ былъ любимцемъ эльфовъ: при ихъ помощи воздвигалъ онъ въ самое непродолжительное время то, чего другой не могъ бы построить въ нѣсколько лѣтъ. Но проворство помощниковъ было, съ одной стороны, очень невыгодно для Скотта: онъ долженъ былъ постоянно придумывать новые труды для своихъ сподвижниковъ, которые, въ случаѣ бездѣйствія, обѣщались его тотчасъ же покинуть. Скоттъ задавалъ имъ безпрестанно самыя тяжкія работы; но эльфы кончали ихъ за одинъ присѣстъ. Наконецъ, онъ придумалъ для нихъ такой трудъ, который ихъ совершенно озадачилъ: онъ велѣлъ имъ крутить изъ песку и щелока канатъ такой длины, чтобы по немъ можно было добраться до луны. Эльфы принялись за это дѣло, но при самомъ страшномъ трудѣ, могли скрутить очень немного такого каната; а Михаель Скоттъ обыкновенно пользовался этимъ и въ промежуткахъ между двумя работами постоянно напоминалъ имъ объ этомъ производствѣ. «Съ тѣхъ поръ — говоритъ преданіе — эльфы ужъ и не думали болѣе надъ Скоттомъ умничать».

У датчанъ также является въ преданіяхъ личность, очень похожая на Михаеля Скотта: это — знаменитый Эсбернъ Снаре. Про него рассказывается слѣдующее:

«Когда Эсбернъ Снаре началъ строить церковь въ Каллундборгѣ *), то вскорѣ увидѣлъ, что ему недостаетъ са-

*) Каллундборгъ лежитъ на о. Зеландіи.

